ЭБ
Р 26/136

26
136

СОЧИНЕНІЯ

ІУСТИНА,

ЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО И ЗАРАЙСКАГО
нынѣ
УФИМСКАГО И МЕНЗЕЛИНСКАГО.

ТОМЪ XI.

Чтенія о Новомъ Завѣтѣ. Палестинскіе вечера въ Рязани. Краткій историческій очеркъ нравственности. Какъ жить по указанію Псалмовъ. Нерукотворенный Образъ Всемилостивѣйшаго Спаса и поклоненіе Ему. Совѣтъ Господа нашего Іисуса Христа и Его завѣщаніе. О св. Василіи, Епископѣ Рязанскомъ. Св. Князь Рязанскій-Великомученикъ Романъ Ольговичъ. Разныя статьи религіозно-нравственнаго содержанія.

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василія.
1896.

А 219
А 268

СОЧИНЕНІЯ

ІУСТИНА,

ЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО И ЗАРАЙСКАГО
НЫНѢ
УФИМСКАГО И МЕНЗЕЛИНСКАГО.

М.П.М.

ТОМЪ XI.

Чтенія о Новомъ Завѣтѣ. Палестинскіе вечера въ Рязани. Краткій историческій очеркъ нравственности. Какъ жить по указанію Псалмовъ. Нерукотворенный Образъ Всемилостивѣйшаго Спаса и поклоненіе Ему. Совѣтъ Господа нашего Іисуса Христа и Его завѣщаніе. О св. Василіи, Епископѣ Рязанскомъ. Св. Князь Рязанскій-Великомученикъ Романъ Ольговичъ. Разныя статьи религіозно-нравственнаго содержанія.

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василія.
1896.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 20 февраля 1897 года.

Цензоръ, священникъ *Александръ Гиляревскій.*

2007041618

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Чтенія о Новомъ Завѣтѣ.

Стр.

I. О Новомъ Завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа. . . . 1—8.

II. Начало и развитіе христіанства, въ ученіи Спасителя и Апостоловъ. Іисусъ Христосъ; Его дѣйствія; Его проповѣдь. Апостолы и первые послѣдователи Іисуса Христа; ихъ назначеніе. Первоначальные благовѣстники Христовы. Отличительные черты ихъ апостольской и проповѣднической дѣятельности. Сходство и различіе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, по Апостольскому ученію. 9—17.

III. Происхожденіе апостольскихъ писаній. Языкъ, на которомъ проповѣдывали Апостолы и писали свои книги. О Боговдохновенности апостольскихъ писаній . . . . . 17—27.

IV. Исторія собранія новозавѣтныхъ книгъ, или исторія канона. Употребленіе апостольскихъ писаній: а) въ вѣкъ апостольскій; б) въ вѣкъ мужей апостольскихъ; в) въ концѣ II вѣка во времена гностической ереси . . . . . 28—35.

V. Состояніе апостольскихъ писаній, въ апостольскій вѣкъ; въ вѣкъ апостольскихъ мужей и періодъ апологетовъ, въ концѣ II вѣка; списокъ Мураторіи и кодексъ Пешито,—общій видъ канона въ концѣ II вѣка и писанія оспориваемыя; съ III до IV вѣка; исторія канона въ позднѣйшее время . . . . . 36—46.

VI. Судьба автографовъ.—Форма и видъ автографовъ и основанія для исторіи текста.—Самыя измѣненія текста; вліяніе употребленія книгъ Священнаго Писанія на измѣненіе текста.—Вліяніе на текстъ употребленія книгъ Священнаго Писанія для подтвержденія истинъ религіозныхъ.—Вліяніе на текстъ церковнаго употребленія книгъ Священнаго Писанія.—Измѣненія текста намѣренныя.—Вліяніе всѣхъ этихъ измѣненій на состояніе текста.—Древнее исправленіе текста . . . . . 47—52.

Стр.

VII. Исторія внѣшнихъ измѣненій текста. . . . . 53—60.
VIII. Исторія печатнаго текста. . . . . 60—68.
IX. Исторія перевода новозавѣтныхъ книгъ; происхожденіе переводовъ и значеніе ихъ въ научномъ отношеніи . . 68—78.
X. Исторія славянскихъ переводовъ . . . . . 78—88.
XI. Исторія толкованія новозавѣтныхъ книгъ. Книги Священнаго Писанія изъясняемыя первыми христіанами . . . 88—99.
XII. Занятіе толкованіемъ Священнаго Писанія въ VI вѣкѣ, въ восточной и западной Церкви . . . . . 99—108.
XIII. Вліяніе іудейской экзегетики XII вѣка на изученіе Священнаго Писанія . . . . . 109—116.
XIV. Заключительное . . . . . 117—123.

2. Палестинскіе вечера въ Рязани.

Вечеръ первый. Чтеніе вступительное . . . . . 127—130.
Вечеръ второй. Назаретъ. Рождество Пресвятыя Богородицы . 130—134.
Вечеръ третій. Горняя. Свиданіе Пресвятой Дѣвы Маріи съ праведною Елисаветою. . . . . 134—139.
Вечеръ четвертый. Бесѣды о приготовленіи къ срѣтенію Рождества Христова . . . . . 140—143.
Вечеръ пятый . . . . . 144—147.
Вечеръ шестый . . . . . 148—152.
Вечеръ седьмый . . . . . 152—157.
Вечеръ осьмой. . . . . . 157—162.
Вечеръ девятый. Наканунѣ Рождества Христова . . . . . 163—168.
Вечеръ десятый. Виѳлеемъ. Св. мѣсто Рождества Христова . . 168—[illegible].
Вечеръ одиннадцатый. Іорданъ. Святое мѣсто крещенія Господня 172—[illegible].
Вечеръ двѣнадцатый . . . . . 176—183.

3. Краткій историческій очеркъ нравственности.

Исторія нравственности.

I. Состояніе человѣческой нравственности до паденія . . . 187—189.
II. Состояніе нравственности человѣческой послѣ паденія . . 189—213.
а) въ періодъ патріархальный. б) во времена подзаконныя. в) въ періодъ Искупленія.
III. Ученіе отцевъ и учителей церкви о христіанской нравственности . . . . . 213—238.

4. Какъ жить по указанію Псалмовъ.

Какъ жить по указанію Псалмовъ . . . . . 241—271.

Стр.

5. Нерукотворенный образъ Всемилостиваго Спаса и поклоненіе Ему.

Нерукотворенный образъ Всемилостиваго Спаса . . . . . 275—300.

6. Совѣтъ Господа нашего Іисуса Христа и его завѣщаніе.

Совѣтъ Господа нашего Іисуса Христа каждому христіанину . 303—306.
Завѣщаніе Господа нашего Іисуса Христа . . . . . 306—321.

7. Сказаніе о святомъ Василіи, первомъ епископѣ Рязанскомъ.

Сказаніе о святомъ Василіи, первомъ епископѣ Рязанскомъ. Указъ изъ Св. Правительствующаго Синода, отъ 23 августа 1893 года, Преосвященному Іустину Епископу Рязанскому и Зарайскому . . . . . 325—333.

8. Святый благовѣрный князь Рязанскій, великомученикъ Романъ Ольговичъ.

Святый благовѣрный князь Рязанскій, великомученикъ Романъ Ольговичъ. Рожденіе и воспитаніе святаго Романа. Характеръ святаго Романа и его частная жизнь до вступленія на княжескій престолъ. Вступленіе князя Романа на Рязанскій княжескій престолъ. Страданія и кончина святаго Романа. Чествованіе святаго Князя Романа. . . . . 337—353.

9. Дѣтство и юность трехъ святителей.

Дѣтство и юность трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. . . . . 357—366.

10. „Внемли себѣ“.

„Внемли себѣ“ изъ бесѣды святаго Василія Великаго. . . . 369—382.

ЧТЕНІЯ

о

Новомъ Завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа.

Испытайте писаній (Іоан. 5, 39).

Чтеніе 1.

Испытайте писаній.... сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и тѣмъ обязалъ каждаго ученика своего заниматься Священнымъ Писаніемъ.

Изученіе Священнаго Писанія есть дѣло не только святое, но и въ высшей степени благоплодное—пріятное, полезное и необходимое; поэтому христіане, во всѣ времена Церкви Христовой, всегда считали и считаютъ главнымъ своимъ дѣломъ занятіе Священнымъ Писаніемъ.

1) Сообщеніе историческихъ свѣдѣній о книгахъ Священнаго Писанія, опредѣленіе способа ихъ изъясненія, дознаніе ихъ каноническаго достоинства появились въ самое раннее время первенствующей Церкви.—Составитель списка, извѣстнаго подъ именемъ списка—

Муратóрія, исчисляетъ только тѣ книги, которыя принимаются „въ Церкви Каѳолической“; кромѣ историческихъ свѣдѣній о писателяхъ книгъ, онъ излагаетъ въ общихъ чертахъ содержаніе книгъ и раздѣляетъ ихъ на три класса: а) Евангелія, б) Апостольскія писанія и в) пророческія книги.—*Тертулліанъ* совѣтуетъ тѣмъ, которые хотятъ увѣриться въ подлинности апостольскихъ писаній, обратиться къ Церквамъ, основаннымъ апостолами, въ которыхъ хранятся ихъ писанія.—Писатели III вѣка занимаются разрѣшеніемъ недоумѣній, бывшихъ касательно такъ называемыхъ *спорныхъ книгъ*. Въ комментаріяхъ IV вѣка помѣщаются предисловія, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о книгахъ изъясняемыхъ. Изъ V вѣка для насъ уцѣлѣло два прекрасныхъ научныхъ руководства: одно—къ изученію книгъ Священнаго Писанія, другое—къ правильному ихъ изъясненію. Первое извѣстно подъ именемъ „Синопсиса“ *святаго Аѳанасія* Александрійскаго; второе „Христіанская наука“ *блаженнаго Августина*. Въ Синопсисѣ Аѳанасія Александрійскаго, послѣ предварительнаго разсужденія о Ка́нонѣ и его главномъ составѣ, говорится о каждой книгѣ въ частности, ея писателѣ, ея главномъ содержаніи, затѣмъ—исчисляются книги *церковныя*, не вошедшія въ ка́нонъ, но пользовавшіяся уваженіемъ,—книги *апокрифическія;* оканчивается Синопсисъ замѣчаніемъ о греческихъ переводахъ Ветхаго Завѣта и книгахъ постороннихъ. „Христіанская наука“ блаженнаго Августина, состоящая изъ 4-хъ книгъ, въ первыхъ-трехъ занимается изложеніемъ условій, необходимыхъ для первоначальнаго пониманія и изъясненія книгъ Священнаго Писанія. Любовь къ собранію научныхъ свѣдѣній о книгахъ Священнаго Писанія продолжалось еще и въ VI вѣкѣ.—*Юлій*, епископъ

Африканскій, путешествуя по Востоку, слушалъ Павла Перскаго въ Низибійскомъ училищѣ. Здѣсь онъ познакомился съ наукою Священнаго Писанія, и по возвращеніи въ свое отечество, изложилъ ее въ двухъ книгахъ—„о частяхъ Закона Божія". Въ первой книгѣ говоритъ о книгахъ Священнаго Писанія, ихъ порядкѣ, числѣ, раздѣленіи и каноническомъ достоинствѣ; во второй—излагаетъ содержаніе книгъ Священнаго Писанія. Это—родъ краткаго, научнаго руководства къ изученію *Священнаго Писанія.—Кассіодоръ* сначала префектъ и сенаторъ, а подъ конецъ жизни—монастырскій отшельникъ, въ своемъ сочиненіи: „о установленіи Божественныхъ Писаній"—изложилъ родъ введенія въ библейскую Герменевтику... Съ упадкомъ образованія,—съ конца VI вѣка, прекратилась самостоятельная дѣятельность въ научномъ изученіи книгъ Священнаго Писанія. Въ спискахъ библейскихъ книгъ, въ VII—XII вѣка, помѣщались историческія свѣдѣнія часто безъ всякой критической повѣрки; но въ нихъ тщательно берегли всё, что сдѣлала древность для облегченія изученія книгъ Священнаго Писанія; въ нихъ помѣщаются, такъ называемыя, домашнія и церковныя дѣленія текста, археологическія замѣчанія о мѣстахъ трудныхъ для пониманія, замѣчанія объ историческихъ свидѣтельствахъ, встрѣчающихся въ книгахъ Священнаго Писанія. (См. Описаніе нашихъ древнихъ библейскихъ списковъ въ описаніи рукописей Synodальной Библіотеки).

2) Научныя занятія книгами Священнаго Писанія возобновились со времени возрожденія образованія на Западѣ. Столкновеніе съ учеными Испанскими евреями, въ XII и XIII вѣкахъ, вызвало необходимость изученія еврейскаго языка; паденіе Константинополя усилило изученіе греческаго языка; изобрѣтеніе книгопечатанія

побуждало христіанъ напечатать Библію въ чистомъ и неповрежденномъ текстѣ. Эти три важныя событія постепенно усиливали вниманіе западныхъ христіанъ къ научному занятію книгами Священнаго Писанія, къ собранію всѣхъ историческихъ матеріаловъ, касавшихся книгъ Священнаго Писанія. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ печатныя Библіи XVI и XVII вѣковъ снабжались историческими предисловіями къ книгамъ Священнаго Писанія, историческими объясненіями особенностей ихъ текста, собраніемъ отеческихъ свидѣтельствъ, касавшихся книгъ Священнаго Писанія. Въ XVI вѣкѣ, два католическихъ ученыхъ составили— „Введеніе“ въ книги Священнаго Писанія: Доминиканецъ *Пагнинъ* написалъ Исагогику въ книги Священнаго Писанія и Исагогику къ таинственному смыслу; *Сикстъ Сенскій*, въ „Святой Библіотекѣ“, собралъ всѣ матеріалы, относящіеся къ исторической подлинности книгъ Священнаго Писанія и способамъ ихъ толкованія. Но собственно путь къ научному занятію книгами Священнаго Писанія указалъ католическій-же ученый *Ричардъ Симонъ* († 1712). „Цѣль моихъ замѣчаній, писалъ онъ, приступая къ критическимъ изслѣдованіямъ библейскаго текста, состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать текстъ Новозавѣтныхъ книгъ и доказать подлинность апостольскихъ писаній, на основаніи очевидныхъ историческихъ данныхъ“. Всѣ свои изслѣдованія о книгахъ Священнаго Писанія онъ изложилъ въ четырехъ отдѣльныхъ трактатахъ: а) критической исторіи новозавѣтныхъ книгъ; б) критической исторіи переводовъ; в) критической исторіи началъ толкователей Новаго Завѣта, и г) въ замѣчаніяхъ о текстѣ переводовъ. Словомъ, онъ занялся критическою разработкою тѣхъ отдѣловъ, которые съ теченіемъ времени сдѣлались

главными и основными для научныхъ руководствъ.— Протестанты, объявившіе одно Слово Божіе основою своего вѣроученія, но разорвавшіе связь съ историческимъ церковнымъ преданіемъ, не поощряли научныхъ занятій книгами Священнаго Писанія. Историко-критическія изслѣдованія противорѣчили ихъ взгляду на Слово Божіе. Изъясненіе книгъ Священнаго Писанія они подчиняли внутреннему сверхъестественному озаренію... Ихъ представители XVII вѣка объявили Слово Божіе неприкосновеннымъ по буквѣ, знакамъ препинанія и предыханіямъ. Науки развиваются въ тѣхъ сектахъ, которыя вышли изъ среды протестантства,—*у пістистовъ, кокцеянъ, арминіанъ*..., изъ которыхъ каждая держалась своего начала, при изученіи и изъясненіи книгъ Священнаго Писанія.

3) Новая эпоха для научныхъ занятій книгами Священнаго Писанія настала съ конца прошлаго столѣтія, когда протестантство, потрясенное раціонализмомъ въ самыхъ основахъ, приступило къ историческимъ изслѣдованіямъ о книгахъ Священнаго Писанія и ихъ ученіи... Во главѣ этого направленія стали знаменитые историко-филологи XVIII вѣка—*Эрнести* и *Давидъ Михаэлисъ*. Подъ ихъ вліяніемъ выработалось историко-критическое направленіе. Давидъ Михаэлисъ составилъ введеніе въ новозавѣтныя книги, по началамъ указаннымъ Ричардомъ Симономъ. Но зрѣлые плоды это направленіе принесло въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, когда протестантство, подъ вліяніемъ историко-критической школы *Шлейермахера*, окончательно порвавъ связь съ началами основателей протестантскаго вѣроученія, занялось историко-критическою разработкой церковнаго преданія,—когда ученіе о книгахъ Священнаго Писанія оно старалось утвердить на ученіи Церк-

ви. Во главѣ этого новаго направленія стали богословы настоящаго столѣтія: *Генгстенбергъ*, *Геверникъ*, *Ольсгаузенъ*, *Герекке*. Ими составлены введенія въ Ветхозавѣтныя и Новозавѣтныя книги, въ новомъ историческомъ направленіи. Изъ стараго раціоналистическаго направленія XVIII вѣка возникло новое—*Баурское*, развившееся подъ вліяніемъ идей философіи Гегеля. Представители этого направленія въ настоящее время постепенно видоизмѣняютъ взглядъ основателя своего направленія, въ борьбѣ съ историко-критическою школою. Они хотятъ только въ главномъ и существенномъ удержать взглядъ Баура на происхожденіе христіанства, видоизмѣнивъ его частности.—Въ ряду съ нимъ стоитъ современное, крайнее раціоналистическое направленіе, которое возобновляетъ критику книгъ Священнаго Писанія въ духѣ XVIII вѣка. Изслѣдованія тѣхъ и другихъ отличаются крайне отрицательными выводами *Гильгенфельда* и *Голстейна*.

На срединѣ между крайне раціоналистическимъ направленіемъ и такъ называемымъ ортодоксальнымъ протестантскимъ богословіемъ стоитъ средне-примиряющее историко-критическое направленіе, собственно созрѣвшее подъ вліяніемъ идей Богословія Шлейермахера. Это направленіе преслѣдуетъ одну историческую цѣль, безъ предзанятыхъ мыслей: историческую правду оно поставляетъ первымъ дѣломъ своей критики. Это направленіе самое распространенное, въ настоящее время, въ протестантскомъ мірѣ, (къ нему принадлежатъ—*Евальдъ*, *Рейсъ*, *Мейеръ* и другіе). Изъ католическихъ ученыхъ, въ новомъ направленіи занимались библейскими изслѣдованіями—*Янъ*, *Гугъ*, *Шольцъ*, *Глеръ*. Изъ нихъ Гугъ и Глеръ составили введенія въ Новозавѣтныя книги. Во всѣхъ этихъ введеніяхъ, въ изложеніи

предварительныхъ свѣдѣній. преобладаетъ критическое направленіе; въ изслѣдованіяхъ о книгахъ остается прежній методъ: сообщаются краткія свѣдѣнія о писателѣ книги, ея особенностяхъ, ея цѣли, подлинности и прочее. Знакомство съ содержаніемъ книгъ сдѣлалось главною принадлежностію комментаріевъ, которые, большею частію, составляются при пособіи историко-филологическихъ данныхъ.

Съ преобразованіемъ духовныхъ училищъ и у насъ—въ Россіи оживилось нѣсколько изученіе книгъ Священнаго Писанія. Въ духовныхъ нашихъ журналахъ появляется и литтература по Священному Писанію. Но авторитета поэтому дѣлу еще нѣтъ у насъ. Но матеріалъ, какъ видѣли, готовъ, и планъ науки о Священномъ Писаніи указанъ. Остается заняться этимъ дѣломъ общими силами, и наука о Священномъ Писаніи явилась-бы у насъ въ совершенствѣ. Но пока явятся эти общія силы, займемся этимъ великимъ дѣломъ частно, только займемся съ искреннимъ усердіемъ. Усердіе и въ частномъ занятіи много можетъ сдѣлать...

Сообщить научныя свѣдѣнія о книгахъ Новаго Завѣта значитъ—изложить: 1) исторію ихъ происхожденія; 2)—ихъ собранія; 3)—ихъ первоначальнаго вида и перемѣнъ въ текстѣ; 4)—ихъ распространенія, и 5) - ихъ употребленія христіанскими обществами.

Отсюда чтенія о книгахъ Новаго Завѣта самымъ естественнымъ образомъ могутъ быть подраздѣлены на *пять* частей:

а) *Исторію происхожденія новозавѣтныхъ книгъ*, - гдѣ должны быть изложены обстоятельства, вызвавшія написаніе книгъ и замѣчанія о тѣхъ лицахъ, которые и къ которымъ писали. Тутъ-же могутъ быть переданы

краткія свѣдѣнія о самыхъ книгахъ, ихъ особенностяхъ и ихъ содержаніи.

б) *Исторію собранія книгъ, или Канона.*—гдѣ должна быть изложена исторія „Канона“ въ древней христіанской Церкви, и—сужденіе о немъ въ новѣйшее время.

в) *Исторію первоначальнаго вида книгъ.*—или переводовъ на другіе языки, какъ въ древнее время, такъ и въ настоящее.

г) *Исторію распространенія священныхъ книгъ,*—рукописей и печатныхъ переводовъ.

д) *Исторію употребленія книгъ,*—или исторію толкованій, начиная съ первыхъ временъ до настоящаго.

Предлагаемыя въ такомъ видѣ наши чтенія о новозавѣтныхъ книгахъ, ближайшею своею цѣлію имѣютъ всестороннее знакомство пока съ внѣшнею стороною книгъ Священнаго Писанія, ихъ исторіей, ихъ употребленіемъ и способами ихъ изъясненія.

Въ кругу Богословскихъ наукъ, наука о Священномъ Писаніи есть Солнце въ кругу планетъ, около котораго они обращаются и отъ котораго заимствуютъ свой свѣтъ. И наши души и наши сердца, если, какъ планеты, будутъ обращаться около этого духовнаго Солнца —Священнаго Писанія.—будутъ получать отъ него свой свѣтъ и свою теплоту, и непремѣнно произрастятъ такіе достойные человѣка плоды, какихъ не въ силахъ произвести ни одна наука.

Чтеніе 2.

Начало и развитіе Христіанства, въ ученіи Спасителя и Апостоловъ. Іисусъ Христосъ; Его дѣянія; Его проповѣдь. Апостолы и первые послѣдователи Іисуса Христа; ихъ назначеніе. Первоначальные благовѣстники Христовы. Отличительные черты ихъ апостольской и проповѣднической дѣятельности. Сходство и различіе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, по Апостольскому ученію.

Христіанство явилось въ міръ не какъ писанная буква, подобно закону Моисея, но какъ животворящій духъ, животворящая сила... Спаситель нашъ явился въ качествѣ живаго проповѣдника божественной истины, способной обнять, проникнуть и преобразовать всѣ силы человѣческаго духа.—Онъ пришелъ устроить на землѣ царство Божіе (Мар. 1. 14. 15; Мато. 4. 17). Явившись съ такою миссіею. Онъ объявилъ, что Онъ не пришелъ разорить законъ, но исполнить (Мато. 5. 17, 18). Этимъ Онъ указывалъ на свое ближайшее отношеніе къ іудейской религіи,—религіи, впрочемъ, понимаемой въ ея чистомъ и непорочномъ видѣ. По своему ученію Спаситель не принадлежалъ ни къ одной изъ сектъ, раздѣлявшихъ тогдашній іудейскій міръ. Онъ не былъ ни фарисей, ни саддукей, ни Ессей. Тѣмъ болѣе Онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ сектъ философскихъ, распространявшихся въ это время въ Палестинѣ. Его ученіе не было реакціонное, или скептическое; а—существенно новое. Божественное: Онъ пришелъ основать Царство не отъ міра сего... Для основанія этого царства на землѣ, Онъ не прибѣгалъ къ изысканнымъ формамъ ученія. Онъ не столько своимъ ученіемъ вліялъ на умы своихъ послѣдователей, сколько необыкновенною силою Своего личнаго присутствія (характера)—на ихъ сердца.

Онъ въ себѣ полагалъ источникъ, продолженіе и завершеніе новой духовной жизни: въ себѣ Онъ представлялъ неисчерпаемый образецъ для подражанія какъ своимъ послѣдователямъ, такъ и всему человѣчеству. Своимъ живымъ словомъ, исполненнымъ силы и духа, Онъ привлекалъ къ себѣ своихъ первыхъ послѣдователей.

Такъ образовалъ Онъ первое общество своихъ послѣдователей, состоявшее первоначально изъ 12-ти ближайшихъ учениковъ, а послѣ—изъ 120-ти вообще вѣрующихъ. Онъ воспитывалъ ихъ не по книгамъ, а Своимъ собственнымъ примѣромъ, Своею живою рѣчью полагалъ въ нихъ сѣмена новой жизни.

Это-то, такъ приготовленное общество Апостоловъ и вѣрующихъ, послѣ Вознесенія, должно было озаботиться дальнѣйшимъ распространеніемъ Его царства на землѣ. Сначала, можетъ быть, оно не вполнѣ понимало мысль и намѣреніе своего Божественнаго Наставника и Учителя; но Онъ обѣщалъ Ему всеоживляющую и всепросвѣщающую силу Святаго Духа, съ которою оно должно было выступить на поприще дѣятельности. Озаренные и просвѣщенные Святымъ Духомъ, въ 50-й день послѣ Воскресенія, апостолы выступили на всемірную проповѣдь.

Евангельская исторія сохранила имена немногихъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Въ числѣ апостоловъ первымъ дѣятелемъ она поставила *Симона Петра;* послѣ него значительную долю участія въ дѣлахъ созидаемой и устрояемой Церкви она приписала *Іакову,* брату Господню по плоти; за нимъ—апостолу языковъ—*Павлу;* наконецъ преданіе къ нимъ присоединило еще Евангелиста *Іоанна* Богослова.

Всѣ эти *четыре* дѣятеля были одушевлены одною вѣрою въ Іисуса Христа, исповѣдывали одного Бога Отца.

одного Его Сына и Святаго Духа. Но это богооткровенное ученіе и дѣйствующая чрезъ него божественная сила не уничтожала ихъ индивидуальныхъ способностей и отличій, не дѣлала ихъ способа дѣятельности и проповѣди однообразнымъ и механическимъ... Вдохновеніе не было механическимъ вложеніемъ въ ихъ уста готоваго ученія, безъ всякаго вниманія къ ихъ личнымъ особенностямъ, къ ихъ образу дѣятельности... Вдохновеніе было жизненнымъ проявленіемъ Божественной силы, соотвѣтствующимъ ихъ личнымъ особенностямъ, ихъ служенію. Единство откровенія такимъ образомъ не исключало разнообразія его проявленія... Но это разнообразіе никогда не доходило до противорѣчія, до раздѣленія на партіи и секты... Каждый апостолъ обладалъ личнымъ содержаніемъ Богооткровенной истины, въ своей индивидуальной особенности, объусловливаемой воспитаніемъ, образомъ жизни, служеніемъ... Главныя особенности ихъ апостольской проповѣди объусловливались ихъ личнымъ характеромъ, мѣстностію и временемъ ихъ служенія. Христіанство всѣмъ имъ представлялось, какъ исполненіе Ветхаго Завѣта, а—Іисусъ Христосъ, какъ истинный Мессія, какъ Совершитель Закона и пророковъ. Но здѣсь уже лежало двойство отношенія Ветхаго и Новаго Завѣта, ихъ единство и различіе. Объ религіи—одно въ идеѣ завѣта, но различны, какъ Ветхій и Новый Завѣтъ. Оба откровенія имѣютъ одну и ту же цѣль, но первое—приготовленія, второе—совершенія, то—законъ и пророчество, а это—Евангеліе и исполненіе. Христіанство, съ одной стороны, выросло изъ ветхозавѣтной религіи, съ другой—оно есть новое твореніе, которое никакъ не можетъ быть уяснено единственно понятіемъ развитія изъ древней формы, безъ творческаго акта божественнаго. Такимъ образомъ

соединить это единство и различіе ветхо и ново-завѣтнаго откровенія, признавая тѣсную связь Новаго Завѣта съ Ветхимъ, и въ тоже время видѣть его новость и особенность принадлежитъ къ сущности апостольской проповѣди и апостольскаго служенія—ученія. Воспитанные въ ветхозавѣтной религіи, исторически подготовленные и возвышенные наставленіями Спасителя до новозавѣтнаго пониманія религіи, апостолы естественно поставляли это новое ученіе, имъ преподанное, въ связи съ своею прежнею религіозною точкою зрѣнія, и затѣмъ—съ способомъ приложенія къ своей дѣятельности, смотря по тому, гдѣ они проповѣдывали и дѣйствовали,—среди іудеевъ, или—язычниковъ.

Итакъ Іисусъ Христосъ Своею живою проповѣдію научилъ новозавѣтной религіи первыхъ своихъ послѣдователей. Ученики Его, особенно апостолы—Іаковъ, Петръ, Павелъ и Іоаннъ, раскрыли ученіе Спасителя, каждый по своему, съ своей точки зрѣнія, съ той или другой стороны.

Сообразуясь съ своимъ личнымъ характеромъ и мѣстомъ своего служенія, апостолы въ своей проповѣди и своемъ ученіи, главнымъ образомъ касаются, или сходства, или различія обоихъ откровеній, и такимъ образомъ непротиворѣча другъ другу взаимно восполняютъ себя. Такъ—

Апостолъ *Іаковъ*, братъ Господень, по плоти „Израильтянинъ безъ лести“, воспитанный въ строгомъ духѣ ветхо-завѣтнаго закона, и дѣйствуя главнымъ образомъ въ Палестинѣ, примирялъ въ себѣ духъ закона съ духомъ Евангелія. Онъ указываетъ подзаконному Израилю въ Евангеліи высшее и совершеннѣйшее развитіе и одухотвореніе закона въ его глубочайшемъ смыслѣ. Онъ говоритъ не объ отдѣльныхъ заповѣдяхъ, но обо всемъ законѣ, какъ нераздѣльномъ цѣломъ, въ его духовномъ

значеніи. Царскій законъ—это законъ любви и свободы. Объ обязанности обрядоваго закона у него нѣтъ ни слова. Все ученіе его стоитъ на словахъ Господа: „будьте исполнители слова—закона, а не слышатели только, обманывающіе самихъ себя" (1, 22).

Апостолъ *Петръ*, полный энергіи и силы, также дѣйствуя главнымъ образомъ въ Палестинѣ, восполнялъ Іакова, показывавшаго отношеніе закона къ Евангелію. Онъ указываетъ въ немъ исполненіе пророчествъ Ветхаго Завѣта и опредѣленнѣе высказываетъ ученіе о лицѣ Іисуса Христа, такъ какъ и самыя пророчества, имъ приводимыя, прямѣе относятся къ Мессіи и Его дѣлу, чѣмъ законъ. „Къ сему-то спасенію относились изысканія и изслѣдованія пророковъ, которые предсказывали о назначенной вамъ благодати, изслѣдывая, на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ, когда Онъ предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за симъ—за ними славу. Имъ открыто было, что не имъ самимъ, а намъ служило то, что нынѣ проповѣдано вамъ благовѣствовавшими Духомъ Святымъ, посланнымъ съ небесъ" (1 Петр. 1, 10—12).

Это—обыкновенная тема проповѣди Апостола Петра! Единство Ветхаго и Новаго Завѣтовъ выступаетъ у него въ полномъ свѣтѣ. Духъ Христовъ, который исполнялъ апостоловъ, уже одушевлялъ и пророковъ, которые были какъ бы евангелистами Ветхаго Завѣта. Истинная религія такимъ образомъ—есть величественное зданіе; въ которомъ пророчество составляетъ основаніе, а Евангеліе—вершину и вѣнецъ. Но апостолъ Петръ не раскрываетъ въ подробности великаго дѣла спасенія и ученія о лицѣ Іисуса Христа; онъ утверждаетъ только самый фактъ, предвозвѣщенный пророками, не входя въ болѣе глубокое уясненіе его...

Апостолъ языковъ— *Павелъ*, изъ образованнаго и ревностнаго фарисея сдѣлавшись ревностнымъ христіаниномъ, внесъ новый элементъ въ ученіе христіанское! Онъ хотѣлъ уяснить отношеніе христіанства, какъ религіи новооткровенной, іудейству и вообще—къ человѣчеству. Онъ обращаетъ вниманіе не столько на единство обоихъ завѣтовъ, сколько на ихъ различіе, чтобы показать язычникамъ значеніе Евангелія, какъ факта существенно новаго, какъ безмѣрнаго откровенія благодати Господней для всѣхъ. Не отвергая основной мысли о законѣ Іакова, оправдывая взглядъ на пророчественное значеніе Ветхаго Завѣта апостола Петра, апостолъ Павелъ показываетъ преобразовательное значеніе Ветхаго Завѣта, и въ духѣ закона находитъ новое доказательство необходимости христіанства. „Законъ святъ и заповѣдь Господня свята, права и блага; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и грозенъ, требуя безъусловнаго послушанія, а между тѣмъ не сообщая человѣку нравственной силы для этого. Смиряя грѣшника, законъ возбуждаетъ въ немъ тѣмъ болѣе живое чувство нужды Спасителя. Такъ законъ не только не въ противорѣчіи съ завѣтомъ благодати, но въ самой тѣсной связи съ нимъ: онъ—пѣстунъ во Христа. И такой руководящей заботливости Промысла не лишены были и язычники. Богъ говорилъ съ ними чрезъ книгу природы, въ голосѣ ихъ совѣсти. Законъ, написанный въ сердцѣ человѣка, былъ для язычниковъ пѣстуномъ во Христа, и Богъ, лишивъ ихъ откровенія, возбудилъ въ нихъ потребность спасенія, точно также какъ возбудилъ ее въ Израилѣ положительнымъ Откровеніемъ. Когда пришла кончина лѣта, были приготовлены тѣ и другіе; Богъ Сына Своего не пощадилъ, но предалъ за всѣхъ. Сынъ Божій, образъ невидимаго Бога, явившійся въ подобіи плоти и грѣха,

страданіями Своими разрушилъ средостѣніе, раздѣлявшее Бога и людей, и Кровію Своею примирилъ всѣхъ Отцу. Благодать пріобрѣтенная Имъ для насъ чрезъ смерть, усвояется намъ Духомъ Святымъ, духомъ Христовымъ, духомъ сыноположенія, который служитъ посредникомъ обращенія и спасенія. И это оправданіе жизни пріобрѣтается вѣрою по благодати Божіей!.. Не рожденіе, а вѣра даетъ право быть новою тварію во Христѣ: здѣсь нѣтъ различія ни Еллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, ни варвара, ни скиѳа, но Христосъ—всѣ и во всѣхъ". Послѣ этого понятно, въ какомъ отношеніи являются у апостола Павла оба завѣта. Вполнѣ признавая Божественное и педагогическое значеніе Ветхаго Завѣта, онъ видитъ въ немъ сѣнь Евангелія и противопоставляетъ ему новый законъ не буквы и заповѣдей, но законъ духа и жизни во Христѣ Іисусѣ. Такимъ образомъ первые два апостола раскрывали вѣроученіе христіанское преимущественно въ его гармоніи съ религіею Ветхаго Завѣта; а апостолъ Павелъ видѣлъ въ немъ новое твореніе духа и свободы. Эти особенности ихъ ученія, объусловливаемыя мѣстомъ и временемъ служенія, соблазняли нѣкоторыхъ членовъ первенствующей Церкви Христовой, не вполнѣ понявшихъ высоту Духа Евангельскаго и привели къ собору Іерусалимскому, на которомъ недоразумѣніе было рѣшено (Дѣян. гл. 15). Фанатическіе приверженцы закона, потерявъ дѣло предъ Церковію на соборѣ, перенесли его на судъ народныхъ страстей. Прикрываясь именемъ Петра и Іакова, они вездѣ возбуждали вражду противъ апостола Павла. Дуалистическія идеи и теософія востока, прикрываясь христіанствомъ, грозили христіанскимъ общинамъ Крита, Колоссъ и Ефеса ложнымъ гносисомъ, его разнузданною свободою. Христіанство, подъ вліяніемъ этихъ

идей, могло превратиться въ сухую, безплодную спекуляцію гностицизма. Апостолы подняли противъ нихъ свой голосъ, предостерегая вѣрныхъ отъ ложнаго обрѣзанія (Павелъ), безжизненной вѣры (Іаковъ) и лжеименнаго знанія (Павелъ, Петръ и Іуда). Такъ распространялось христіанское вѣроученіе до 70-го года, когда большинство апостоловъ отошло уже изъ сей жизни. Между тѣмъ, судъ Божій, предсказанный Спасителемъ, совершился надъ іудействомъ, Іерусалимъ и храмъ съ его теократіей уничтожены, и этимъ порвана послѣдняя связь, соединявшая Евангеліе съ тогдашнимъ іудействомъ. Христіанство, оставаясь въ исторической связи съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ, теперь развивается съ полною самостоятельностію національное различіе между христіанами изъ іудеевъ, христіанами изъ язычниковъ падаетъ...

Въ это время выступаетъ на поприще дѣятельности Евангелистъ *Іоаннъ* Богословъ, подъ руководствомъ котораго Церковь совершаетъ свое жизненное развитіе, въ послѣднія десятилѣтія перваго вѣка. Его тихое и сосредоточенное богословствованіе идетъ совершенно другимъ путемъ, чѣмъ живая проповѣдь апостола Павла. Онъ не показываетъ, какъ Павелъ, глубины пропасти между человѣческой природой и Богомъ, которую наполняетъ безмѣрная благодать Божія и не проводитъ, подобно ему, рѣзкой черты между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. Путемъ непосредственнаго созерцанія онъ возносится на самую высоту христіанской истины и проникаетъ въ самую сущность ея,—и превосходство Евангелія предъ Закономъ для него уже стоитъ какъ доказанный фактъ. Исходный пунктъ у него не человѣкъ и его бѣдствія, какъ у Павла, а Богъ и Его совершенство. „Богъ есть Духъ, единое начало всего, вѣчная жизнь,

Свѣтъ и Любовь. Неименуемый и непостижимый. Онъ открываетъ Себя въ вѣчномъ Словѣ. Богъ—отъ Бога. жизни. Свѣтъ и Любви. вѣчномъ предметъ своей любви. Сынѣ своемъ, рожденномъ отъ вѣчности. Воплотившееся Слово соединило нераздѣльно Божество съ человѣчествомъ, оно одно только—источникъ жизни и свѣта для человѣчества. Только вѣра въ Него и тѣснѣйшій союзъ съ Нимъ, въ плоти и крови Его. даетъ жизнь... Рожденный отъ Бога, отъ истины. чадо свѣта. христіанинъ долженъ быть подобенъ Богу. *Да вси будутъ едино, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ будутъ едино*" (17. 21). Вотъ послѣдняя цѣль развитія христіанства. послѣднее слово Евангелія. Полное единеніе Творца съ тварію чрезъ Слово—послѣднее Слово ученія о любви. Такъ раскрывалась полнота вѣроученія христіанскаго въ связи съ историческими обстоятельствами.

Чтеніе 3.

Происхожденіе апостольскихъ писаній. Языкъ, на которомъ проповѣдывали Апостолы и писали свои книги. О Боговдохновенности апостольскихъ писаній.

Подобно своему учителю апостолы сначала не излагали своего ученія письменно. Подобно Ему они выступали съ устною проповѣдью: религія жизни должна была основаться не на буквѣ. а на духѣ. Полные духа и жизни. апостолы своею устною проповѣдію вливали новую жизнь въ воспріимчивыя сердца вѣрующихъ. Ни одно изъ выраженій. которыя они употребляли для обозначенія своей проповѣди не указываетъ на письменные документы. Не одинъ изъ апостоловъ никогда не

думалъ имѣть къ іудеямъ и язычникамъ для обращенія *ихъ книги, въ которыхъ-бы вполнѣ* раскрывалось *новозавѣтное домостроительство,—вполнѣ* развивались истины христіанства. Уже позже—нужды собственно Церкви распространяющейся, сложные вопросы, поднятые многообразно развивающеюся Евангельскою истиною, вызвали постепенное появленіе апостольскихъ посланій, которыя, назначаясь уже для Церкви существующей, должны были служить не только основанію Евангельскаго благовѣстія, сколько къ уясненію его. Служа выраженіемъ развитія устнаго ученія, Писанія по самому многоразличію сторонъ, должны представлять много различія и особенностей.—Намъ представляются прежде всего Евангелія, нужда написанія которыхъ лежала уже въ сущности исторіи Спасителя, которую предохранить отъ искаженія было общей заботой и вѣрующихъ, и вдохновенныхъ самовидцевъ Слова. Каждое Евангеліе имѣетъ свою особенность, которая соотвѣтствуетъ индивидуальности его автора, кругу его читателей и его цѣли... Потребность посланій почувствовалась въ Церкви, можно сказать, даже прежде письменнаго изложенія своего. Множество вопросовъ, возникшихъ въ Церкви, въ постепенномъ ходѣ развитія и усвоенія апостольскаго ученія, недоразумѣнія вѣрующихъ, лжемудрствованія еретиковъ и неразумныхъ ревнителей вѣры—потребовали письменныхъ посланій. При широкомъ распространеніи христіанства, апостолы не могли лично являться вездѣ, гдѣ требовалось уяснить худо понимаемое,—съ подробностію развить только намѣченное прежде. Въ этомъ движеніи жизни явились посланія апостольскія со всѣмъ разнообразіемъ ихъ содержанія. Писанныя на случай, они, главнымъ образомъ, приспособлены къ состоянію тѣхъ Церквей, для которыхъ назна-

чались; тѣмъ не менѣе это не уничтожаетъ ихъ всеобщаго христіанскаго значенія. Жизнь апостольскаго вѣка такъ богата духовными явленіями, что въ индивидуальныхъ и повидимому случайныхъ поводахъ къ написанію ново-завѣтныхъ книгъ отразились всеобщія основныя отношенія Церкви вообще, такъ что эти писанія приличны для всѣхъ временъ и обнимаютъ всю область христіанской вѣры и жизни. Апокалипсисъ, открывая совершившимся въ вѣрѣ и любви будущую судьбу и явленіе Царства Славы, достойно заключаетъ Откровеніе Новаго Завѣта.

Языкъ, на которомъ апостолы начали свою проповѣдь, былъ, по всей вѣроятности, тотъ самый языкъ, на которомъ проповѣдывалъ Іисусъ Христосъ. Это — еврейскій языкъ тогдашняго времени, смѣшанный съ халдейскимъ и сирскимъ нарѣчіемъ, и называемый обыкновенно сирохалдейскимъ. Много оборотовъ изъ этого языка вошло въ самыя книги: или, или! лама саваоани? (Мо. 27. 46); маран-аоа (1 Кор. 16. 22) и много другихъ. Но это нарѣчіе было слабо для выраженія понятій новаго христіанскаго духа... Выходя изъ предѣловъ отечества апостолы встрѣтились съ другимъ болѣе образованнымъ нарѣчіемъ — греческимъ, пріобрѣтшимъ, послѣ Александра Македонскаго, вліяніе на Востокѣ... Греческій языкъ тогдашняго времени былъ далеко отличенъ отъ древняго классическаго... Мечъ Александра Великаго всё разнообразіе діалектовъ смѣнилъ въ одинъ общій языкъ. Много перемѣнъ потерпѣлъ языкъ греческій отъ этого смѣшенія діалектовъ... Но еще болѣе онъ оразнообразился въ устахъ народа... Греческое народонаселеніе, смѣшиваясь съ завоеванными племенами, допускали въ свой языкъ притокъ элементовъ чужихъ языковъ. Греческое нарѣчіе обогатилось словами египет-

скими, персидскими, семитическими и другими. Распространеніе владычества римлянъ привнесло въ него множество словъ латинскихъ и вообще—латинизмовъ...

Чуждое народонаселеніе училось греческому языку не въ школахъ, не по книгамъ, а изъ обыденной жизни... Что нужно для обыденной жизни, то оно перенимало цѣликомъ; что было выше этой сферы, — религіозныя ученія, то переводилось на греческій языкъ свободно, безъ соблюденій правилъ греческаго синтаксиса, а часто даже—съ образованіемъ новыхъ словъ, по семитическому синтаксису. Это-то свободное греческое нарѣчіе называлось *эллинистическимъ*. На образованіе этого нарѣчія имѣлъ также большое вліяніе переводъ LXX-ти, предпринятый въ то время, когда знакомство съ греческимъ языкомъ у іудеевъ еще только начиналось... У христіанъ *Эллинистовъ* это нарѣчіе подверглось еще новому видоизмѣненію: привнесеніе новыхъ понятій вліяло —частію на развитіе и образованіе новыхъ словъ (чисто христіанскаго происхожденія, напримѣръ вѣра, благодать, справедливость... свѣтъ, тьма, грѣхъ, возрожденіе, обновленіе и тому подобное), частію прежнимъ придавало новое значеніе. Изъ соединенія этихъ разнородныхъ элементовъ составилось новозавѣтное нарѣчіе, на которомъ апостолы первоначально проповѣдали, по удаленіи изъ Іерусалима, и съ теченіемъ времени писали свои посланія.

Боговдохновенность апостольскихъ писаній и вообще Библіи есть необходимое требованіе вѣры въ Откровеніе. Какъ скоро Откровеніе, для того чтобы войти въ человѣческое сознаніе,—стать началомъ жизни, должно было явиться въ формѣ человѣческаго живаго слова, то это слово необходимо должно быть Боговдохновенно.

Одно изъ двухъ: или Священные Писатели дѣйствительно писали по воздѣйствію Божественному, и Священное Писаніе Боговдохновенно; или—съ отрицаніемъ Боговдохновенности, отрицается и дѣйствительность Откровенія, какъ истиннаго слова... Какъ несомнѣнно то, что *Богъ далъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. 62, 12), такъ несомнѣнно и то, что Онъ вдохновилъ писателей этого слова; чтобы оно пребывало во вѣки, и во вѣки возвѣщало волю Его. Нельзя вѣрить въ Откровеніе, какъ писанное слово, нельзя вѣрить въ ту жизнь, которая чрезъ это слово стала свѣтомъ человѣковъ, если въ немъ не воплотилась Божественная мудрость. Это требованіе нашей вѣры подтверждается постояннымъ вѣрованіемъ Церкви, какъ ветхо-завѣтной, такъ и ново-завѣтной, которая всегда вѣрила въ книги Священнаго Писанія, какъ книги Боговдохновенныя, выдѣляла ихъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній человѣческихъ и составила изъ нихъ собраніе особыхъ книгъ, извѣстныхъ подъ именемъ каноническихъ. Это требованіе нашей вѣры подтверждается свидѣтельствомъ самихъ Писателей, которые весьма часто называютъ себя органами Божественнаго Духа.—

Въ чемъ же состоитъ Боговдохновенность? Вдохновеніе не есть страдательное, механическое повтореніе рѣчи и слова, какъ-бы диктованныхъ, вдохновляемыхъ Духомъ, но—дѣятельное усвоеніе и принятіе откровенія. По представленію Священнаго Писанія, Боговдохновенность есть сознательный и свободный органъ Откровенія, не теряющій ни самосознанія, ни извѣстной части свободы и самодѣятельности. Тутъ свободно участвуютъ всѣ силы душевныя... Совершеніе вдохновенія, точно также какъ и совершеніе Откровенія, есть взаимодѣйствіе Духа Божественнаго и человѣческаго.—не

подавленіе, а возвышеніе послѣдняго. По этому взаимодѣйствію Духа Божественнаго и человѣческаго, при вдохновеніи, Божественныя истины не механически усвояются духомъ человѣческимъ, какъ чуждыя для него, но дѣлаютъ его собственнымъ достояніемъ. Все Божественное, при вдохновеніи, принимаетъ образъ человѣческаго и всё человѣческое возвышается и очищается Божественнымъ.

Этимъ положеніемъ мы можемъ опредѣлить границы Боговдохновенности, именно: простирается-ли она только на общее содержаніе Священнаго Писанія, или—и на внѣшнюю его форму? При ограниченіи Боговдохновенности однимъ содержаніемъ, всегда возможна опасность поврежденія и извращенія существа истины, потому что ложное и несоотвѣтствующее выраженіе, во всякомъ случаѣ, измѣняетъ содержаніе мысли. Поэтому мы должны признать связь между мыслію и словомъ, только не механическую, а создаваемую подъ вліяніе Боговдохновенной—творческой дѣятельности. Отъ взаимодѣйствія Духа Божія и человѣческаго, при вдохновеніи, возникаетъ и Божественное Слово, какъ выраженіе и форма Божественной мысли. Это единство Боговдохновенности мысли и слова Священнаго Писанія показываетъ довольно ясно апостолъ Павелъ: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ: Яже и глаголемъ не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ наученыхъ Духа Святаго: духовная духовными сразсуждающе* (I Кор. 2, 12, 14).

Спаситель сказалъ: *глаголы Моя духъ суть, и животъ суть;* апостолъ Петръ засвидѣтельствовалъ предъ Лицемъ Спасителя и всѣхъ учениковъ Его, что Онъ—

Спаситель имѣетъ *глаголы живота вѣчнаго;* апостолъ Павелъ написалъ о себѣ: *и слово мое, и проповѣдь моя не въ пренрительныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы.* Изъ всего этого слѣдуетъ, что къ новозавѣтнымъ книгамъ мы должны относиться не какъ къ простымъ, обыкновеннымъ книгамъ, но какъ именно къ *Слову Божію, всегда живому и дѣйственному:* то есть—не букву только поучать въ нихъ, и тѣмъ питать и острить одинъ только умъ свой; но всѣми силами стараться проникать въ духъ и силу ихъ, и тѣмъ питать и оживлять сердце свое; ибо, по слову святаго Апостола Павла, *письмя убиваетъ, а духъ животворитъ.*

Безподобные совѣты и наставленія на этотъ случай даетъ святитель Тихонъ Задонскій.

Говоря вообще о всемъ Священномъ Писаніи, онъ вотъ что пишетъ: „Слово Божіе, то есть Писаніе, пророками и апостолами намъ предапное, люби какъ и Самого Бога: Божіе бо Слово есть Слово устъ Божіихъ. Аще Бога любиши, то непремѣнно и Слово Божіе любиши: Божіе бо Слово есть посланіе, или письмо Божіе къ намъ недостойнымъ, и есть высокій Его даръ, намъ ради спасенія поданный. Аще любиши пославшаго, люби и посланное отъ Него письмо къ тебѣ: Слово бо Божіе мнѣ, тебѣ, и всякому дано отъ Бога, да всякъ, хотящій спастись, чрезъ него спасеніе получитъ. Когда царь земный къ тебѣ напишетъ письмо, любишь ты, и съ любовію и радостію прочитываешь его: кольми паче письмо Царя небеснаго, Слово Божіе любишь, и съ любовію и радостію прочитывать его должно. Слово Божіе не ради того дано намъ, чтобы оно лежало только на хартіи написанное: но чтобы тѣмъ мы пользовались духовно, просвѣщались, на путь истинный и спасеніе на-

ставлялись, нравы свои исправляли, по правилу того въ мірѣ семъ жили и Богу угождали. Аще убо хощеши быть христіаниномъ истиннымъ. неотмѣнно должно тебѣ тщиться жить по правилу того: Слово бо Божіе есть сѣмя небесное. Должно убо въ насъ плодъ произрастить себѣ подобный, то есть—святое и небесное житіе: иначе оно обличитъ насъ въ день страшнаго суда Христова. Живи убо такъ, какъ Слово Божіе учитъ, и потому себя исправляй".

А разсуждая о Евангеліи и вообще о Новомъ Завѣтѣ, тотъ же Святитель говоритъ: „Возлюбленніи Христіане! Нѣтъ ничего намъ грѣшнымъ пріятнѣе, любезнѣе и сладчаѣ, какъ Евангеліе: не такъ алчущимъ хлѣбъ, жаждущимъ питіе, плѣненнымъ и въ темницѣ сѣдящимъ свобода благопріятна, какъ грѣшникамъ, познающимъ свое бѣдствіе, Евангеліе: *пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Маѳ. 18, 11). Се есть пресладчайшій гласъ Евангелія: кто есть Онъ Сынъ человѣческій? Есть Сынъ Божій, Царь небесный, отъ Отца Своего небеснаго къ намъ посланный, Который восхотѣлъ ради насъ называться Сыномъ человѣческимъ. Ради чего Онъ пришелъ? Взыскати и спасти насъ погибшихъ, и провести въ вѣчное Свое царство. Что сего благопріятнѣе и вожделеннѣе намъ погибшимъ можетъ быть? Но посмотримъ, что есть Евангеліе, и чего оно отъ насъ требуетъ. и кому оно прилично проповѣдуется. 1) Евангеліе есть съ самаго имени всерадостная вѣсть: оно проповѣдуетъ всему міру Христа Спасителя міра, Который пришелъ взыскати и спасти погибшаго. Слышите, вси грѣшники погибшіе. слышите сладчайшій гласъ Евангелія, оно вопіетъ всѣмъ намъ: *пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго.* Страшно намъ быть во грѣхахъ предъ Богомъ! Евангеліе про-

повѣдуетъ, что грѣхи намъ отпущаются имени ради Христова, и что Христосъ есть наше оправданіе предъ Богомъ: „въ Тебѣ, спасе мой, Іисусе Сыне Божій, оправдаюся; Ты моя правда и освященіе". Страшно намъ быть во гнѣвѣ у Бога! Евангеліе проповѣдуетъ, что Христосъ насъ примирилъ Богу, и пришедъ благовѣстивъ всѣмъ міръ дальнимъ и ближнимъ. Страшна намъ клятва законная! Ибо всѣ мы грѣшники, она и временному и вѣчному наказанію грѣшника подвергаетъ... Евангеліе проповѣдуетъ, что Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законной, бывъ по насъ клятва. Страшна намъ смерть! Евангеліе проповѣдуетъ, что Христосъ есть наше воскресеніе и животъ. Страшна намъ геенна и адъ! Евангеліе проповѣдуетъ, что Христосъ избавилъ насъ отъ ада и всего того бѣдствія. Страшно намъ отлучиться, отъ Бога и вѣчнаго Его царствія! Евангеліе проповѣдуетъ, что всегда съ Господомъ будемъ въ вѣчномъ Его царствіи. Сей есть, благословенніи христіане, сладчайшій Евангелія гласъ: *вкусите убо и видите, яко благъ Господь* (Псал. 33, 9). *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мирови, но да спасетъ Имъ міръ. Вѣруяй въ Онь не будетъ осужденъ* (Іоан. 3, 16—18). *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и воздвиже рогъ спасенія намъ, въ дому Давидовѣ отрока Своего* (Лук. 1, 68—69). 2) Отъ насъ требуется, христіане, чтобы мы сію небесную и сладчайшую вѣсть, съ небеси присланную, благодарно приняли, и Богу, Благодѣтелю нашему, туне и тако насъ помиловавшему, всегда отъ чиста сердца благодарили, и Ему отъ благодарности святое послушаніе и угожденіе по-

казывали. Самая бо совѣсть увѣщаваетъ и убѣждаетъ быть благодарнымъ къ благодѣтелю. Возлюбивъ Онъ насъ недостойныхъ, возлюбимъ и мы Его, достойнаго всякой любви. Любовь требуетъ, дабы любимаго не оскорблять. Всякимъ грѣхомъ Богъ оскорбляется: уклонимся отъ всякаго грѣха, и сотворимъ святую волю Его, да не оскорбимъ Его, какъ благоутробнаго нашего Отца и Благодѣтеля. *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое; да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* (Мѳ. 6, 9 и дал.). 3) Кому Евангеліе проповѣдуется? Христосъ намъ отвѣщаетъ: *Духъ Господень на Мнѣ, Его же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенные сердцемъ.* (Лук. 4, 18). То есть—тѣмъ людямъ, которые, познавая свои грѣхи, видятъ свою нищету, бѣдность и окаянство; и страхомъ суда Божія и печалію о грѣхахъ сокрушенное сердце имѣютъ, таковымъ Евангеліе, яко уязвленному тѣлу живительный пластырь прилагается, прилично проповѣдуется. Слышите, печальныя и сокрушенныя души, слышите гласъ пресладкій Евангелія: *пріиде Сынъ человѣческій—взыскати и спасти погибшаго!* Сей живительный пресладкаго Евангелія пластырь уязвленнымъ душамъ вашимъ прилагайте, симъ спасительнымъ врачевствомъ, исцѣляйте сокрушенныя сердца ваши. *Пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго!* Взыщетъ и спасетъ и васъ, понеже и вы отъ тѣхъ есте, которыхъ пришелъ взыскать и спасти. Признаете и исповѣдуете себе грѣшниковъ предъ Богомъ: отпущаются и вамъ грѣхи имени Христова ради. Кается за грѣхи и печаль по Возѣ имѣете: готово и вамъ спасеніе отъ Бога. *Вѣрно бо слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ*

же первый семь азъ (Тим. 1. 15). Вамъ глаголетъ Духъ Святый чрезъ Служителя Своего: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50. 19). Сію жертву кающееся и сокрушенное сердце Богу приноситъ, и есть Ему пріятнѣйшая паче всякаго приношенія. На таковую жертву милостивно призираетъ Богъ, и ниспосылаетъ Свою благодать. А отсюда видимъ, христіане, что Евангеліе не приличествуетъ тѣмъ христіанамъ, которые безстрашно и беззаконно живутъ, грѣховъ своихъ, нищеты и бѣдствія своего не познаютъ, и сокрушеннаго сердца не имѣютъ. Что бо пользуетъ камени елей? Пластырь къ ранѣ прилагается, и врачевство познающему и признающему свою немощь подается. Таковымъ людямъ глаголется: *покайтесь, пострадите, и слезите, и плачитесь: Смѣхъ вашъ въ плачь да обратится, и радость въ сѣтованіе. Смиритесь предъ Господемъ, и вознесетъ вы* (Іак. 4, 9—10). И паки: *уже и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огнь вметаемо* (Мо. 3, 10). Грѣшники! убоимся страшнаго суда Божія, и потщимся имѣть сердце сокрушенно и смиренно, да и мы отъ Евангелія, яко спасительнаго источника, живую прохлажденія и утѣшенія воду почерпати будемъ, и души наши напоятъ, и тако вѣчный животъ получимъ, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же буди слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ.

Чтеніе 4.

ИСТОРІЯ СОБРАНІЯ НОВОЗАВѢТНЫХЪ КНИГЪ, ИЛИ ИСТОРІЯ КАНОНА.

Употребленіе апостольскихъ писаній: а) въ вѣкъ апостольскій; б) въ вѣкъ мужей апостольскихъ; в) въ концѣ II вѣка во времена гностической ереси.

Христіанство явилось, какъ мы замѣтили, не въ видѣ систематическаго кодекса законовъ и постановленій, а какъ животворящая сила, животворящій Божественный Духъ... Вслѣдствіе такого его характера не натурально было-бы думать, чтобы апостольскія писанія, явившіяся по вызову времени, тотчасъ-же явились въ видѣ систематическаго кодекса, въ видѣ сборника, имѣющаго непреложный авторитетъ въ рѣшеніи вопросовъ вѣры. Это требованіе, несообразное съ духомъ христіанства, не подтверждается и его исторіей. Поэтому намъ нѣтъ надобности, подобно протестантамъ, настаивать на необходимости окончательнаго образованія канона, въ I вѣкѣ христіанства, при жизни Евангелиста Іоанна; съ другой стороны невѣрно и то раціоналистическое воззрѣніе, которое полное образованіе канона относитъ къ концу II вѣка...

Апостольскія писанія тотчасъ по своемъ появленіи пользовались глубокимъ уваженіемъ и извѣстностію у христіанскихъ обществъ, какъ писанія назидательныя, исполненныя духа и Божественной силы и имѣющія прямое приложеніе къ тѣмъ вопросамъ, которые занимали вниманіе христіанъ; но началомъ созидающимъ и устрояющимъ церковную жизнь, на первыхъ порахъ, было живое—устное слово... Святой Ириней писалъ: „на преданіи многіе варварскіе народы, увѣровавшіе во Христа, зиждутъ основаніе своей вѣры. Безъ пера и

чернилъ они сохраняютъ заповѣди спасенія, написанныя въ сердцахъ своихъ". Поэтому намъ нужно: а) изложить исторію употребленія апостольскихъ писаній до того времени, когда они, вмѣстѣ съ преданіемъ, стали однимъ нераздѣльнымъ авторитетомъ ученія и вѣры христіанской; б) показать состояніе апостольскихъ писаній въ этотъ промежутокъ времени; в) продолжить исторію отношенія къ нимъ Церкви до окончательнаго признанія ихъ каноническаго достоинства, въ полномъ ихъ составѣ.

а) Христіанство явилось въ землѣ іудейской: по своей непосредственной связи съ древнимъ ветхозавѣтнымъ ученіемъ, оно не сразу прерываетъ всякія отношенія къ современному ему іудейству. Спаситель и Его ученики соблюдаютъ законъ, участвуютъ въ общественныхъ молитвахъ и праздникахъ, посѣщаютъ Синагоги и Іерусалимъ. Такимъ образомъ порядокъ, соблюдаемый въ храмѣ и синагогахъ перешёлъ въ частныя, домашнія собранія христіанъ. Богослуженіе и совершеніе молитвъ послѣднихъ состояло первоначально, по примѣру Церкви іудейской, изъ чтенія и поученій. Апостолы прямо заповѣдуютъ вѣрующимъ—внимать чтенію и писанію, вразумлять себя во псалмахъ и пѣсняхъ духовныхъ; изъ книгъ Ветхаго Завѣта они заимствуютъ источникъ для своихъ поученій. Ветхій Завѣтъ, такимъ образомъ, представляется первому обществу источникомъ христіанскаго вѣроученія и назиданія. Между тѣмъ обстоятельства жизни, усвоеніе и переработка христіанскаго вѣроученія вызвали апостольскія писанія. Обусловленныя жизнію общества христіанскаго, назначенныя прямо для извѣстныхъ обществъ, слѣдовательно въ самомъ появленіи своемъ, облеченныя характеромъ публичности, они сразу пріобрѣли такой авторитетъ,

какой должны были имѣть писанія Боговдохновенныя. Обнародованіе и прочтеніе ихъ въ той общинѣ, для которой они назначались, считалось дѣломъ священной обязанности; но тѣснымъ кружкомъ одной общины, для которой они назначались, нельзя ограничивать ихъ распространенія. О нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что по прочтеніи они должны были передаваться и другимъ церквамъ (Соб. Посл. Посл. Колос.). Такимъ образомъ, по побужденію самихъ апостоловъ, писанія ихъ должны были распространяться въ ближайшихъ церквахъ. Но доколѣ апостолы живы были, писанія ихъ, какъ служившія напоминаніемъ устной проповѣди, не могли получить широкаго приложенія. Сами апостолы придавали болѣе практическаго значенія своей устной проповѣди, и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ являлись съ устнымъ словомъ... Такимъ образомъ и при Богослуженіяхъ живое слово не было замѣняемо письменнымъ. При этомъ Церковь еще не была скудна тѣми духовными дарами, которые прямо располагали къ устной проповѣди. Такимъ образомъ апостольскія писанія, въ первое время, по прочтеніи въ Церкви, были, главнымъ образомъ, въ домашнемъ употребленіи у христіанъ.

б) Смертію Апостола и Евангелиста Іоанна закончился апостольскій вѣкъ, въ теченіе котораго дано человѣчеству Откровеніе Новаго Завѣта. Наступилъ новый періодъ,—періодъ усвоенія Откровенія. За временемъ великаго духовнаго возбужденія, настало время какъбы духовнаго затишья,—затишья, неозначающаго бездѣйствія и остановки жизни, а указывающаго на внутреннюю работу усвоенія и осуществленія въ жизни высокихъ правилъ Іисуса Христа и Его учениковъ... Въ это-то время, при безпрерывныхъ сношеніяхъ Церквей

Греціи и малой Азіи, послѣдовалъ тотъ широкій обмѣнъ апостольскихъ писаній, о которомъ упоминаетъ святой Поликарпъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ: „писали мнѣ вы, и Игнатій, что, если кто отъ насъ отправится въ Сирію, доставилъ-бы онъ туда и письма отъ васъ. Это я исполню, когда найду благоприличный случай, или—самъ, или—чрезъ того, кого отправлю, чтобы онъ былъ посломъ вмѣстѣ и съ вашей стороны... Посланія Игнатія, присланныя имъ къ намъ и *другія*, сколько ихъ есть у насъ, мы отправили къ вамъ, согласно вашему требованію (Гл. 13)". На это-то время отсутствія живаго апостольскаго слова падаетъ начало введенія новозавѣтныхъ писаній въ чтеніе при церковномъ Богослуженіи. „Въ воскресный день, пишетъ святой Іустинъ, бываетъ у насъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ, или селамъ, и читаются, сколько позволитъ время, *сказанія апостоловъ*, или писанія пророковъ" (1-я апол. гл. 67). Распространеніе писаній во всѣхъ церквахъ, находившихся между собою въ близкихъ сношеніяхъ и употребленіе ихъ при общественномъ Богослуженіи для назиданія,—эти два факта идутъ рука объ руку въ вѣкъ апостольскихъ мужей. Съ рукъ на руки передаются они предстоятелями Церквей, или, лучше сказать, Церкви; утверждая своимъ авторитетомъ писанія, посылаютъ ихъ другимъ Церквамъ; послѣднія свидѣтельствуютъ къ нимъ свое уваженіе чтеніемъ и общественнымъ ихъ употребленіемъ. Съ тѣхъ поръ они всегда, у цѣлаго общества вѣрующихъ, предъ глазами... Само собою разумѣется, что, при практико-нравственномъ направленіи церковной жизни этого времени, употребленіе апостольскихъ писаній было только *литургическое* и *гомилетическое*; богословскаго раскрытія и изъясненія ихъ содержанія еще не могло

быть. (Характеръ цитатъ, приводимыхъ изъ новозавѣтныхъ писаній въ посланіи Варнавы и Климента Римскаго).

в) Къ концу первой половины II вѣка христіанство проникло въ города и села, достигло двора кесарей и начало свою великую работу—преобразованіе человѣчества во всей тогдашней Римской Имперіи... Въ это время апостольскія писанія пользовались полною извѣстностію между христіанами... Писанія, исключительно назначенныя для христіанъ, исполнены свидѣтельствами изъ новозавѣтныхъ писаній... Таковы посланія церквей *Ліонской* и *Вьенской* къ церквамъ азійскимъ о мученикахъ (Ц. Ист. Евсевія кн. V. Гл. 1); таковы посланія святаго *Игнатія Богоносца* и святаго *Поликарпа* къ Филиппійцамъ. Въ это время было положено начало Богословскому употребленію книгъ Священнаго Писанія. Святой *Θеофилъ Антіохійскій*, раскрывая ученіе объ Упостасномъ Словѣ и Творцѣ, и, разобравъ для этого повѣствованіе книги Бытія о твореніи и паденіи, для окончательнаго уясненія этого ученія, приводитъ первыя строки святаго Іоанна, какъ духоноснаго. „Но сему насъ учатъ Священныя Писанія и всѣ духоносцы, изъ коихъ Іоаннъ говоритъ: *Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога* и прочее". Не смотря на это, Писанія и въ это время не могли еще выступить во всемъ своемъ полномъ значеніи и во всей своей силѣ. При всеобщемъ распространеніи христіанства и всеобщихъ его побѣдахъ, древнія религіи подняли противъ него ожесточенную борьбу. Іудейство старалось удержать за собой достоинство древней обѣтованной религіи. Оно повсюду оглашало христіанъ безбожниками, и на Основателя христіанскаго ученія возводило самыя ложныя клеветы... Язычество, нравственно разслабленное, еще

разъ пробудилось. —Съ необыкновенною силою умножились и развились мистеріи и культы, въ которыхъ религіозное чувство искало удовлетворенія. Синкретическій эклектизмъ языческій думалъ выйти обновленнымъ изъ разрушенныхъ остатковъ всѣхъ религій и миѳическихъ преданій... Нужно было доказать іудейству, что христіанство не состоитъ въ противорѣчіи съ Ветхимъ Завѣтомъ, что цѣль Откровенія, восходящая до начала міра, заключается Крестомъ. Требовалось показать язычникамъ, что истинная религія не со вчерашняго дня, хотя она нашла свою полноту въ Евангеліи,—что она восходитъ въ далекое прошедшее и по древности превосходитъ самые уважительные культы...; надлежало уяснить философскими указаніями, что христіанская вѣра не есть смѣсь религіозныхъ и философическихъ идей прошедшаго.—что она есть средоточный пунктъ исторіи человѣчества. Понятно, что въ этой полемикѣ не могли прямо выступить новозавѣтныя писанія, возбуждавшія и суевѣріе въ однихъ, и иронію, и презрѣніе въ другихъ. Все дѣло развитія и уясненія христіанства должно было стать на Ветхомъ Завѣтѣ. Писанія апологетовъ еврейской религіи этого времени дѣйствительно наполнены свидѣтельствами ветхозавѣтными: но это не можетъ служить къ униженію новозавѣтныхъ писаній. Апологеты должны были призвать во свидѣтельство книги, извѣстныя своею древностію, и пользовавшіяся сравнительно большимъ уваженіемъ.

г) Въ то время, когда Церковь такъ побѣдоносно боролась со внѣшними врагами,—когда она указывала значеніе христіанства, какъ всемірнаго явленія,—внутренній врагъ, гораздо опаснѣйшій, грозилъ подкопать самыя основанія христіанства,—извратить самую внутреннюю его сущность. Разумѣемъ движенія гностиче-

ской ереси II вѣка. Гностическая ересь II вѣка– это не тотъ ложный гносисъ, противъ котораго возставали апостолы; наука еще не рѣшила, откуда вышли гностики. Во всякомъ случаѣ они не врагами христіанъ себя объявили; напротивъ, они хотѣли считать себя лучшею ихъ частію,—единственными обладателями истины; старались доказать, что ихъ ученіе есть выводъ всего прежняго развитія человѣческаго духа. Они въ различныхъ религіяхъ искали опоры своимъ твореніямъ. При этомъ синкретическомъ ихъ стремленіи, религія христіанская не могла не обратить ихъ вниманія на себя. Своимъ богатымъ содержаніемъ она давала и представляла гностикамъ слишкомъ много драгоцѣнныхъ элементовъ для построенія ихъ своеобразныхъ теорій. Но какъ было войти въ нее, сблизиться съ нею? Различіе между ихъ теоріями и вѣрою христіанскою, знавшею свое происхожденіе, было слишкомъ явно для того, чтобы можно было надѣяться на успѣхъ—непосредственнаго синкретическаго смѣшенія. Къ Ветхому Завѣту они питали непримиримую антипатію... Итакъ, въ Словѣ Іисуса Христа, въ Его смерти, во всемъ томъ, что можно считать за выраженіе Его мысли—они рѣшились искать подтвержденія для своихъ теорій. Отъ преданія церковнаго они перенесли свое дѣло къ самымъ фактамъ, на которыхъ стоитъ преданіе, и обратились къ новозавѣтнымъ книгамъ, которыя должны были представить имъ эти факты, такъ сказать въ чистомъ и неповрежденномъ ихъ видѣ... Понятно, какимъ искаженіямъ и въ смыслѣ, и въ текстѣ должны были подвергнуться писанія, призванныя въ подтвержденіе теорій, враждебныхъ ихъ собственному содержанію... Для примѣра мы можемъ здѣсь упомянуть о *Маркіонѣ*, который, усвоивъ себѣ роль возстановителя христіан-

скаго ученія, въ первобытномъ видѣ, образовалъ свой каноиъ, состоявшій изъ 10-ти посланій апостола Павла, нѣсколько видоизмѣненныхъ, и одного Евангелія, почти вновь написаннаго... Усилившійся гностицизмъ вовлекъ простую, болѣе практическую вѣру древняго христіанства въ такую тяжелую борьбу, съ которою можетъ равняться развѣ только нынѣшняя борьба вѣры съ неогностицизмомъ. Дѣло шло не о Божественномъ достоинствѣ христіанства вообще, но—о внѣшнемъ его положеніи и о самомъ внутреннемъ его содержаніи. Доселѣ христіане обращались за научными доказательствами къ ветхозавѣтнымъ книгамъ; въ отношеніи-же къ новозавѣтнымъ писаніямъ довольствовались однимъ чтеніемъ ихъ въ собраніяхъ вѣрныхъ, и—изложеніемъ, въ простыхъ выраженіяхъ, мыслей и чувствованій, которыя возбуждало чтеніе. А съ этого времени внутреннее ученіе Церкви приняло совершенно другую форму. Гностики распространяютъ свое заблужденіе посредствомъ изъясненія новозавѣтныхъ книгъ, и посредствомъ самыхъ недобросовѣстныхъ пріемовъ стараются вывести изъ этого источника свои доктрины о сотвореніи міра, эоновъ и прочее. Нужно было—съ одной стороны—защитить писанія, которыя они искажали, или совершенно отрицали, а съ другой—показать, что вѣра Церкви согласна съ ученіемъ Іисуса Христа и Его учениковъ,—ученіемъ, записаннымъ въ ихъ книгахъ... Съ этого времени Писанія и Преданія дѣлаются однимъ нераздѣльнымъ авторитетомъ ученія и вѣры Церкви... Съ этого времени число и составъ апостольскихъ писаній точнѣе опредѣляется...

Чтеніе 5.

Состояніе апостольскихъ писаній, въ апостольскій вѣкъ; въ вѣкъ апостольскихъ мужей и періодъ апологетовъ, въ концѣ II вѣка; списокъ Муратори и кодексъ Пешито, общій видъ канона въ концѣ II вѣка и писанія оспориваемыя; съ III до IV вѣка; исторія канона въ позднѣйшее время.

Писанія апостольскія, на первыхъ порахъ своего появленія, не могли образовать, какъ мы сказали, цѣльнаго, опредѣленнаго кодекса. Отстоя одни отъ другихъ на цѣлыя десятилѣтія, по времени появленія, апостольскія писанія, и по мѣсту написанія и назначенія, также отстояли очень далеко одни отъ другихъ: одно появлялось въ Палестинѣ, другое—въ малой Азіи, это—въ Римѣ, то—въ какомъ нибудь незначительномъ городкѣ Греціи; словомъ,—разсѣяны были почти по всему пространству римской имперіи... Тѣмъ не менѣе общины христіанскія, живя своею самостоятельною жизнію, имѣя во главѣ своего предстоятеля, находились между собою въ живой, органической связи, какъ члены одного великаго тѣла—Церкви. Потому начало собранія апостольскихъ писаній, возникавшее вслѣдствіе частыхъ сношеній христіанскихъ общинъ, началось весьма рано, при жизни и наставленіи самихъ апостоловъ. Такъ, во 2 посланіи апостола Петра (3, 15—16), мы находимъ свидѣтельство о такомъ состояніи апостольскихъ писаній. Хотя изъ этого мѣста нельзя еще выводить точныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе оно говоритъ о самомъ фактѣ собранія апостольскихъ писаній въ эту раннюю эпоху. О собраніи Евангелій въ одно цѣлое мы не имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ изъ 1 вѣка; но на этотъ разъ намъ нѣтъ надобности сомнѣваться въ сказаніи Евсевія, которое онъ передаетъ на основаніи древняго

свидѣтельства. По его сказанію первыя три Евангелія еще при жизни святаго Іоанна уже вездѣ были распространены и представлены ему на разсмотрѣніе. Онъ засвидѣтельствовалъ ихъ истинность; но сказалъ только, что въ нихъ не достаетъ того, что Іисусъ сдѣлалъ въ началѣ своего общественнаго служенія; по просьбѣ своихъ друзей Онъ восполнилъ это своимъ четвертымъ Евангеліемъ. Такимъ образомъ поэтому преданію, которому ничто не противорѣчитъ въ дальнѣйшей исторіи образованія новозавѣтнаго канона, Евангелія, которыя, по самому историческому содержанію своему, должны были войти въ болѣе обширное употребленіе, прежде апостольскихъ посланій, достигли своего заключенія въ одно цѣлое.

Въ писаніяхъ святаго Игнатія Богоносца мы находимъ указанія на два отдѣла собранія новозавѣтныхъ писаній „Евангеліе„ и „Апостолъ“: будемъ прибѣгать къ *Евангелію*, какъ плоти Іисуса, и къ *апостоламъ*, какъ пресвитерству Церкви“,— пишетъ Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ филадельфійцамъ (Гл. 5). Трудно опредѣлить какія Писанія апостольскія входили въ эти два отдѣла; изъ этого времени для насъ не сохранилось ни одного опредѣленнаго списка. Но, по посланіямъ святаго Игнатія Богоносца мы можемъ заключить, что онъ зналъ *четыре Евангелія, первое посланіе апостола Петра, первое посланіе Іоанна* и *многія* изъ посланій *апостола Павла*. Такимъ образомъ, на основаніи его указаній можемъ заключить, что „Евангеліе“ состояло изъ четырехъ Евангелій, „Апостолъ“ изъ нѣкоторыхъ соборныхъ посланій и многихъ посланій апостола Павла. Эти положенія наши подтверждаются отчасти свидѣтельствами еретическими..., и въ частности канономъ Маркіона: его каноиъ, какъ и каноиъ церковный,

состоитъ изъ двухъ частей: Евангелія и Апостола; (Ευαγγελικον και αποστολικον) но, руководясь интересомъ не историческимъ, а субъективно-догматическимъ, онъ очистилъ канонъ церковный по своей мѣркѣ. Онъ несомнѣнно зналъ всѣ наши четыре Евангелія, но заподозривалъ апостоловъ въ іудействѣ. Изъ всѣхъ нихъ Онъ избралъ одно Евангеліе Луки, который, какъ ученикъ Павла, подъ его руководствомъ, по мнѣнію Маркіона, правильнѣе изложилъ ученіе Іисуса Христа. Впрочемъ и это Евангеліе онъ видоизмѣнилъ, по какой-то своей мѣркѣ. Онъ составилъ и апостоликонъ, въ которомъ, отвергши авторитетъ прочихъ апостоловъ, помѣстилъ только 10 посланій апостола Павла. Въ такомъ измѣненномъ видѣ явился у этого еретика канонъ церковный. Отрицательная работа Маркіона о канонѣ новозавѣтныхъ книгъ даетъ право сдѣлать и положительное заключеніе о его составѣ въ Церкви этого времени.

Въ сужденіяхъ святаго Иринея, Тертулліана и Климента Александрійскаго вопросъ о каноне, рѣшенный практикою Церкви, возводится къ общимъ началамъ, уясняется теоретически.—Замѣченное нами раздѣленіе канона на двѣ части существуетъ у этихъ учителей Церкви, только въ болѣе ясномъ видѣ: „Евангеліе Господне“, „Святые Апостолы“. Тертулліанъ сообразно съ новымъ значеніемъ, полученнымъ апостольскими писаніями въ Церкви, называетъ ихъ: „инструментомъ Евангельскимъ, Апостольскимъ“,—названіями, которыми онъ кратко, но ясно показываетъ силу и значеніе апостольскихъ писаній, какъ книгъ общественныхъ, которыя должны быть законодательной нормой жизни. Опредѣливъ такъ значеніе новозавѣтныхъ писаній, они поставляютъ ихъ въ тѣсную связь съ писаніями вѣтхозавѣтными: Пророки предсказали, Господь научилъ, Апостолы

передали... Канонъ церковный составляетъ—„общія писанія и пророческія, и Евангельскія"... При такой опредѣленности общихъ понятій о канонѣ апостольскихъ писаній, мы не находимъ еще у этихъ учителей Церкви цѣльнаго каталога книгъ, составляющаго ихъ каноиъ. Но на этотъ разъ писанія ихъ представляютъ ту выгоду,—то преимущество, что буквальная точность цитатъ, нерѣдко и поименное названіе книгъ, изъ которыхъ они приводятъ свидѣтельства, опредѣленіе указываютъ Писанія, которыми они пользовались... Цитаты Иринея изъ новозавѣтныхъ книгъ такъ многочисленны, что по нимъ мы можемъ безъ труда возстановить его каноиъ. Несомнѣнно, что онъ зналъ четыре Евангелія, книгу Дѣяній апостоловъ, всѣ посланія апостола Павла, 1-е посланіе апостола Петра, 1-е и 2-е Іоанна. Климентомъ Александрійскимъ, по свидѣтельству Евсевія, сдѣлано извлеченіе изъ всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ. Тертулліанъ приводитъ свидѣтельства изъ четырехъ Евангелій, книги Дѣяній апостоловъ, тринадцати посланій апостола Павла, 1-го посланія апостола Петра, 1-го Іоанна и апостола Іуды. Правда, эти учители Церкви съ уваженіемъ, равнымъ апостольскимъ посланіямъ, отзываются о посланіяхъ Варнавы, Климента Римскаго и Ермы; но вышеупомянутыя названія они исключительно усвояютъ—или писаніемъ апостольскимъ, непосредственно написаннымъ самими апостолами, или ихъ ближайшими учениками, подъ ихъ руководствомъ.

Изъ этого же времени для насъ сохранились еще два памятника, свидѣтельствующихъ о состояніи канона въ это время. Разумѣемъ списокъ *Муратторія* и кодексъ *Пешитто*. Списокъ Муратторія, открытый въ половинѣ прошедшаго столѣтія ученымъ Муратторіемъ, составленъ въ римской Церкви, какъ можно заключать изъ замѣтки

самаго автора, между 175 и 190-мъ годами, полагая послѣдній срокъ. Авторъ этого списка поставилъ своею цѣлію — исчислить всѣ писанія, „которыя содержитъ церковь каѳолическая", и строго отличить ихъ отъ тѣхъ, „которыя не могутъ быть приняты въ церкви каѳолической". Этотъ списокъ подраздѣляетъ всѣ книги на три класса: Евангеліе, апостольскія посланія и книги пророческія. Къ первому классу причисляетъ четыре Евангелія, какъ несомнѣнно принятыя всею церковью, въ слѣдъ за ними сообщаетъ краткія свѣдѣнія о книгѣ Дѣяній апостольскихъ; во второмъ классѣ исчисляетъ посланія апостола Павла, числомъ 13, отъ которыхъ строго должны быть отдѣлены посланія къ Лаодикійцамъ и Александрійцамъ, написанныя подъ именемъ Павла и многія другія, которыя не могутъ быть приняты въ церкви,—къ этому же классу онъ причисляетъ два посланія Іоанна и посланіе Іуды; въ третьемъ классѣ онъ упоминаетъ объ апокалипсисѣ Іоанна, апокалипсисѣ апостола Петра и книгѣ Ермы; объ апокалипсисѣ апостола Петра замѣчаетъ, что нѣкоторые не хотятъ читать его; книгу Ермы совѣтуетъ читать дома, но не предлагать народу въ Церкви для назиданія. Оканчивается списокъ замѣчаніемъ, что мы рѣшительно ничего не принимаемъ отъ Маркіона, Валентина, Василида. Конечно, въ этомъ спискѣ, въ его настоящемъ отрывочномъ и неисправномъ видѣ, нельзя искать полнаго канона новозавѣтныхъ книгъ, какой былъ принятъ въ Церкви; во время происхожденія его (списка) въ немъ опущены нѣкоторыя писанія, авторитетъ которыхъ не оспоривалъ, таково 1-е посланіе апостола Петра; но для насъ важно внутреннее свойство этого памятника, методъ, пріемы и начало сужденій автора его.— *Пешитто*—это кодексъ книгъ священнаго Писанія

сирской Церкви: въ немъ собраны книги ветхозавѣтныя и новозавѣтныя. Изъ новозавѣтныхъ въ немъ помѣщены слѣдующія: 4 Евангелія, книги Дѣяній, 14 посланій апостола Павла, 1-е Петра, 1-е Іоанна и посланіе апостола Іакова.

Итакъ, въ различныхъ мѣстахъ церкви, у различныхъ лицъ и обществъ, мы видимъ собранія новозавѣтныхъ писаній, которыя (собрались), при всей своей независимости другъ отъ друга, въ своемъ происхожденіи, условливаясь направлявшимъ жизнію каждой Церкви вселенскимъ преданіемъ, образовались въ существѣ совершенно сходными между собою, такъ что это не различные, частные каноны, а одинъ вселенскій канонъ,—общее правило всей Церкви. Но такая опредѣленность въ главномъ еще не говоритъ о цѣлой его законченности. Въ каноиѣ твердо стоятъ 4 Евангелія, книга Дѣяній, 14 посланій апостола Павла, 1-е Петра, 1-е Іоанна и апокалипсисъ; остальныя же 5-ть соборныхъ посланій еще стоятъ, въ отношеніи къ канону, въ нерѣшительномъ положеніи: нельзя сказать, чтобы ихъ не знали отцы и учители Церкви, о которыхъ мы доселѣ упоминали, нельзя найти слѣдовъ, чтобы ихъ отрицали, какъ подложныя произведенія апостольскаго вѣка, недостойныя быть въ уваженіи Церкви, какъ это мы видимъ въ отзывахъ о нихъ съ самаго древняго времени, и находимъ слѣды знакомствъ съ этими книгами; наконецъ, у нѣкоторыхъ отцовъ Церкви и нѣкоторыя изъ этихъ посланій упоминаются и прямо приводятся съ собственными ихъ именами... Конечно, если бы допустить, что новозавѣтный канонъ, въ первомъ своемъ видѣ, образовался и получилъ законченность общимъ рѣшеніемъ Церкви, въ лицѣ святаго апостола Іоанна,—то такое неопредѣленное положеніе этихъ собраній

могло бы быть предосудительнымъ: но мы представили другой путь образованія новозавѣтнаго канона... При образованіи канона общею жизнію Церкви, натурально было, чтобы тѣ писанія апостольскія, которыя, и по мѣсту происхожденія и по назначенію своему, стояли въ потокѣ болѣе дѣятельнаго развитія жизни апостольской,—которыхъ самое содержаніе имѣло, по обстоятельствамъ церкви, особенное жизненное значеніе,—такія писанія апостоловъ прежде другихъ вошли въ собраніе,—составили такъ сказать зерно канона. Остальныя писанія не владѣли такими преимуществами и должны были постепенно къ нимъ пріобщаться... Пять соборныхъ посланій, которыхъ вселенская извѣстность нисходитъ въ болѣе поздній шее время, съ самаго происхожденія своего, стояли далеко не въ такихъ выгодныхъ условіяхъ для своего распространенія и всеобщей извѣстности, въ какихъ находились писанія, прежде объединившіяся.

Послѣдующіе отцы и учители Церкви, сообразуясь съ голосомъ Церкви, и при помощи критическихъ пособій, старались уяснить современное положеніе канона. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ *Оригеномъ*. Отецъ посѣялъ въ немъ любовь къ изученію Евангелія и вообще священнаго писанія, которая—съ теченіемъ времени сдѣлалась страстію его жизни. Уроки Пантена и Климента выработали въ немъ научный, критическій тактъ, которымъ онъ удивлялъ ученѣйшихъ людей своего времени. Наконецъ, изученіе въ путешествіяхъ, преданія и жизни древнѣйшихъ Церквей и личное знакомство съ знаменитѣйшими предстоятелями Церкви своего времени развило въ немъ то уваженіе къ авторитету вселенской Церкви, которое заставляло его склониться предъ ея голосомъ въ минуты самыхъ сильныхъ увлеченій своими

философскими воззрѣніями. Питая глубокое уваженіе къ книгамъ священнаго Писанія, требуя сознательнаго усвоенія истинъ христіанскаго вѣрованія, Оригенъ не могъ не обратить вниманіе на болѣе точное опредѣленіе границъ священнаго канона,—попытался дать ему, если возможно, законченный видъ... Подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, у него выработался истинный критерій для оцѣнки Писаній, имѣющихъ право на мѣсто въ каноиѣ. Это вселенскій голосъ Церкви, провѣренный строго научной, правильной критикой... На основаніи этого критерія, онъ раздѣлилъ всѣ Писанія Новаго Завѣта, стоявшія въ началѣ и имѣвшія стремленіе войти въ него, на три группы: признанныя, сомнительныя и подложныя. „Признанныя" —это писанія общепризнанныя, о которыхъ никогда не было сомнѣнія въ Церкви, ни касательно внутренняго содержанія, ни подлинности происхожденія ихъ отъ апостоловъ... „Сомнительныя"—писанія, касательно которыхъ еще не послѣдовало общаго рѣшенія Церкви. Церковь непремѣнно требовала, чтобы писанія, имѣющія войти въ каноиъ, происходили отъ апостоловъ, имѣющихъ Духа Святаго по преимуществу... Писаніе же это, при своемъ несомнѣнно-истинномъ содержаніи, согласуясь съ вѣрою, еще не доказали своего апостольскаго, слѣдовательно Божественнаго происхожденія... Это 5-ть соборныхъ Посланій. „Подложныя" —это сочиненія, которыя ни въ какомъ отношеніи не могли пользоваться большимъ авторитетомъ въ Церкви... Въ такомъ положеніи былъ каноиъ Церкви, во время Оригена, и онъ постарался представить о немъ судъ церковный... Но у него былъ свой личный каноиъ, нѣсколько отличный отъ тогдашняго церковнаго, который онъ составилъ послѣ обстоятельнаго изслѣдованія судьбы Писаній...

Этотъ личный его канонъ совпадаетъ съ нынѣшнимъ церковнымъ... Въ немъ онъ исчисляетъ 27 книгъ, написанныхъ апостолами и ихъ ближайшими послѣдователями. Подъ вліяніемъ критическихъ началъ Оригена совершали свои критическія изслѣдованія и другіе ученые мужи—III вѣка, вышедшіе изъ школы Оригена. Таковъ *Діонисій* Александрійскій, ученикъ Оригена, *Ипполитъ*, поклонникъ Оригена и другіе. Главнымъ образомъ вопросъ сосредоточивался около посланія къ евреямъ и—апокалипсиса Іоанна. Вообще, конецъ этого вѣка, по замѣчанію Евсевія, обиловалъ многими учеными мужами, изучавшими еврейскій языкъ и знавшими свѣтскія науки... Подъ ихъ-то вліяніемъ судъ церковный совершилъ свое окончательное рѣшеніе о книгахъ новозавѣтныхъ.

Четвертый вѣкъ принесъ внѣшній миръ Церкви. Послѣднюю рѣшительную борьбу за свое существованіе, христіанство выдержало въ гоненіи Діоклитіана. Теперь Церковь обратила свое исключительное вниманіе на раскрытіе содержанія своего ученія,—на указаніе высочайшихъ догматическихъ истинъ. Писанія должны были быть призваны на помощь. Теперь требовалось имѣть строго опредѣленный, законченный канонъ. Но предъ наступленіемъ этого послѣдняго акта, естественно и необходимо было оглянуться назадъ,—привести на память всю прожитую канономъ исторію... Эту-то послѣднюю задачу и взялся выполнить Евсевій. Подобно Оригену онъ дѣлилъ всѣ книги на три класса: признаваемыя, спорныя и подложныя. Но у него не положено строгихъ границъ между этими отдѣлами... Второй классъ у него раздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ стоятъ 5-ть соборныхъ посланій, а во второмъ посланіе Варнавы, книга Ермы, постановле-

нія апостольскія и другія. Кромѣ того, у него въ нерѣшительномъ положеніи поставлены нѣкоторыя изъ такихъ книгъ, которыя у Оригена отнесены къ отдѣлу признанныхъ, таковы: апокалипсисъ Іоанна, посланіе къ евреямъ и другія. (См. 25 гл. 3-й кн. Истор. Церкви). Подобная колеблемость относительно новозавѣтныхъ книгъ не могла быть въ вѣкъ Евсевія. Ее можно объяснить только особенною задачею, которую Евсевій поставилъ, при своемъ изслѣдованіи, именно—обзоромъ исторической судьбы новозавѣтныхъ писаній, во всѣ предшествующее время. Настоящаго изображенія состоянія новозавѣтнаго канона мы должны искать у другихъ учителей Церкви этого времени.—Такое изображеніе состоянія канона въ IV вѣкѣ мы находимъ въ Пасхальномъ Посланіи святаго Аѳанасія Александрійскаго. Всѣ существовавшія книги въ Церкви онъ дѣлитъ на три класса, строго разграниченные между собою.—Первый классъ книгъ называетъ—книги канонизованныя, второй—непризнанныя, третій—апокрифическія. Первыя—это книги *Божественныя-апостольскія*, вторыя—*Церковныя*, назначенныя для домашняго употребленія, третьи—*подложныя-еретическія*. Къ первымъ причисляются всѣ 27 новозавѣтныхъ книгъ,—ко вторымъ—посланія Варнавы, Климента римскаго и другія, къ третьимъ писанія еретиковъ. Согласно съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ исчисляются новозавѣтныя книги у Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Амфилохія Иконійскаго и другихъ учителей восточной и западной Церкви. Такимъ образомъ книги, получившія извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ и засвидѣтельствованныя авторитетомъ церквей, принимаются всѣми согласно, и отъ лица собора Лаодикійскаго рекомендуются для употребленія всѣмъ христіа-

намъ. Сообразно съ такимъ значеніемъ усвоено всѣмъ новозавѣтнымъ писаніямъ и примѣнено къ нимъ названіе: *каноническія*, замѣнившее всѣ предшествовавшія названія. Канонизованныя у Аѳанасія тоже, что преданныя и признаваемыя за Божественныя. Слово—апокрифическій прежде означавшее—таинственный, не всѣмъ доступный, теперь стало означать—еретическій, испорченный. Такъ опредѣлился канонъ новозавѣтныхъ книгъ въ восточной Церкви. Примѣру ея скоро послѣдовала и западная Церковь. На двухъ соборахъ Карѳагенскихъ исчислены книги каноническія. Папа Геласій въ V вѣкѣ своимъ декретомъ о книгахъ принятыхъ и не принятыхъ утвердилъ опредѣленія Карѳагенскихъ соборовъ и сдѣлалъ ихъ рѣшеніе обязательнымъ для всѣхъ христіанъ западной Церкви.

До временъ Лютера вопросъ о каноне священныхъ книгъ не поднимался. Лютеръ первый, въ позднѣйшее время, сталъ заподозривать нѣкоторыя изъ книгъ новозавѣтныхъ. Начала, на которыхъ онъ построилъ свой канонъ, были произвольны, не имѣли исторической прочности и были забыты его послѣдователями. Въ XVII вѣкѣ всѣ христіане согласно признавали, въ цѣломъ составѣ, новозавѣтныя каноническія книги. Споры о каноне вновь возникли въ XVIII вѣкѣ. *Землеръ* учитъ, что—*канонической* не значитъ—Боговдохновенный, Божественный.—что это слово означаетъ *образцовый*, предложенный для руководства; каноническія книги христіанъ это—книги образцовыя, предложенныя для руководства... Съ его легкой руки канонъ сталъ подвергаться новымъ видоизмѣненіямъ и толкамъ въ школахъ раціоналистическихъ. Но Церкви—восточная и западная согласно признаютъ всѣ книги, завѣщанныя древнею Церковію.

Чтеніе 6.

Судьба автографовъ.—Форма и видъ автографовъ и основанія для исторіи текста.—Самыя измѣненія текста: вліяніе употребленія книгъ Священнаго Писанія на измѣненіе текста. -Вліяніе на текстъ употребленія книгъ Священнаго Писанія для подтвержденія истинъ религіозныхъ. Вліяніе на текстъ церковнаго употребленія книгъ Священнаго Писанія.—Измѣненія текста намѣренныя.—Вліяніе всѣхъ этихъ измѣненій на состояніе текста.—Древнее исправленіе текста.

По всей вѣроятности автографы весьма рано затерялись. Непрочность матеріала, на которомъ писали (Египетскій папирусъ), привязанность первыхъ христіанъ болѣе къ живому слову, чѣмъ письменному, ранніе гоненія и преслѣдованія христіанъ—не благопріятствовали сохраненію ихъ.. По крайней мѣрѣ, слѣды указанія автографовъ, въ посланіяхъ святаго Игнатія Богоносца и въ писаніяхъ Тертулліана,—темны и сбивчивы... Позднѣйшія сказанія объ открытіи Евангелій Матоея, на гробѣ Варнавы, на островѣ Кипрѣ, и—Іоанна—въ Ефесѣ—принадлежатъ къ благочестивымъ преданіямъ, не имѣющимъ прочныхъ историческихъ основъ.

Вслѣдствіе этого, форму и видъ апостольскихъ автографовъ мы можемъ описать только на основаніи другихъ письменныхъ памятниковъ древности и—уцѣлѣвшихъ древнихъ манускриптовъ. Судя по нимъ можно предполагать, что апостолы писали, не раздѣляя словъ, безъ предыханій, знаковъ и препинаній, не раздѣляли текста на отдѣлы. Матеріалъ, на которомъ писали, былъ по всей вѣроятности, самый употребительный въ это время, въ обыденной жизни, египетскій папирусъ: писали словами въ вериокъ, или прописными буквами. Усовершенствованіе въ способахъ писанія и чтенія

письменныхъ памятниковъ, измѣненіе внѣшняго формата ихъ—должны были также прилагаться и къ тексту писаній апостольскихъ: съ другой стороны,—пользованіе писаніями апостольскими не могло также остаться безъ вліянія на судьбу текста апостольскаго. Отсюда—исторія *внѣшнихъ видоизмѣненій* въ текстѣ писаній апостольскихъ,—отъ приложенія къ нимъ усовершенствованныхъ способовъ чтенія и писанія письменныхъ памятниковъ; и—исторія *измѣненій внутреннихъ*,—отъ употребленія и пользованія писаніями апостольскими,—должны составлять два главные пункта. при обозрѣніи текста писаній новозавѣтныхъ. Тѣ и другія могутъ быть разсматриваемы: 1) до изобрѣтенія книгопечатанія; 2) со временъ книгопечатанія. *Внутреннія измѣненія* текста, или, такъ называемые *варіанты*—различныя чтенія явились съ тѣхъ поръ, какъ только стали употреблять писанія апостольскія... Климентъ Александрійскій, цитуя одно мѣсто изъ Евангелія Матѳея. упоминаетъ о томъ, что есть другое чтеніе того-же мѣста Евангелія... Оригенъ жалуется на искаженіе нѣкоторыхъ мѣстъ текста.

Какого-же рода могли быть измѣненія текста? *Виды измѣненій.*

Различаютъ внутреннія измѣненія *по источникамъ*,—когда они произошли, или отъ невниманія и небрежности переписчиковъ, или были сдѣланы намѣренно толковниками и читателями Священнаго Писанія: *по формѣ*.—когда видоизмѣненія являются въ видѣ прибавокъ. вставокъ, опущеній...; *по объему*.—когда они касаются буквъ, словъ и цѣлыхъ предложеній... Изложить въ хронологическомъ порядкѣ эти видоизмѣненія невозможно. Во всякое время они могли являться равномѣрно. Можно только сказать. что въ древнее время

обращеніе съ текстомъ было болѣе свободное, чѣмъ въ послѣднее.

На первыхъ порахъ, когда стали употреблять писанія апостольскія, измѣненія въ текстѣ могли быть допускаемы такія, которыя способствовали его усовершенію,—именно: могли измѣнять еврейскую конструкцію словъ, по законамъ и правиламъ греческаго классическаго языка; слова не точныя и малоупотребительныя могли замѣнять общеизвѣстными и вполнѣ выражавшими мысль...; могли исправлять и другія грамматическія погрѣшности... Евсевій говоритъ о Таціанѣ: „говорятъ, что Таціанъ осмѣлился выразить другими словами нѣсколько апостольскихъ изреченій, съ намѣреніемъ будто исправить языкъ". Извѣстны поправки—Оригеновы. Въ древнихъ манускриптахъ сохранилось не мало слѣдовъ такихъ исправленій. Напримѣръ въ кодексахъ Д. Е. F. G. Римл. 8, 11: *Воскресившій Христа изъ мертвыхъ, оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ*—διὰ τὸ ἐνοικοῦν πνεῦμα,—въ манускриптахъ A. B. замѣнено—διὰ τιν ενοικουντος αυτιν πνευματος и тому подобные.

Въ эту-же пору могли входить въ текстъ нѣкоторыя *прибавки* или—изъ преданій, или—изъ другихъ писаній апостольскихъ-же. Послѣднее особенно имѣло приложеніе къ четвероевангелію, при сличеніи параллельныхъ мѣстъ. Іеронимъ замѣтилъ, что въ нашемъ четвероевангеліи текстъ отчасти смѣшанъ отъ того, что нѣкоторыя лица осмѣливались, при чтеніи Евангелія, недостающее въ одномъ восполнять изъ другаго,—дѣлать прибавки изъ преданій: напримѣръ Іоан. 8, 59: *но Іисусъ скрылся, и вышелъ изъ храма, прошедши посреди ихъ; и потомъ далѣе*, прошедши посреди *ихъ*—этого выраженія въ нѣкоторыхъ кодексахъ нѣтъ. Когда книги Священнаго

Писанія дѣлались не только предметомъ чтенія, но и изученія. тогда новость оборотовъ. малоупотребительность словъ. особенности религіознаго апостольскаго языка—побуждали людей классически образованныхъ дѣлать подстрочныя и боковыя поясненія текста. Эти частныя поясненія неопытными переписчиками вносились въ самый текстъ. Іеронимъ обличаетъ неразуміе тѣхъ переписчиковъ, которые такъ дѣлали.

Ссылки и цитаты изъ книгъ Священнаго Писанія для подтвержденія истинъ догматическихъ не могли остаться также безъ вліянія на текстъ книгъ новозавѣтныхъ, особенно при полемическихъ интересахъ. У древнихъ отцевъ Церкви больше всего жалобъ на поврежденіе такого рода текста еретиками (Тертулліана. Иринея и другихъ). Впрочемъ, нужно судить объ этихъ обвиненіяхъ съ тогдашней точки зрѣнія... Обвиненія дѣлались въ пылу... больше всѣхъ обвиняется Маркіонъ. Но судя по тѣмъ мѣстамъ. которыя приводятся отцами. поврежденія этого рода весьма незначительны. Большею частію они вытекли отъ изученія текста Священнаго Писанія, и только въ немногихъ мѣстахъ—отъ превратнаго толкованія. Такого-же характера, по всей вѣроятности, жалобы и касательно другихъ еретиковъ, упоминаемыхъ Евсевіемъ.

Отдѣленія, читавшіяся въ церквахъ изъ книгъ Священнаго Писанія. въ началѣ и концѣ, часто получали какія-нибудь прибавочныя слова. Эти слова неопытными переписчиками нерѣдко вносились въ текстъ. Такимъ образомъ слово—„аминь“ является тамъ. гдѣ не слѣдовало-бы оное ставить.

Послѣ этого судьба текста Священнаго Писанія зависѣла отъ случайностей: переписчиковъ, отъ обмана слуха. зрѣнія, воспоминаній и сужденій. когда въ одной

и той-же строкѣ встрѣчались слова одинаковыя, или двѣ строки сряду начинались одними и тѣми-же словами, когда переписчикъ списывалъ подъ диктовку и перепуталъ слова, или неправильно ихъ поставилъ, вмѣсто—я—і и другіе, когда неправильно списалъ слова сокращенныя, или самъ сократилъ... Подобнаго рода грамматическими и орѳографическими ошибками богаты уцѣлѣвшіе манускрипты.

Какъ ни велико число случайностей, вліявшихъ на судьбу новозавѣтнаго текста,—всѣ они въ общей своей массѣ не повредили текста: въ церквахъ были нѣкоторыя начала, сдерживающія ихъ развитіе и распространеніе. Это—1) Зависимость новоустрояемыхъ обществъ христіанскихъ отъ тѣхъ главныхъ пунктовъ, отъ которыхъ они получали христіанское вѣроученіе: въ церквахъ, основанныхъ апостолами, всегда хранились такіе манускрипты, которые не были подвергнуты случайностямъ частнаго употребленія, по нимъ-то частныя церкви, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ манускриптовъ, старались исправить свои списки... 2) Церковь съ раннихъ поръ была внимательна къ появлявшимся поврежденіямъ: Климентъ Александрійскій, Тертулліанъ, святой Иринеи обличали людей злоупотреблявшихъ этимъ дѣломъ... 3) При внимательномъ сличеніи болѣе *семисотъ* рукописей, заключающихъ въ себѣ до *десяти тысячъ* варіантовъ, въ текстѣ не найдено существенныхъ измѣненій. Міръ ученыхъ изслѣдователей расходится въ спорахъ только объ одномъ мѣстѣ: Іоан. 5, 7. 8. Ст. 7: *тріе суть свидѣтельствующіе на небеси. Отецъ, Слово и Святой Духъ: и сіи три—едино суть.* Ст. 8: *и тріе суть свидѣтельствующіе на земли, духъ, и вода, и кровь: и тріе во едино суть...*

Какъ ни незначительны были поврежденія новозавѣтнаго текста, —они вызывали необходимость критическаго разсмотрѣнія и критической повѣрки... *Оригенъ*, посвятившій всѣ свои труды исправленію текста ветхозавѣтнаго, не оставилъ, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ указаніямъ древности, (ссылки Іеронима), безъ нѣкоторыхъ поправокъ и текстъ новозавѣтный... Современныя ему рецензіи новозавѣтнаго текста сдѣланы—въ III вѣкѣ—Египетскимъ епископомъ *Исихіемъ* и Антіохійскимъ священникомъ *Лукіаномъ*. Неизвѣстно какого характера были эти рецензіи, и въ чемъ они состояли,—на основаніи не совсѣмъ ясныхъ сказаній Іеронима и нѣкоторыхъ манускриптовъ, относимыхъ къ рецензіямъ этихъ мужей, можно полагать, что они состояли въ классическихъ выправкахъ текста,—въ болѣе связномъ и правильномъ выраженіи и изложеніи мыслей... Рецензіи эти, впрочемъ, не имѣли широкаго приложенія: церкви не хотѣли мѣнять своихъ прежнихъ, древнихъ манускриптовъ. И по всей вѣроятности они сдѣлались принадлежностію только ученыхъ отцевъ и учителей Церкви, а чрезъ нихъ уже вошли въ нѣкоторые списки—въ видѣ смѣшеннаго текста,—открываемаго въ нѣкоторыхъ древнихъ манускриптахъ... Самые древніе—Александрійскіе и Палестинскіе—манускрипты остались внѣ этихъ рецензій...

Чтеніе 7.

ИСТОРІЯ ВНѢШНИХЪ ИЗМѢНЕНІЙ ТЕКСТА:

а) *Въ употребленіи матеріала.* Съ IV вѣка въ употребленіи были большею частію пергаменные кодексы. Константинъ Великій по крайней мѣрѣ, далъ распоряженіе, чтобы въ церквахъ были пергаменныя книги. Роскошные, пергаменные кодексы въ IV вѣкѣ составляли принадлежность благочестивой ревности. Въ X вѣкѣ этотъ матеріалъ былъ замѣненъ хлопчато-бумажникомъ. Въ XIII вѣкѣ употребляются кодексы, писанные на льняной бумагѣ.

б) *Внѣшняго формата книгъ.* Еще ранѣе можетъ быть произошли перемѣны во внѣшнемъ форматѣ книгъ. Неудобные для чтенія свертки, принимали форму тетрадей, содержащихъ извѣстное число листовъ, которые складывались, переплетались вмѣстѣ, и въ такомъ видѣ присоединялись къ другимъ. Тетради по числу листовъ дѣлились на Τρίσσα Τεσσα и такъ далѣе.

в) *Шрифтовъ.* Гораздо долѣе удерживались старинные знаки письма и обычай писать въ столбцахъ. Первые, однакожъ, постепенно теряли свое перпендикулярное направленіе, наклоняясь къ сторонѣ и принимая круглую форму. Въ X вѣкѣ общеупотребительнымъ сдѣлался курсивъ. Шрифтъ *анціальный*—прямыми буквами сдѣлался принадлежностію роскошныхъ изданій и кодексовъ, употреблявшихся въ церквахъ.

Введеніе знаковъ и пунктуаціи для облегченія чтенія. Не смотря на рѣдкость книгъ, чтеніе ихъ еще затруднялось недостаткомъ знаковъ, облегчающихъ произношеніе словъ. Только съ X вѣка, вмѣстѣ съ курсивомъ, вошли въ общее употребленіе знаки придыханія и ударенія. Еще больше затруднялось чтеніе обычаемъ пи-

сать слова нераздѣльно—подъ-рядъ. Споры изъ-за правильнаго чтенія появились весьма рано—(во II вѣкѣ Тертулліанъ. Климентъ Александрійскій),—и для священныхъ книгъ тогда-же были придуманы нѣкоторые внѣшніе знаки. но въ общее употребленіе они вошли гораздо позже... Въ половинѣ V вѣка діаконъ *Евтолій* облегчилъ чтеніе тѣмъ, что подраздѣлилъ текстъ на стихи, или сплошныя строки, помѣщая въ каждой столько словъ. сколько входило въ предложеніе. Первоначально онъ примѣнилъ этотъ способъ къ книгѣ Дѣяній и Посланій Павловымъ; но скоро и Евангелія были также подраздѣлены. Изобрѣтенный Евтоліемъ способъ дѣйствительно облегчалъ чтеніе, но онъ былъ не выгоденъ въ экономическомъ отношеніи. Поэтому нѣкоторые обратились къ прежнему способу писанія—подъ-рядъ,—обозначая стихи какимъ-нибудь внѣшнимъ знакомъ—крестикомъ или другимъ (Значеніе: στιγμη Τελεια, στιγμη μεση, υποστιγμη). Съ введеніемъ этой пунктуаціи вошло въ употребленіе и раздѣльное писаніе словъ. Впрочемъ, только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія все это получило надлежащее приложеніе.

Введеніе дѣленій въ текстъ. Писанія апостольскія первоначально были безъ всякихъ подраздѣленій. Въ каждой книгѣ только внимательный читатель могъ подмѣтить извѣстные отдѣлы. Указанія на такіе отдѣлы встрѣчаются весьма рано. (У Климента Александрійскаго περικοπη. у Тертулліана Capitulum. у Діонисія Александрійскаго κεφαλιον—по всей вѣроятности означаютъ дѣленіе книгъ по отдѣламъ, излагающимъ извѣстную мысль).

Дѣленіе церковное. Самымъ важнымъ дѣленіемъ текста было дѣленіе церковное... Церковь христіанская, вводя въ церковныя употребленія писанія апостольскія, по

примѣру Церкви ветхозавѣтной, должна была ввести и раздѣленіе книгъ для чтенія: такое дѣленіе было сдѣлано Церковію, по всей вѣроятности, весьма рано. По крайней мѣрѣ Евтолій въ V вѣкѣ продолжилъ это дѣленіе, примѣнивъ его къ книгѣ Дѣяній и Посланіямъ апостольскимъ. Послѣднія онъ подраздѣлилъ на 57, по числу воскресныхъ дней и важнѣйшихъ праздниковъ. Начало каждаго чтенія онъ обозначалъ буквою—А (αρχη), а конецъ—Т (τελος). Это дѣленіе, впрочемъ, не было принято всею Церковію. Церковь издавна, по примѣру Церкви ветхозавѣтной, привыкла выбирать для чтенія извѣстные отдѣлы.—Такъ какъ число праздниковъ возрастало, то скоро стали довольствоваться выборомъ самыхъ краткихъ чтеній, излагаемыхъ въ книгахъ извѣстныхъ подъ именемъ ευαγγελιαριον, dexinavcum и другихъ. Начало настоящаго нашего церковнаго дѣленія указать трудно. Приписываютъ его *Алкуину*, жившему въ 8 вѣкѣ въ западной Церкви, но безъ точныхъ данныхъ.

Экзегетическое. Объ руку съ церковнымъ дѣленіемъ шло дѣленіе экзегетическое—для домашняго употребленія. Начала его видны у Тертулліана, Климента Александрійскаго и другихъ. *Аммоній*, сводомъ параллельныхъ мѣстъ четвероевангелія, приложилъ его къ Евангеліямъ, а усовершилъ его—*Евсевій*. Это Аммоноевсевіанское дѣленіе состояло въ самомъ дробномъ дѣленіи текста, расположенномъ въ 10-ти столбцахъ, изъ которыхъ легко было усматривать параллель. Неизвѣстный церковный писатель V вѣка приложилъ это дѣленіе къ посланіямъ Павла: *Евтолій*—къ остальнымъ новозавѣтнымъ книгамъ, увеличивъ число дѣленій въ посланіяхъ Павловыхъ. Въ VI вѣкѣ было сдѣлано еще новое подраздѣленіе текста, подъ названіемъ—титлъ или гла-

визнъ, въ которыхъ излагалось краткое содержаніе извѣстнаго мѣста писанія (каждое титло заключало одну матерію). Это дѣленіе употреблялось Евѳиміемъ Зигабономъ и Ѳеофилактомъ Болгарскимъ, въ XI и XII вѣкахъ. Всѣ эти дѣленія проходили чрезъ средніе вѣка, пока—съ половины XIII вѣка—Кардиналъ *Гуго* не ввелъ въ употребленіе и по настоящее время удержанное дѣленія по главамъ. Дѣленіе текста по стихамъ было введено парижскимъ типографомъ — *Робертомъ Стефаномъ*, въ четвертомъ его изданіи Библіи.

Введеніе надписей въ текстъ и другихъ особенностей. Къ внѣшнимъ измѣненіямъ текста относятся надписи надъ книгами и подписи, встрѣчающіяся въ древнихъ манускриптахъ. Они, по всей вѣроятности, получили свое происхожденіе при самомъ собраніи книгъ въ кодексы, и основаны частію на преданіи, частію на содержаніи книгъ. Нѣкоторые кодексы отличались отъ другихъ тѣмъ, что списывались съ тѣми замѣчаніями и поясненіями, которыя дѣланы были изучавшими Священное Писаніе. Это, такъ называемые, кодексы смѣшанные; другіе—вмѣстѣ съ текстомъ оригинальнымъ—имѣли переводъ—кодексы двуязычные. Въ такомъ видѣ древность завѣщала намъ кодексы книгъ Священнаго Писанія.

Какія еще пособія древность завѣщала для изученія текста? Кромѣ текстовъ оригинальныхъ древность завѣщала еще переводы и цитаты отеческіе. Тѣ и другіе могли служить посредствующими пособіями. Достоинства ихъ измѣряются вѣрностью и древностью.

Критическій аппаратъ. Собраніе кодексовъ съ оригинальнымъ текстомъ и вышеупомянутыхъ пособій, сличеніе и сопоставленіе ихъ между собою, по родамъ чтеній,—составляетъ, такъ называемый въ наукѣ, *кри-*

тическій аппаратъ, съ помощію котораго изучаютъ и исправляютъ текстъ. Самую большую при этомъ важность имѣютъ, конечно, древніе манускрипты.

Дознаніе древности манускриптовъ, и ихъ классификація. Достоинства манускриптовъ измѣряются древностью... Для дознанія древности манускриптовъ обращаютъ вниманіе на матеріалъ, на которомъ писанъ манускриптъ,—способъ писанія,—лингвистическія отличія и внѣшнія дѣленія текста. Въ послѣднемъ случаѣ дѣлятъ манускрипты на два отдѣла: а) *до X вѣка*, которые означаютъ начальными буквами латинскаго, или латино-греческаго алфавита; б) *позднѣйшіе кодексы*, писанные курсивомъ—арабскими цифрами.

Важнѣйшіе древніе кодексы. Въ числѣ первыхъ кодексовъ считается кодексъ (56) отмѣченный буквою—*А*—Александрійскій. Онъ былъ подаренъ Кирилломъ Лукарисомъ (патріархомъ Александрійскимъ, а потомъ—Константинопольскимъ), въ 1628 году, англійскому королю Карлу I, и теперь находится въ Британскомъ музеѣ—въ Лондонѣ. Содержитъ Ветхій и Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ. Особенности его написаны прекрасными прописными буквами, на пергаменѣ, слитно, лишь изрѣдка съ знаками раздѣленія слова и отчасти—съ знаками препинанія, безъ удареній и придыханій. Аммоніевымъ раздѣленіемъ Евангелій на главные отдѣлы и титлы и безъ раздѣленія посланій.

Кодексъ, означенный буквою—*В*—Ватиканскій въ Римѣ. Содержитъ Ветхій и Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ; но въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ книгъ именно—посланій къ Тимоѳею, Титу, Филимону, части посланія къ евреямъ, начиная съ 9 гл. 14 ст. и Апокалипсиса. Форма письма его такая же, какъ и предыдущаго (анціальная—безъ раздѣленія словъ); ударенія и

пунктуаціи рѣдки и при томъ—другой руки.—Гугъ относитъ его къ IV вѣку.

Кодексъ означенный буквою—*C.* извѣстенъ подъ именемъ кодекса Ефрема... Хранится въ царской парижской библіотекѣ. Онъ содержитъ въ себѣ часть Ветхаго и весь Новый завѣтъ, съ нѣкоторыми только пропусками. Текстъ съ довольно частою пунктуаціею. Аммоніевымъ подраздѣленіемъ и титлами; форма письма большая; его считаютъ древнѣйшимъ первенствующимъ.

Кодексъ, означенный буквами—*Z* и *S*—дублинскій, содержащій одно Евангеліе Матоея; и кодексы означенные буквами H и P содержащіе Евангелія: H—два Евангелія Луки и Іоанна и P—четыре Евангелія—періода до стихометрическаго.

Изъ періода стихометрическаго, кодексъ *Д* содержитъ въ себѣ четыре Евангелія съ книгою Дѣяній, писанный прекрасными анціальными буквами, безъ предыханій и раздѣленія словъ, но съ стихометріею.

Кодексъ подъ тою же буквою—Д—Кляромонтанусъ содержитъ въ себѣ посланія Павловы—безъ начала и конца.

Кодексъ—*E* сентъ-жерменскій хранится въ Санктъ-Петербургѣ и содержитъ въ себѣ писанія Павловы. Въ Москвѣ—въ Синодальной библіотекѣ хранится два кодекса изъ VI,X вѣка. Первый VI вѣкъ подъ буквою V содержитъ Евангеліе: другой—R содержитъ Павловы и соборныя посланія,—X вѣка.

Краткій очеркъ разработки критическаго аппарата. До половины XVIII вѣка ученые въ своихъ практическихъ занятіяхъ книгами Новаго Завѣта слагали рукописи отдѣльно и разсматривали ихъ одну за другою... Сначала *Бенгель*, затѣмъ *Землеръ* и наконецъ *Гризбахъ* стали подмѣчать между ними нѣкоторое сходство и—

группировать ихъ по фамиліямъ и семействамъ. Гризбахъ всѣ кодексы дѣлилъ на три класса, названные имъ рецензіями: *Александрійскую*, или—восточную, *Западную* и *Константинопольскую*.

Александрійская, явившаяся въ началѣ III вѣка состояла, по его мнѣнію, въ выправкѣ языка,—была распространена по Востоку и Египту, и теперь можетъ быть замѣчаема въ кодексахъ Ватиканскомъ, Ефремовомъ и другихъ, у отцовъ Климента Александрійскаго, Оригена, Евсевія.

Западная состояла въ экзегетическихъ замѣткахъ безъ поправокъ языка,—была распространена въ Италіи и Сѣверной Африкѣ,—замѣчается преимущественно у западныхъ отцевъ Церкви -Тертулліана, Кипріана, Иларія и другихъ.

Константинопольская—смѣсь той и другой и преимущественно господствовала въ IV вѣкѣ. Теперь замѣчается въ кодексахъ: A. E. G. H. I. и въ Московскомъ изданіи. Въ такомъ же видѣ, только съ нѣкоторыми измѣненіями, группировалъ кодексы по фамиліямъ католическій ученый *Гугъ*... *Евихгорнъ* сдѣлалъ еще больше отступленій отъ положеній Гризбаха. Вообще теорія Гризбаха, не имѣя прочной исторической основы, подавала поводъ къ гипотетическимъ предположеніямъ, и тѣмъ самымъ себя подорвала. Поэтому *Шольцъ*, послѣ путешествія по востоку и нѣкоторымъ западнымъ странамъ (1818—21 г.), въ предисловіи къ греческому изданію Новаго Завѣта, высказалъ взглядъ, что Константинопольскій текстъ есть одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ и неиспорченныхъ текстовъ, тогда какъ Западный и Александрійскій—плодъ первоначальной необдуманности,—первоначальнаго свободнаго отношенія Христіанъ къ тексту библейскому. Съ такимъ отрица-

тельнымъ взглядомъ противъ теоріи Гризбаха выступилъ и ученый Маттеи. Результатомъ всѣхъ этихъ критическихъ работъ было то, что строгое дѣленіе текста, по фамиліямъ и семействамъ, признано невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, въ разработкѣ критическаго аппарата, былъ сдѣланъ поворотъ. *Михаэлисъ* поставилъ цѣлію критической разработки — возстановить *относительно древній* текстъ. Съ этою цѣлію, только съ болѣе положительнымъ намѣреніемъ—(не только возможно-древній, но и самый лучшій текстъ возстановить) трудился въ послѣднее время *Тишендорфъ*. Съ измѣненіемъ взгляда на значеніе кодексовъ измѣнились и самыя критическія основы текста. Теперь нестолько обращаютъ вниманіе на разнообразіе чтеній, доставляемыхъ переводами, рукописями, отеческими цитатами, сколько на историческій авторитетъ свидѣтели этихъ чтеній: далѣе—въ самыхъ чтеніяхъ обращаютъ вниманіе на внутреннее ихъ значеніе и достоинство.

Чтеніе 8.

ИСТОРІЯ ПЕЧАТНАГО ТЕКСТА.

Такимъ образомъ исторія печатнаго текста сопровождалась не только усиліями ученыхъ—создать полный критическій аппаратъ, но стараніями—сдѣлать изъ него надлежащее употребленіе и приложеніе. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ дѣло не могло быть совершеннымъ вполнѣ: не доставало еще богатства рукописей,—многія библіотеки были закрыты,—самая критика была еще въ дѣтствѣ. За всѣмъ этимъ нужно отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ тѣмъ ученымъ, которые приняли на себя первые труды по этому дѣлу.

Комплютенское изданіе. Первая часть принадлежитъ испанскимъ ученымъ, трудившимся подъ руководствомъ кардинала *Ксименія* или—*Ксименеса.* архіепископа Толедскаго. Предварительно былъ собранъ соборъ въ теперешней—*Алкалѣ.* а по тогдашнему въ *Комплютенѣ.* на которомъ поручены были этимъ ученымъ предварительныя работы... Въ 1514 г. былъ изданъ Новый Завѣтъ. а въ 1517 году—Ветхій и Новый!.. Для оригинальнаго текста была избрана древняя форма письма—безъ удареній и придыханій; но для облегченія чтенія неопытнымъ каждое передовое слово означалось маленькою буквою. Рукописи, послужившія основой для изданія Новаго Завѣта были добыты изъ Рима.

Изданія Еразма Роттердамскаго. Еще не достигло полной извѣстности Комплютенское изданіе. какъ предпріимчивый Базельскій типографщикъ *Іоаннъ Фробель.* при помощи знаменитаго въ то время Богослова и Гуманиста, *Еразма Роттердамскаго.* задумали изданіе Новаго Завѣта, въ оригинальномъ текстѣ. На скорую руку и при помощи небольшихъ пособій. сдѣланное первое изданіе вошло не аккуратнымъ и не совсѣмъ исправнымъ; за то послѣдующія изданія—3-е и 4-е были исправлены съ возможнымъ стараніемъ и при всѣхъ возможныхъ пособіяхъ. Первое изданіе явилось въ 1516 году.

Послѣдующія изданія. Эти-то два изданія послужили основою для изданій послѣдующихъ столѣтій и даже—настоящаго. Нѣкоторые принимали въ основу своихъ изданій трудъ Эразма, другіе—изданіе Комплютенское, третьи—соединяли то и другое. На первыхъ порахъ преимущественно распространилось изданіе Еразма. Комплютенское изданіе послужило основою для извѣстныхъ *Палантинскихъ* изданій. Тѣ и другія изданія по-

служили основою для *полиглоттъ Антверпенскихъ и парижскихъ*. Не многіе при новыхъ изданіяхъ вносили въ дѣло самостоятельнаго труда; большею частію ограничивались соединеніемъ того и другаго труда. Нѣкоторою самостоятельностію отличалось изданіе *Симона Колинса* (1534), парижскаго типографщика: къ оригиналу другихъ изданій извѣстныхъ. онъ присоединилъ чтенія изъ неизвѣстныхъ древнихъ манускриптовъ.

Изданіе Роберта Стефана. Сынъ Колинса—*Робертъ Стефанъ*, получивъ доступъ въ парижскую библіотеку, задумалъ новое изданіе, при помощи новыхъ пособій. Онъ собралъ 15 манускриптовъ. съ разными варіантами. Не владѣя критическимъ талантомъ, онъ не могъ сдѣлать изъ нихъ надлежащаго приложенія. Первыя два изданія не отличались особенностями; за то 3-е заключало въ себѣ все богатство новооткрытыхъ Робертомъ источниковъ. Послѣ труда Роберта Стефана, болѣе и болѣе сталъ развиваться въ Европѣ такъ называемый *общеупотребительный* или—*народный текстъ*.

Изданіе Оеодора Безы. Сынъ Роберта Стефана Генрихъ, 3-е изданіе отца своего, съ разными замѣчаніями на поляхъ, передалъ знаменитому другу Кальвина *Оеодору Безѣ*. Съ этимъ документомъ онъ предпринялъ новое изданіе оригинальнаго текста. При первомъ изданіи онъ ограничился замѣчаніями Роберта Стефана; но 2 и 3-е изданіе обогатилъ варіантами,—не вполнѣ впрочемъ правильными, — изъ древнихъ сирскихъ и арабскихъ переводовъ. Позднѣйшіе критики—Ветштейнъ и Бенгель обвиняли Безу въ неаккуратности и неумѣньи воспользоваться данными матеріалами. Трудъ Безы былъ послѣднимъ — болѣе или менѣе самостоятельнымъ трудомъ.

Изданіе Ельце-Вира. Послѣ Безы, распространились

такъ называемыя смѣшанныя изданія изъ разныхъ кодексовъ и доходившія нерѣдко до выдающихся разностей. Это-то размноженіе такого характера кодексовъ породило желаніе у Богослововъ сдѣлать господствующимъ текстъ болѣе или менѣе однообразный. Желанію этому съумѣлъ удовлетворить торговый домъ голландскихъ типографщиковъ—*Ельца—Виръ*. Въ основу своихъ изданій *Ельце—Виръ* положилъ 3-е изданіе Роберта Стефана, съ поправками Безы и нѣкоторыми другими измѣненіями, сдѣланными неизвѣстною рукою. Текстъ авторитетныхъ лицъ, съ измѣненіями вѣшняго формата и аккуратностью печатанія, дѣйствительно сдѣлалъ господствующимъ изданіе Эльца—Вира на долгое время (до послѣдней трети минувшаго столѣтія) не только въ земляхъ протестантскихъ, но и католическихъ.

Труды библейскихъ ученыхъ по исправленію библейскаго текста. Но изданіе Ельца—Виръ, извѣстное подъ именемъ—textus vecepтus—не всегда пользовалось безпрекословнымъ уваженіемъ. Еще со второй половины 17 вѣка стали заниматься исправленіемъ этого текста.

Лондонская полиглотта. Главными дѣятелями на этомъ поприщѣ были Англійскіе ученые. Лондонская полиглотта Кентербюрійскаго архіепископа *Брйна Вальтона*, изданная въ 1657 году, значительно видоизмѣнила textus vecepтus, привнесеніемъ въ него многихъ дотолѣ неизвѣстныхъ варіантовъ... Довольно было одного опыта, чтобы вызвать и другіе... *Фелль*, епископъ Оксфордскій занялся такимъ же сличеніемъ textus vecepтus съ неизвѣстными до него готоскими и мемфисско-коптскими рукописями и —вновь изданными римскими. Для окончанія своихъ трудовъ онъ собственными усиліями подготовилъ Оксфордскаго Богослова Милля.

Новый Завѣтъ Милля. Въ 1707 году въ Оксфордѣ явилось новое изданіе Новаго Завѣта съ критическимъ аппаратомъ, состоящимъ изъ 30000 варіантовъ. Милль работалъ 30 лѣтъ, и только за 14 дней предъ смертію окончилъ свои занятія. Онъ первый старался привести въ систему критическіе матеріалы и расположить ихъ по внутреннему достоинству. Въ предисловіи къ своему изданію онъ указалъ все, что имѣлъ подъ руками и чѣмъ преимущественно руководствовался при своемъ изданіи.

Германскіе рецензенты библейскаго текста въ I-й половинѣ XVII вѣка. Бенгель. Труды Англійскихъ ученыхъ Богослововъ побуждали и нѣмцевъ снова взяться за дѣло исправленія библейскаго текста. Первый рѣшившійся критически отнестись къ—textum vecepțus былъ Винтембергскій Богословъ Іоаннъ *Бенгель.* Изучая Милля онъ и самъ получалъ охоту къ подобнымъ занятіямъ. Изданный имъ Новый Завѣтъ съ критическимъ аппаратомъ, въ 1734 году, еще не слишкомъ разнился съ textus vecepțus: текстъ одного только апокалипсиса онъ почти вновь исправилъ, по новымъ рукописямъ; въ текстѣ остальныхъ книгъ отдавалъ преимущество лучшимъ прежнимъ печатнымъ изданіямъ. Но его критическій аппаратъ включилъ много разнородныхъ частей, изъ прежнихъ матеріаловъ и вновь сличенныхъ—22-хъ рукописей. При этомъ, замѣчая одни и тѣ же особенности въ нѣкоторыхъ манускриптахъ, онъ хотѣлъ было группировать ихъ по фамиліямъ.

Ветштейнъ. Примѣру его послѣдовалъ Ветштейнъ, сынъ Базельскаго проповѣдника. Подобно Бенгелю, онъ задумалъ новое изданіе Новаго Завѣта, только критически провѣренное и во многомъ несогласное съ textus vecepțus. Онъ обвинялъ Бенгеля за трусость—

критически исправить общепринятый текстъ, и самъ думалъ вполнѣ довѣриться критическимъ началамъ. Но, заподозрѣнный въ неправовѣріи, долженъ былъ оставить свое намѣреніе, и — ограничиться изданіемъ текста Ельца-Виръ, съ историческимъ и филологическимъ комментаріемъ. Его prolegomena къ этому труду, напечатанныя еще въ 1730 году, а послѣ дополненныя, заключаютъ въ себѣ многія примѣчанія касательно критической повѣрки текста... Особенная заслуга его состоитъ въ описаніи прежнихъ и вновь найденныхъ рукописей.

Занятія библейскимъ текстомъ во 2 половинѣ XVIII вѣка. Во 2-й половинѣ XVIII вѣка пали начала, сдерживавшія свободное обращеніе съ библейскимъ текстомъ... Теперь, безъ боязни преслѣдованій, могли заниматься критическою разработкою матеріаловъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ произошли новыя рецензіи, по новымъ критическимъ началамъ.

Грисбахъ. Во главѣ новыхъ критиковъ сталъ Іоаннъ Грисбахъ (1748—1812).

Положивъ въ основу своихъ изслѣдованій мысль Бенгеля о различіи текста по рецензіямъ, онъ хотѣлъ дознать, на основаніи точныхъ критическихъ показаній, рецензіи болѣе распространенныя и болѣе вѣрныя, и — потомъ начать исправленіе текста: такъ онъ и сдѣлалъ. —Textus vecepius онъ сличилъ съ рецензіями западнаго и александрійскаго текстовъ, какъ болѣе достовѣрныхъ, по его взгляду: и по нимъ выправлялъ его въ случаяхъ крайне необходимыхъ. Уклоняющіяся чтенія изъ другихъ источниковъ онъ ставилъ на поляхъ, или подъ текстомъ. Взглядъ Грисбаха на рецензіи, —о предпочтеніи александрійскихъ и западныхъ манускриптовъ

константинопольскимъ,—опровергъ Фридрихъ Маттеи, трудившійся въ нашемъ отечествѣ.

Маттеи. Собравъ до 100 манускриптовъ въ нашей синодальной библіотекѣ, онъ хотѣлъ возстановить истинный текстъ исключительно по нимъ. Въ этихъ видахъ онъ раздѣлилъ всѣ манускрипты, содержащіе текстъ, на лексіонаріи и—манускрипты съ схоліями и комментаріями; въ первыхъ онъ признавалъ самый вѣрный текстъ... Исправленный такимъ образомъ текстъ Новаго Завѣта больше всѣхъ приближалъ къ комплютенскому; собственно-же это былъ текстъ, употреблявшійся въ константинопольскомъ патріархатѣ. Одновременно съ Маттеемъ трудились еще нѣсколько ученыхъ критиковъ, въ Германіи и Англіи (Титманъ, Кнапъ). Въ результатѣ было сознано, что трудъ этотъ далеко не можетъ остаться законченнымъ... Отсюда—у однихъ явилась потребность продолжать занятія, а у другихъ —популяризовать то, что считалось безспорнымъ, послѣ долголѣтнихъ научныхъ изслѣдованій.

Занятія текстомъ въ XIX вѣкѣ. Августинъ Шольцъ. Въ настоящемъ столѣтіи критическимъ изслѣдованіемъ текста въ особенности занимались Августинъ Шольцъ и Лахманъ и Тишендорфъ. *Шольцъ*, профессоръ католическаго Богословія въ Боннѣ, путешествуя по восточнымъ землямъ, собралъ много новыхъ пособій для критическаго изслѣдованія текста. Признавая различіе манускриптовъ по фамиліямъ, онъ отвергалъ значеніе рецензій текста. Въ своихъ прологахъ къ изданію Новаго Завѣта онъ говоритъ, что есть два класса манускриптовъ: одни согласны съ textus receptus. другіе уклоняются отъ него. Первые—восточные или константинопольскіе, вторые—александрійскіе и западные. Такъ какъ первые болѣе согласны между собою,

то онъ отдавалъ имъ предпочтеніе предъ александрійскими и западными, и по нимъ правилъ текстъ константинопольской церкви.

Послѣ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія представителемъ новаго направленія въ исправленіи текста былъ—

Карлъ Лахманъ. Лахманъ, британскій профессоръ, считая невозможнымъ возстановить подлинный текстъ, за отсутствіемъ совершенныхъ памятниковъ, онъ хотѣлъ возстановить относительно древній текстъ, и по нему начать исправленіе. Для этой цѣли онъ избралъ немногіе, но извѣстные своею древностію манускрипты. Его теорію преслѣдовали многіе издатели библейскаго текста настоящаго столѣтія, какъ-то—Буттманъ, Мюральтъ... Мысль Лахмана была основнымъ началомъ критика Тишендорфа, неутомимаго современнаго труженика по изданію текста.

Константинъ Тишендорфъ. Древніе греческіе кодексы онъ предпочиталъ позднѣйшимъ, и по нимъ правилъ текстъ. Вслѣдствіе этого, особенное его вниманіе обращали на себя кодексы, писанные анціальными буквами, съ IV до IX вѣка. Исправленіемъ и изданіемъ текста онъ преимущественно занимался по нимъ. Трудъ свой онъ началъ съ 40-хъ годовъ, и до 59-го успѣлъ выпустить 7 изданій новозавѣтнаго текста. Первыя три изданія еще не отличались особенностями между собою: здѣсь преимущественно были сведены краткія замѣчанія Кнаппа, Шольца, Лахмана и другихъ. Но, съ теченіемъ времени, Тишендорфъ, путешествуя по лучшимъ Европейскимъ библіотекамъ и по Востоку, имѣлъ возможность и самъ пересмотрѣть всѣ древнѣйшіе списки... Послѣднія его изданія отличаются критическими замѣчаніями изъ его собственныхъ наблюденій... Въ послѣднее свое путешествіе, въ 1859 году, на счетъ нашего

правительства, онъ открылъ извѣстный синайскій кодексъ, на который возлагалъ самыя богатыя надежды, считая его едва не древнѣйшимъ изъ всѣхъ кодексовъ, хранящихся въ Европѣ. Но его мнѣніе оказалось преувеличеннымъ... Кодексъ принадлежитъ къ концу VI вѣка, и слѣдовательно можетъ служить справочнымъ указателемъ, какъ и другіе древніе кодексы,—не больше. Послѣ всѣхъ этихъ поисковъ дѣло исправленія текста не только не облегчилось, но еще стало труднѣе... Выборъ чтенія сдѣлался свободнѣе и независимѣе.

Чтеніе 9.

Исторія перевода новозавѣтныхъ книгъ; происхожденіе переводовъ и значеніе ихъ въ научномъ отношеніи.

Живое слово Апостоловъ и Христовыхъ благовѣстниковъ положило основаніе христіанской религіи... Книги служили для дальнѣйшаго раскрытія истинъ христіанскаго вѣроученія... Націи, принимавшія христіанство, желали имѣть на своемъ языкѣ писанное слово апостольское. Особеннымъ побужденіемъ къ этому было употребленіе при Богослуженіи писаній апостольскихъ... Такимъ образомъ переводы книгъ Священнаго Писанія должны были явиться весьма рано... Въ нихъ полагался залогъ національнаго развитія народности, принимавшей христіанство... Они служатъ лучшими памятниками сохраненія подлинности текста апостольскихъ писаній...

Характеръ древнихъ переводовъ. Характеръ древнихъ переводовъ опредѣляется тѣмъ уваженіемъ, какое первые христіане питали къ святымъ книгамъ... Они старались со всею точною вѣрностью, въ переводѣ, пере-

давать не только смыслъ оригинальнаго текста, но и самые обороты, выраженія, даже слова... Они не заботились о силѣ и красотѣ своего нарѣчія... Разъ переведенныя священныя книги старались хранить неизмѣнно... Часто политическіе перевороты совершенно измѣняли народное нарѣчіе; но въ Церкви или при Богослуженіяхъ священныя книги читались въ древнемъ первоначальномъ переводѣ.

Сирскій переводъ—Пешито. Сирія была первою страною возрожденія христіанства, послѣ его колыбели. Сѣверные и восточные города этой страны не поддались вліянію Грецизма... Городъ Едесса сдѣлался центромъ народнаго Сирскаго образованія. Тутъ по всей вѣроятности и было положено начало переводу, извѣстному—подъ именемъ Пешито,—простому, удобопонятному переводу... Сирское преданіе возводитъ этотъ переводъ ко временамъ апостольскимъ: оно приписываетъ его *Ахею*, первому епископу и мученику Сирскому, ученику апостола Ѳаддея... Глубокая древность этого перевода (не позже конца II вѣка) доказывается его составомъ и языкомъ.—Въ составѣ его еще нѣтъ 4-хъ соборныхъ посланій (2-го Петра, 2-го и 3-го Іоанна и Іуды) и Апокалипсиса: слѣдующій переводъ состоялся въ то время, когда каноиъ не получилъ полнаго образованія... Языкъ перевода почти на половину перемѣшанъ съ греческими словами; а это указываетъ на время, когда Сиряне находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ греками... Главное отличіе этого перевода въ ряду другихъ древнихъ переводовъ состоитъ въ томъ, что онъ не копируетъ рабски оригинала,—часто свободно передаетъ одинъ смыслъ текста, и незначительныя частицы оставляетъ безъ перевода. Въ немъ недостаетъ цѣлаго повѣствованія изъ Евангелія Іоанна

и изъ 1-го посланія Іоанна гл. V, ст. 7. Въ первый разъ Сирскій переводъ Пешито былъ напечатанъ въ Вѣнѣ 1555 г. на счетъ Императора Фердинанда I-го.

Другіе Сирскіе переводы. Оффиціальнымъ,—церковнымъ переводомъ у Сирійцевъ всегда и оставался переводъ *Пешито;* но внѣ церковнаго употребленія были извѣстны и другіе переводы частныхъ лицъ. Западная часть Сиріи всегда находилась въ самомъ живомъ и близкомъ отношеніи съ Греціею. Здѣсь отражались всѣ оттѣнки Богословскаго Греческаго развитія—православнаго и неправославнаго... Ересь монофизитская, нашедшая здѣсь радушный пріемъ, подозрительно смотрѣла на древній Сирскій переводъ. Въ VI вѣкѣ у Сирскихъ монофизитовъ дѣлается извѣстнымъ переводъ Филоксена... Въ подписи подъ Евангеліемъ говорится, что этотъ переводъ сдѣланъ съ Греческаго оригинала, въ 508 году, при монофизитскомъ Епископѣ Филоксенѣ Іерапольскомъ, или—тогда Магсбургскомъ. Переводчикъ въ подписи не названъ. Сирскій писатель Моисей Агбела называетъ его Поликарпомъ, хорепископомъ Филоксена. Этотъ переводъ имѣетъ уже всѣ новозавѣтныя книги, исключая Апокалипсиса. Но, по всей вѣроятности Апокалипсисъ, помѣщенный при Пешито, принадлежитъ Филоксеновскому переводу, какъ говорится въ той-же подписи. Этотъ переводъ вновь сличенъ съ греческими манускриптами и изданъ *Ѳомою* Гераклійскимъ (Аркусійскимъ), въ 616 году. Переводъ Филоксена отличается буквальною точностію. Подобно переводу Акилы, онъ не только удерживаетъ порядокъ словъ; но часто воспроизводитъ сложныя слова и греческія члены обозначаетъ особыми словами... Въ южной части Сиріи, совнѣ угнетенной войнами, а внутри разоряемой іудейскими сектами, христіане долгое время должны были довольство-

ваться однимъ, такъ называемымъ. Еврейскимъ Евангеліемъ. Уже въ позднѣйшее время, предъ нашествіемъ Аравитянъ, здѣсь были сдѣланы для церковнаго употребленія извлеченія изъ общепризнанныхъ кодексовъ на Сирохалдейскомъ нарѣчіи... Это, такъ называемый, Іерусалимскій или Палестино-Сирійскій переводъ Новаго Завѣта.

Египетскіе переводы. Немного позже Сирійцевъ Египтяне тоже получили національный переводъ. Греческій языкъ, сдѣлавшійся господствующимъ, со временъ Александра Македонскаго, не могъ совершенно вытѣснить и подавить мѣстное нарѣчіе... Изъ соединенія того и другаго образовалось, такъ называемое, коптское нарѣчіе, которое подраздѣлялось—на *верхнеегипетское* Ѳивское, или Сагитское, и—*нижнеегипетское* Мемфисское. Послѣ владычества Птоломеевъ, это нарѣчіе сдѣлалось господствующимъ... Христіанство могло утверждаться только при помощи перевода Священнаго Писанія на это нарѣчіе. Съ IV вѣка находимъ слѣды существованія на этомъ языкѣ Священнаго Писанія... Отшельники Антоній и Пахомій читали Священное Писаніе въ переводѣ на этомъ языкѣ; и своей братіи, неумѣющей читать по гречески, совѣтовали тоже дѣлать. Изъ Сагитскаго перевода до насъ сохранились только отрывки; на Мемфисскомъ нарѣчіи, въ настоящемъ столѣтіи, учеными изданъ почти весь Новый Завѣтъ. Открываютъ еще остатки и третьяго Коптскаго перевода—на Басмурскомъ нарѣчіи... Всѣ они, по возможности, буквально воспроизводятъ оригинальный текстъ, большею частію, Александрійскихъ кодексовъ.

Абиссинскіе переводы. Ревнители христіанскаго просвѣщенія въ VI вѣкѣ старались проповѣдывать Евангеліе Христово тамъ, куда еще не проникала греческая

культура. Фрументій и Едезій насадили христіанство въ баснословной Ефіопіи и Абиссиніи... О началѣ перевода книгъ Священнаго Писанія на Абиссинскій языкъ не сохранилось точныхъ историческихъ указаній. По всей вѣроятности, начало переводу было положено самимъ Фрументіемъ съ греческаго текста при посредствѣ коптскихъ переводовъ. Но этотъ переводъ долженъ былъ много измѣниться, когда въ VII в. послѣ завоеванія Египта Аравитянами, общеніе Абиссиніи съ Греціею было прервано, и въ самой Абиссиніи стали повторяться частыя политическіе перевороты. Подъ вліяніемъ послѣднихъ у Абиссинцевъ былъ составленъ новый переводъ —*Аггарскій*, извѣстный у насъ только по имени...

Переводы Армянскіе и Грузинскіе. Сирійцы посылали своихъ благовѣстниковъ во всѣ земли вдоль рѣкъ Тигра и Ефрата... При истокѣ этихъ рѣкъ въ Арменіи, имъ удалось весьма рано распространить христіанство. До V вѣка Армяне употребляли Сирскій алфавитъ, и по всей вѣроятности пользовались и Сирскимъ переводомъ... Когда въ это время Сирская литтература обогатилась многими оригинальными произведеніями. Армяне тоже захотѣли имѣть свою національную литтературу... Нѣкто Месробъ, послѣ многихъ неудачъ, около 410 г. ввелъ въ употребленіе Армянскій алфавитъ, и вслѣдъ затѣмъ надѣлилъ Армянъ ихъ національнымъ переводомъ. По недостатку греческихъ манускриптовъ, переводъ первоначально былъ сдѣланъ съ Сирскаго. Въ 431 году два ученика Месроба—Іосифъ и Ецнакъ получили на вселенскомъ Ефесскомъ соборѣ Греческій манускриптъ Библіи, съ котораго Месробъ и патріархъ Исаакъ стали вновь переводить библію. Но не зная сами хорошо греческаго языка, послали тѣхъ же Іосифа и Ецнака въ Александрію для ознакомленія съ языкомъ на мѣстѣ его

процвѣтанія. Только послѣ ихъ возвращенія переводъ былъ оконченъ. Переводъ этотъ впослѣдствіи времени былъ исправленъ по Пешито. Въ VIII вѣкѣ, когда Армяне вошли въ тѣсное сношеніе съ Римскою церковью, этотъ переводъ былъ сличенъ и съ Вульгатою. Въ 1612 году Армянскій соборъ порѣшилъ напечатать свою Библію. Въ 1666 году въ Амстердамѣ была отпечатана вся Библія; а въ 1668 году—Новый Завѣтъ отдѣльно. Главнымъ дѣятелемъ при этомъ былъ Эриванскій епископъ Іоканъ. Послѣ этого Армянская Библія была издаваема много разъ въ разныхъ мѣстахъ. Изъ Арменіи христіанская религія перешла въ ущелья Кавказа и древнюю Иверію. Въ VI вѣкѣ здѣсь сдѣлался извѣстнымъ Георгіанскій или Грузинскій переводъ... Происхожденіе и дальнѣйшая его судьба неизвѣстны. Въ 1743 г. Грузинская Библія была отпечатана въ Москвѣ, и по всей вѣроятности исправлена по рукописямъ, хранящимся въ нашей синодальной библіотекѣ. Въ настоящемъ столѣтіи Грузинская Библія была напечатана нашимъ библейскимъ обществомъ. Получили-ли въ это время и другіе восточные народы, вмѣстѣ съ проповѣдію христіанства, залогъ для своего національнаго развитія,— переводъ книгъ Священнаго Писанія, на своемъ родномъ языкѣ,—достовѣрно неизвѣстно... Если гдѣ и положено было начало такимъ переводамъ, то скоро случившееся нашествіе Аравитянъ подавило благотворные плоды вліянія христіанскаго просвѣщенія на отдѣльныя націи.

Арабскіе и Персидскіе переводы. Нашествіе Аравитянъ тѣмъ было опасно для христіанства, что соединялось съ идеею распространенія религіи „Великаго пророка"... Покоренныя націи должны были принимать не только законы побѣдителей, но и усвоять ихъ языкъ, литтера-

туру... Больше всѣхъ пострадала Сирія и Египетъ... Возрожденіе, принесенное этимъ странамъ христіанствомъ, не могло продолжать своего благотворнаго вліянія. Сиріане и смежные народы должны были волей—неволей усвоять нравы, обычаи и языкъ Аравитянъ: во всѣхъ житейскихъ и общественныхъ отправленіяхъ исключительно употреблялся Арабскій языкъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ въ Сиріи и Египтѣ составились Арабскіе переводы священныхъ книгъ. Народъ разучился понимать Слово Божіе на своемъ прежнемъ нарѣчіи. Языкъ національный оставался принадлежностію церковныхъ службъ. До насъ сохранилось много Сирско-Арабскихъ и Арабскихъ переводовъ книгъ Священнаго Писанія. Есть и чисто Арабскіе кодексы... Большею частію они состоятъ изъ переложенія національныхъ переводовъ—Пешито и коптскихъ, не многіе переведены съ греческихъ манускриптовъ. Изданіемъ Арабскихъ переводовъ въ особенности занимался католическій ученый XVII вѣка Ерпеній (Erpenius)... Впрочемъ мусульманство не ко всѣмъ націямъ относилось равно деспотически... Персидская монархія подъ вліяніемъ религіи магомета вновь процвѣтала... Христіане, жившіе съ давнихъ временъ въ западныхъ провинціяхъ Персіи,—долгое время находившись въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Сирскою Церковію, посылавшіе въ Едессу своихъ дѣтей для обученія, пользовавшіеся Сирскимъ переводомъ, теперь пожелали имѣть свой національный переводъ, который и сдѣланъ изъ Пешито и съ оригинальнаго текста. Сдѣланный изъ Пешито помѣщенъ въ Лондонской полиглоттѣ; а сдѣланный изъ греческаго текста изданъ отдѣльно въ 1675 г. въ Лондонѣ.

Готскіе переводы. На Сѣверѣ древняго христіанскаго

міра, по берегу Чернаго моря, между Днѣстромъ и Прутомъ, съ давнихъ временъ жили *Готы;* съ III вѣка христіанство стало распространяться между ними... Въ половинѣ IV вѣка ихъ Епископъ *Улфила* составилъ алфавитъ, и какъ говоритъ преданіе перевелъ на Готскій языкъ Священное Писаніе. При переводѣ Улфила конечно пользовался греческими Константинопольскими манускриптами; по впослѣдствіи времени, по переселеніи Готовъ, его исправляли и по Вульгатѣ. Готская народность разсѣялась; но Библія въ переводѣ сохранилась, какъ памятникъ ея существованія. У Германскихъ народовъ она считается исходнымъ пунктомъ ихъ національнаго образованія... Она въ недавнее время приведена въ извѣстность изъ отрывковъ, открываемыхъ въ разныхъ Европейскихъ библіотекахъ.

Исторія латинскаго перевода. На Западѣ жизнь общественная и церковная слагалась нѣсколько иначе, чѣмъ на Востокѣ. Здѣсь, по разрушеніи Монархіи Александра Македонскаго, образовалось множество самостоятельныхъ, національныхъ государствъ... Церковь восточная содѣйствовала ихъ развитію, —каждой націи она давала и переводъ Священнаго Писанія, на родномъ языкѣ. А на Западѣ, начиная отъ Адріатическаго моря до Океана и отъ Аппенинскаго полуострова до Сѣвернаго моря все представляло одну сплошную массу; все говорило однимъ языкомъ, —управлялись одною властію, — латинскій языкъ былъ преобладающимъ... Національныя нарѣчія находили себѣ пріютъ только въ ущеліяхъ горъ. Только центръ Западной Имперіи Римъ и прилежащія къ нему южныя провинціи не могли освободиться отъ цивилизующаго вліянія классическаго греческаго языка... Здѣсь не одинъ образованный классъ, но и простонародье было знакомо съ гре-

ческимъ языкомъ. Въ этомъ лежала причина появленія первоначальныхъ христіанскихъ памятниковъ на Западѣ, на греческомъ языкѣ: христіанство стало распространяться изъ южныхъ провинцій Италіи... Но по мѣрѣ удаленія отъ центра Имперіи.—въ Галліи, Испаніи и Африкѣ—знакомство съ греческимъ языкомъ встрѣчалось рѣже и рѣже... Съ распространеніемъ христіанства въ этихъ областяхъ чувствовалась потребность перевода священныхъ книгъ на языкъ, болѣе доступный народу... Не безъ основанія, поэтому, полагаютъ появленіе латинскаго перевода въ первой половинѣ II столѣтія: христіанство весьма рано распространилось въ вышеупомянутыхъ странахъ... По крайней мѣрѣ Тертулліанъ уже пользуется латинскимъ переводомъ. Неизвѣстно—когда и кѣмъ было положено начало латинскому переводу. Изъ свидѣтельства Августина видно, что въ его время было много латинскихъ переводовъ. Одни—это множество переводовъ объясняютъ множествомъ лицъ первоначально трудившихся надъ переводомъ; другіе признаютъ видоизмѣненіе первоначальнаго перевода... До насъ сохранилось много отрывковъ изъ этихъ, такъ называемыхъ, доіеронимовскихъ переводовъ, въ твореніяхъ древнихъ западныхъ учителей Церкви и такъ называемыхъ греко-латинскихъ кодексовъ. По разностямъ, встрѣчающимся въ нихъ, можно заключать о первоначальномъ множествѣ латинскихъ переводовъ. Можно предполагать, что первоначально дѣйствительно, въ разныхъ провинціяхъ, были переводимы книги Священнаго Писанія на латинскій языкъ. Популярнѣйшимъ и употребительнѣйшимъ былъ, такъ называемый, переводъ Itala, принимаемый Августиномъ. Этотъ-то переводъ быть можетъ былъ названъ Usitata или Vulgata. Текстъ этихъ переводовъ, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ

остатковъ. перепутанъ и сбивчивъ. За переводъ принимались люди часто незнавшіе греческаго языка и не владѣвшіе латинскимъ. Въ переводѣ много вульгатныхъ и провинціальныхъ выраженій. Поправки еще болѣе усиливали разнообразіе текста... Въ половинѣ IV вѣка жалобы на поврежденіе текста были всеобщи. Римскій Епископъ *Дамасъ*. въ концѣ IV вѣка обратилъ серьезное вниманіе на исправленіе текста. и поручилъ это дѣло ученому монаху и священнику Іерониму... Іеронимъ съ большою предусмотрительностію выполнялъ это дѣло. Онъ сличалъ сохранившіеся кодексы древняго латинскаго перевода и исправлялъ ихъ по тѣмъ греческимъ манускриптамъ, которые болѣе всего подходили къ древнему латинскому переводу. При этомъ исправлялъ только тѣ мѣста, въ которыхъ былъ искаженъ смыслъ; разности-же въ словахъ оставлялъ безъ вниманія. Не смотря на такое скромное исправленіе. трудъ его вышелъ почти новымъ, сравнительно съ древнею Вульгатою, и потому. не смотря на покровительство Дамаса, долго не пользовался авторитетомъ въ Римской Церкви. Только Григорій Великій, около (600) года. успѣлъ сдѣлать его господствующимъ въ Римской Церкви. Но до этого времени и этотъ текстъ, въ рукахъ списчиковъ, намѣренно и ненамѣренно, былъ поврежденъ. Въ VI вѣкѣ *Кассіодоръ* уже занимался сличеніемъ текста. Во время Карла Великаго разность между кодексами была такъ значительна, что нельзя было найти двухъ тождественныхъ экземпляровъ. Карлъ Великій сличеніе и исправленіе текста поручилъ *Алкуину*. Въ XI. XII. XIII вѣкахъ сличеніе и исправленіе текста не прекращались. Разногласіе Вульгатскаго текста въ особенности обнаружилось послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Вульгата была первою отпечатанною книгою и печата-

лась больше всѣхъ книгъ. Между тѣмъ на Тридентскомъ соборѣ въ 1546 году Вульгатный текстъ былъ признанъ тождественнымъ съ оригинальнымъ. Послѣ этого заботы объ изданіи подлиннаго вульгатнаго текста увеличились. За выполненіе этой задачи принялись было Ліонскіе богословы; но изданный ими текстъ въ 1547 году не получилъ общаго уваженія. Папа Сикстъ V, въ 1589 году особенною буллою извѣстилъ объ изданіи подлиннаго Вульгатнаго текста, и въ ней грозилъ Божественною казнію тѣмъ, которые осмѣлились-бы еще исправлять его. Сикстинская Библія была отпечатана въ Римѣ въ 1590 году. Но едва часть экземпляровъ ея отпечатали, какъ изданіе было остановлено. Предъ самымъ изданіемъ въ ней находили грубыя ошибки и исправляли, а послѣ открыли еще больше. Неудавшійся опытъ Сикста побудилъ папу Григорія XVI поручить этотъ трудъ многимъ ученымъ мужамъ, во главѣ которыхъ поставилъ Кардинала Роберта Беллярмина. Новое изданіе съ предисловіемъ Беллярмина указываетъ ошибки прежнихъ изданій; оно явилось подъ именемъ папы Климента VIII въ 1592 году. Это изданіе осталось неизмѣннымъ въ католическомъ мірѣ до настоящаго времени.

Чтеніе 10.

ИСТОРІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ.

Между европейскими народами славяне были послѣдними, принявшими христіанство и вмѣстѣ съ нимъ переводъ Священныхъ Книгъ на своемъ родномъ языкѣ. Девятый вѣкъ обыкновенно считается вѣкомъ принятія христіанства славянами. Но вся-ли Библія была переведена въ этомъ вѣкѣ, или только часть ея,—указанія близкихъ къ это-

му времени писателей не совѣмъ ясны... Главными дѣятелями на этомъ поприщѣ были просвѣтители славянъ *Меѳодій и Кириллъ*. Несторъ говоритъ намъ объ ихъ трудахъ и преложиша Апостолъ и Евангеліе... послѣ же преложиша Псалтирь и Октоихъ и прочія книги. Въ частности онъ замѣчаетъ о трудахъ Меѳодія: „посади два попа борзописца зѣло, и преложиста вся книги исполнь отъ греческа языка во славенскъ, въ 6 мѣсяцъ". Шлецеръ и Калайдовичъ подъ „исполнь вся книги" разумѣютъ всѣ книги Священнаго Писанія. Но соединялъ-ли Несторъ съ названіемъ—„книги" понятіе книгъ Священнаго Писанія? Въ Чет-минеяхъ повторяется тоже свидѣтельство Нестора... Священникъ Діокленскій, писатель XII вѣка говоритъ: „Константинъ составилъ славянскую азбуку, перевелъ съ греческаго языка на славянскій благовѣстіе Христово, Псалтирь и всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта". Выраженіе—„всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта довольно неопредѣленно: здѣсь нѣтъ перечня книгъ. Опредѣленнѣе свидѣтельство Іоанна Экзарха Болгарскаго: „а великій Божій архіепископъ Меѳодій и братъ его (Константинъ) преложиша вся уставныя книги (60) отъ Еллинска языка, иже есть гречьскъ во славенскъ". Число 60 церковныхъ книгъ нельзя относить къ книгамъ Богослужебнымъ. О нихъ Іоаннъ говоритъ выше въ своемъ сочиненіи; да и число ихъ въ настоящее время не доходитъ до 60, тѣмъ болѣе ихъ тогда было гораздо меньше. Число 60 въ древнихъ сказаніяхъ часто прилагается къ книгамъ Священнаго Писанія: такъ въ прологѣ XIV вѣка въ жизнеописаніи Меѳодія сказано: „сѣдяше въ земли моравитстѣй, преложи вся со книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, отъ греческа во славянскъ языкъ". Подобный счетъ Священныхъ Книгъ встрѣчается и у дру-

гихъ древнихъ писателей. Что же это за счетъ? У насъ въ Библіи всѣхъ книгъ 75. изъ нихъ каноническихъ 65—27 Новаго Завѣта и 38 Ветхаго Завѣта. Здѣсь употребляется, такъ называемый смѣшанный счетъ. Евреи, по числу буквъ своего алфавита считали 22 книги Ветхаго Завѣта. Христіанство приняло этотъ счетъ, не придерживаясь его буквально: 12 меньшихъ пророковъ оно раздѣлило на 12 отдѣльныхъ книгъ. Такимъ образомъ выходило всѣхъ книгъ Ветхаго Завѣта= 33, да 27 Новаго Завѣта, итого=60. Довѣряя такому толкованію можно полагать, что Кириллъ и Меѳодій перевели 60 книгъ Священнаго Писанія, или—всѣ книги каноническія Ветхаго и Новаго Завѣта, строго отдѣленныя въ восточной Церкви отъ апокрифическихъ. Десять остальныхъ книгъ Ветхаго Завѣта были переведены въ послѣдствіи времени. На какое же славянское нарѣчіе были переведены книги Священнаго Писанія и какая дальнѣйшая ихъ судьба? Изслѣдователи славянскихъ древностей расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ нарѣчія, употребленнаго для перевода Священныхъ Книгъ.—Одни говорятъ, что переводъ былъ сдѣланъ на первоначальный славянскій языкъ, еще не раздѣлившійся на племенныя отличія; другія указываютъ на частныя нарѣчія. Первые ссылаются на лѣтописца, который говоритъ вообще о славянскомъ переводѣ— безъ племеннаго отличія; вторые указываютъ нъ дѣленія Славянъ по племенамъ съ незапамятныхъ временъ,— племенамъ, которыя по ихъ мнѣнію рѣзко отличались другъ отъ друга. Трудно предположить, чтобы на такомъ огромномъ пространствѣ—отъ Чернаго моря до Балтійскаго, отъ Дона до Карпата не было племенныхъ отличій въ языкѣ. Итакъ, на какое же нарѣчіе было переведено Священное Писаніе? Многіе думаютъ, что

книги Священнаго Писанія первоначально были переведены на Болгарское нарѣчіе, съ привнесеніемъ въ него еще элементовъ Сербскаго нарѣчія, близкаго къ мѣсту рожденія славянскихъ просвѣтителей,—оборотовъ греческаго языка, болѣе способнаго къ выраженію глубокихъ христіанскихъ истинъ и—съ допущеніемъ элементовъ моравскаго нарѣчія, на которомъ просвѣтители Славянъ тоже проповѣдывали. Слѣды оттѣнковъ всѣхъ этихъ нарѣчій открываютъ въ древнихъ славянскихъ, библейскихъ манускриптахъ—(въ употребленіи согласной *юсъ*, *ь*—вмѣсто гласныхъ *а*, *о* и др.). При дальнѣйшей исторіи славянскаго текста и перевода нужно отличать восточныхъ славянъ отъ западныхъ. На западѣ пропаганда католическая простирала свое вліяніе и на славянскій библейскій текстъ. Одна западная лѣтопись говоритъ, что въ Богеміи до XI вѣка только въ Созавѣ оставался одинъ монастырь греческаго исповѣданія, въ которомъ съ тѣхъ поръ былъ опредѣленъ настоятелемъ Римскій Бенедиктинецъ... Книги славянскія были совершенно истреблены и уничтожены, и съ того времени вовсе тамъ не читались. Въ Далмаціи — на двухъ соборахъ — Солунскомъ (1060) и константицкомъ—еще въ XI вѣкѣ было запрещено Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, на первомъ изъ нихъ самая славянская азбука была объявлена еретическою... Въ это-то время преслѣдованія славянской письменности была изобрѣтена, такъ называемая, *глаголица*, глаголическая азбука, составленіе которой приписывали Іерониму. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, первоначальный славянскій текстъ Библіи, на западѣ, долженъ былъ потерпѣть много перемѣнъ. Римская церковь—то замѣняла древній славянскій текстъ Библіи Вульгатою, то позволяла иногда

переводить текстъ Библіи на разныя славянскія нарѣчія. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ здѣсь явились новые славянскіе переводы Библіи (Богемская Библія напечатана въ Прагѣ въ 1480 году—переводъ Франциска Скорины). Судьбу первоначальнаго славянскаго текста и переводовъ лучше всего было-бы прослѣдить по памятникамъ восточныхъ славянъ. Церковнославянскій языкъ преимущественно сохранился въ Сербіи; Болгаре тоже мало измѣнили свое древнее нарѣчіе. Къ сожалѣнію, съ сохраненіемъ языка, они не сохранили древнихъ письменныхъ памятниковъ Библейскаго текста. Сербія не избѣжала вліянія католичества,—и здѣсь весьма рано была истреблена славянская письменность. Болгаре, хотя успѣли сберечь свою независимость отъ католичества, но не успѣли завоевать независимости національной, необходимой для сбереженія письменныхъ, національныхъ памятниковъ. Съ судьбою первоначальнаго славянскаго текста мы можемъ ознакомиться только по памятникамъ нашимъ—отечественнымъ. У насъ сохранилось Евангеліе *Остромирово* изъ XI вѣка. Знатоки славянской палеографіи въ письмѣ этого Евангелія находятъ слѣды языка первыхъ переводчиковъ священныхъ книгъ... У насъ сбереглось не мало другихъ славянскихъ манускриптовъ Библейскаго текста изъ XII, XIII и XIV вѣковъ. Сличая ихъ между собою, можемъ видѣть видоизмѣненія первоначальнаго славянскаго текста и судьбу перевода.

Исторія славянскаго текста и перевода въ нашемъ отечествѣ. Изъ описанія Синодальной библіотеки, сдѣланнаго *Горскимъ и Невоструевымъ*, видно, что большинство нашихъ древнихъ рукописныхъ памятниковъ заключаетъ въ себѣ древнія Евангелія, апостолы и паремійники. Можно полагать, что, при первоначальномъ

распространеніи христіанства у славянъ, главное вниманіе было обращено на переводъ и распространеніе тѣхъ священныхъ книгъ, которыя необходимы были при Богослуженіи. Этимъ обстоятельствомъ, можетъ быть, объясняется потеря первоначальнаго славянскаго перевода всѣхъ священныхъ книгъ, переведенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, которыя не относились прямо къ Богослуженію,—потеря, можетъ быть, случившаяся очень рано. Изъ этого описанія видно, что попытки возстановить первоначальный переводъ священныхъ книгъ пробудились весьма рано. Пятокнижіе, по замѣчанію вышеупомянутыхъ авторовъ, представляетъ слѣды глубокой древности, и, съ вѣроятностію, можетъ быть отнесено къ остаткамъ первоначальнаго перевода. Книга—Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Псалтирь—принадлежатъ къ числу самыхъ древнихъ, но не первоначальныхъ переводовъ. Текстъ четырехъ книгъ Царства, экклезіаста, Притчей Соломоновыхъ, и премудрости Іисуса Сына Сирахова представляется еще новѣе. Книга Іова, Пѣснь Пѣсней и 16-ть книгъ пророческихъ извлечены собирателями изъ переводовъ, заключающихъ въ себѣ священный текстъ съ толкованіемъ. Такимъ образомъ, до конца VI столѣтія, у насъ не было цѣльной Библіи. Въ это время она составлена, по всей вѣроятности, Новгородскимъ Епископомъ Геннадіемъ изъ помянутыхъ сборниковъ и переводовъ. При этомъ, можетъ быть, были сдѣланы и новые переводы нѣкоторыхъ священныхъ книгъ, частію изъ еврейскаго (книга Есфирь), частію изъ латинскаго перевода, за недостаткомъ греческаго оригинала (двѣ книги Паралипоменонъ три Ездры, Товіи, Юдиои, Премудрость Соломона и книга Маккавеи). Къ остаткамъ первоначальнаго перевода могутъ быть отнесены только древнія Евангелія, Апостолъ и паремійники. Такова, можетъ быть, была

судьба первоначальнаго перевода и у другихъ восточныхъ славянъ. Безспорно, по крайней мѣрѣ, что Библія послѣднихъ лѣтъ была восполнена изъ латинскаго перевода Библіи. Измѣненія въ текстѣ, въ теченіи этого періода, (до XV вѣка) главнымъ образомъ состояли въ выбрасываніи, или перемѣнѣ нѣкоторыхъ гласныхъ. Въ самыхъ древнихъ кодексахъ употреблялись гласныя: *юсъ* вмѣсто—*ю* и *у*, вмѣсто—*о* и *а*—*ъ* и *ь*; писали *тьгда*, *къгда*. Часто вмѣсто гласныхъ употреблялись придыхательные знаки... При *ж*, *з*, *ш*, *щ*, писали *я* вмѣсто—*а*. Вотъ образчикъ текста Остромірова Евангелія: „Тако оубо молитеся вы: Отче нашъ, иже іеси на небесѣхъ, да святится имя Твоіе, да придетъ царствіе Твоіе". Можно предполагать, что подобными-же измѣненіями ограничивался первоначальный текстъ и у другихъ славянъ восточныхъ. Но, кромѣ этихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ измѣненій въ текстѣ и переводѣ, были и другія измѣненія—*случайныя*. Списчики часто повреждали книги ненамѣренно, дѣлали описки и тому подобное. Эти поврежденія вызывали исправленія. Какъ видно изъ манускриптовъ, описанныхъ Горскимъ и Невоструевымъ, исправленія начались весьма рано (XIII вѣка). Правили большею частію по позднѣйшимъ греческимъ спискамъ, но не всегда удачно; за исправленіе нерѣдко принимались люди, незнакомые съ греческимъ языкомъ. Кромѣ этого были и такіе справщики текста, которые хотѣли вновь править текстъ по оригинальному тексту; слова неясныя, греческія и вышедшія изъ употребленія—замѣнять болѣе удобопонятными и народными. Но этого рода справщики часто заходили далѣе законныхъ границъ; часто для уясненія смысла текста прибавляли цѣлыя слова, не находящіяся въ оригинальномъ текстѣ. Списковъ такого рода въ особенности

много сохранилось изъ 1-й половины XVI вѣка. Всѣ подобнаго рода уклоненія и измѣненія вызвали, по всей вѣроятности, болѣе серьезное исправленіе текста. Позднѣйшіе списки XVI вѣка болѣе согласны между собою и ближе подходятъ къ переводу древнихъ списковъ. Въ такомъ-то видѣ сохраненный и сбереженный славянскій библейскій текстъ, въ трехъ полныхъ библейскихъ спискахъ—*Геннадіевомъ*, *Іоакимовомъ* и хранящемся въ Синодальной библіотекѣ *безъ имени*, послужилъ основою для славянъ печатнаго текста. Пропаганда католическая побудила ревнителя православія—*Константина Острожскаго* напечатать Библію на церковно-славянскомъ языкѣ. Изъ собранныхъ для этой цѣли манускриптовъ, списокъ Іоакимовскій, присланный Іоанномъ Грознымъ, оказался самымъ лучшимъ, болѣе подходящимъ къ греческому оригиналу. Острожскіе издатели, какъ видно изъ предисловія къ этой Библіи, хотѣли было править и по греческимъ спискамъ; но текстъ Іоакимовскаго списка препятствовалъ этому... Здѣсь было много книгъ, переведенныхъ изъ Вульгаты... Поэтому справщики ограничились тѣмъ, что книги Іоакимовскаго списка, переведенныя съ греческаго языка, правили по греческимъ манускриптамъ, а книги, переведенныя изъ Вульгаты—по Вульгатѣ. Но и при этомъ эта Библія была отпечатана съ погрѣшностями, удержаны даже нерѣдко описки спичиковъ Іоакимовскаго списка. Не смотря на это Церковь наша пользовалась этимъ переводомъ болѣе 80 лѣтъ. Царь *Алексѣй Михайловичъ* думалъ было исправить эту Библію, но еще мало подготовлено было къ этому средствъ. Поэтому въ Москвѣ, въ 1663 году, была издана Острожская Библія, съ поправками по Іоакимовскому списку, означенными на поляхъ. Но вслѣдъ за этимъ изданіемъ

Алексѣй Михайловичъ, въ 1664 году, созвалъ освященный соборъ, который благословилъ переводити всю Библію вновь. Съ этого времени начавшееся исправленіе Библіи продолжалось около 100 лѣтъ, и только, въ царствованіе Елисаветы Петровны, въ 1750 году была издана новоисправленная Библія. Главная доля труда принадлежитъ коммиссіи, составленной Петромъ Великимъ въ 1713 году, съ участіемъ *Ѳеофилакта Лопатинскаго* и *Софронія Лихудія*... Елисаветинскіе справщики занимались только повѣркою ихъ трудовъ. Исправители, какъ видно, пользовались списками—Ватиканскимъ, Александрійскимъ, полиглоттою Лондонскою и помѣщенными въ ней древними переводами. Исправленіе главнымъ образомъ совершалось по греческимъ спискамъ. Объ исправленіяхъ говорится въ предисловіи къ изданію въ 1751 году. Важныя погрѣшности, разуму противныя, пропуски и излишества, выписаны особо въ каталогѣ при предисловіи. Въ мѣстахъ, неотступающихъ отъ греческаго текста, исправленіе, главнымъ образомъ, состояло въ замѣнѣ древнихъ и вышедшихъ изъ употребленія словъ—новыми, напримѣръ, вмѣсто — *искони—въ началѣ*, вмѣсто—*въ сложеніе—на потребу* и т. п.

Замѣчаніе о переводѣ Библіи въ новѣйшее время. Когда со временъ реформаціи каждая нація получила свой національный переводъ... Когда Евангельскія истины, сдѣлавшись популярными, подняли уровень умственнаго образованія, цивилизованные народы не оставили въ свою очередь и отдаленныхъ частей свѣта. Востокъ прежде всего обратилъ ихъ вниманіе на себя. Въ началѣ здѣсь старались дѣйствовать въ видѣ пропаганды. Католичество выказывало особенную дѣятельность. Папа Григорій XV учредилъ въ Римѣ въ 1622

году особую конгрегацію, спеціально предназначенную—заниматься возсоединеніемъ восточныхъ народовъ. Члены этой конгрегаціи первоначально предлагали восточнымъ христіанамъ ихъ національные переводы, только исправленные, или вновь переведенные съ Вульгаты. Лютеране соперничали съ ними въ этомъ трудѣ. Но съ теченіемъ времени это занятіе обратилось въ правильно организованныя миссіи для народовъ не знавшихъ и не славившихъ имени Христова... Католики и протестанты, правительство и индивидуумы, религіозныя общества и торговыя корпораціи—соперничали въ великомъ дѣлѣ миссіи. Подъ вліяніемъ этихъ побужденій въ XVII и XVIII вѣкахъ было много предпринято переводовъ Священнаго Писанія на языки новые... Индія и Китай сдѣлались предметомъ особаго вниманія.

Библейскія общества. Въ началѣ настоящаго столѣтія распространеніе христіанства, по своему высокому значенію, для многихъ сдѣлалось самымъ святымъ дѣломъ. Въ это-то время образовались библейскія общества, которыя при помощи небольшихъ взносовъ поставили цѣлію сдѣлать доступнымъ Слово Божіе бѣдному классу народа, за незначительную плату. Англіи принадлежитъ иниціатива этого дѣла. *Ѳома Чарльсъ*, проповѣдникъ Валлійскій, путешествуя по княжеству, въ теченіи 20 лѣтъ, своими поученіями успѣлъ возбудить большую охоту къ изученію Слова Божія... Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько миль для того, чтобы достать Библію на самое короткое время, и съ трудомъ ему удалось уговорить одно общество, занимавшееся распространеніемъ книгъ, напечатать Библію для Валлійцевъ. Отпечатанная въ 10000 экземплярахъ она быстро израсходовалась. Требовалось новое изданіе. Занятому этою думою Чарльсу,

въ 1802 году пришла счастливая мысль—основать особое общество для распространенія Библіи въ княжествѣ Валлійскомъ. Свою мысль онъ высказалъ *Торну*, своему другу, который представилъ его въ директоріи договорныхъ обществъ. Здѣсь въ воодушевленной рѣчи онъ изложилъ настоятельную потребность въ Библіяхъ въ своемъ отечествѣ. *Гугъ*, секретарь общества, сдѣлалъ воззваніе и представилъ проэктъ общества. 7 марта, 1804 года учредилось это общество, состоявшее сначала изъ 300 лицъ... Скоро оно нашло сотрудниковъ почти во всѣхъ христіанскихъ земляхъ, и свои общины завело по всему европейскому материку. Въ немногіе годы его средства возросли до огромныхъ размѣровъ и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, оно успѣло распространить Слово Божіе въ нѣсколькихъ милліонахъ, на самыхъ разныхъ языкахъ... Общество это и въ настоящее время продолжаетъ существовать и служитъ главнымъ разсадникомъ Слова Божія между народами только что оглашенными проповѣдію христіанскою.

Чтеніе 11.

ИСТОРІЯ ТОЛКОВАНІЯ НОВОЗАВѢТНЫХЪ КНИГЪ.

Книги Священнаго Писанія изъясняемыя первыми христіанами.

Писанія апостоловъ христіане еще при ихъ жизни употребляли для своего назиданія, часто искали въ нихъ подтвержденіе истинъ своего вѣроученія, принятаго изъ устной проповѣди. Но это употребленіе апостольскихъ писаній было болѣе практическое — нравственное, чѣмъ Богословское-ученое. Для Богословскаго раскрытія и изъясненія истинъ христіанскаго вѣроуче-

нія преимущественно употреблялись ветхо-завѣтныя книги. Каноническій составъ ихъ въ это время уже опредѣлился; ихъ свидѣтельствами подтверждалъ свое ученіе Іисусъ Христосъ, на нихъ ссылались апостолы. Отсюда—изъясненіе этихъ книгъ было главнымъ предметомъ вниманія первыхъ христіанъ. Два главныхъ способа изъясненія ветхо-завѣтныхъ книгъ было извѣстно въ это время между іудеями: *Палестинскій* и *Александрійскій*.

Способъ ихъ изъясненія. Палестинскіе іудеи, лишенные національной независимости и страдая подъ тяжкимъ игомъ иноплеменниковъ, стараются открывать въ своихъ книгахъ, будущія судьбы своего отечества... свое національное возстановленіе... Старались отгадать въ нихъ признаки грядущаго Царя и Владыки, не какъ Искупителя и Спасителя, но какъ политическаго Завоевателя и Возстановителя ихъ гражданской свободы: священныя книги въ ихъ рукахъ обратились въ таинственные іероглифы. Такъ изъясняли Священное Писаніе іерусалимскіе *талмудисты и таргумисты*, такъ какъ изъясненіе ихъ предлагалось въ Синагогѣ,—въ рѣчи, называемой *Мидрашъ*.—Александрійскіе евреи, оторванные отъ мѣстныхъ отеческихъ преданій, вступая въ близкія сношенія съ греками, изучая ихъ философію, въ видахъ сближенія, старались доказать, что ученіе священныхъ книгъ согласно съ ученіемъ философскимъ. Вслѣдствіе этого вдавались въ излишнія и въ отвлеченныя изъясненія буквальнаго историческаго смысла Священныхъ книгъ. Образчикъ—въ *Филонѣ*, въ его изъясненіяхъ библейскихъ историческихъ повѣствованій: *рай*—главныя силы души, *древо жизни*—благочестіе и тому подобное. Одухотворяя смыслъ Священныхъ Ветхо-Завѣтныхъ книгъ, александрійскіе евреи учили, что въ

нихъ можно почерпать такія глубокія тайны вѣдѣнія, какимъ нельзя открывать и у важнѣйшихъ философовъ.—Въ совершенной независимости отъ воззрѣнія современниковъ на содержаніе священныхъ книгъ стояло изъясненіе ветхо-завѣтныхъ книгъ у Іисуса Христа и Его апостоловъ. Ссылаясь на свидѣтельство ветхозавѣтныхъ книгъ, въ своемъ ученіи, они возстановляли истинный религіозный духъ ветхо-завѣтнаго откровенія. — Они возстановили духовный. — таинственный смыслъ, гдѣ онъ проглядывалъ сквозь событія; но при этомъ не отвергали историческаго значенія тѣхъ событій, которые исключительно имѣли историческій смыслъ. Истинный духъ ветхо-завѣтной и ново-завѣтной религіи былъ главнымъ началомъ, сближающимъ то и другое откровеніе. Спаситель и Его ученики не относились рабски къ буквѣ, но и не извращали ее для искривленныхъ показаній и выводовъ.

Изъясненіе Священнаго Писанія мужами апостольскими. Въ такомъ же тонѣ и духѣ, только не всегда съ такою глубиною вѣдѣнія, изъясняли ветхо-завѣтныя книги мужи апостольскіе. *Варнава* пишетъ свое посланіе съ тѣмъ, чтобы наставить христіанъ въ вѣрѣ и совершенномъ вѣдѣніи (Гл. 1). Подъ совершеннымъ вѣдѣніемъ онъ разумѣетъ открытіе глубокаго смысла, заключеннаго въ ветхо-завѣтныхъ книгахъ и не всѣмъ доступнаго... Содержаніе его посланія состоитъ въ изъясненіи этого смысла. Іустинъ философъ пишетъ, чтобы правильно понимать рѣчи и сказаніе пророковъ, нужно имѣть даръ отъ Бога. Кто не имѣетъ этого дара, тотъ не пойметъ о чемъ говорятъ пророки. Этимъ даромъ въ особенности владѣютъ христіане. Іудеи, не проникнутые смысломъ христіанскимъ, не могутъ понимать истиннаго смысла пророческихъ рѣчей. Отсюда-

то и существуетъ смыслъ, такъ называемый таинственный.

Изъясненіе книгъ Священнаго Писанія со 2 половины II-го столѣтія. Во второй половинѣ II столѣтія началось ученое—богословское изъясненіе книгъ Священнаго писанія. Еретическія движенія первой половины II столѣтія подготовили такое изученіе Библіи... Расходясь съ ученіемъ Церкви, основанномъ главнымъ образомъ на преданіи и желая считаться христіанами, еретики II столѣтія прибѣгали къ защитѣ Священнаго Писанія.—извратили его смыслъ для доказательства правости своего ученія. Тогда-то учители Церкви, руководствовавшіеся преимущественно Церковнымъ преданіемъ, позаботились утвердить свое ученіе на показаніи свидѣтельствъ Писанія и защитить ихъ отъ неправаго толкованія... Для этой цѣли были избраны разные пути: одни подъ руководствомъ Церковнаго преданія вводили способъ толкованія александрійскихъ іудеевъ; другіе хотѣли придерживаться болѣе буквальнаго пониманія текста Священныхъ книгъ. Предетавителями перваго направленія были александрійскіе ученые; предетавителями второго—учители западной Церкви.

Климентъ Александрійскій. Первымъ ученымъ воспитанникомъ христіанства александрійской школы былъ Климентъ Александрійскій. Изучивъ современныя науки, онъ предался изученію священныхъ книгъ и оставилъ по себѣ, какъ говоритъ Евсевій, толкованіе на всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Къ намъ дошли его сочиненія—Pedagogus Itromata, и другія. Изъ нихъ видно, какими правилами онъ руководился при изъясненіи Священнаго Писанія. Основныя положенія ихъ слѣдующія: 1) все Священное Писаніе, какъ Ветхаго, такъ Новаго Завѣта, заключаетъ въ себѣ, аллегорическій—таинствен-

ный смыслъ; 2) Священное Писаніе по многимъ причинамъ говоритъ таинственно—а) чтобы мы были болѣе внимательны къ Писанію; б) не всѣмъ людямъ прилично постигать Божественныя таинства; в) буквальный смыслъ вполнѣ доступный относится къ элементарной вѣрѣ, аллегорическій смыслъ приводитъ къ высшей мудрости.

Оригенъ. Вторымъ ученымъ воспитанникомъ александрійской школы и ученымъ изъяснителемъ Священнаго Писанія былъ Оригенъ. Подобно Клименту Александрійскому ознакомившись съ современными языческими науками, онъ прилагалъ ихъ къ болѣе глубокому пониманію и изученію смысла священныхъ книгъ. Онъ не только занимался изъясненіемъ Священнаго Писанія, но хотѣлъ отыскать и научныя для него основы. На него можно смотрѣть, какъ на законодателя изъясненія книгъ Священнаго Писанія въ древней Церкви. Онъ первый заговорилъ о грамматикѣ и аллегорическомъ способѣ толкованія Священнаго Писанія,—первый представилъ образцы научныхъ изъясненій. Экзегетическіе его труды къ намъ дошли частію въ оригиналѣ, частію въ извлеченіяхъ, частію въ оставшихся переводахъ Іеронима и Руфина... Они могутъ быть подраздѣлены на 3 рода: *Комментаріи, Омиліи* и *Схоліи.* Комментаріи—это самая совершенная часть его трудовъ; здѣсь онъ сообщилъ все, что доставили ему его зоркій умъ и наука... Въ Гомиліяхъ онъ болѣе приспособлялся къ народу, и менѣе заботился объ обработкѣ. Схоліи состоятъ изъ краткихъ грамматикъ и историческихъ замѣчаній. Теорія его толкованія такова: какъ человѣкъ, говоритъ онъ, придерживаясь воззрѣнія психологовъ, состоитъ изъ трехъ частей—тѣла, души и духа; такъ и Священное Писаніе имѣетъ тройственный смыслъ—историческій или буквальный, моральный и таинственный. Подъ категорію этихъ

смысловъ онъ подводитъ все содержаніе Священнаго Писанія. Меньше всего занимается грамматическимъ, какъ низшимъ по достоинству.

Тертулліанъ. Совершенно противоположнаго взгляда въ изъясненіи книгъ Священнаго Писанія держался Тертулліанъ Карѳагенскій. Отъ изученія языческихъ писателей и философовъ онъ вынесъ не то впечатлѣніе, какое—вышеупомянутые греческіе учители церкви. „Душевно скорблю, писалъ онъ, что Платонъ сдѣлался исходнымъ пунктомъ еретическихъ движеній". Всѣхъ вообще философовъ онъ называетъ патріархами еретиковъ. „Какая можетъ быть связь, писалъ онъ, между Аѳинами и Іерусалимомъ? Какое отношеніе Академіи къ Церкви? Что общаго у еретиковъ и христіанъ? Вслѣдствіе такого взгляда онъ изгонялъ всѣ оригеновскія воззрѣнія изъ области толкованія Священнаго Писанія. Онъ неотвергалъ вовсе аллегорическаго способа изъясненія Священнаго Писанія. Но, по его взгляду, всякій способъ толкованія долженъ быть подчиненъ „правилу вѣры"... „Рѣчь пророческая хотя бываетъ фигуральною и аллегорическою, писалъ онъ, но не всегда. Не всё—у нихъ образы, но есть и прямыя истины,—не все—тѣни, но есть и мгла... всякое толкованіе Священнаго Писанія должно опредѣляться контекстомъ рѣчи... Не одни слова должны быть принимаемы во вниманіе, но и смыслъ ими передаваемый". Такому же способу толкованія преимущественно слѣдовали—*Ириней* Ліонскій и *Кипріанъ* Карѳагенскій. Оба они не увлекаются философскими воззрѣніями при изъясненіи Священнаго Писанія и требуютъ подчиненія „правилу вѣры".

Направленіе въ изъясненіи Священнаго Писанія въ теченіе III вѣка. Оригенъ былъ оракуломъ въ изъясненіи Священнаго Писанія въ теченіи цѣлаго III вѣка. Не

только его ученики—*Аѳанасій* Александрійскій. *Памфилъ*, но и нѣкоторые изъ западныхъ учителей Церкви, какъ *Ипполитъ*, предпочитали аллегорическій способъ толкованія Священнаго Писанія всякому другому.

Толкованіе Писанія въ 1-й половинѣ IV вѣка. Послѣ того, какъ Церковь освободилась отъ внѣшнихъ гоненій и преслѣдованій, ея учители стали болѣе заниматься ея внутреннимъ устройствомъ—приведеніемъ въ систему вѣроученія. Догматическое ученіе заняло первое мѣсто; для доказательства и раскрытія его пользовались безразлично обоими методами—аллегорическимъ и грамматическимъ. Истина Евангельская, преданія апостольскія и чистота вѣры были главными руководительными началами, при изъясненіи Слова Божія. Вообще толковники 1-й половины IV вѣка, занятые изложеніемъ догматическаго вѣроученія, преимущественно держались средняго пути между поклонниками буквы (которыхъ называли юдаистами) и теоретиками—аллегористами. Такого рода истолковательные труды—Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго.

Антіохійская школа и ея направленіе въ изъясненіи Священнаго Писанія. Въ половинѣ IV вѣка, когда изложеніе догматическаго ученія достигло большей степени ясности и опредѣленности въ изъясненіи Священнаго Писанія,— образовалось историко-грамматическое направленіе. Основателями его были—Евсевій Кессарійскій и Діодоръ Тарсійскій. О послѣднемъ Созоменъ говоритъ: „Діодоръ написалъ много книгъ, руководствуясь одною буквою и отвергая всякую теорію“.

Болѣе выдающимися представителями Антіохійской школы являются—*Ѳеодоръ* Мопсуетскій, *Іоаннъ* Златоустъ, *Исидоръ* Пелусіотскій, *Ѳеодоритъ* Кирскій.

Θеодоръ Мопсуетскій не только отвергалъ аллегорическій смыслъ Священнаго Писанія: но и полемизировалъ съ аллегористами и поклонниками Оригена. Онъ написалъ противъ нихъ пять книгъ. Привязанность къ буквѣ Писанія доходила у него до крайности... Изъ актовъ 2-го Константинопольскаго собора видно, что онъ отвергалъ—пророческое значеніе многихъ ветхозавѣтныхъ мѣстъ. Три только Псалма относилъ къ Іисусу Христу. Вотъ образчикъ его объясненія пророческаго мѣста: *дадоша въ снѣдь мою желчь, и въ жажду мою напоиша мя оцта* (Псал. 62, 22). Пища и питье бываютъ пріятны во время радости,—непріятны и горьки во гнѣвѣ и печали; смыслъ этихъ словъ таковъ: „я нахожусь въ такихъ бѣдствіяхъ, что, въ тяжеломъ моемъ положеніи, пища для меня дѣлается горькою, какъ желчь, и питье обращается—въ уксусъ". Эти слова въ переносномъ смыслѣ могутъ быть приложены и къ Іисусу Христу. Въ такомъ тонѣ онъ объяснялъ всѣ важнѣйшія пророческія мѣста. Объ немъ говорили, что —при изъясненіи Священнаго Писанія—онъ слѣдовалъ іудейскимъ ученымъ.

Іоаннъ Златоустъ, вполнѣ уважая буквальный смыслъ —историко-грамматическій, не отвергалъ аллегорическаго способа толкованія и не терялъ изъ виду догматическаго ученія. Онъ говоритъ: „Иное въ Священномъ Писаніи должно быть буквально въ собственномъ смыслѣ, и иное—нѣсколько иначе—не въ собственномъ смыслѣ: иное имѣетъ двоякій смыслъ—историческій и аналогическій. При изъясненіи Священнаго Писанія нужно обращать вниманіе на время, мѣсто, воззрѣнія людей... Онъ не писалъ комментаріевъ на священныя книги; но въ его бесѣдахъ изъяснена большая часть Новаго Завѣта и нѣкоторыя части Ветхаго. Изъ бесѣдъ

на книги новозавѣтныя хвалятъ его бесѣды на Евангеліе Матѳея, но въ особенности бесѣды на посланія Павла. Съ знаніемъ греческаго языка онъ умѣлъ соединить глубокое пониманіе ученія Павла...

Въ такомъ точно тонѣ и духѣ изъяснялъ Священное Писаніе, ученикъ Іоанна Златоуста, *Исидоръ Пелусіотъ*. Онъ такъ-же не писалъ комментаріевъ, а изъяснялъ Священное Писаніе въ письмахъ...

Ѳеодоритъ Кирскій, ученикъ Златоуста и Ѳеодора Мопсуетскаго, занимался преимущественно составленіемъ комментаріевъ на Священное Писаніе. Онъ изъяснилъ почти весь Ветхій и Новый Завѣтъ. При изъясненіи историко-грамматическаго смысла ветхозавѣтныхъ книгъ, онъ пользовался переводомъ LXX-ти, Акилы, Симмаха и Ѳеодотіона. Изъ его комментаріевъ на Евангеліе у насъ сохранились только отрывки; но комментаріи на всѣ посланія Павла сохранились въ цѣлости. Послѣ Златоуста его комментаріи считаются лучшими изъ древнихъ комментаріевъ. Тѣже критическія и филологическія замѣчанія отличаютъ его комментаріи, какія встрѣчаются у Златоуста. Онъ превосходитъ Златоуста ясностію, удачнымъ выборомъ и соединеніемъ въ одно всѣхъ мнѣній прежнихъ толковниковъ. Соединеніемъ его историко-аллегорическаго способа толкованія Священнаго Писанія съ богословскимъ занимались западные учители Церкви *Іеронимъ* и *Августинъ*.

Іеронимъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ образованный, владѣлъ всѣми условіями необходимыми для правильнаго научнаго изъясненія Священнаго Писанія. Онъ зналъ языки—Халдейскій, Еврейскій, Греческій и Латинскій. Перечиталъ всѣхъ бывшихъ до него греческихъ и латинскихъ толковниковъ. Обошелъ всѣ святыя мѣста. Только не имѣлъ онъ постоянныхъ критическихъ на-

чалъ. Одинъ разъ низводилъ Оригена въ рядъ еретиковъ; другой разъ онъ превозносилъ его до небесъ, третій разъ говорилъ о своей самостоятельности и независимости отъ другихъ. Большинство его комментаріевъ на ветхозавѣтныя книги состоитъ изъ соединеній трудовъ основателей антіохійской школы съ трудами послѣдователей Оригена. Особенная его заслуга при изъясненіи новозавѣтныхъ книгъ состоитъ въ томъ, что онъ всѣ мѣста Ветхаго Завѣта, приводимыя Апостолами, сличалъ съ еврейскимъ текстомъ и древними переводами. Кромѣ истолковательныхъ трудовъ Іеронимъ занимался составленіемъ и исправленіемъ пособій, относящихся къ библейской экзегетикѣ. Онъ исправилъ и дополнилъ книгу Евсевія Кесарійскаго о мѣстностяхъ упоминаемыхъ въ Библіи,—книгу объ еврейскихъ именахъ, упоминаемыхъ въ ветхо и ново-завѣтныхъ книгахъ. Занимался сличеніемъ древнихъ переводовъ, особенно александрійскаго съ еврейскимъ текстомъ.

Августинъ не имѣлъ такого всесторонняго образованія, какимъ владѣлъ Іеронимъ. Онъ самъ говоритъ, что, изучивъ латинскій языкъ, не питалъ любви къ греческому языку. Не владѣя хорошо греческимъ языкомъ, не зная по еврейски, онъ лишенъ былъ возможности читать текстъ въ оригиналѣ, и долженъ былъ пробавляться ходячими латинскими переводами. Въ христіанской наукѣ, составляющей родъ герменевтическаго руководства, Августинъ изложилъ здравыя правила для правильнаго изъясненія Слова Божія. Въ ней онъ говоритъ о необходимости языко-знанія, естествовѣдѣнія, изученія исторіи, философіи, географіи —для правильнаго пониманія Слова Божія. Но самъ, большею частію, слѣдуетъ аллегорическому способу толкованія,—занимается рѣшеніемъ вопросовъ не вытекающихъ изъ

текста. Изъ новозавѣтныхъ комментаріевъ лучшими считаются—изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ изъ посланій къ Римлянамъ и Галатамъ... Здѣсь Августинъ преимущественно старается изложить связь и ходъ мыслей. Его трудъ—о согласіи Евангелистовъ былъ предпринятъ въ виду нѣкоторыхъ современныхъ возраженій противъ Евангельской Исторіи и лица Іисуса Христа. Онъ изложилъ его въ 4-хъ книгахъ. Въ 1-й половинѣ 1-й книги онъ говоритъ, что Евангелисты писали точно въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ кодексѣ,—писали не по соглашенію другъ съ другомъ, но—какъ было дано вдохновеніемъ, съ присоединеніемъ своего собственнаго труда. Матоей описалъ воплощеніе Іисуса Христа изъ царскаго рода и многое другое, сказанное и сдѣланное Имъ въ земной жизни. Маркъ слѣдовалъ Матоею и сократилъ его. Лука болѣе былъ занятъ священническимъ родомъ Господа. Въ остальной части книги своей Августинъ опровергаетъ тѣхъ, которые считаютъ Іисуса Христа обыкновеннымъ—истиннымъ человѣкомъ, а объ ученикахъ Его говорятъ, что они приписывали Ему больше, чѣмъ слѣдовало. Въ остальныхъ трехъ книгахъ занимается примиреніемъ несогласій, встрѣчающихся въ Евангеліяхъ. Касательно несогласій онъ дѣлалъ такое общее замѣчаніе: „нельзя назвать противорѣчіемъ, если каждый изъ Евангелистовъ слѣдуетъ своему порядку; къ числу противорѣчій нельзя также отнести того, если одинъ разсказываетъ то, что другой пропускаетъ... Ибо—какъ кто воспоминалъ и какъ у кого было на сердцѣ, такъ и разсказывалъ—пространнѣе или короче. Поэтому понятно, что въ отношеніи къ сущности мы не должны считать обманомъ, если одно и тоже событіе, многими видѣвшими, или слышавшими, при воспоминаніи, передается не въ

однихъ и тѣхъ-же словахъ, такъ что или измѣняется порядокъ словъ, или одни слова, имѣющія впрочемъ одинаковое значеніе, предпочитаются другимъ, или— объ одномъ повѣствуется меньше, или о другомъ больше... Кто говоритъ, что Евангелистамъ, по силѣ Святаго Духа, не слѣдовало-бы разногласить ни въ словахъ, ни въ порядкѣ, ни въ числѣ, тотъ не понимаетъ, что чѣмъ выше авторитетъ Евангелистовъ, тѣмъ болѣе должно видѣть свободы въ ихъ повѣствованіяхъ объ истинѣ, изучая которую нельзя найти между ними разногласія. Во лжи никто никогда ихъ не изобличилъ". Въ IV и V вѣкахъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной Церквахъ, было много и другихъ толковниковъ Священнаго Писанія; но мы упоминали только о тѣхъ, которые больше высказывали то или другое извѣстное направленіе въ изъясненіи.

Чтеніе 12.

Занятіе толкованіемъ Священнаго Писанія въ VI вѣкѣ, въ восточной и западной Церкви.

Съ VI вѣка научное образованіе приходитъ въ упадокъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Этотъ упадокъ обнаруживается прекращеніемъ самостоятельной производительности. Съ VI вѣка болѣе занимаются собираніемъ того, что прежде писалось: сами не трудятся... На востокѣ этотъ упадокъ на первыхъ порахъ еще не такъ былъ замѣтенъ.—Природное знакомство съ греческимъ языкомъ поддерживало знакомство съ древними лучшими образцами... Западъ не имѣлъ этой выгоды... Съ разрушеніемъ западной имперіи, съ поселеніемъ на

ся развалинахъ новыхъ народовъ, прекратилось знакомство даже съ классическимъ латинскимъ языкомъ. Впрочемъ, такъ было на первыхъ только порахъ. Съ VIII вѣка, со времени Карла Великаго, здѣсь занялась заря новой жизни. И по мѣрѣ того, какъ, съ разрушеніемъ имперіи, образованіе падало глубже и глубже, на западѣ, съ возстановленіемъ государствъ, поднимался уровень образованія. Съ (XIV) вѣка западъ сдѣлался представителемъ христіанскаго образованія. Вслѣдствіе такого поворота историческихъ обстоятельствъ, исторія толкованія Священнаго Писанія можетъ быть разсматриваема отдѣльно, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Направленія въ толкованіи и здѣсь, и тамъ были почти тождественны; но на западѣ они привели къ возрожденію и возстановленію науки, а на востокѣ кончились ничѣмъ.

Исторія толкованія Священнаго Писанія въ восточной Церкви съ VI вѣка. Съ VI вѣка восточныя Церкви, при изъясненіи извѣстной книги, стали заниматься собираніемъ лучшихъ древнихъ толковниковъ, ее изъяснявшихъ. Эти собранія, или компиляціи, были названы въ послѣдствіи времени — *катенами* — (catena — цѣпь), такъ какъ въ нихъ собранныя мнѣнія толковниковъ часто представлялись въ видѣ связнаго и послѣдовательнаго раскрытія. Катены по достоинству своему бываютъ разнаго рода, смотря по вниманію собирателей къ нимъ прилагаемому. Въ однихъ мнѣнія толковниковъ приводятся отрывочно; въ другихъ разсматриваются критически; а въ нѣкоторыхъ—смѣшанно, такъ что одному приписывается то, что принадлежитъ другому. Польза катенъ—та, что въ нихъ сведены мнѣнія лучшихъ толковниковъ, въ нихъ сбережены отрывки многихъ древнихъ—восточныхъ и западныхъ твореній отеческихъ.

Первыми составителями катенъ признаются Ареоа и Андрей.

Андрей, епископъ Кесаріи Каппадокійской составилъ комментаріи на *Апокалипсисъ*. Въ предисловіи къ этому труду онъ говоритъ, что при составленіи его пользовался писаніями Кирилла александрійскаго, Григорія Богослова, Ипполита, Иренея, Меѳодія и Папія. Руководствуясь ими, онъ признаетъ три смысла въ Апокалипсисѣ: буквальный, образный и аналогическій. Послѣднимъ онъ преимущественно занимается... Изъ числа семи печатей, упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ, пять относитъ къ распространенію христіанской религіи и бѣдствіямъ ей угрожающимъ, шестую—къ пришествію антихриста, седьмую—къ кончинѣ міра. При этомъ заключается, что, хотя, многіе изъ древнихъ толковниковъ, большую часть Апокалипсиса относятъ къ осадѣ Іерусалима и его завоеванію, но онъ съ нами не соглашается въ этомъ, и слова гл. 17, 12 относятся не къ осадѣ Іерусалима, а къ послѣдней кончинѣ. О 1000 лѣтъ, упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ XX, 4, Андрей замѣчаетъ, что это не есть какой-либо опредѣленный счетъ, а означаетъ вообще долгое время.

Ареоа, преемникъ Андрея, какъ многіе полагаютъ, оставилъ такой же комментарій на Апокалипсисъ. Собраніе истолкованій извлечено Ареоою изъ тѣхъ же писателей, изъ которыхъ извлечено и Андреемъ; разнится отъ послѣдняго не многими мнѣніями... Текстъ Апокалипсиса Андрея и Ареоы Бенгель, извѣстный исправитель библейскаго текста, считалъ самымъ распространеннымъ на востокѣ, и по нему исправлялъ текстъ древнихъ манускриптовъ.

Прокопій Газскій, въ вѣкъ Юстиніана, Софисто, составилъ комментарій, въ видѣ катенъ, почти на весь

ветхій завѣтъ. Въ предисловіи къ нему говоритъ, что онъ давно подготовлялъ матеріалы; но буквально списываемыя имъ мнѣнія сдѣлали его трудъ черезъ-чуръ огромнымъ. Вслѣдствіе чего онъ положилъ выставлять на видъ только ихъ несогласія; о томъ же, въ чемъ они согласны между собою, упоминается мимоходомъ. При этомъ, чтобы придать труду своему стройность и цѣлостность, онъ излагаетъ мнѣнія толковниковъ въ видѣ разсужденій одного лица. Особенное достоинство комментарія Прокопіева состоитъ въ томъ, что не наводняетъ его слишкомъ излишними отступленіями и разсужденіями,—строго держится текста библейскаго и филологическаго способа изъясненія. Комментаріи Прокопія впрочемъ не всѣ были изданы въ средніе вѣка католическими учеными.

Экуменій и Θеофилактъ Болгарскій преимущественно занимались составленіемъ комментаріевъ на новый завѣтъ. Экуменій написалъ комментарій на дѣянія Апостоловъ и всѣ посланія Павла и на всѣ соборныя посланія. Θеофилактъ Болгарскій на тѣ же самыя, да еще на четвероевангеліе. Оба преимущественно руководствуются Златоустомъ; но часто указываютъ на мнѣнія и другихъ толковниковъ и прибавляютъ свои критическія замѣчанія. Экуменій—однообразенъ и сухъ... Θеофилактъ, при грамматическихъ замѣчаніяхъ и изслѣдованіяхъ филологическихъ, не пренебрегаетъ аллегорическимъ способомъ толкованія и изложеніемъ догматическаго ученія. Предъ комментаріями онъ часто помѣщаетъ предисловія, въ которыхъ говоритъ о времени написанія книги, лицѣ писателя и пр. и пр. Въ нашемъ отечествѣ комментарій Θеофилакта на четвероевангеліе сдѣлался извѣстенъ еще въ XVI вѣкѣ.

Евѳимій Зигабенъ, монахъ Константинопольскаго мо-

настыря, славившійся при жизни Алексѣя Комнена. кромѣ другихъ сочиненій, написалъ комментарій на четвероевангеліе, всѣ посланія Павловы и соборныя, и на нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта. Самымъ лучшимъ его комментаріемъ считается комментарій на четвероевангеліе. Греческій текстъ его въ первый разъ обнародовалъ *Маттеи*, трудившійся въ нашемъ отечествѣ. Этотъ ученый такъ благоговѣлъ предъ симъ трудомъ, что исключалъ его изъ числа катенъ и причислялъ къ комментаріямъ. Высокое достоинство его признавали *Эрнести*, *Незельтъ* и другіе филологи и толковники. Особенность его въ ряду другихъ комментаріевъ этого рода состоитъ въ томъ, что онъ кратко и ясно передастъ грамматическій смыслъ текста, слѣдитъ за связью рѣчи,—сноситъ, сличаетъ и соглашаетъ параллельныя мѣста четвероевангелія. Маттеи не знакомымъ съ Евоміемъ совѣтуетъ прочитать, по крайней мѣрѣ, три послѣднія главы Евангелія Матѳея. По его увѣренію эта часть не изложена такъ обстоятельно ни однимъ древнимъ толковникомъ. Вотъ образчикъ его соглашенія Евангелистовъ между собою: Матѳей гл. 26 ст. 15—ἔστησαν αὐτῷ (Іудѣ предателю) Τριάκοντα ἀργύρια—тридцать сребренниковъ; у Марка гл. 14 ст. 11—ἐπηγγείλαντο αὐτῷ ἀργύριον δοῦναι; у Луки гл. 22 ст. 5—συνέθεντο... Зигабенъ замѣчаетъ, что ἔστησαν у Матѳея равносиленъ—*взвѣсили*, *опредѣлили*. Такимъ образомъ можно согласить ихъ сказанія такъ: прежде всего—συνέθεντο согласились, затѣмъ ἐπηγγείλαντο обѣщали, наконецъ ἔστησαν—ἐστάνρησαν—взвѣсили, опредѣлили. Матѳея 19. 14—τοιῶτων ἐστιν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν: Зигабенъ замѣчаетъ, не сказалъ Спаситель—ὅτι τητῶν ἐστιν βασιλεία, но—τοιῶτων—имѣя въ виду не дѣтей, но ихъ простоту. Такого рода грамматическія замѣчанія Зигабена. Было еще нѣсколько

толковниковъ въ этомъ родѣ, но они менѣе замѣчательны.

О глоссахъ и глоссаріяхъ. Съ XIII вѣка, съ большимъ упадкомъ образованія, люди, желавшіе поддержать знакомство съ древними памятниками и содѣйствовать ихъ изученію, занялись составленіемъ глоссъ... Глоссами у грековъ называются поясненія словъ вышедшихъ изъ употребленія, провинціальныхъ и не многимъ извѣстныхъ. Глоссаріями назывались сборники словъ, требующихъ поясненія, съ самыми поясненіями. Глоссаріи были разнаго рода—относящіеся къ однимъ священнымъ книгамъ, приспособленные къ памятникамъ свѣтской литтературы и—къ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Источникомъ для глоссарій служили прежде всего параллельныя мѣста самихъ писаній, въ которыхъ встрѣчаются синонимическія слова,—затѣмъ—современные имъ памятники и, наконецъ, толкованія древнихъ памятниковъ. Чѣмъ ближе стояли глоссаріи къ самимъ памятникамъ, чѣмъ древнѣе были обзразчики, ими употребляемые, тѣмъ больше было ихъ достоинство. Къ популярнѣйшимъ глоссаріямъ относится глоссарій *Исихія...* Кто былъ Исихій, когда жилъ,—достовѣрно неизвѣстно. Нѣкоторые готовы отнесть его ко II или III вѣку, послѣ Рождества Христова; другіе настоящій трудъ Исихія считаютъ позднѣйшимъ сокращеніемъ, сдѣланнымъ изъ древняго. Такъ или иначе; но всѣ относятся съ уваженіемъ къ этому труду, и автора его считаютъ человѣкомъ ученымъ. Въ немъ собраны слова, не только относящіяся къ священнымъ книгамъ, но и къ памятникамъ свѣтской литтературы. Первое изданіе Исихіева глоссарія было начато *Іоанномъ Альбертомъ* въ 1746 году, въ какой-то академіи, и окончено *Руккеніемъ* въ 1766 году, съ его предисловіемъ. Дороговизна изданія

препятствовала распространенію его... *Эрнести* издалъ его въ сокращенномъ видѣ, съ нѣкоторыми поясненіями, относящимися къ Священному Писанію въ 1775 году. Глоссарій *Свиды*, также извѣстенъ. Но о лицѣ Свиды также не сохранилось историческихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Его относятъ къ концу XI или къ началу XII вѣка. Глоссарій его ниже по достоинству глоссарія Исихіева. Въ немъ нѣтъ такого богатства словъ, и изъясненія ихъ часто неправильны. Его глоссарій вмѣстѣ съ глоссаріемъ западнаго ученаго нѣкоего *Фаворина*. издалъ Эрнести. *Словарь Іоанна Зонары*— первый словарь, приспособленный собственно къ священнымъ книгамъ. Его названіе таково: „Собраніе словъ, составленное изъ разныхъ книгъ ветхо и новозавѣтныхъ писаній"... *Титтманъ*, сличивъ его съ глоссаріями Исихія и Свиды, издалъ въ 1808 году. Этотъ лексиконъ, по богатству, учености и аккуратности, считается однимъ изъ лучшихъ. Извѣстны еще лексиконы и глоссаріи великаго этимолога—*Кирилла, Фотія;* но они преимущественно заняты словами относящимися къ памятникамъ свѣтской литтературы... Съ паденіемъ Константинополя, съ половины XV вѣка, кончились самостоятельные экзегетическіе труды въ греко-восточной Церкви.

Исторія толкованія Священнаго Писанія на западѣ съ IV вѣка. Во время упадка образованія на западѣ, въ Римѣ дѣйствовали Кассіодоръ и папа Григорій Великій. *Кассіодоръ*, сначала Префектъ и Инспекторъ, а подъ конецъ монастырскій отшельникъ, собралъ библіотеку и написалъ: „способъ преподаванія Священныхъ Писаній"—родъ введенія въ библіотеку, герменевтику и комментарій на нѣкоторыя ветхо и ново-завѣтныя книги. Въ комментаріяхъ онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ

древнихъ преимущественно западныхъ толковниковъ; въ способѣ преподаванія Священныхъ Писаній institutione divinarum Scripturarum—хотѣлъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ лучшими толковниками Священнаго Писанія и—съ пособіями необходимыми для правильнаго пониманія и изъясненія Священнаго Писанія. Въ предисловіи къ этому труду онъ говоритъ, что давно сокрушался о томъ, что нѣтъ народныхъ проповѣдниковъ Слова Божія. Политическіе перевороты препятствовали ему заняться этимъ дѣломъ. Теперь онъ хочетъ оказать, по крайней мѣрѣ, пособіе къ этому дѣлу. Въ 1-й книгѣ исчисляетъ лучшихъ толковниковъ, которыми можно руководствоваться при изъясненіи извѣстныхъ книгъ... Объ Оригенѣ говоритъ, что его нужно читать съ большою осторожностію, чтобы съ здравыми соками не воспринять ядоносныхъ. Преимущественно рекомендуетъ западныхъ толковниковъ—Іеронима и въ особенности Августина. Совѣтуетъ также изучать историковъ, особенно церковныхъ, Грамматику, Риторику, Діалектику, Астрономію. Говоря о способахъ изъясненія Священнаго Писанія, упоминаетъ о наукѣ Августина, Адріана, Евхарія, Юнилія, о правилахъ четырехъ вселенскихъ соборовъ. *Григорій* Великій оставилъ много комментаріевъ на книги Ветхаго и Новаго Завѣта; но толкованія его изложены большею частію въ видѣ бесѣдъ, исключительно нравственнаго содержанія. Онъ прямо высказываетъ, что не долго останавливался надъ буквальнымъ смысломъ Священнаго Писанія. Переводъ Іеронима и комментаріи Августина были главными его руководителями при изъясненіи. *Беда*—англичанинъ († 733) былъ предвѣстникомъ возрожденія наукъ на западѣ. Посвятивъ себя уединенной монастырской жизни, онъ изучилъ Греческій и даже Еврейскій языкъ. Съ этимъ

запасомъ, съ помощію древнихъ толковниковъ, онъ занялся изъясненіемъ Священнаго Писанія. Онъ составилъ комментаріи почти на всѣ ветхо и ново-завѣтныя книги. При объясненіи часто входитъ въ филологическій и грамматическій разборъ словъ; но, главнымъ образомъ, руководствовался Августиномъ и Григоріемъ Великимъ. Въ посланіяхъ соборныхъ онъ старался передать одну мысль текста, безъ всякихъ грамматическихъ и филологическихъ замѣчаній.—Со временъ Карла Великаго чаще стали встрѣчаться личности, ознакомившіяся съ основными, научными элементами. *Алкуинъ* (804), подобно Бедѣ, отличался знакомствомъ съ Греческимъ и началами Еврейскаго языка, и занимался изъясненіемъ Священнаго Писанія. Благоговѣя предъ авторитетомъ древнихъ толковниковъ, преимущественно западныхъ, онъ считалъ все, ими сдѣланное, покончennымъ. При изъясненіи онъ вдавался въ схоластическія тонкости, уже обнаруживавшіяся на западѣ въ это время. Вотъ образчикъ его вопросовъ: Почему ангельскій грѣхъ умолчанъ въ книгѣ Бытія, а человѣческій разсказанъ въ подробности?... Современникъ Алкуина *Рабанъ Маръ* вышелъ изъ школъ, основанныхъ Карломъ Великимъ: изучилъ языки—Латинскій, Греческій, Еврейскій и Халдейскій. Составленныя имъ толкованія на весь почти Ветхій и Новый Завѣтъ высказываютъ въ немъ человѣка дѣйствительно ученаго. При изъясненіи онъ сличалъ тексты Латинскій и Греческій, сводилъ мнѣнія толковниковъ, пользовался писаніями Филона и Флавія. Признавая, впрочемъ, въ книгахъ Священнаго Писанія четыре смысла, онъ часто доходилъ до аллегорическихъ, утонченныхъ толкованій. Таковы были первоначальные результаты открытія школъ на западѣ. Впрочемъ это направленіе не было продолжительно.

Занятія Священнымъ Писаніемъ въ періодѣ схоластики. Подъ вліяніемъ изученія философіи Аристотеля, въ устроенныхъ Карломъ школахъ, развилось такъ называемое, схоластическое направленіе, въ изученіи истинъ христіанскаго вѣроученія. Схоластика не благопріятствовала изученію Библіи. Богословы—схоластики занимались не столько изученіемъ христіанскихъ истинъ по Библіи, сколько изложеніемъ ихъ по методу философскихъ системъ, философскихъ наукъ. Они старались изъ полученнаго по наслѣдію христіанскаго вѣроученія создать систему, правильно—логически построенную, по примѣру философскихъ системъ. Вслѣдствіе такого стремленія священныя книги не служили для нихъ предметомъ главнаго изученія, а—мертвымъ матеріаломъ, который они распредѣляли по напередъ составленнымъ, рубрикамъ. Тѣ, которые исключительно посвящали себя занятію книгами Священнаго Писанія, безпрекословно слѣдовали Августину, папѣ Григорію Великому, Бедѣ... Таковы были Аббатъ *Гуго-Викторъ*, Аббатъ *Бернардъ*. Въ вѣкъ схоластики у Латинянъ сдѣлались извѣстными—между-строчныя глоссы, поясняющія трудныя слова Библейскаго текста. Ансельмъ Левдунскій ввелъ ихъ въ употребленіе.

Чтеніе 13.

Вліяніе іудейской экзегетики XII вѣка на изученіе Священнаго Писанія.

Въ XII вѣкѣ іудеи, изгнанные изъ Вавилона, толпами хлынули въ Европу и наводнили Италію. Здѣсь опять возобновилась полемика съ христіанами, возбужденная примѣромъ Аравитянъ. Они принялись за изученіе отечественной литтературы. Въ XI, XII и XIII вѣкахъ между ними явились знаменитые толковники Священнаго Писанія и составители грамматикъ и лексиконовъ. Фамилія *Кимховъ* особенную услугу оказала на этотъ разъ. *Давидъ*—отецъ, *Іосифъ и Моисей* —два сына *Кимхи*, кромѣ комментаріевъ на книги Священнаго Писанія, написали грамматики еврейскаго языка. Не менѣе извѣстенъ былъ *Маймонадъ*. Онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ—„изъяснитель невразумительнаго, неяснаго". Это родъ введенія въ герминевтику Священнаго Писанія. Цѣль ея—руководить къ правильному объясненію словъ, названій, фразъ, аллегорій, метафоръ, паралолъ и всего того, что въ буквальномъ смыслѣ принятое представляетъ нѣчто странное, парадоксальное. Подъ вліяніемъ такихъ трудовъ направленіе въ толкованіи Священнаго Писанія преобладало грамматически-филологическое. Латиняне, въ борьбѣ съ іудеями, прибѣгали сначала къ мечу и оружію. Послѣ безуспѣшности этихъ мѣръ, *Раймундъ*, учитель главнаго ордена проповѣдниковъ, въ 1275 году указалъ на другой путь сближенія и обращенія іудеевъ. Онъ совѣтовалъ людямъ, изучавшимъ Священное Писаніе, заняться еврейскимъ, арабскимъ и халдейскимъ языками, и при толкованіи Священнаго Писанія, основанномъ на этихъ пособіяхъ, вліять на іудеевъ. Вслѣдствіе этого, на соборѣ Вѣнскомъ,

въ 1311 году, положено было въ университетахъ — Пражскомъ и Богемскомъ, ввести преподаваніе этихъ языковъ. Это-то обстоятельство содѣйствовало изученію Библейскаго текста, въ оригиналѣ. Многіе изъ христіанъ учились въ тогдашнихъ раввинскихъ школахъ. Результаты этого вліянія скоро обнаружились. У католиковъ явился рядъ ученыхъ толковниковъ Священнаго Писанія: Бонавентура, докторъ Серафимскій, кардиналъ Гуго, Ѳома Аквинатъ, докторъ Ангельскій, Николай Лира, Павелъ Бургонскій.

Бонавентура — Мистикъ и Схоластикъ — написалъ много комментаріевъ на книги Священнаго Писанія. Начало, которому онъ слѣдовалъ, высказано въ „началѣ Священнаго Писанія, составляющемъ родъ Исагогики въ Священномъ Писаніи. Здѣсь онъ говоритъ, что Священное Писаніе есть та рѣка, которая, исходя изъ источника удовольствія для орошенія рая вѣрующей души и воюющей Церкви, раздѣляется на четыре вѣтви, или источника — историческій, аналогическій, аллегорическій, тропологическій: историческій отвлекаетъ душу отъ земнаго, аналогическій возводитъ къ небесному, аллегорическій воспитываетъ вѣру, тропологическій укрѣпляетъ въ дѣлахъ. Эти-то четыре смысла, съ усвоеннымъ имъ значеніемъ, Бонавентура все отыскиваетъ въ книгахъ Священнаго Писанія. Онъ не столько изъясняетъ текстъ Библіи, сколько размышляетъ.

Кардиналъ Гуго написалъ „соглашеніе Священныхъ Книгъ„. Конкордаціи Гуго состоятъ собственно въ сводѣ параллельныхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчаются однѣ и тѣ же слова, такъ чтобы, по нахожденіи какого-нибудь слова въ одномъ мѣстѣ, можно было найти во всѣхъ другихъ. Но эти конкордаціи Гуго были восполняемы и преобразовываемы по нѣскольку разъ, такъ что Гуго

можетъ считаться только ихъ отцемъ. Этотъ же Гуго написалъ еще „Постиллы" [1]) post illum=послѣ чтенія предлагаемаго народу въ Церкви.

Ѳома Аквинатъ, въ изъясненіи Священнаго Писанія, былъ по преимуществу комментаторъ. Онъ изъяснилъ почти весь ветхій и новый завѣтъ. Катены на четвероевангеліе онъ извлекъ изъ 12 греческихъ писателей и 20 латинскихъ. Цѣль его труда, какъ онъ самъ говоритъ, состояла не только въ томъ, чтобы изложить буквальный смыслъ, но и мистическій, и—по мѣстамъ обличить заблужденія, противныя католической вѣрѣ. Его толкованія на посланія Павла—лучшія, и составлены также изъ многихъ писателей восточной и западной Церкви.

Николай Лира получилъ образованіе уже подъ вліяніемъ новыхъ условій. Онъ написалъ, такъ называемые, „Постиллы", или краткія изъясненія на всю Библію, въ 85-ти книгахъ; пользовался большимъ уваженіемъ у современниковъ и долго славился у католиковъ. Даже Лютеръ относился съ уваженіемъ къ его трудамъ. Онъ такъ владѣлъ Еврейскимъ языкомъ, что его считали Евреемъ по происхожденію. Въ толкованіяхъ часто ссылается на раввиновъ XII и XIII вѣковъ. Впрочемъ заслуги его велики только по отношенію къ Ветхому Завѣту. Онъ не зналъ Греческаго языка, и въ толкованіяхъ его на Новый Завѣтъ могутъ заслужить вниманія только толкованія ветхо-завѣтныхъ свидѣтельствъ. Комментаріи его сопровождаются тремя предисловіями. Въ нихъ онъ высказываетъ свои мнѣнія о смыслахъ Священнаго Писанія и ихъ значеніи. Особенность Свя-

[1]) In universa Biblia Jüxta quadruplam sensam litterarum allegoricum moralem, anagogicum postillae post illum.

щеннаго Писанія, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что въ немъ слова имѣютъ нѣсколько смысловъ. Не только слова выражаютъ извѣстную мысль, но и самыя мысли, или выраженія, заключаютъ въ себѣ другія мысли; слова, употребляемыя въ непосредственномъ значеніи, передаютъ буквальный смыслъ,—во второмъ значеніи они выражаютъ духовный или мистическій смыслъ, который бываетъ троякій: аллегорическій, когда высказываетъ мысль относящуюся къ новому закону,—моральный, когда касается нашихъ дѣлъ и—аналогическій, когда относится къ жизни будущей. Во второмъ предисловіи говоритъ, что буквальный смыслъ Священнаго Писанія должно предпочитать всякому другому, какъ фундаментъ и основаніе: буквальнымъ смысломъ, а не таинственнымъ, можетъ быть доказываема христіанская истина.

Павелъ Бургонскій—Еврей, принявшій христіанство, по прочтеніи Ѳомы Аквината. Онъ написалъ прибавки къ Постилламъ Николая Лиры. Воспитавшись подъ вліяніемъ Ѳомы Аквината, онъ не одобрялъ мнѣнія Николая Лиры, на счетъ предпочтенія буквальнаго смысла таинственному, ссылаясь на Апостола, который говоритъ, что буква убиваетъ, а духъ животворитъ. Выше—смыслъ духовный, говорящій о вѣрѣ, любви, жизни будущей,—буквальнаго, изображающаго событія настоящей жизни. Владѣя Еврейскимъ языкомъ, онъ главнымъ образомъ занимался изъясненіемъ Ветхаго Завѣта.

Трудами этихъ толковниковъ католики пробавлялись долго. Послѣ временнаго возбужденія, уровень образованія опять понизился. Въ первой половинѣ XV вѣка стали заниматься распространеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, относящихся къ Библіи. Составитель книги — „Воспитанный молокомъ“ — училъ, какъ произносить латинскія слова, гдѣ ставить ударе-

ніе, какъ правильно читать. Онъ посвятилъ эту книгу клерикамъ.

Распространеніе изученія Греческаго языка на западѣ и вліяніе его на библейскую экзегетику. Доселѣ (до половины XV вѣка) изученіе Греческаго языка было въ употребленіи на западѣ. Въ толкованіи Новаго Завѣта не было сдѣлано никакихъ успѣховъ. Въ XV вѣкѣ образованные Итальянцы указывали на необходимость изученія этого древняго нарѣчія; но ихъ голоса не возбуждали особеннаго вниманія. Въ половинѣ XV вѣка паденіе Константинополя возбудило вниманіе западныхъ народовъ къ литературѣ сходящей съ поприща націи; отсюда вышли многіе образованные люди, занявшіе каѳедры въ западныхъ университетахъ. Знакомство съ Греческимъ языкомъ начало считаться принадлежностью образованнаго класса. Это имѣло благотворное вліяніе на толкованіе ново-завѣтныхъ книгъ. Явились люди, которые стали доказывать, что правильное изъясненіе ново-завѣтныхъ книгъ не можетъ быть дѣлано безъ изученія Греческаго языка, —что толкованіе собственно и должно быть основано на Греческомъ текстѣ; переводъ Латинскій долженъ быть сличаемъ и исправляемъ по Греческому тексту.

Лаврентій Вала. римлянинъ, первый приложилъ эти начала къ изъясненію Священнаго Писанія Новаго Завѣта. Онъ написалъ замѣчанія на Новый Завѣтъ, составленныя изъ изъясненія кодексовъ того и другаго (греческаго и латинскаго) языка. При этомъ, во многихъ мѣстахъ исправлялъ неточность латинскаго перевода. Вала нашелъ многихъ поборниковъ своего взгляда.

Рейхлинъ составилъ греческій лексиконъ и греческую грамматику, чтобы облегчить изъясненіе библейскаго

текста, въ оригинальномъ текстѣ. Въ своемъ лексиконѣ онъ указывалъ на неправильный переводъ многихъ греческихъ словъ въ Вульгатномъ переводѣ. Этотъ трудъ былъ встрѣченъ съ большимъ подозрѣніемъ многими католическими іерархами. Спрашивали: что будетъ, если каждый подобнымъ образомъ вздумаетъ трактовать о Святомъ текстѣ?!. Были составлены особыя коммиссіи по этому дѣлу. Споръ кончился только разъединеніемъ во мнѣніяхъ католическихъ ученыхъ.

Ерамъ Роттердамскій начало Вамы примѣнилъ къ ново-завѣтному тексту. Воспитавшись въ лучшихъ современныхъ училищахъ, онъ занялся изданіемъ Классиковъ Греческихъ и Латинскихъ отцовъ Церкви,—былъ поборникомъ свѣтскаго образованія. Слухъ о намѣреніи *Кисменеса* —издать Библію, побудилъ его приняться за изданіе ново-завѣтнаго текста Греческаго. Слухъ о его намѣреніи взволновалъ многихъ католическихъ ученыхъ. Лёвенскіе Богословы отправили депутацію—просить его—оставить это намѣреніе. Еразмъ ссылался на буллы папъ объ изученіи Еврейскаго и Греческаго языковъ и указывалъ на постановленіе Вѣнскаго собора. Поддерживаемый въ Римѣ, онъ выполнилъ свое намѣреніе, въ 1516 году. Изданный Греческій текстъ подрывалъ безпрекословно уваженіе къ тексту Вульгаты. Приспособительно къ этому труду онъ издалъ Парафразъ на Новый Завѣтъ, гдѣ мысль текста передавалъ въ яснѣйшихъ словахъ. *Неселитъ* называетъ этотъ трудъ безсмертнымъ. Въ XVIII вѣкѣ *Клерикъ* издалъ его съ своими замѣчаніями и поправками. Изъ такихъ источниковъ въ католичествѣ мало по малу вырабатывались начала исторической и филологической экзегетики. Въ Римѣ имъ покровительствовали. Но еще эти начала не успѣли созрѣть и окрѣпнуть, какъ реформація своимъ

поворотомъ прервала правильность и послѣдовательность этого развитія.

Вліяніе реформаціи на библейскую экзегетику, и главныя видоизмѣненія въ ней съ этого времени до настоящаго. Реформація не благопріятствовала научному развитію библейской экзегетики. Реформаторы, опираясь на Слово Божіемъ, подчинили его своимъ предзанятымъ догматическимъ воззрѣніемъ. Лютеръ училъ, что Грамматика не должна править предметомъ, но сама ему служить. Точно также Кальвинъ и Цвингій книги Священнаго Писанія старались сдѣлать источникомъ, основою своихъ субъективныхъ воззрѣній. Такъ было въ началѣ реформаторскихъ движеній, а спустя вѣкъ, послѣдователи реформаторовъ старались изгнать изъ области библейской экзегетики всякое уклоненіе отъ догматическаго вѣроученія первыхъ проповѣдниковъ своего ученія. Тогда было наложено строгое запрещеніе на всякое критическое разсмотрѣніе и исправленіе библейскаго текста. Въ теченіи XVI и XVII вѣковъ католическіе ученые продолжали быть главными представителями научной и крической экзегетики. Они, по крайней мѣрѣ, не преслѣдовали съ такою враждебностью научныхъ критическихъ занятій, какъ протестантскіе. *Ричардъ Симонъ* воспитался на почвѣ католичества. Онъ не считалъ законопреступнымъ критическое изслѣдованіе библейскаго текста. Онъ же изложивъ исторію толкованія Священнаго Писанія, хотѣлъ указать путь къ правильному, научному его употребленію. Въ протестантствѣ, въ выдѣлившихся отъ него сектахъ, Пістистовъ, Кокцеянъ, Арминіянъ и другихъ, преслѣдовались научныя стремленія: но къ нимъ часто присоединялись раціоналистическія воззрѣнія. Раціоналистическія воззрѣнія и движенія XVIII вѣка (Землера, Ейнгхорна и еще

прежде изъ Англійскихъ натуралистовъ и деистовъ) побудили протестантовъ основать библейскую экзегетику, на строго научныхъ правилахъ. Это стремленіе вполнѣ осуществилось въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Протестантство, поддержанное философіею, возродилось послѣ раціоналистическихъ потрясеній. Съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія въ немъ ясно обозначились три направленія: *догматическое*, преслѣдовавшее догматы вѣроисповѣданія при изъясненіи Священнаго Писанія; *историко-философское*, оправдывавшее христіанскую истину, при помощи философскихъ воззрѣній и—*историко-грамматическое*, изъясняющее содержаніе священныхъ книгъ изъ историко-филологическихъ основъ. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ содержаніе священныхъ книгъ изъясняется, или съ примѣсью субъективныхъ догматическихъ воззрѣній, или раціоналистическихъ. Послѣднія, хотя проповѣдуютъ объективность въ критическихъ изслѣдованіяхъ, но чисто поддаются самому произвольному субъективному раціонализму. Въ рядъ съ этими болѣе или менѣе близкими воззрѣніями къ протестантскому ученію продолжаютъ развиваться раціоналистическія воззрѣнія въ библейской экзегетикѣ XVIII вѣка, только въ измѣненномъ видѣ. Таково отношеніе протестантскаго міра къ библейской экзегетикѣ. Католичество по прежнему остается вѣрнымъ своимъ началамъ—преданію Церкви, оправдываемому разумными положеніями. Наша Греко-Россійская Церковь всегда вѣрная православію, заимствуя все лучшее отъ ученыхъ толковниковъ римско-католическихъ и протестантскихъ, въ толкованіи Священнаго Писанія, идетъ среднимъ — царскимъ путемъ, избѣгая крайностей тѣхъ и другихъ экзегетовъ инославныхъ.

Чтеніе 14.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ.

Мы видѣли—какъ произошли священныя книги Новаго Завѣта,—какъ онѣ собраны въ одну книгу—канонъ,—какой имѣли первоначальный видъ,—какъ распространились и—въ какомъ были употребленіи у христіанъ, начиная съ первыхъ временъ до настоящаго. Зная все это, мы вправѣ сказать о священныхъ книгахъ Новаго Завѣта, что онѣ прошли сквозь огонь и воду *испытанія* ихъ, и вышли въ самомъ чистомъ видѣ. Это въ полномъ смыслѣ—*словеса Господня, словеса чиста, сребро разжено, искушено земли, очищено седмерицею...* Намъ, съ спокойною совѣстію и съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинности, остается теперь обратить все свое вниманіе на содержаніе и смыслъ нашихъ священныхъ книгъ, и со всѣмъ тщаніемъ изучать ихъ... Для этого, конечно, потребуется много времени и труда...

Прежде, чѣмъ займемся подробнымъ изученіемъ содержанія и смысла ново-завѣтныхъ книгъ, въ заключеніе нашихъ бесѣдъ, составимъ себѣ понятіе о томъ, что заключается въ Новомъ Завѣтѣ вообще, — что такое Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа? Это не что иное, какъ *Божественное Завѣщаніе*, написанное и подписанное Кровію нашего Спасителя, и засвидѣтельствованное, какъ видѣли, милліонами свидѣтелей... Если такъ, то и по суду человѣческому было бы не простительно, если бы мы не поставили для себя первымъ долгомъ—узнать послѣднюю волю Спасителя нашего, не сочли ее священнѣйшею для насъ и не позаботились объ исполненіи ея. Обратимъ же все свое вниманіе на завѣщаніе Спасителя нашего. Въ полномъ видѣ,

со всѣми подробностями, завѣщаніе Господа нашего Іисуса Христа заключается въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта. Вникнемъ въ смыслъ этого всемірнаго завѣщанія, обратимъ вниманіе на главные его пункты и на то, какъ выполнить его.

Два главныхъ пункта въ великомъ завѣщаніи Господа нашего.—Одинъ пунктъ его указываетъ намъ путь, по которому можно дойти до общенія съ самимъ Завѣщателемъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ; а другой—выясняетъ самое пребываніе наше въ Богѣ, какъ слѣдствіе общенія съ Спасителемъ нашимъ. Сами видите, что завѣщаніе это относится ко всей религіи нашей, обнимаетъ всю вѣру нашу и выражаетъ всю сущность христіанства, которая состоитъ въ возстановленіи падшаго человѣка.

Цѣль сотворенія человѣка и жизни его—быть въ общеніи съ Богомъ, жить въ Немъ и блаженствовать. Но человѣкъ, не сохранивъ первой и единственной заповѣди Божіей, отпалъ отъ Бога, потерялъ истинную жизнь и самъ обрекъ себя на временныя и вѣчныя страданія. Послѣдняго требовало сколько состояніе падшаго, столько же и правда Божія. Смерть сына Божія, принявшаго на Себя естество человѣческое и оживотворившаго его въ Себѣ, удовлетворила правдѣ Божіей и возвратила человѣку блаженство его въ Богѣ. Теперь, значитъ, кто хочетъ достигнуть своего назначенія—блаженства въ общеніи съ Богомъ,—не иначе можетъ сдѣлать это, какъ чрезъ общеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ: *никто же можетъ прiити ко Отцу, токмо Мною*, говоритъ Онъ (Іоан. 14, 6). Вотъ сущность христіанства!

Какой же тотъ путь, по которому можно дойти до общенія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и что отъ

насъ требуется на этомъ пути? Глубоко *сознавая* свое отчужденіе отъ Бога и *раскаиваясь* въ грѣхахъ своихъ, человѣкъ легко могъ бы придти въ отчаяніе, если бы не заслуги Искупителя міра. Только уповая себѣ *вѣрою* заслуги Спасителя, человѣкъ получаетъ *надежду* спасенія, пріемлетъ Божественныя *силы*, полагаетъ *намѣреніе* жить для Господа, во вся дни живота своего, и за это, чрезъ святыя *таинства*, соединяется съ Господомъ... Эти общія черты восхожденія къ общенію съ Господомъ требуютъ отъ всякаго христіанина, чтобы онъ *зналъ и познавалъ свою бѣдность и окаянство*, — что онъ и нищъ, и слѣпъ, и нагъ..., и погибалъ бы временно и вѣчно, если бы не Господь, — чтобы далѣе *зналъ и возсталъ въ познаніи Господа Іисуса Христа*, пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти,—чтобы *полною вѣрою вѣровалъ, что Господь*, спасшій весь міръ, и его спасъ,—чтобы, вслѣдствіе этого, *питалъ* въ себѣ, при постоянномъ самоотверженіи, *надежду спасенія*,—*возгрѣвалъ* въ себѣ, при всегдашнемъ покаяніи, *чувство мира съ Богомъ*, Благодѣтелемъ, и *носилъ* въ сердцѣ своемъ *убѣжденіе, что Онъ Сынъ Божій*, обязанный жить и дѣйствовать какъ бы предъ лицемъ Божіимъ, въ видахъ Божіихъ, для Бога, всегда во славу пресвятаго имени Его. Таковъ первый рядъ чувствъ и расположеній, завѣщанныхъ Господомъ! Всѣ они вытекаютъ изъ покаянія и вѣры въ Искупителя: *покайтесь и вѣруйте во Евангеліе*, сказалъ Онъ (Мр. 1, 15). Только чрезъ покаяніе и вѣру человѣкъ входитъ въ общеніе съ своимъ Спасителемъ, а чрезъ Него—и съ самимъ Богомъ.—

Вступивъ въ общеніе съ Іисусомъ Христомъ, а чрезъ него возсоединившись съ самимъ Богомъ, человѣкъ становится лицемъ къ лицу съ Богомъ. Теперь онъ созерцаетъ Бога въ самомъ себѣ—въ Его безконечныхъ со-

вершенствахъ, и въ отношеніяхъ Его къ міру и человѣку,—въ Его дѣлахъ творенія, промышленія и совершенія всего... Эти общія черты возсоединенія человѣка, чрезъ Іисуса Христа съ Богомъ, требуютъ отъ него, чтобы онъ, созерцая Бога сокровеннѣйшимъ и непостижимымъ, изумлялся величію Его, устраняя всякую пытливую мысль о Немъ,—созерцая Его безконечно великимъ, падалъ предъ Нимъ, приникаясь благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ, — созерцая Его совершеннѣйшимъ, хвалилъ и словословилъ Его непрестанно,—созерцая Его вездѣсущимъ, всевидящимъ и всеисполняющимъ, ходилъ предъ лицемъ Его, какъ предъ Царемъ всегда на Него смотрящимъ, — созерцая Его Творцемъ и Хранителемъ своимъ, покорялся Ему, какъ Владыкѣ жизни, въ чувствѣ всесторонней зависимости отъ Него,—созерцая Его Промыслителемъ своимъ, благодарилъ Его за все и благодушно все переносилъ случающееся въ жизни, помня, что все съ нимъ дѣлается по расположенію Божію,—созерцая Его Руководителемъ къ своему назначенію, предлагая себѣ всеблагой волѣ Божіей и успокоился въ Богѣ молитвою къ Нему ума и сердца,—созерцая Его Преобразователемъ неба и земли и Приготовителемъ вѣчнаго блаженнаго Царства человѣку, ожидалъ-бы втораго пришествія Господня и приготовлялся на всякій часъ встрѣтить Его, готовился-бы къ смерти, помня судъ, рай и адъ и былъ-бы, какъ странникъ на землѣ. Таковъ второй рядъ чувствъ и расположеній, завѣщанныхъ Господомъ! Чрезъ нихъ только человѣкъ пребываетъ въ общеніи съ Богомъ. Это рядъ обязанностей нашихъ къ Богу, какъ дѣтей Его по благодати: *пребываяй во Мнѣ, въ Богѣ пребываетъ... и якоже Азъ сотворихъ, и вы творите*, сказалъ Спаситель нашъ, Единородный Сынъ Божій.

Вотъ и все завѣщаніе Господа нашего Іисуса Христа, запечатанное Его Крестомъ. Исполнивъ его, мы дѣлаемся полными наслѣдниками Царства Его.

Но какъ исполнить намъ это завѣщаніе? Вотъ существенно необходимый для насъ вопросъ.

Благодареніе, вѣчное благодареніе Богу! Если Сына Своего не пощадилъ Онъ за насъ, то съ Нимъ, конечно, далъ намъ и средства къ выполненію Его завѣщанія. Царство Божіе уже существуетъ на землѣ, это святая Церковь Христова. Не иначе, какъ по ея указанію и руководству, мы можемъ утверждаться и пребывать въ общеніи съ Богомъ. Въ Церкви—всѣ необходимыя для этого благодатныя средства, и всѣ, обращающіеся къ Богу и пользующіеся въ ней этими средствами, получаютъ въ нихъ *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію.* Нужно-ли намъ просвѣщеніе ума? Церковь есть просвѣтительница наша,—столпъ и утвержденіе истины, въ Словѣ Божіемъ, въ отеческихъ писаніяхъ и въ церковной проповѣди. Нужно-ли подкрѣпленіе нашей слабости? Церковь есть подательница и воспитательница духа благодати,—въ святыхъ таинствахъ. Нужно-ли намъ ходатайство и защита отъ окружающихъ враговъ? Церковь есть ходатайца защитница наша,—въ безкровной жертвѣ, въ молитвахъ на всякую потребу нашу душевную и тѣлесную. Нужно только пребывать всегда въ общеніи и единеніи духа со всѣми членами Церкви, не забывать вытекающихъ отсюда обязанностей единомыслія, сочувствія и готовности содѣйствовать благу всѣхъ,—чтобы общими силами стремиться къ одной цѣли; нужно со всею ревностію стараться навсегда пребыть въ единеніи съ Церковію и себя подвести подъ одинъ

духъ съ нею, не забывать обѣтовъ, данныхъ въ крещеніи—отвергнуться своего грѣховнаго и принести всего себя въ жертву Богу, чтобы духъ любви и самоотверженія сдѣлался господствующимъ во всѣхъ членахъ Церкви и далъ намъ ревность всегда и во всемъ творить одну волю Божію,—чему должна быть посвящена вся жизнь наша. Истинный христіанинъ, твердо содержа этотъ Богоначертанный порядокъ, всю жизнь свою ходитъ по нему умомъ и сердцемъ, собираетъ въ немъ святыя чувства, расположеніе, и дѣла, и такимъ образомъ легко выполняетъ завѣщаніе Господа своего.

Повторимъ еще разъ краткое завѣщаніе Господа нашего. *Восходи къ Богу—своему Первообразу:* познай свою грѣховность, вѣруй въ Господа Іисуса Христа; по вѣрѣ въ Него, при самоотверженіи, надѣйся спастись;—при всегдашнемъ покаяніи, пребывай въ мирѣ съ Богомъ и,—въ чувствѣ Сыновней любви къ Нему, ревностно дѣйствуй по волѣ Его и въ славу Его. *Живи въ Богѣ:* ходи предъ лицемъ Его, въ благоугожденіи и горячности духа, хвалебно радуйся о Немъ, какъ Богѣ всесовершеннѣйшемъ, благоговѣйно падай предъ Его безпредѣльнымъ величествомъ и въ изумленіи погружайся въ Его непостижимой безпредѣльности; чувствуя, что ты—весь Божій, покоряйся Ему въ полной зависимости отъ Него; сознавая, что все твое есть Божіе, благодари за то Бога, благодушествуй, терпи, довольствуйся своимъ жребіемъ; вѣруя, что все будущее отъ Бога же, предайся Богу, успокойся въ Немъ и, надѣясь, молись Ему, и такимъ образомъ, содержа себя странникомъ на землѣ, постоянно помня послѣднія твоя, ожидай конца всему и готовься къ смерти. Въ этомъ вся тайна и весь смыслъ христіанской жизни. Главное наше дѣло здѣсь, по руководству Церкви,

знать и въ чувствѣ сердца содержать свою бѣдность.—знать и въ чувствѣ сердца носить богатство Христово.—и потомъ, силою вѣры и любви,—переносить это богатство Христово на себя бѣднаго.

Сочетанный съ Господомъ постоянно содержитъ эти чувства и, переходя отъ одного къ другому, поддерживаетъ въ себѣ или приводитъ въ движеніе свое живое сочетаніе съ Господомъ, и такимъ образомъ еще здѣсь на землѣ получаетъ наслѣдство, завѣщанное ему Господомъ, то-есть Царство Христово въ душѣ своей: правду, миръ и радость о Дусѣ Святѣ,—теперь-же дѣлается участникомъ Царства Его благодатнаго въ Церкви воинствующей на землѣ, а по смерти сдѣлается навѣки причастникомъ Царства Славы Его на небѣ.

Я указалъ вамъ общее содержаніе Новаго Завѣта, и назвалъ его завѣщаніемъ Господа нашего Іисуса Христа. Я уяснилъ вамъ смыслъ завѣщанія Господа нашего, и указалъ средства къ выполненію его. Оно немного сложно и выполнить его легко. Самъ Спаситель нашъ сказалъ: *иго мое благо, и бремя мое легко есть.* Нужно только понять его и всегда помнить, а главное нужно пожелать, всѣмъ сердцемъ пожелать исполнить его...

ПАЛЕСТИНСКІЕ ВЕЧЕРА ВЪ РЯЗАНИ.

ПАЛЕСТИНСКІЕ ВЕЧЕРА

въ Рязани.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

ЧТЕНІЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЕ.

Предоставимъ людямъ ученымъ—вѣрить и доказывать, что земля наша вертится около солнца. Намъ дорого наше духовное солнце правды—Христосъ Богъ нашъ, около котораго мы должны день и ночь обращаться умами и сердцами нашими, чтобы получать отъ Него свѣтъ и благодать, необходимые для нашей духовной жизни; потому что, какъ безъ солнца видимаго—безъ его свѣта и теплоты—ни одно животное, ни одно растеніе не можетъ жить и прозябать на землѣ; такъ точно, и безъ духовнаго нашего солнца—безъ благодатнаго свѣта Христова—никто изъ насъ не можетъ жить жизнію истинно-христіанскою.

Не станемъ спорить и съ тѣми, которые говорятъ, что земля наша, какъ почти незамѣтная песчинка въ океанѣ безчисленныхъ міровъ, не можетъ быть центромъ вселенной. Намъ дорого то,—что въ нашихъ Божественныхъ книгахъ, земля представляется именно средоточіемъ вселенной; особенно же дорого то, что Спаси-

тель нашъ болѣе 33 лѣтъ жилъ на нашей землѣ во плоти, проповѣдывалъ намъ Евангеліе Свое, страдалъ и умеръ на крестѣ, воскресъ и вознесся съ земли на небо; для насъ поучительно и то, что вниманіе всѣхъ концовъ земли обращено къ тому мѣсту, гдѣ жилъ и страдалъ за насъ Христосъ,—о которомъ говорится: *спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли.* а Голгоа въ церковныхъ книгахъ прямо называется—*пупомъ земли.*

Но какъ-бы то ни было,—это Палестина, это святая Земля, гдѣ совершено наше спасеніе, гдѣ отъ Божественной силы даровано намъ все, что необходимо намъ къ духовной жизни и благочестію. И если вниманіе всѣхъ концовъ земли стремится къ Святой Землѣ, какъ къ центру своему. мы-ли одни будемъ равнодушны къ ней? Намъ-ли не устремлять туда всѣхъ своихъ мыслей, чувствъ и желаній, когда изъ древняго преданія мы знаемъ, что Распятый тамъ Спаситель нашъ Святое Лице Свое обратилъ именно на насъ,—на страну нашу, на Русь святую. О, не умолкнемъ же ради Сіона и ради Іерусалима не успокоимся, дондеже Господь изведетъ судьбу нашу, яко свѣтъ, и правду нашу, яко полудне! Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице Твое на ны, и помилуй ны!

Съ цѣлію обратить наше вниманіе на Святую Землю, въ столицѣ Россіи—учреждено ИМПЕРАТОРСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО; съ тою-же цѣлію и у насъ—въ Рязани открыто Отдѣленіе того Общества.

Преслѣдуя свои цѣли, Императорское Палестинское Общество, всѣми мѣрами заботится—поддержать въ Святой Землѣ православіе, ввиду козней противъ него со стороны латинянъ и протестантовъ,—знакомить православныхъ съ прошедшимъ и настоящимъ Святой Земли, откуда возсіяло для насъ солнце правды,—

дѣлаетъ всевозможныя удобства, облегченія, и пособія Русскимъ поклонникамъ въ Святой Землѣ.

Дорожа своимъ спасеніемъ, и руководясь указаніями для нашей дѣятельности Центральнаго Палестинскаго Общества, позаботимся и мы,—всѣми возможными и зависящими отъ насъ мѣрами,—со всѣмъ искреннимъ усердіемъ, содѣйствовать указаннымъ цѣлямъ Общества.

Для успѣшнаго и благотворнаго достиженія намѣченныхъ Обществомъ цѣлей, прежде всего, конечно, требуется содѣйствіе религіозно-нравственное: но и религіозно-нравственное содѣйствіе, въ свою очередь, требуетъ поддержки матеріальной. Католики и протестанты потому тамъ и преимуществуютъ, что обладаютъ громадными средствами матеріальными. Не будь у нихъ такихъ средствъ,—успѣхи ихъ въ Святой Землѣ далеко уступали-бы нашимъ успѣхамъ.

Но, главнымъ образомъ, всякое благотворное, съ нашей стороны, содѣйствіе святому дѣлу, какъ и всѣ успѣхи его, зависятъ отъ искренняго усердія и любви. Любовь—сила всемогущая, не только на небѣ, но и на земли: она все можетъ сдѣлать, и ни предъ чѣмъ не остановится.—Если-бы мы, съ такимъ усердіемъ и съ такою любовію отнеслись къ нашему дѣлу, то многое сдѣлали-бы и въ пользу Святой Земли, и въ пользу своего собственнаго спасенія.

Выходя изъ начала этой святой любви, съ моей стороны,—кромѣ посильной жертвы на святое дѣло, открыты въ Крестовой церкви, по воскреснымъ вечерамъ, при совершеніи акаѳистовъ, чтенія, подъ названіемъ—„Палестинскіе вечера въ Рязани". Въ чтеніяхъ своихъ постараюсь ознакомить моихъ слушателей, хотя кратко, съ святыми мѣстами, въ которыхъ совершались событія евангельскія. Такимъ образомъ, у насъ, при

помощи Божіей, совершено будетъ мысленное путешествіе по Святой Землѣ, съ обновленіемъ въ памяти священной Исторіи Новаго Завѣта. Прошу и васъ, отцы и братія, со всѣмъ усердіемъ, заняться такъ же, и тѣмъ же святымъ дѣломъ. Приглашаю и Васъ, милостивые государи, не откажитесь содѣйствовать намъ своею любовію личною, и расположеніемъ къ тому же другихъ, сочувствующихъ Православію и заботящихся о своемъ спасеніи, да вси вкупѣ, отъ всей души, взываемъ: *Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ*, и отъ всего сердца молимся: *Ублажи Господи благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны Іерусалимскія*. Аминь.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

НАЗАРЕТЪ.

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Незадолго до Рождества Христова, на сѣверномъ горизонтѣ Палестины, появились двѣ величайшія звѣзды, отъ которыхъ произошла всесвѣтлая заря, возсіявшая міру великое солнце. Мѣсто, гдѣ появились звѣзды,—это Назаретъ Галилейскій; двѣ звѣзды,—св. праведные Богоотцы Іоакимъ и Анна; всесвѣтлая заря,—это Пресвятая Дѣва Марія, родившаяся отъ нихъ; великое солнце міра,—это Господь нашъ Іисусъ Христосъ, родившійся отъ Ней.

Вотъ гдѣ—заря нашего спасенія. Перенесемся мысленно туда: тамъ увидимъ св. мѣсто, увидимъ дивное рожденіе Богоматери, и поклонимся Ей.

Поднявшись на одну изъ близкихъ къ Назарету горныхъ высотъ, вдругъ видимъ весь скромный Назаретъ.

Онъ, въ настоящее время, небольшой городокъ, съ 5000 жителей—арабовъ, изъ коихъ 2000 православныхъ, а остальные—католики, протестанты и магометане. Расположенъ въ нагорной лощинѣ, между двумя хребтами известковыхъ горъ, среди садовъ и цвѣтовъ, изъ коихъ главные—розы и лиліи. Отличается особенно привлекательною природною красотою и здоровымъ климатомъ.

Вотъ святое мѣсто, гдѣ явилась „всемірная слава, отъ человѣкъ прозябшая и Владыку рождшая". Тамъ жили Родители Пресвятой Дѣвы Маріи: Іоакимъ, происходившій изъ царскаго рода Давидова, и Анна,—изъ первосвященническаго рода Ааронова. Они были люди благочестивые и праведные, имѣли свой домъ въ Назаретѣ и жили безбѣдно. Одну часть изъ своихъ достатковъ они удѣляли въ жертву Богу—на храмъ Божій, другую—на помощь бѣднымъ, и только третью часть ижднвали на свои житейскія нужды. Одно только было горе у святыхъ Богоотцевъ, это ихъ безчадіе.

Тихо и спокойно протекала жизнь ихъ; но они глубоко скорбѣли, что не имѣли дѣтей, и пламенно молились о дарованіи имъ плода. Тяжело было имъ видѣть, что всѣ презираютъ ихъ за неплодство. Разъ первосвященникъ не принялъ даже жертвы отъ Іоакима, какъ неплоднаго и якобы отверженнаго Богомъ за какіенибудь тайные грѣхи его, въ чемъ и упрекнулъ его. Пораженный этимъ, какъ громомъ, Іоакимъ не пошелъ домой къ женѣ своей, но ушелъ въ пустыню къ пастухамъ, пасущимъ стада его, постился 40 дней и 40 ночей; и тамъ, въ скорбной и пламенной молитвѣ, взывалъ ко Всевышнему, прося внять плачу его, отнять отъ него позоръ и нареканія, и даровать ему чадо въ старости, какъ нѣкогда даровалъ Онъ Праотцу Аврааму. „Не сойду въ домъ свой, взывалъ онъ, ни для пищи,

ни для питья до тѣхъ поръ, пока призритъ на мя Господь Богъ мой, но буде мнѣ пищею и питіемъ одна молитва". Еще поразительнѣе и трогательнѣе было сѣтованіе св. Анны. Она услышала, что случилось съ Іоакимомъ; а тутъ еще служанка ея неразумно упрекнула ее въ безчадствѣ. Скорбь Анны была безгранична, горе неутѣшно. Она вышла въ садъ свой, чтобы излить предъ Богомъ всю душу свою въ молитвѣ. Здѣсь она увидѣла на деревѣ птичье гнѣздо съ дѣтенышами. Это зрѣлище еще сильнѣе и осязательнѣе напомнило ей ея собственное неплодство, и горькія, жалобныя мольбы полетѣли изъ груди ея: „Горе мнѣ, кто родилъ меня! Какая утроба произвела меня?! Я сдѣлалась поношеніемъ и проклятіемъ предъ сынами израилевыми, я осмѣяна, и съ презрѣніемъ отринули меня отъ храма Господня! Горе мнѣ! Кому уподобилась я? Не уподобилась я и птицамъ небеснымъ, ибо и птицы небесныя плодородны у Тебя, Господи! Горе мнѣ! Кому уподобилась я! Не уподобилась я и звѣрямъ, ибо и звѣри земные плодородны у Тебя, Господи! Горе мнѣ! Кому уподобилась я? Не уподобилась и землѣ, ибо и земля приноситъ во время плоды свои, и благословляетъ Тебя, Господи! Лишь я одна безчадна, какъ степь безводная, безъ жизни и растенія. О горе мнѣ, горе! Господи! Ты, Который даровалъ Саррѣ сына въ старости, и отверзъ утробу Анны для рожденія Пророка Твоего Самуила, воззри на меня и услыши молитву мою! Разрѣши болѣзни сердца моего и разверзи узы моего неплодія!"

Такая горестная и пламенная молитва не могла остаться неуслышанною; и она услышана, о чемъ извѣстилъ ихъ Ангелъ. Премудрость Божія восхотѣла только, чтобы имѣющая родить неискусобрачно, Сама была плодомъ не столько природы, сколько благодати.

И вотъ Іоакимъ и Анна достигаютъ, въ своей горести и молитвахъ, тѣхъ лѣтъ, въ кои теряется всякая надежда — быть Отцемъ и Матерью. Но у сей святой Двоицѣ было неистощимое терпѣніе и неоскудѣваемая вѣра, побѣждающая законы естества, и вслѣдствіе сей вѣры, сопровождаемой пламенною молитвою, является Марія, — чистый даръ неба, и потому способная быть неизсякаемымъ источникомъ благословеній для всѣхъ родовъ земли. Такъ совершилась тайна рожденія Преблагословенной!

Воспоминая зачатіе Пресвятой Богородицы 9-го декабря, святая Церковь восхваляетъ Родителей Ея слѣдующею пѣснію: „Яко величайшія двѣ звѣзды, изнесосте всесвѣтлую зарю, яже возсія великое солнце міру: тѣмже благохвалимъ и славимъ васъ, Іоакиме и Анне, яко Богомудрые!“

Празднуя Рождество Пресвятой Богородицы 8-го сентября, чада православной Церкви радостно воспѣваютъ: „Рождество, Твое, Богородице Дѣво, радость возвести всей вселеннѣй: изъ Тебе бо возсія солнце правды— Христосъ Богъ нашъ, и разрушивъ клятву, даде благословеніе, и упразднивъ смерть, дарова намъ животъ вѣчный“ (Тропарь)—„Іоакимъ и Анна поношенія безчадства, и Адамъ, и Ева тли смертныя свободистася, Пречистая, во святѣмъ Рождествѣ Твоемъ. То празднуютъ и людіе Твои, вины прегрѣшеній избавльшеся, внегда звати Ти: неплоды рождаетъ Богородицу и Питательницу жизни нашея“ (Кондакъ).

Мы же, на мѣстѣ Зачатія и Рожденія Пресвятой Дѣвы Маріи, воздаемъ Ей святолѣпное поклоненіе: „Покланяемся Твоему, свыше предвозвѣщенному, зачатію и благословенному рожденію, отъ святыхъ Ти родителей—Іоакима и Анны, и молимъ Тя, Госпоже наша,

даждь намъ житіе безгрѣшно зачати и родити покаяніе". Аминь.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

ГОРНЯЯ.

СВИДАНІЕ ПРЕСВЯТОЙ ДѢВЫ МАРІИ СЪ ПРАВЕДНОЮ ЕЛИСАВЕТОЮ.

Трилѣтствовавшая Отроковица отведена была родителями Ея въ Іерусалимъ, для воспитанія въ храмѣ его, и жила тамъ до совершеннолѣтія: потомъ обручена была Старцу Іосифу и съ нимъ возвратилась въ Назаретъ, гдѣ произошло Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Воспоминая введеніе во Храмъ Пресвятыя Богородицы, мы покланяемся и молимся Ей такъ: „Покланяемся Твоему введенію въ Церковь Господню, трилѣтствующая Отроковице, и молимъ Тя, свѣте нашъ,—Церковь насъ содѣлай Святому Духу—молитвами Твоими!" Также и празднуя Благовѣщеніе Божіей Матери, поклапяемся и молимся Ей: „Поклапяемся Благовѣщенію Твоему, Пречистая Дѣво, егда дѣйствіемъ Святаго Духа, со гласомъ Архангельскимъ, зачала еси Слово Отчее, и молимъ Тя, свѣте нашъ, намъ отчаяннымъ благовѣсти спасеніе!"

Но при благовѣщеніи Архангела, Пресвятая Дѣва Марія узнала другую тайну, сродную съ тайною Ей возвѣщенною; а потому, по родственному чувству къ Елисаветѣ, и по взаимному отношенію ихъ тайнъ, Она вознамѣрилась посѣтить свою престарѣлую родственницу, дабы, во взаимной родственной бесѣдѣ, подѣлиться тайною и радостію Своею и точнѣе узнать дѣло. Благоговѣйное, восторженное чувство, наполнявшее сердце Маріи, послѣ столь радостнаго Благовѣщенія, не терпѣло медлительности. Она пошла съ поспѣшностію: пошла въ *нагорную страну во градъ іудинъ*, лежавшій на

горномъ хребтѣ, проходящемъ чрезъ царство іудейское и называвшемся горами іудиными. То былъ городъ Левитскій или священническій—*Хеврон*ъ, или Іутта, отстоявшій отъ Назарета на два или на три дня пути. Тамъ жили Захарія и Елисавета—родители святаго Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Теперь тамъ—селеніе святаго Іоанна. Послѣдуемъ мысленно за Пресвятою Дѣвою и мы, возлюбленные, на это святое мѣсто Палестины. Тамъ увидимъ и услышимъ дивное дѣло, чудныя рѣчи.

Чистая Дѣва неожиданно вошла въ жилище престарѣлыхъ, благочестивыхъ супруговъ. Матерь Мессіи вошла къ Матери Предтечи и привѣтствовала ее, конечно, обыкновеннымъ у древнихъ евреевъ—„миръ тебѣ“! Но этотъ, повидимому простой, привѣтъ Пресвятой Маріи произвелъ чудное дѣйствіе. Видно, привѣтъ сей шелъ не только отъ сердца, полнаго родственной любви, но и былъ проникнутъ особенною силою Божественною. Видно, устами Своей Матери, Самъ Сынъ Божій, воплотившійся въ Ней, давалъ миръ Своему Предтечи, также находившемуся во чревѣ; оттого и взыгрался онъ въ утробѣ Елисаветы. Такимъ взыграніемъ Онъ и Своего Господа привѣтствовалъ и свою Матерь приготовилъ къ торжеству.

Праведница исполнилась Духа Святаго и явилась истолковательницею своего взыгравшаго младенца, а вмѣстѣ и первою проповѣдницею совершаемаго Таинства. Въ полнотѣ сильной радости и обильной благодати пророческой, отъ избытка чувства радости и восторженности, она громко воскликнула, и—обращаясь къ родной Посѣтительницѣ—сказала: *благословенна Ты въ женах*ъ! Устами Елисаветы повторилось привѣтствіе Архангела, слышанное Маріею при Благовѣщеніи, и Она, безъ со-

мнѣнія, замѣтила это. *«Благословенъ плодъ чрева Твоего»*, продолжала Елисавета, въ пророческомъ духѣ, созерцая Господа, воплотившагося отъ Пречистой ея родственницы,—*благословенъ плодъ Твоего дѣвическаго чрева*, зачатый по наитію Святаго Духа и осѣненію силы Вышняго, плодъ, низводящій Божіе благословеніе на племена земныя. Такимъ образомъ, никому еще неизвѣстная тайна была извѣстна Елисаветѣ и, конечно, не иначе, какъ по откровенію свыше. Изъ этого Пресвятая Дѣва могла заключить объ истинѣ того, что благовѣствовалъ Ей Архангелъ, и что все это дѣлается, дѣйствительно, по Божію изволенію и устроенію. „И откуда мнѣ такое счастіе, какъ это сдѣлалось, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ“!? Такъ дивилась смиренная Праведница, сознавая высочайшее достоинство Преблагословенной Маріи. *И блаженна увѣровавшая...* заключила свою духовную рѣчь Елисавета. То-есть: Пресвятая Дѣва, Которая повѣрила словамъ Архангела, блаженна,—въ высшей степени счастлива,—блаженна и потому, что повѣрила, и потому, что дѣйствительно исполнится то, чему Она повѣрила.

И рече Маріамъ—и сказала Марія, подъ вліяніемъ радостнаго, восторженнаго духа, не столько въ отвѣтъ также восторженной и исполненной Святаго Духа Елисаветѣ, сколько въ слухъ ея, а главное—въ благодареніе Господу, преисполнившему Ее радостію и безпримѣрною благодатію. Сказала, или лучше—воспѣла дивночудное пѣснопѣніе, во славу Бога и Спасителя міра. Въ пѣсни этой, по лирическому тону и характеру, напоминающей пѣсни Анны—матери Самуила, Маріамны—сестры Моисеевой, пророчицы Деворы, и нѣкоторыя пѣснопѣнія Давида (См. Пс. 113. 126),—*четыре* совершенно правильныя строфы.—*Въ первой строфѣ*—чувство бла-

говѣнія Пресвятой Дѣвы Маріи предъ Богомъ: *Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы Своея* (Лук. 1, съ 46 допол. 48). *Величитъ душа моя Господа*, то-есть—прославляетъ, славословитъ величіе Божіе, чувствуетъ и исповѣдуетъ Его отъ всей души за тайну воплощенія Искупителя міра. *И возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ*, Всемогущемъ, Всесвятомъ, Всемилосердомъ Спасителѣ Богѣ—вообще, и Сынѣ Божіемъ—въ особенности. *Яко призрѣ на смиреніе рабы Своея*—обратилъ милостивое Свое вниманіе, посѣтилъ Своею милостію и благодатію смиреніе мое, какъ внѣшнее, то-есть бѣдность, незнатность, такъ и внутреннее—нравственное, угодное Тому, Кто благоволилъ смириться, принявъ зракъ раба. *Во второй строфѣ*—благодареніе Бога за благодѣяніе Ей и всему человѣческому роду: *Се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди, яко сотвори Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его, и милость Его въ роды родовъ боящимся Его* (съ пол. 48 до 50). *Се бо ублажатъ Мя вси роди*, то-есть—блаженною назовутъ Меня всѣ племена земныя, имѣющія увѣровать въ Спасителя міра, а не колѣна только израилевы будутъ благословлять, славословить и превозносить Меня, какъ Матерь Божію. Такое *величіе сотворилъ Мнѣ Сильный* Всемогущій Богъ, сонзволивиній отъ Меня вочеловѣчиться, для вѣчнаго спасенія всѣхъ людей. Онъ одинъ только Своимъ всемогуществомъ могъ исполнить это великое дѣло, такъ какъ для Него нѣтъ ничего невозможнаго. *И свято имя Его*—святъ Самъ Богъ для Меня, освятится Имя Его и для всѣхъ вѣрующихъ въ Него. *И милость Его* не только ко Мнѣ, но чрезъ Меня—и *въ роды родовъ боящимся Его*, съ дѣтскою вѣрою и любовію. *Въ третьей строфѣ*—изображеніе все-

могущества, святости и милосердія Божія: *Сотвори державу мышцею Своею,—расточи гордыя мыслію сердца ихъ,—низложи сильныя со престолъ и вознеси смиренныя,—алчущія исполни благъ и богатящіяся отпусти тщи* (51—53). *Сотвори державу мышцею Своею*, то-есть—Онъ явилъ силу мышцы Своей, не только въ сотвореніи міра и человѣка, но—по преимуществу—въ возсозданіи человѣка и міра, начинающемся съ воплощенія Его и въ послѣдующемъ затѣмъ великомъ переворотѣ, какой долженъ былъ произойти въ устроеніи царства Божія на землѣ чрезъ Богочеловѣка. Вочеловѣченіемъ Своимъ Онъ расточилъ, уничтожилъ горделивыхъ враговъ человѣческаго спасенія, въ завистливыхъ и злобныхъ помышленіяхъ сердца ихъ: все надменное, гордое, чѣмъ жило человѣчество доселѣ, само собою падетъ, уничтожится при появленіи царства Божія на землѣ, въ основаніе котораго ляжетъ смиреніе, основывающееся на страхѣ Божіемъ. Онъ низложилъ сильныхъ, невѣрующихъ въ Бога—Спасителя, взимающихся на Разумъ Божій, съ престоловъ ихъ, смирилъ, обезсилилъ, уничтожилъ; и вознесъ смиренныхъ, стяжавшихъ высокое нравственное совершенство, чрезъ вѣру въ Искупителя, и оттого вознесенныхъ высоко въ духѣ Царствѣ Мессіи. Души алчущихъ правды вѣчной исполнилъ благъ духовныхъ, а богатящихся въ своей гордости, считающихъ себя богатыми въ нравственныхъ совершенствахъ и не имѣющихъ алчбы къ духовнымъ благамъ, дарованнымъ Мессіею, надмѣвающихся своимъ умомъ, своими познаніями, своими житейскими знаніями и благами, отпустилъ ни съ чѣмъ. *Въ четвертой строфѣ*—прославленіе Бога за исполненіе обѣтованій, данныхъ Аврааму и сѣмени его: *воспріятъ израиля отрока своего, помянути милости, якоже глагола ко Отцемъ нашимъ, Аврааму и сѣ-*

мени его до вька (54—55). *Воспріялъ израиля*. израиля раба своего, не только по роду, но особенно по вѣрѣ, воспріялъ подъ благодатный и всесильный покровъ свой, чтобы исполнить милость обѣтованія, какъ говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. *Аврааму и семени его до вька* (Быт. 12), говорилъ о спасеніи его по плоти, о которомъ благословятся всѣ народы земные. *Воспомянулъ*, т. е. привелъ въ исполненіе всѣ обѣтованія о Мессіи. „*До вька* — пророческій, вдохновенный взоръ Маріи обнимаетъ время и вѣчность, всѣ дѣйствія искупительныхъ заслугъ имѣющаго родиться отъ Нея Сына—Мессіи.

Это слово—пѣснь Богоматери, исполненное Духа, какъ рѣка течетъ и играетъ, какъ оиміамъ восходитъ и благоухаетъ, какъ молнія сіяетъ и озаряетъ. Дивныя рѣчи! Чудныя пѣсни! Вѣкъ-бы слушать эти рѣчи, а пѣсней сихъ и наслушаться нельзя. Оттого-то, мои возлюбленные, всѣ мы приходимъ въ восторгъ, когда поютъ ихъ въ Церкви и припѣваютъ: *Честнѣйшую Херувимъ*... Ей же и мы немолчно воспѣваемъ: „Архангельскій гласъ воніемъ Ти, Чистая: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!“ Цѣлыхъ три мѣсяца, блаженныя родственницы— юная Марія и престарѣлая Елисавета— наслаждались вмѣстѣ такими рѣчами и пѣснями! Но наступило время рожденія святаго Іоанна Предтечи Господня; и Пренепорочная Марія возвратилась *въ домъ свой*. Аминь.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БЕСѢДЫ

о

ПРИГОТОВЛЕНІИ КЪ СРѢТЕНІЮ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

I.

Христосъ раждается, славите;
Христосъ съ небесъ, срящите.

Уже цѣлая недѣля прошла, возлюбленные, какъ святая Церковь начала приготовлять послушныхъ чадъ своихъ къ срѣтенію великаго праздника Рождества Христова,—начала не словомъ, а самымъ дѣломъ, то-есть постомъ, который мы обязаны свято соблюдать, если желаемъ спасительно для души встрѣтить и проводить грядущій праздникъ. Но сегодня мы слышимъ изъ устъ святой Матери нашей—Божіей Церкви—и Слова, приготовляющія насъ къ срѣтенію Христа, грядущаго съ небесъ, ради нашего спасенія: *Христосъ раждается, славите; Христосъ съ небесъ, срящите,*—запѣла нынѣ Церковь во услышаніе наше.

Сегодня святые и праведные Богоотцы Іоакимъ и Анна ввели Дщерь свою—Марію въ храмъ Божій для воспитанія: сегодня-же и святая Церковь наша начинаетъ приготовлять насъ къ празднику. Пресвятая Дѣва Марія такъ воспитана была въ храмѣ Божіемъ, что содѣлалась достойною родить Христа Спасителя плотію; святая Церковь надѣется и насъ такъ приготовить, чтобы мы способны были—родить въ себѣ Христа Спасителя духомъ. Воплощеніе и рожденіе Христа Спасителя отъ Дѣвы Маріи есть дѣло безпримѣрное и чрезвычайно важное для спасенія всего міра; воплощеніе и рожденіе Христа Спасителя въ душахъ

и сердцахъ нашихъ есть дѣло также для насъ весьма важное, совершенно необходимое для нашего личнаго спасенія и не безпримѣрное: всѣ святые угодники Божіи не иначе спаслись, какъ сраствориwшись въ единъ духъ съ Господомъ. Отъ этого-то сорастворенія и зачинается и раждается въ насъ, такъ называемый, новый человѣкъ, по образу и по подобію Христа Спасителя. Высокая тайна сія чрезвычайно для насъ важная, и также трудная для нашего пониманія.

Чтобы хоть сколько-нибудь приблизить ее къ нашему пониманію, нужно, со всѣмъ вниманіемъ, прослѣдить всю исторію Божественнаго домостроительства нашего спасенія, во всѣхъ его отношеніяхъ: ибо, приготовленіе всѣхъ людей тоже, что и приготовленіе каждаго.

Въ нынѣшній день мы представимъ одно только общее изображеніе, канву, такъ сказать, или планъ сего великаго дѣла.

Дѣло нашего спасенія началось еще до сотворенія міра. Богъ предвидѣлъ, что человѣкъ можетъ пасть, и на случай его паденія, въ предвѣчномъ совѣтѣ Своемъ, опредѣлилъ спасти его, чрезъ воплощеніе и крестныя за него страданія Сына Божія.

Человѣкъ дѣйствительно палъ.—Созданный по образу и по подобію Божію, онъ высоко былъ поставленъ: *малымъ чимъ умаленъ былъ отъ Ангелъ.* Назначеніе его было великое—владѣть всѣми созданными отъ Бога тварями: обязанность его была чрезвычайная управлять міромъ въ правдѣ и преподобіи. Но онъ не удержался на такой высотѣ. Обольщенный зміемъ искусителемъ, онъ рѣшился, противъ воли Божіей, вкусить плода съ запрещеннаго древа: и такимъ образомъ, упалъ съ своего высокаго престола, разбился въ дребезги, и выброшенъ былъ изъ рая, какъ негодный ослушникъ

Божій: подвергся грѣху, проклятію и смерти. Нѣкоторыя, хотя разбитыя черты образа Божія, остались въ падшемъ человѣкѣ, но подобія Божія въ немъ уже не находилось: онъ началъ раждать дѣтей по виду и по подобію уже не Божію, а своему, то-есть дѣтей, зараженныхъ грѣхомъ, находящихся подъ проклятіемъ Божіимъ и подверженныхъ смерти.

Дѣти Адама и Евы, постепенно умножаясь, начали разселяться по лицу земли,—пошли въ разныя стороны свѣта. По преимуществу они занялись удобствами жизни: измышляли разныя орудія земледѣльческія, строили себѣ жилища, изобрѣтали даже увеселительные инструменты, ѣли, пили, женились; однимъ словомъ: старались жить въ свое удовольствіе, а о Богѣ-Творцѣ своемъ все болѣе и болѣе забывали, и наконецъ дошли до того, что сдѣлались одною плотію, духовнаго ничего не имущею. И вотъ все негодное человѣчество смыто съ лица земли всемірнымъ потопомъ. Спасся одинъ Ной съ семействомъ своимъ въ ковчегѣ.

Отъ Ноя произошли новые люди и снова начали населять землю; но безбожіе и развратъ скоро вошли и въ поколѣніе Ноево. Это поколѣніе, говорившее однимъ языкомъ, имѣло одни грѣховныя мысли и одни порочныя чувства. Люди вздумали общими силами вооружиться противъ неба: изобрѣли идолопоклонство, начали строить Вавилонскую башню, и хотѣли возвесть ее до небесъ. Но Богъ смѣсилъ языки, и они, какъ муравьи, разсѣялись во всѣ концы земнаго шара; и жили жизнію недостойною человѣка: служили идоламъ и утопали въ грѣхахъ, до самаго пришествія на землю Христа Спасителя.

Вотъ теченіе грѣховной жизни человѣческой, сдѣлавшейся естественною, послѣ грѣхопаденія прародителей!

Это всемірная рѣка временъ,—рѣка, вытекшая изъ рая —на востокѣ, разлившаяся по всей землѣ, и остановившаяся въ срединѣ земли—въ Палестинѣ. Остановимся и мы здѣсь. Но оглянемся еще разъ на эту страшную и бурливую рѣку, и посмотримъ, что дѣлали и сдѣлали плывшіе по ней люди. Они изобрѣтали всевозможные способы къ улучшенію своей жизни: воздвигали города и цѣлыя государства, въ которыхъ процвѣтало искусство и все потребное къ довольному существованію, и веселому препровожденію времени: ѣли и пили сладко, играли и пѣли, женились и строились: жизнь кипѣла и повидимому шла благополучно. Нѣкоторые народы и государства доходили до возможнаго совершенства, и становились на верху славы. Но безбожіе и развратъ незамѣтно подтачивали эти гигантскія колоссы, и они пропадали безслѣдно навсегда. О Богѣ никто почти и не думалъ; о улучшеніи нравственности почти никто и не помышлялъ: *вси уклонишася, вкупѣ не потребни быша...* Объ этомъ говоритъ гражданская всемірная исторія. Но милосердый Богъ, долготерпѣливый и многомилостивый, не отвращалъ Лица Своего отъ грѣшниковъ, отвратившихся отъ Него: Онъ не переставалъ сѣять Слово Свое на этой неблагодарной почвѣ-землѣ, ожидалъ обращенія грѣшниковъ,—цѣлыхъ 5508 лѣтъ приготовлялъ ихъ къ принятію спасенія. И *глаголъ Его не возвратился къ Нему тощъ.* Объ этомъ говоритъ Священная Исторія. Не подобна-ли этой грѣховной ужасной ночи и наша грѣховная жизнь. О, братіе, кто живетъ во грѣхахъ, тотъ во тьмѣ ходитъ, постоянно спотыкается и можетъ, наконецъ, совсѣмъ разбиться. Опомнимся и подумаемъ объ этомъ, ради грядущаго праздника. Аминь.

Сказано въ день Введенія Божіей Матери въ храмъ Господень.

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫЙ.

II.

Христосъ раждается, славите;
Христосъ съ небесъ, срящите.

Все теченіе жизни общечеловѣческой, отъ востокъ солнца до западъ, отъ Едема до земли обѣтованной,— эту всемірную рѣку временъ, всего естественнѣе сравнить съ темною ночью, какъ и грѣхъ, жизнь каждаго изъ насъ, потому что тьма невѣдѣнія и грѣховныхъ страстей царила на всемъ пространствѣ ея. Но свѣтъ Божественный и во тьмѣ свѣтился, и тьма его не объяла. Богъ всѣми мѣрами и способами разгонялъ тьму невѣдѣнія и страстей человѣческихъ: Онъ, то Самъ являлся избранникамъ своимъ, и бесѣдовалъ съ ними о спасеніи, то показывалъ людямъ, такъ называемыя, чудеса и прообразы; и потому люди могли знать о Богѣ и своемъ спасеніи и ожидать его.

Люди только что появились на землѣ, въ мірѣ еще новомъ для нихъ и совершенно неизвѣстномъ; они крайне нуждались въ наученіи, въ руководительствѣ, особенно касательно того, для чего они поставлены въ мірѣ, какъ должны жить, къ чему стремиться.

И вотъ Самъ Богъ, создавшій ихъ, благоволилъ быть ихъ наставникомъ въ дѣлѣ вѣры, заключающей въ себѣ первую цѣль ихъ существованія.—Онъ является къ нашимъ прародителямъ, сначала—чтобы преподать имъ заповѣдь, и чрезъ то утвердить ихъ волю въ добрѣ; потомъ—какъ Судія, но Судія всеблагій, чтобы изречь имъ праведное наказаніе за грѣхъ, и вмѣстѣ утѣшительное обѣтованіе о будущемъ Избавителѣ міра. Является Каину, сначала—чтобы предостеречь его отъ братоубійства, потомъ, по совершеніи преступленія,

чтобы положить наказаніе братоубійцѣ, и воззвать его къ покаянію. Является Ною предъ потопомъ, чтобы предречь праведнику о приближеніи всеобщаго бѣдствія и указать ему средство къ спасенію себя съ семействомъ и нѣкоторыми животными; послѣ потопа, чтобы возобновить съ отцемъ новаго міра завѣтъ вѣчный, и изречь свое благословеніе на всю обновившуюся природу. Являлся Богъ не одинъ разъ Аврааму, чтобы сохранить его отъ всеобщаго нечестія, воспитать въ немъ отца вѣрующихъ и даровать ему обѣтованіе о томъ сѣмени, о которомъ благословятся всѣ народы. Являлся Исааку и Іакову, чтобы повторить тоже обѣтованіе... Кромѣ Богоявленій совершались нѣкоторыя другія чудесныя событія. Таково, напр., преложеніе Эноха съ земли на небо, которое, безъ сомнѣнія, было извѣстно его современникамъ и потомкамъ, и производило на нихъ благотворное—нравственное дѣйствіе: *Енохъ*, говоритъ премудрый сынъ Сираховъ, *угоди Богу и преложися, образъ покаянія родомъ* (—44, 15; таково же смѣшеніе языковъ за гордость и надменность (Быт. 11, 1 –10), событіе совершившееся, открыто предъ всѣми людьми, которое тѣмъ болѣе должно было подѣйствовать на нихъ, что силу его ощущалъ въ самомъ себѣ непосредственно каждый: таково обращеніе жены Лотовой въ соляной столпъ—за неповиновеніе волѣ Божіей. Такъ было до Моисея!

Еще болѣе было Богоявленій и поразительныхъ чудесъ въ избранномъ народѣ Божіемъ, начиная отъ Моисея до пришествія Христова. Многократно Богъ являлся Моисею и бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ другомъ своимъ—лицемъ къ лицу. И сколько великихъ чудесъ совершилъ одинъ Моисей — въ Египтѣ, а потомъ въ пустынѣ Аравійской, когда выводилъ изъ Египта и велъ

израильтянъ къ землѣ обѣтованной. Являлся Богъ и преемнику Моисея, въ видѣ Ангела, и творилъ чрезъ него неимовѣрныя чудеса—при самомъ занятіи земли обѣтованной: при немъ—*Іорданъ возвратился вспять*, солнце останавливалось, стѣны городовъ и народы, населявшіе палестину, падали сами собой, почти безъ оружія. Потомъ неоднократно являлся Богъ и являлъ разительныя чудеса—при судіяхъ израильскихъ, при царяхъ и пророкахъ. Здѣсь такъ много было небесныхъ знаменій и чудесныхъ событій, что потребовалась громадная книга, чтобы всѣ ихъ записать. Эта книга есть *Библія*, извѣстная по имени своему всѣмъ и каждому.

Но, мои возлюбленные, что было писано въ Библіи—въ Ветхозавѣтномъ Откровеніи, — то все написано въ наставленіе наше. И потому, если желаемъ себѣ спасенія, если желаемъ ясно видѣть путь спасенія,—то намъ нужно читать и изучать св. Библію, какъ само Откровеніе Божіе грѣшнымъ людямъ. Правда, есть нынѣ много и другихъ книгъ указующихъ пути ко спасенію; но въ этихъ книгахъ—слово человѣческое, а въ Библіи—Слово Божіе. Читая и перечитывая человѣческія произведенія,—легко можно запутаться въ нихъ, и не понять дѣла; потому что ихъ чрезвычайно много, и каждый писатель смотритъ на предметъ съ своей точки зрѣнія, слѣдовательно, смотритъ большею частію односторонне,—не вполнѣ обнимаетъ предметъ свой. При чтеніи же Библіи, съ толкованіями на нее святыхъ отцевъ, сего никогда не можетъ быть. Что это такъ,—указываетъ опытъ. Есть между нами такіе люди, которые въ жизни своей прочитали массы и хорошихъ книгъ, но пути къ своему спасенію не нашли; а есть и такіе, которые главнымъ образомъ читали Библію, и немного другихъ книгъ, но сами спаслись и послушающіе ихъ.

Объ этомъ же говоритъ и святой Апостолъ Петръ: „Мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово: и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, доколѣ не начнетъ разсвѣтать день, и не взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ вашихъ—*дондеже день озаритъ, и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. 1, 19)". То-есть хорошо вы сдѣлаете, если будете постоянно читать книги Ветхаго Завѣта, и держаться ихъ, какъ свѣтильника свѣта, сіяющаго въ темномъ мѣстѣ,—въ этой непроглядно-темной ночи ветхозавѣтнаго человѣчества: потому что—долго-ли, коротко-ли, вы непремѣнно увидите въ темныхъ душахъ вашихъ разсвѣтъ и въ сердцахъ вашихъ возсіяетъ денница,—взойдетъ утренняя звѣзда, и озаритъ вашъ весь путь спасенія. Тогда васъ никто и ничто уже не собьетъ съ этого пути, и вы прямо пойдете къ солнцу правды - Христу Богу нашему. Это необходимо и всякому христіанину, особенно же ревнующимъ о благоговѣйномъ житіи. Не можете почему-либо прочитать всей Библіи, прочитайте мѣста, указывающія на Христа; не можете и этого сдѣлать,—прочитайте со вниманіемъ и поймите Рождественскія Пареміи; а если и этого не сдѣлаете,—слушайте съ особеннымъ вниманіемъ Богослужебныя пѣснопѣнія и стихиры, выражающія сущность приближающагося праздника, и слушайте предлагаемыя вамъ здѣсь поученія, которыя хотя и мало имѣютъ свѣта, но уповаемъ, что тьма ихъ не обыметъ. Аминь.

ВЕЧЕРЪ ШЕСТЫЙ.

III.

Христосъ раждается, славите;
Христосъ съ небесъ, срящите.

Видѣли мы, возлюбленные, какъ свѣтъ во тьмѣ грѣховной свѣтился, и тьма его не объяла: видѣли въ прошедшую недѣлю, какъ Богъ являлся людямъ ветхозавѣтнымъ, и творилъ предъ ними великія чудеса, чтобы руководить ко спасенію и Спасителю; нынѣ услышимъ, что говорилъ Богъ людямъ, въ теченіи 5 тысячъ лѣтъ съ половиною, протекшихъ до Рождества Христова: услышимъ, какъ гремѣлъ гласъ Божій надъ водами многими, по которымъ плыли люди съ своими грѣхами. Шумно текла рѣка временъ: громко раздавался надъ нею громъ небесный.

Изрекая праведный судъ на падшихъ прародителей, Богъ, въ тоже время, въ утѣшеніе среди скорбей, паденій и осужденія, даровалъ имъ великое обѣтованіе о томъ, что *сѣмя жены*, т. е. Потомокъ, имѣющій родиться отъ жены безъ мужа, *сотретъ главу змія*,— искусителя діавола.

Это Божіе обѣтованіе утѣшало и подкрѣпляло людей древнихъ, среди ихъ скорбей и бѣдствій земной жизни. Богъ повторялъ это обѣтованіе патріархамъ—Аврааму, Исааку и Іакову: *и благословятся о сѣмени Твоемъ вси языцы земніи*,—говорилъ Онъ каждому изъ нихъ (Быт. 22, 18; 26, 4; 28, 14).

Патріархъ Іаковъ опредѣленно указалъ самое время пришествія обѣтованнаго Спасителя, когда сказалъ, что „не отимется скипетръ—Правитель отъ Іуды, и жезлъ отъ ногъ его, пока не придетъ Примиритель, и Ему покорятся народы“ (Быт. 46, 10).

Моисей предсказалъ объ обѣтованномъ Спасителѣ такъ: „Пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, какъ меня, воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой.—Его слушайте“ (Второз. 18, 15. 19).

Царь и пророкъ Давидъ въ псалмахъ своихъ изображаетъ обѣтованнаго Искупителя, страждущаго и прославленнаго, какъ величайшаго Мученика и какъ несравненнаго и вѣчнаго Царя.

Отъ лица страждущаго Спасителя Онъ говоритъ: *яко обыдоша мя пси мнози. Сонмъ лукавыхъ одержаша мя. Ископаша руцѣ Мои и ноги Мои: исчтоша вся кости Моя. Тіи же смотриша и презрѣша Мя* (Пс. 21, 17—19); а изображая Спасителя, какъ преславнаго Царя, онъ говоритъ: *Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ, изліяся благодать во устнахъ Твоихъ: сего ради благослови Тя Богъ во вѣкъ.—Престолъ Твой, Боже, во вѣкъ вѣка* (Пс. 44, 3—7).

Пророкъ Исаія такъ ясно и подробно изображаетъ величіе и страданія Искупителя, какъ-бы видѣлъ онъ своими очами земную жизнь Господа Іисуса и благодатную славу созданной Имъ Церкви... Онъ предсказалъ рожденіе Спасителя отъ Дѣвы—словами: *Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына Еммануила* (—7, 14). О Божескомъ величіи Спасителя сказалъ: *Отрочя родися намъ Сынъ и дадеся намъ... Имя Его: Богъ крѣпкій, Князь міра, Отецъ будущаго вѣка* (—9, 6).

О чудесахъ Спасителя Исаія говоритъ: *тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ, тогда скочитъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (—35, 6). А страданія Іисуса Христа пророкъ Исаія изобразилъ такъ ясно, какъ-бы стоялъ у Креста Его. Онъ говоритъ: *нѣсть вида Ему, ниже славы... ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче сыновъ*

человѣческихъ: человѣкъ во язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзнь (—53, 2. 3). *Сей грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ... Той язвенъ бысть за грѣхи наша... язвою Его мы исцѣлѣхомъ* (Ст. 4. 2). О величіи Церкви Христовой тотъ же пророкъ говоритъ: *свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія* (—60, 1—3).

Пророкъ Іеремія говоритъ о Спасителѣ, что Онъ—„Господь наша правда,—наше оправданіе“ (—23, 5. 6); что Онъ Господь дастъ *завѣтъ новъ*, написанный въ мысляхъ и на сердцахъ людей Его (—31, 31—34).

Пророкъ Іезекіиль предсказалъ, что Спаситель дастъ людямъ „сердце иное и духъ новый.., да въ заповѣдяхъ Его ходятъ и оправданія Его сохранятъ... воскропитъ на нихъ чистую воду, и очистятся отъ всѣхъ нечистотъ своихъ“ (—36, 25—27).

Пророкъ Даніилъ, посредствомъ *седьмаго* или *седмилѣтій*, за 490 лѣтъ, предсказалъ время явленія Обѣщаннаго Спасителя.—Его смерть *не за Свою вину*, но за грѣхи людей,—предсказалъ послѣдовавшее затѣмъ разрушеніе храма и Іерусалима, и прекращеніе ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній (—Гл. 9).

Пророкъ Михей предсказалъ о рожденіи Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ (—5, 2).

Пророкъ Малахія предсказалъ о явленіи Предтечи Христова, и о скоромъ затѣмъ явленіи Самаго Христа Спасителя (—3, 1).

Такъ, послѣ паденія прародителей Адама и Евы, всеблагій Богъ многократно повторялъ, чрезъ Пророковъ, Свое обѣтованіе о ниспосланіи въ міръ Спасителя рода человѣческаго. Пророки Божіи *отъ святаго Духа просвѣщаемые*, многоразлично—во всеуслышаніе—раскрывали это вожделѣнное обѣтованіе Божіе, и тѣмъ

питали и поддерживали вѣру въ Обѣщаннаго Искупителя, не только въ избранномъ народѣ Божіемъ, но и во всемъ мірѣ; ибо, и за предѣлами избраннаго народа Божія были великіе праведники, какъ-то: Іовъ Авситидійскій, Мелхиседекъ священникъ и царь Салимскій, Іоѳоръ, тесть Моисея и другіе. И всѣ ветхозавѣтные праведники, святые патріархи, пророки и другіе благочестивые и добродѣтельные мужи жили вѣрою во грядущаго Искупителя, и утѣшались надеждою—получить спасеніе въ то время, когда Онъ придетъ на землю и Своими искупительными заслугами откроетъ путь въ царство небесное.

Такъ гласъ Божій, цѣлыхъ пятьдесятъ пять вѣковъ, гремѣлъ надъ водами многими, въ продолженіи всего теченія рѣки временъ ветхозавѣтныхъ,—гремѣлъ и, яко кокошъ, собиралъ подъ крилѣ свои достойныхъ избранниковъ рода человѣческаго; и собралъ ихъ многое множество, цѣлый облакъ свидѣтелей для насъ, какъ выражается святой Апостолъ Павелъ. Мы съ вами, возлюбленные, также ежедневно слышимъ гласъ Божій—и въ видимой природѣ, и въ обстоятельствахъ жизни, а особенно здѣсь—въ храмѣ Божіемъ. Но какъ дѣйствуютъ на насъ эти гласы Божіи? О, возлюбленные, *аще гласъ Его услышите, не ожесточайте сердецъ вашихъ: имѣяй уши слышати, да слышитъ!* Но мы счастливѣе ветхозавѣтныхъ праведниковъ: мы не слышать только, но и видѣть можемъ эти гласы своими очами. Всѣ они записаны для насъ въ Библіи. Судите же сами, чего лишаются тѣ изъ насъ, которые не хотятъ читать этой Божественной книги. И не подумалъ-бы кто, что собранныя нами Богоявленія, чудеса и пророчества, указанныя выше, были такъ себѣ,—случайно и безъ всякой связи,—разбросаны по Библіи.

Нѣтъ: въ нихъ такой глубокій смыслъ и такая крѣпкая связь, что вы изумитесь, когда въ слѣдующій разъ мы раскроемъ предъ вами дивное изображеніе въ Ветхомъ Завѣтѣ Лица и дѣла Господа нашего Іисуса Христа, со всею подробностію Его земной жизни и дѣяній. Поистинѣ не человѣкъ, а одинъ только вѣчный Богъ могъ, въ теченіи 55 вѣковъ представить людямъ эту поразительную картину. Аминь.

ВЕЧЕРЪ СЕДЬМЫЙ.

IV.

Христосъ раждается, славите;
Христосъ съ небесъ, срящите.

Сегодня, возлюбленные, обратите вниманіе на изображеніе Господа нашего Іисуса Христа въ Ветхомъ Завѣтѣ. Великая картина эта рисована въ продолженіи 55-ти столѣтій. Станемъ у заключенныхъ вратъ Рая Едемскаго и устремимъ взоръ свой впредь—до Виѳлеема, Голгоѳы, Элеона,—и увидимъ дивный ликъ Спасителя нашего.

Темный фонъ этой картины, какъ видѣли, есть исторія происхожденія, паденія и разселенія людей по лицу земли; а краски ея—Богоявленія и обѣтованія, чудеса и пророчества.

Живописавшіе ликъ Господа, до явленія Его во плоти отъ простѣйшихъ начертаній, переходили къ болѣе сложнымъ, отъ общихъ къ частнымъ, отъ многообъемлющихъ къ подробнѣйшимъ; но самыми яркими красками изобразили все, что нужно было для полноты образа, на который нельзя не засмотрѣться съ благоговѣніемъ.

Первая черта—*спасительное сѣмя жены, имѣющее стереть главу змія.* Слышанное прародителями обѣтованіе сіе пережило долголѣтнихъ патріарховъ, потопъ, смѣшеніе языковъ, и вновь выражено Аврааму, Исааку, Іакову—всѣми одними и тѣми же словами: *благословятся о сѣмени Твоемъ вси люди.—вси языцы.—вси концы земли.*

Вскорѣ затѣмъ патріархъ Іаковъ видитъ уже новаго Скиптродержца—Примирителемъ: далѣе, ходатай израильскаго народа—Моисей указываетъ ему пророка, съ заповѣдію—слушать Его: а царь Давидъ указываетъ новаго іерея, по чину Мелхиседека.

Въ рядъ съ этими изреченіями или разительные прообразы.—Вотъ жертвоприношеніе сына отцемъ въ Исаакѣ, указавшее на крестную смерть и воскресеніе Мессіи: вотъ союзъ неба съ землею—въ лѣствицѣ Іакова: вотъ спасеніе чрезъ отверженнаго и проданнаго—въ Іосифѣ; далѣе—купина горѣвшая, но не сгорѣвшая,—столпъ облачный,—переходъ чрезъ море,—услажденіе древомъ горькихъ водъ Мерры,—манна,—источеніе воды изъ камня,—мѣдный змѣй,—все устройство Скиніи: все это—сѣнь грядущихъ благъ,—говоритъ Апостолъ. Таковы общія и таинственныя начертанія, указывавшія образъ будущаго Избавителя! Просвѣщенное и согрѣтое вѣрою сердце способно было ощущать сокрытую въ нихъ силу, какъ ощутилъ это Авраамъ. Но нельзя было не желать яснѣйшаго истолкованія таинственнаго, и подробнѣйшихъ очертаній для многообъятнаго.

И вотъ, когда народъ Божій образовался уже въ царство, и успѣлъ войти въ славу, при Давидѣ и Соломонѣ, воздвигается пророкъ за пророкомъ, и прилагается черта за чертою къ изображенію лика Спасите-

лева,—такъ что всѣ предсказанія въ совокупности составляютъ полное Евангеліе, преднаписанное въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Пророки говорятъ о Спасителѣ многообразно.—Это, по ихъ изображенію.—Сынъ Божій, коему Богъ говоритъ: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя:* это—Господь, сѣдящій одесную Господа, какъ написано: *рече Господь Господеви Моему: сѣди одесную Мене;* это—Богъ крѣпкій, рождающійся какъ отрочя, чтобы быть Отцемъ будущаго вѣка, какъ провидѣлъ Исаія.

Этотъ Отецъ будущаго вѣка будетъ царствовать, какъ Царь премудрый; Ему даны будутъ всѣ языки въ достояніе, и въ одержаніе всѣ концы земли; царство Его будетъ царство всѣхъ вѣковъ и владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ. Но это царство Его—не какъ другія царства, утверждаемыя и расширяемыя мечемъ,—народы сами придутъ и поклонятся Ему. Онъ утвердитъ домъ, и исполнитъ его всѣмъ, что питаетъ: утоляетъ жажду, даетъ крѣпость и здравіе; и пошлетъ своихъ вѣрныхъ служителей съ высокимъ проповѣданіемъ: „идите, пейте, вкушайте"; и рекутъ всѣ народы: „пойдемъ, и взыдемъ въ домъ Божій, и покажутъ намъ путь, и пойдемъ по немъ". Этотъ путь будетъ Новый Завѣтъ, не такой, какой завѣщанъ былъ дому израилеву; въ этомъ Новомъ Завѣтѣ, говоритъ Господь, *дамъ законы Моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я, и будутъ Ми въ люди, и Азъ буду имъ въ Бога.*

Но прежде, чѣмъ совершится все это,—Ему Самому надлежитъ пройти путь уничиженія: родиться въ безвѣстности, прожить противъ всякихъ противленій, вражды, злобы, ненависти, клеветы, понесть страшныя страсти и умереть, какъ изображаютъ это святой Давидъ и пророкъ Исаія. Онъ грѣхи наши понесетъ и о

насъ будетъ болѣзновать.—язвенъ будетъ за грѣхи наши и мученъ за беззакоія наши. Это Господь предастъ Его, грѣхъ ради нашихъ.

Вотъ вся исторія пути, коимъ пройдетъ Онъ на землѣ:

Родится Онъ отъ Дѣвы, которая во чревѣ пріметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему *Еммануилъ*, еже есть сказаемо—*съ нами Богъ*: родится въ Виѳлеемѣ, ибо изъ него изыдетъ Старѣйшина, еже быти въ Князя во израили, исходъ коего изначала—отъ дней вѣка: сюда пріидутъ къ Нему съ дарами царіе Аравійстіи,—пріидутъ, носяще злато, и ливанъ, и камень честенъ. Потомъ гласъ въ Рамѣ слышанъ будетъ,—плачъ и рыданіе, и вопль многъ: Рахиль восплачетъ о чадахъ своихъ, и не захочетъ утѣшиться, яко не суть: далѣе Сынъ этотъ возванъ будетъ изъ Египта, и поселится въ Назаретѣ, яко да Назорей наречется.

Затѣмъ, приближится время открытаго Его дѣйствованія среди людей; и вотъ пошлется Ангелъ предъ лицемъ Его,—уготовить путь Ему, и весь израиль услышитъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: *уготовайте путь Господень, правы творите стези Его*. И вслѣдъ затѣмъ, внезапу пріидетъ Самъ Господь, Его же ищемъ, и Ангелъ Завѣта, Его же хощемъ, и почіетъ на Немъ Духъ Господень. Въ первый разъ свѣтъ проповѣди Его возсіяетъ для сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, въ Галилеи, около Іордана, въ предѣлахъ Завулона и Нефоалима.

Послѣ сего, благовѣствуя 3½ года, Онъ будетъ врачевать всякія болѣзни, исцѣлять сокрушенныя сердцемъ, проповѣдывать плѣнникамъ отпущеніе на свободу и слѣпымъ прозрѣніе; тогда укрѣпятся руки разслабленныхъ и колѣна разслабленныя. Онъ трости сокрушен-

ной не преломитъ, и льна курящагося не угаситъ: но о славѣ имени Божія ревность будетъ снѣдать душу Его.

Не смотря на все это, тщетно Онъ будетъ простирать руки свои весь день къ людямъ, не покоряющимся и противоглаголющимъ, которые ходятъ не путемъ истиннымъ, а въ слѣдъ грѣховъ своихъ. Но послѣ сего, внимая пророческому внушенію, дщерь Сіона возрадуется, и дщерь Іерусалима воспроповѣдуетъ, увидѣвъ кроткаго Царя своего, грядущаго къ ней на жребяти; и изъ устъ младенецъ и сосущихъ совершится Ему хвала. Но царіе земстіи и князи соберутся на Господа и на Христа Его; одинъ изъ ядущихъ съ Нимъ хлѣбъ возвеличитъ на Него запинаніе, и продастъ Его за 30 сребренниковъ—цѣну оцѣненнаго; тогда враги Его скажутъ и стрегущіи душу Его совѣщаютъ, глаголюще: *Богъ оставилъ есть Его, пожените и имите Его, яко нѣсть избавляяй.* Такъ взятъ будетъ Пастырь, и разыдутся овцы стада: посмотритъ Онъ одесную и ошуюю, и не будетъ въ толпѣ народа того, кто-бы узналъ Его.

Востанутъ свидѣтели неправедные, и солжетъ неправда себѣ: но Той не отверзаетъ устъ Своихъ,—яко овча на заколеніе поведется, и яко агнецъ прямо стригущаго Его—безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ; враги поскрежещутъ нань зубами своими, а Онъ не воспротивится и не воспротиво-глаголетъ; плещи Своя вдастъ на раны, и ланитѣ на заушенія, и лица Своего не отвратитъ отъ студа заплеваній; чрезъ древо предадутъ Его смерти; ископаютъ руцѣ Его и нозѣ Его, и изочтутъ всѣ кости Его; раздѣлятъ ризы Его себѣ, и о одеждѣ Его метнутъ жребій—дадутъ въ снѣдь Ему желчь, и въ жажду напоятъ Его оцтомъ; вси видящіи Его поругаются Ему, и, покивая главою, возглаголютъ устами: *упова на Господа, да избавитъ Его...*

Такъ Христосъ—Старѣйшина—Святый Святыхъ—умретъ: но кость не сокрушится отъ Него, хотя будутъ прободены ребра Его: душа же Его не будетъ оставлена во адѣ, и плоти Его не дано будетъ видѣть истлѣнія; въ третій день Онъ воскреснетъ, и явится живымъ предъ всѣми. Тогда вси будутъ повторять: *гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, адѣ, побѣда?!*

Такъ Господь на землѣ явится, и съ человѣки поживетъ! Потомъ на высоту обратится паки: *взыдетъ Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ:* возмутъ врата князи—верхи своя и возмутся врата вѣчная, и впидетъ Царь Славы: и речетъ—наконецъ—Господь Господеви: *сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ.*

Такъ ясно и подробно, въ Ветхомъ Завѣтѣ, написанъ образъ Спасителя міра, и весь путь, которымъ Онъ имѣлъ пройти на землѣ! Таково ветхозавѣтное Евангеліе! Аминь.

ВЕЧЕРЪ ОСЬМОЙ.

V.

Христосъ раждается, славите:
Христосъ съ небесъ, срящите.

Приготовляясь къ срѣтенію Рождества Христова, въ прошедшій разъ, мы поставили въ сердцѣ своемъ древній драгоцѣнный Образъ Христа Спасителя; сего дня украсимъ душу нашу образами предковъ Его—св. праотецъ и отецъ.

Первый изъ праотцевъ Христовыхъ и св. мужей Ветхаго Завѣта есть *Адамъ*, праотецъ и всѣмъ намъ. Чрезъ него вошли въ міръ грѣхъ и смерть: но имъ-же при-

нято и первое обѣтованіе жизни и спасенія: онъ же есть и первый примѣръ покаянія и оправданія во Христѣ.

Второй, послѣ Адама, праведникъ древняго міра есть *Авель*—первый мертвецъ въ родѣ человѣческомъ и первый мученикъ, а посему и первый наслѣдникъ возвращаемаго Рая.

Третій дивный мужъ былъ *Энохъ*. О немъ говорится въ Писаніи, что онъ *ходилъ съ Богомъ*, т. е. постоянно занимался Богомышленіемъ, и такимъ образомъ, внѣ Рая покаяніемъ и вѣрою достигъ того, что въ Раю потеряно легкомышленіемъ и непослушаніемъ, и *преложенъ* съ плотію *на небо*.

Четвертый святый и великій мужъ древняго міра есть *Ной*, 120 лѣтъ проповѣдавшій роду строптивому и грѣшному покаяніе и строившій Ковчегъ, чтобы спастися отъ всемірнаго потопа; и спасся съ своимъ семействомъ, въ числѣ 8 душъ, показавъ намъ примѣръ терпѣнія и постоянства, безъ которыхъ спастися невозможно.

Послѣ Ноя до Авраама нельзя умолчать о *Еверѣ*, не захотѣвшемъ участвовать въ строеніи Вавилонской башни и давшемъ имя Еврейскому народу, а намъ—урокъ, что хорошо иногда не дѣлать того, что всѣ дѣлаютъ и одобряютъ.

Затѣмъ, на тверди церковной явилось яркое свѣтило Вѣры—Отецъ вѣрующихъ—*Авраамъ*, въ жизни котораго вездѣ и все — Вѣра. Сынъ Авраама *Исаакъ* — примѣръ сыновняго послушанія до смерти. Сынъ Исаака *Іаковъ*, —примѣръ братняго незлобія и терпѣнія. Сынъ Іакова *Іосифъ*—образецъ разума и цѣломудрія.

Многострадальный *Іовъ*, заключилъ собою времена патріархальныя, и показалъ всему міру — величайшій примѣръ невиннаго злостраданія, непоколебимости въ

упованіи на Промыслъ Божій, и образъ страданій Христовыхъ.

Времена подзаконныя открываютъ собою: Другъ Божій *Моисей*—Вождь и законодатель Еврейскій. *Богъ фараоновъ*, и великій чудотворецъ, показавшій живую Вѣру въ Бога и самоотверженную любовь къ ближнимъ. Бесѣдуя съ Богомъ *лицемъ къ лицу*, онъ видѣлъ Славу Божію, и оттого такъ просіялъ, что на него нельзя было смотрѣть; *Аарон*ъ—первый Первосвященникъ законный; сынъ *Аарона Финеесъ*—образецъ всѣхъ истинныхъ ревнителей по Славѣ Божіей. Преемникъ Моисея *Іисусъ Навинъ*—примѣръ вѣры и вѣрности, введшій Евреевъ въ землю обѣтованную.

Во времена Судей Израилевыхъ, особенно славны были *Гедеонъ* и *Самуилъ*. Гедеонъ, заслуживший своими доблестями вѣнецъ Царскій, но отказавшійся отъ него по глубокому-самоотверженному смиренію; а безкорыстный *Самуилъ, возлюбленный Богомъ*, Саула и самаго Давида помазавшій на царство.

Изъ благочестивыхъ Царей Израилевыхъ вмѣсто всѣхъ одинъ *Давидъ*, въ которомъ цѣлый рай добродѣтелей, и сынъ его *Соломонъ* премудрый.

Времена Царей Еврейскихъ были вмѣстѣ и временами пророковъ. Великъ пророковъ ликъ. Божественны ихъ видѣнія, чудны дѣла и жизнь!

Величайшій изъ пророковъ *Илія*: вся жизнь его была мечь для нечестія, а слово, *яко свѣща горящая*. Онъ взятъ живой на небо огненною колесницей.

Не менѣе чуденъ *Елисей*, имѣвшій сугубый противъ Иліи даръ, и воскресавшій мертвыхъ не только при жизни своей, но и по смерти—костьми своими.

Пророкъ *Исаія*, по ясности и величію своихъ предсказаній, называется евангелистомъ Ветхаго Завѣта.

У *Іереміи* столько-же слезъ и воздыханій, сколько словъ. Это—пророкъ покаянія.

Іезекіиль исполненъ символовъ: одни изъ нихъ весьма ясны, понятны и разительны; а другіе таинственны, многознаменательны и мало понятны.

Пророкъ *Даніилъ—мужъ желаній* духовныхъ, великій пророкъ и чудотворецъ,—глава всѣхъ мудрецовъ Вавилонскихъ, царедворецъ и правитель областей, въ точности предсказалъ самъ время явленія Мессіи.

Изъ того-же времени извѣстны три Вавилонскихъ отрока: *Ананія, Азарія и Мисаилъ.* За непоклоненіе идолу они брошены были въ разженную пещь, но остались невредимы отъ огня, и воспѣли такую пѣснь, которую святая Церковь поетъ доселѣ, особенно торжественно наканунѣ Пасхи, и будетъ пѣть во вѣки вѣковъ. Дивное событіе съ отроками прообразовало самую сущность спасенія нашего отъ грѣха, проклятія и смерти, по вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа; потому-то и праздновать имъ положено предъ Рождествомъ Христовымъ—17 декабря и въ недѣлю Праотецъ; а въ древности, въ память ихъ, торжественно совершалось, такъ называемое, *пещное дѣйство.*

По возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, особенными орудіями Промысла Божія для Церкви были: *Неемія* и *Ездра* -оба образецъ истинной любви къ отечеству.

Со временъ Ездры до пришествія Христова пророковъ у Іудеевъ не было; но мужи дивные и святые продолжали у нихъ являться, каковы: *Маккавеи, Елеазаръ, Захарія*—Отецъ Предтечи, *Іосифъ* Обручникъ и *Симеонъ* Богопріимецъ—образцы великихъ добродѣтелей.

Рядомъ съ святыми и великими мужами, въ Ветхомъ Завѣтѣ, шли великія и святыя жены, какъ образцы и высокіе примѣры женскихъ доблестей.

Первая изъ нихъ *мать всѣхъ живущихъ—Ева*. Правда, она первая согрѣшила, и была виновницею бѣдствій для рода человѣческаго; но грѣхопаденіе Евы вознаграждено покаяніемъ ея, такъ что она всѣмъ женамъ подала примѣръ жизни не по плоти только, но и по духу: не ея-ли покаянія плодомъ былъ Авель.

Послѣ Евы особенно замѣчательна *Сарра*—жена Авраама, отличавшаяся терпѣніемъ безчадства, благоразуміемъ въ жизни, покорностію мужу своему, *господина того зовущи*.

Невѣстка Сарры, жена Исаака, *Ревекка*, дивна своимъ вниманіемъ къ путямъ Промысла касательно судьбы своихъ дѣтей.

Мать Самуила *Анна* такъ пламенно умѣла молиться, что вымолила себѣ сына Самуила!

Въ Саррѣ, Ревеккѣ и Аннѣ видны добродѣтели болѣе семейныя; но были у Евреевъ и такія жены, которыя примѣрно дѣйствовали и въ кругу жизни общественной. Образцомъ таковыхъ женъ, во время Моисея, была сестра его Маріамъ, во времена Судей—Девора, во времена Царей Израилевыхъ—Олда и Юдиѳь.

Маріамъ — предводительница хора израильтянокъ, когда онѣ воспѣвали благодарственную пѣснь Богу за чудесный переходъ Чермнаго моря. Это—образецъ для пѣвицъ.

Скромной и смиренной *Деворѣ* суждено было свыше быть судьею и *Матріею* всего Израиля; и она вѣрно исполняла свое великое предназначеніе.

Олда или *Олдана* представляетъ разительный примѣръ, какъ жена, не смотря на слабость пола своего, можетъ сосредоточить въ себѣ все, что есть лучшаго въ цѣломъ отечествѣ, и служить посредницею между землею и небомъ: она безбоязненно возвѣщала всѣмъ.

даже царямъ и первосвященникамъ волю Божію, и пріятную, и непріятную.

Удивительная героиня *Юдиѳь*, съ опасностію потерять честь и даже жизнь свою, спасла свое отечество отъ Олоферна.

Трогательный примѣръ любви семейной — *Руѳь*, праматерь Давида; *Вдовица Сарептская*, въ крайней своей бѣдности, рѣшившаяся пропитать, во время голода, пророка Илію; *Есѳирь*, съ опасностію для своей жизни, въ плѣну Персидскомъ, спасшая своихъ единоплеменниковъ; прекрасная *Сусанна*, прославившаяся борьбою за свое цѣломудріе; неустрашимая *Соломонія*,—мать 7 мучениковъ Маккавеевъ: какіе высокіе образы и примѣры для современныхъ намъ женщинъ - христіанокъ, постыдно иногда унижающихъ себя самыми ничтожными бездѣлушками!..

Украсивъ свои души и сердца святыми образами и примѣрами ветхозавѣтныхъ праведниковъ и праведницъ, благонадежно пойдемъ въ срѣтеніе Жениху душъ и сердецъ нашихъ! Увидѣвъ въ насъ мысли, чувства и желанія Святыхъ ветхозавѣтныхъ, съ вѣрою и нетерпѣніемъ ожидавшихъ Его пришествіе на землю, Онъ не отвратитъ отъ насъ Лица Своего, — но, яко Многомилостивый, благоволитъ благодатію Своею войти въ души и сердца наши, и родиться въ нихъ Духомъ Своимъ Святымъ. Но для этого необычайно великаго дѣла, и съ нашей стороны, мои возлюбленные, требуются особенныя мысли, чувства и расположенія, о которыхъ побесѣдую въ слѣдующій разъ. Аминь.

ВЕЧЕРЪ ДЕВЯТЫЙ.

НАКАНУНѢ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Христосъ раждается, славите;
Христосъ съ небесъ, срящите.

Христосъ раждается... Гдѣ раждается? Въ Виѳлеемѣ?! Но тамъ Онъ давно родился, и больше уже не раждается... Гдѣ же раждается? Раждается теперь въ вѣрующихъ, въ нихъ воображается, въ нихъ воплощается, какъ говоритъ Апостолъ: *Чадца моя, ими же паки болѣзную; дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19); и святый Іоаннъ Богословъ возвѣщаетъ: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 19). Какъ раждается? Явленіе Бога во плоти вообще есть *велія благочестія тайна;* вполнѣ уяснить себѣ и высказать эту тайну весьма трудно: она мало понятна уму человѣческому и неудобь сказуема.

Для уразумѣнія и выраженія этой великой тайны благочестія, нужно обратить вниманіе на обстоятельства, предшествовавшія Рождеству Христову. Эти обстоятельства суть—и внѣшнія, и внутреннія—обстоятельства, бывшія въ положеніи Богоотцевъ Іоакима и Анны и Пресвятой Дѣвы Маріи.

1. „Іоакимъ" значитъ—„приготовленіе для Господа", „возстановленіе", „воскресеніе", а „Анна" означаетъ „благодать". Самыя имена, жившихъ праведно и непорочно предъ Богомъ, въ неразрывномъ и честномъ супружествѣ, Іоакима и Анны наводятъ на мысль, что возстановленіе отъ паденія, воскресеніе отъ смерти духовной, или приготовленіе для Господа, безъ участія и содѣйствія благодати Божіей, —невозможно. Отсюда— первѣйшее условіе къ тому, чтобы родился въ насъ

Христосъ, есть непрерывная забота о возстановленіи себя отъ паденій.—о воскресеніи отъ грѣховной смерти.—о приготовленіи себя для Господа, чтобы, съ одной стороны, -*отложити намъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотьхъ тѣлесныхъ*, а съ другой—*облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Но при этомъ необходимо имѣть глубокое убѣжденіе въ томъ, что самъ человѣкъ—своими собственными силами.—въ этомъ отношеніи, ничего не можетъ сдѣлать: непремѣнно ему нужна здѣсь помощь и содѣйствіе Божественной благодати. *Безъ Мене не можете творити ничесоже. Никтоже пріидетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его. Никтоже пріидетъ ко [Отцу, токмо Мною*, -сказалъ Спаситель.

2. Іоакимъ и Анна долго прожили, но были безплодны,—не имѣли дѣтей. Глубоко сознавали они свое *неплодство* и крѣпко сокрушались о немъ. Огорченный въ Іерусалимѣ непринятіемъ отъ него жертвы, какъ отъ безплоднаго, Іоакимъ удалился въ пустыню -изливать свои горести. Услышавъ объ этомъ, Анна проливала горькія слезы въ своемъ домѣ, и увидѣвъ, однажды, въ своемъ саду, птичье гнѣздо съ птенцами, предалась неутѣшному сокрушенію о своемъ неплодствѣ. Отсюда—второе условіе къ тому, чтобы родился въ насъ Христосъ, есть глубокое сознаніе своего неплодства, но при этомъ сознаніи необходимо искреннее и крѣпкое сокрушеніе о немъ. *Жертва Богу—духъ сокрушенъ. Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.*

3. Сознавая свое неплодство и сокрушаясь о немъ, Іоакимъ и Анна, въ тоже время, сильно желали себѣ плода, и пламенно молились Богу о дарованіи имъ этого плода. „Вотъ и птицы счастливѣе меня! Онѣ имѣютъ

и кормятъ дѣтей своихъ, а я—безплодна!", говорила святая Анна, увидѣвъ птичье гнѣздо съ птенцами. И съ горькимъ воплемъ начала просить у Господа помилованія себѣ и того дара, котораго Онъ не лишаетъ и несмысленныхъ тварей своихъ. Отсюда—третье условіе къ тому, чтобы родился въ насъ Христосъ, есть искреннее желаніе плода духовнаго—*любви, радости, мира, долготерпѣнія, благости, милосердія, вѣры, кротости, воздержанія*, и—соединенная съ этимъ желаніемъ пламенная молитва къ Богу о дарованіи сего плода.

4. Искреннее желаніе Іоакима и Анны удовлетворено,—пламенная молитва ихъ услышана. Они получили такой плодъ, который—съ самаго рожденія своего—весь устремленъ былъ къ Богу, и вся жизнь его посвящена была Богу. Родители Пресвятой Дѣвы Маріи обѣщали посвятить Ее Богу, и—по исполненіи 3-хъ лѣтъ—дѣйствительно отдали Ее въ храмъ Божій. Отсюда—четвертое условіе къ тому, чтобы родился въ насъ Христосъ, есть устремленіе всего существа нашего къ Богу и совершенная Ему преданность, что и обѣщали мы при купели нашего крещенія.

5. Живя при храмѣ Божіемъ, Пресвятая Дѣва Марія воспитывала свой умъ—чтеніемъ Слова Божія, свое сердце—церковнымъ Богослуженіемъ, свою волю—исполненіемъ воли Божіей, свою душу и тѣло—воздержаніемъ, цѣломудріемъ и трудолюбіемъ. Во все время своей жизни при храмѣ, Она—то читала Библію, -то находилась при Богослуженіи,—то благотворила; но всемъ была необыкновенно воздержна, совершенно—по душѣ и тѣлу - цѣломудренна, и всегда занята дѣломъ. Отсюда -пятое условіе къ тому, чтобы родился въ насъ Христосъ, есть забота о воспитаніи своего ума—истинами Откровенія Божія, своего сердца—обрядами церковными и Богослу-

женіемъ, своей воли—посильнымъ твореніемъ заповѣдей Божіихъ, своей души и тѣла—вездержаніемъ, цѣломудріемъ и трудами.

6. Воспитавъ себя въ храмѣ Божіемъ, во всемъ истинномъ, прекрасномъ и добромъ, Пресвятая Дѣва Марія, такимъ образомъ, изъ *горькаго* плода паденія Адамова, претворила Себя въ *превосходный* плодъ Богу, *превзошла* всѣхъ людей Своими добродѣтелями, сдѣлалась угоднымъ и пріятнымъ Самому Богу цвѣтомъ всего человѣчества. (*Марія* значитъ *горькая* и *превосходная*). Но этого смиреннѣйшей изъ всѣхъ людей Маріи было мало. Она еще обручила Себя для храненія *Іосифу*, коего имя означаетъ *умноженіе, увеличеніе;* и, такимъ образомъ, задалась мыслію, для сохраненія Своихъ добродѣтелей, постепенно *умножать, увеличивать* ихъ до тѣхъ поръ, пока придетъ въ мѣру возраста исполненія Христова, и содѣлается Херувимскимъ Престоломъ для Него. Послѣ этого немного прошло времени, какъ Христосъ зачался въ Ней, а чрезъ 9 мѣсяцевъ и родился отъ Нея. Отсюда—шестое и послѣднее условіе къ тому, чтобы зачался и родился въ насъ Христосъ, есть постепенное, но постоянное *восхожденіе* по степенямъ добродѣтелей *отъ вѣры въ вѣру, отъ силы въ силу, дондеже придетъ въ мужа совершена, въ мѣру возраста исполненія Христова*, по Его заповѣди: *будите совершены, якоже Отецъ вашъ совершенъ есть.*

Итакъ, возбуждая въ себѣ заботу о возстановленіи отъ паденій, о воскресеніи отъ духовной смерти, о приготовленіи себя для Господа, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—глубоко сознавая, что самъ по себѣ—одинъ, безъ благодатной помощи Божіей, въ этомъ дѣлѣ, ничего не можетъ сдѣлать.—молись и призывай себѣ на помощь благодать Божію.

Сознавая свое духовное безплодіе и искренно сокрушаясь о немъ, молись: „Азъ сый древо неплодное, Господи, умиленіе плода не ношу отнюдь, и посѣченія страшуся, и огня онаго боюся негасимаго. Тѣмже Тя молю: прежде оныя нужды обрати и спаси мя!"

Желая себѣ *даровъ* Святаго Духа: духа страха Божія, духа силы, духа совѣта, духа познанія, духа разумѣнія, духа мудрости, духа благочестія, и—*плодовъ* духовныхъ: любви, радости, мира, долготерпѣнія, благости, милосердія, вѣры, кротости,—воздержанія, и пламенно молясь о дарованіи ихъ, отъ всего сердца твоего взывай: „Неплодствовавшій мой умъ плодоносенъ, Боже, покажи ми, Дѣлателю добрыхъ, Насадителю благихъ, благоутробіемъ Твоимъ!"

Стремясь къ Богу всѣмъ существомъ своимъ—умомъ, какъ къ высочайшей истинѣ,—волею, какъ къ высочайшему добру,—сердцемъ, какъ къ высочайшему блаженству,—молись Ему непрестанно, молись всѣми силами—изъ глубины души.

Посвящая себя Богу,—приноси Ему въ жертву свой умъ, чтобы умудриться во спасеніе.—свою волю, чтобы имѣть силу хранить святыя правила и начала христіанской дѣятельности и ходить въ нихъ,—свое сердце, чтобы блаженствовать и предаваясь во всемъ волѣ Божіей, всегда говори искренно: „Тебѣ, Господи, предаю себя всецѣло! Да будетъ со мною святая воля Твоя всегда и во всемъ! Тебѣ, Господи, вѣдомо, что для меня полезно; сотвори же со мною по волѣ Твоей!"

Устремившись къ Богу всѣмъ существомъ своимъ и всецѣло предавшись волѣ Его, всячески заботься образовать и воспитать себя въ духѣ Христовомъ.—Будь всегда воздерженъ, цѣломудренъ и трудолюбивъ.

Стараясь болѣе и болѣе преуспѣвать въ добродѣтеляхъ и постепенно совершенствоваться въ истинно-христіанской жизни,—прилежно читай Слово Божіе, твореніе святыхъ отцевъ и житія святыхъ, а также и другія духовно-назидательныя книги.

Вообще, возлюбленные, если мы искренно желаемъ, чтобы родился въ насъ Христосъ,—то непремѣнно должны: всѣми силами и мѣрами заботиться о возстановленіи себя отъ паденій, о воскресеніи отъ грѣховной смерти, о приготовленіи себя для Господа.—и для этого призывать Благодать Божію; глубоко чувствовать свое неплодство, сокрушаться о немъ сердечно и молиться о дарованіи намъ духовныхъ плодовъ; всѣмъ существомъ устремиться къ Богу и предаться всецѣло волѣ Его святой; воспитывать себя въ духѣ христіанской православной вѣры и истиннаго благочестія,—постоянно и постепенно усовершаться въ жизни чисто-христіанской, при неослабномъ воздержаніи, нерушимомъ цѣломудріи, въ неусыпныхъ трудахъ—во Славу Божію, во благо ближнихъ.

Если мы такъ настроимъ и поведемъ себя.—то Христосъ-Спаситель не замедлитъ родиться въ насъ; и мы сознательно—изъ глубины души воспоемъ: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* Аминь.

ВЕЧЕРЪ ДЕСЯТЫЙ.

ВИѲЛЕЕМЪ,

СВ. МѢСТО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Городъ Виолеемъ расположенъ въ самой изобильной, самой благодатной, самой плодородной части Святой Земли. Весной Виолеемъ благоухаетъ обиліемъ розо-

выхъ цвѣтущихъ кустарниковъ, цвѣты которыхъ даютъ такое изобиліе розоваго масла и розовой воды, что ими снабжается вся Святая Земля. Лѣтомъ Виолеемъ тонетъ въ зелени виноградныхъ и масличныхъ садовъ, которыми густо покрыты всѣ окрестные горы и холмы. Въ давно минувшія времена только одна Елеонская гора могла соперничать по изобилію масличныхъ садовъ, съ садами Виолеема. Виолеемъ -это, поистинѣ, *домъ пшеницы*, вина, елея и благоухающихъ розъ; это —родина Давида Царя: въ немъ теперь до 6000 жителей, и всѣ они христіане различныхъ исповѣданій: трудолюбивые жители Виолеема отличаются привѣтливостію и красотой: между ними нѣтъ ни евреевъ, ни язычниковъ.

Сюда-то, 19 вѣковъ тому назадъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, изъ Назарета, по дорогѣ Іерусалимской, направляли путь свой—святый Старецъ Іосифъ, съ обрученною ему Невѣстою—неневѣстною, сущею непраздною отъ Духа Свята, Пресвятою Дѣвою Маріею; потому что Промысломъ Божіимъ предназначено было—родиться въ Виолеемѣ—градѣ Давидовѣ—Христу Спасителю отъ Приснодѣствующей Матери.

Дологъ и труденъ былъ, въ суровое время года, путь святыхъ путешественниковъ: трудность его увеличивалась старческими немощами Іосифа и беременностію Маріи. Но ревностнаго исполненія священнаго долга ничто не останавливаетъ. Святые странники, конечно, утѣшали себя надеждою -успокоиться въ Виолеемѣ въ удобномъ помѣщеніи; но и эта надежда обманула ихъ: всѣ помѣщенія въ городѣ были уже заняты народомъ, собравшимся въ Виолеемъ для переписи. Напрасно поискавъ себѣ квартиры, праведный Іосифъ, по необходимости, долженъ былъ, на ночь, помѣститься съ

Пресвятою Дѣвою за городомъ—въ убогомъ вертепѣ, или пещерѣ, куда Виѳлеемскіе пастухи, въ ненастное время, загоняли скотъ свой. И здѣсь-то родился Христосъ Богъ-Спаситель нашъ!

Вдали отъ шума городскаго, въ глубокой тишинѣ и безмолвіи, Пречистая Дѣва безболѣзненно разрѣшилась отъ Своего Святаго бремени; Сама Пречистыми руками Своими повила Богомладенца, и положила Его въ скотскія ясли. Волъ и оселъ, по преданію, дыханіемъ своимъ согрѣвали нѣжные члены Новорожденнаго; Божественная Дѣва молилась Ему; Праведный Іосифъ благоговѣлъ предъ таинствомъ Рождества Христова; убогій Вертепъ сталъ для насъ драгоцѣннѣе всякихъ палатъ Царскихъ, и пелены Христовы несравненно выше порфиръ Порфирородныхъ!.. Много вѣковъ пронеслось надъ Виѳлеемомъ: безчисленные перевороты совершились надъ древнѣйшимъ Храмомъ Рождества Христова! Но ни время—всесокрушающее, ни страсти человѣческія—всеразрушающія, не могли изгладить изъ памяти христіанской святыя мѣста! Тамъ написано: „Здѣсь Христосъ родился".

Въ безпримѣрную ночь Рождества Христова, Виѳлеемскіе пастухи стерегли стада свои въ окрестныхъ поляхъ. Внезапный свѣтъ облисталъ ихъ, а явившійся Ангелъ Господень сказалъ имъ: „Не бойтеся, я возвѣщаю вамъ великую радость, нынѣ родился вамъ Христосъ Спаситель, въ городѣ Давидовомъ: и вотъ вамъ знакъ: вы найдете Младенца въ пеленахъ, лежащаго въ яслехъ". Вдругъ явилось на небѣ множество Ангеловъ, которые запѣли: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* Когда явленіе и видѣніе кончилось, пастыри, въ простотѣ сердца, пошли въ знакомый имъ Вертепъ, увидѣли, о чемъ имъ было

сказано, разсказали о томъ, что видѣли и слышали отъ Ангеловъ, поклонились Новорожденному Богомладенцу, и возвратились къ своимъ стадамъ.

Спустя немного, по указанію чудесной звѣзды, явившейся на востокѣ, пришли въ Виѳлеемъ восточные мудрецы, принесли Новорожденному дары: злато, ливанъ и смирну, поклонились Ему и возвратились во страну свою.

Въ 8-й день по рожденіи, Богомладенецъ былъ обрѣзанъ, и наречено имя Ему *Іисусъ*, которое значитъ Спаситель. Въ 40-й день Онъ принесенъ во Храмъ, и здѣсь произошла дивная встрѣча Ему—Симеономъ Богопріимцемъ и Анною Пророчицею.

Но недолго пришлось Святому семейству спокойно пожить въ Виѳлеемѣ: Оно должно было бѣжать во Египетъ отъ злодѣйскаго замысла Ирода, рѣшившаго убить Богомладенца. Въ Египтѣ Святое семейство жило до смерти Ирода, и возвратилось чрезъ Іерусалимъ въ свой Назаретъ.

Всѣ священныя Виѳлеемскія событія кратко выражены въ кондакѣ, положенномъ на Рождество Христово: „Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ неприступному приноситъ: Ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо,—Превѣчный Богъ".

Празднуя Рождество Христово, святая Церковь поетъ: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума: въ немъ бо звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся,—Тебѣ кланятися солнцу правды, и Тебе вѣдѣти съ высоты востока, Господи, слава Тебѣ!"

Въ таинствѣ Рождества Христова неизслѣдимая пучина назидательныхъ мыслей и чувствованій: но для насъ дороже всего и поучительнѣе всего мысль, что

Пресвятая Дѣва Марія, сдѣлавшись Матерію Божіею, такимъ образомъ, содѣлалась и нашею благодатною Матерію. Потому, всѣ ученики и послѣдователи Христовы, покланяясь Рождеству Христову, молятся: „Покланяемся рожденію Твоему, Пресвятая Дѣво, егда воплотила и родила еси Христа-Спаса міру, и была еси Мати Богу, отъ всея твари славима и превозносима, и молимъ Тя, Свѣте нашъ, являй Себе намъ Матерь Милосерду, и нынѣ, и во вѣкъ будущій". Аминь.

ВЕЧЕРЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ІОРДАНЪ,

СВЯТОЕ МѢСТО КРЕЩЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Насладившись священными воспоминаніями Рождества Христова — въ Виолеемѣ, пойдемъ мысленно на Іорданъ, чтобы насладиться видѣніемъ Крещенія Господня.

Іорданъ вытекаетъ отъ подошвъ Антиливана, въ странѣ Трахонитской, изъ небольшаго круглаго озерка, называемаго *Фіаломъ*, стремительно течетъ по широкой и вообще плодоносной долинѣ, — проходитъ сквозь два озера—*Самахонитское* и *Генисаретское* или *Тиверіадское* море, и впадаетъ въ Мертвое море. Разнообразные ивы и тростники, переплетенные съ олеандрами, и опущенные свѣжимъ плющемъ, а равно и такъ называемое *дерево манны*, висятъ съ обѣихъ береговъ, надъ быстро несущимися водами благословеннаго Іордана. Іорданъ изобилуетъ рыбою; вода его имѣетъ вкусъ пріятный. Преданіе говоритъ, что Крещеніе Господа было именно въ томъ мѣстѣ Іордана, гдѣ Іисусъ Навинъ нѣкогда,

съ Кивотомъ Завѣта, перевелъ израильтянъ въ обѣтованную землю.

Перенесемся мыслію на это святое мѣсто, и будемъ разумно внимать тому, что происходило тамъ во время Крещенія Господня. Іоаннъ креститъ множество народа...; но вотъ грядетъ на Крещеніе Спаситель міра; Іоаннъ узнаетъ Его и указываетъ народу: *Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра!* Очи всѣхъ устремляются на Грядущаго; Онъ требуетъ отъ Іоанна Крещенія; Іоаннъ, благоговѣя предъ Нимъ, отказывается: Господь внушаетъ Іоанну, что это необходимо исполнить. Послѣдовало Крещеніе Господа!.. Іисусъ въ водахъ Іорданскихъ молится; Іоаннъ съ трепетомъ возлагаетъ на Него руку и погружаетъ Его во Іорданѣ... Отверзлось небо, изъ него послышался громовой голосъ Бога Отца: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*, и Св. Духъ, въ видѣ голубинѣ, сошелъ на Крестившагося Господа, Который тотчасъ же и вышелъ изъ воды. Крещеніе совершилось!

Установите внимательный взоръ вашъ, возлюбленные, и не отрывайте вниманія вашего отъ сего дивнаго видѣнія. О, кто дастъ слову нашему силу, чтобы достойно воспѣть славу Бога, въ трехъ ипостасѣхъ на Іорданѣ явившагося! Вмѣстѣ съ потерянiемъ раемъ, самыя небеса заключены были для насъ Правдою Божіею. Но какъ сильнаго напора водъ не удерживаетъ и крѣпкая преграда, такъ—наконецъ растаяла крѣпость правды отъ огня любви Божіей,—*и се отверзошася небеса!*

Отверземъ и мы, возлюбленные, всѣ силы существа нашего, воспріимемъ ненасытно Бога открывшагося и, насладимся Имъ:—напитаемъ Имъ всѣ чувства, всѣ помышленія и всѣ желанія свои. Мы погружены во тьму: но вотъ обильный свѣтъ! Мы поражены безотрадными

разъединеніемъ—и съ небомъ и съ собою; но вотъ всеоживляющее примиреніе! Мы изможденны безсиліемъ на добрыя дѣла; но вотъ неистощимый источникъ всякихъ силъ! Какъ послѣ долгой ночной темноты, всѣ жаждутъ свѣта и съ великою радостію встрѣчаютъ первые лучи восходящаго солнца; такъ и мы, устремивъ на Богоявленіе вѣрующее око ума, всежелательно воспріимемъ отрадные лучи Божественнаго устроенія нашего спасенія, — лучи, испускаемые милостивымъ словомъ Бога Отца, Который *далъ есть намъ Своего Единороднаго Сына, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный;* ниспославъ и Духа Своего Святаго, да наставитъ насъ на всяку истину. Воспріимемъ!.. Но зачѣмъ-бы намъ приглашать себя къ этому? Вѣдь всѣ мы уже введены во все домостроительство спасенія; всѣ— потому—должны быть и просвѣщены, и умиротворены, и оживлены,.. О, если-бы такъ было! Дѣйствительно, всѣ мы были нѣкогда въ купели св. Крещенія, и для всѣхъ насъ была она раемъ благодатнымъ: и намъ тогда отверзались небеса, и мы были, по вѣрѣ во Христа, усыновлены Богу и на насъ тогда излилась благодать Святаго Духа. По выходѣ изъ купели, мы во всю жизнь свою должны бы оставаться чистыми и невинными, какъ Ангелы Божіи; но кто изъ насъ похвалится, что онъ донынѣ сохранилъ благодать и святость Крещенія?..

Лишь только мы стали понимать себя и все окружающее насъ, какъ разные обманчивые клики враговъ нашего спасенія стали обольстительно поражать слухъ нашъ. Суемудріе говорило намъ: „ко мнѣ идите, у меня свѣтъ“. Многіе изъ насъ имѣли несчастіе послушаться сего клича, и—стали свѣтъ нарицать тьмою, а тьму— свѣтомъ, потому что у суемудрія — не свѣтъ, а только призракъ свѣта. Міръ звалъ насъ: „ко мнѣ идите, я

дамъ вамъ миръ душевный и тѣлесный": но у міра— не миръ, а призракъ мира; потому, увлеченные имъ, когда, обличивъ ложь мірскую и фальшь, укорно осуждаютъ міръ, и говорятъ: Миръ! Миръ! А гдѣ тутъ миръ? Одинъ вездѣ обманъ! Князь міра сего обѣщалъ намъ просторъ и жизнь, силу и довольство. Но у него самаго нѣтъ ни силы, ни свободы, ни довольства, а одинъ только призракъ ихъ. И вотъ, обольщенные имъ только имя имѣютъ, что живы, свободны, и довольны; а на самомъ дѣлѣ суть несчастные рабы, обуморенные, томимые липеніями...

Такъ, слушаясь враговъ нашего спасенія, увы! не сохранили мы винограда своего,—не сохранили благодати крещенія, не пребыли вѣрными Тому, Кому сочетались: осквернили бѣлую одежду невинности: потеряли благодать и Духа! Одно взялъ міръ; другое похитили страсти; третье пропало отъ нерадѣнія и безпечности: всѣ мы сдѣлались подобны человѣку, впадшему въ разбойники, которые такъ избили насъ, что—отъ ногъ до головы не осталось у насъ цѣлости. Послѣ Крещенія мы пали, подобно праотцу нашему, — мы многократно падали и падаемъ; и этотъ рай навсегда заключился предъ нами, подобно раю Эдемскому. Въ другой разъ мы не можемъ войти въ купель,—не можемъ въ другой разъ креститься!.. И что было-бы съ нами, если-бы мы оставлены были при одномъ таинствѣ крещенія. Ахъ, мы всѣ погибли-бы отъ ревности огня Божія: *ибо, если мы, получивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ: то не остается болѣе жертвы за грѣхи, но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ* (Евр. 10, 26—27): такъ, мы погибли-бы — горше іудеевъ и язычниковъ — если-бы безпредѣльное милосердіе Божіе не спѣшило къ намъ на

помощь съ другими благодатными средствами оправданія и спасенія нашего! Потому-то, отъ самаго Іордана, отъ самаго Крещенія Господня, начиная съ Галилеи и Іудеи, по всей вселенной начало раздаваться, и до сихъ поръ раздается мощное слово: *Покайтеся, приближися бо Царствіе Божіе! Покайтеся, и вѣруйте во Евангеліе!* Вотъ первыя и необходимыя средства благодати Божіей къ возвращенію нашей невинности! Мы и займемся ими въ слѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ. А теперь пока, научившись нѣсколько различать свѣтъ отъ тьмы, вмѣсто приготовленія къ другимъ средствамъ, будемъ при свѣтѣ Іорданскомъ, неотступно просить и молить Господа: „Господи Боже мой, даруй мнѣ благодать—все ясно зрѣть и разумѣть, чтобы я вѣрно могъ различать, что добро, и что зло! Господи Боже мой, даруй мнѣ мудрость и разсужденіе во всѣхъ словахъ и дѣлахъ моихъ, чтобы не прельстилъ меня ни человѣкъ, ни діаволъ!“ Аминь.

ВЕЧЕРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше (Мато. 6, 26).

У каждаго живаго человѣка непремѣнно есть свое любимое сокровище, потому что у каждаго по природѣ есть любящее сердце. Но у разныхъ людей сокровища разнообразны: у однихъ онѣ на небѣ, а у другихъ—на землѣ, смотря потому, у кого какъ настроено сердце. Впрочемъ, Спаситель всѣхъ людей, по настроенію сердца ихъ, раздѣляетъ, какъ и на судѣ Своемъ раздѣлитъ, на двѣ части—на добрыхъ и злыхъ. Онъ говоритъ: „добрый человѣкъ изъ добраго сокровища сердца

своего выноситъ доброе: а злой человѣкъ изъ злаго сокровища сердца своего выноситъ злое: ибо, отъ избытка сердца говорятъ уста" (Лук. 6. 45). Онъ же—Праведный Судія.—и на судѣ Своемъ,—добрыхъ поставитъ одесную Себе и скажетъ имъ: *пріидите благословенніи, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе;* а злыхъ поставитъ ошую Себе и скажетъ имъ: *отыдите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный...*

Что это есть, и слѣдовательно будетъ такъ, мы видимъ изъ опыта.—Въ наше время,—не рѣдкость видѣть и слышать людей, повидимому образованныхъ и даже высокопоставленныхъ, которымъ многіе существующіе, особенно добрые и вѣками испытанные, порядки не нравятся: одно имъ хочется измѣнить, другое чѣмъ-нибудь замѣнить, третье какъ-нибудь перемѣнить, а четвертое и совсѣмъ отмѣнить. Вообще, эти люди все отрицаютъ и уничтожаютъ, а взамѣнъ ничего добраго не представляютъ.

Но, благодареніе Богу, на ряду съ такими людьми, большинство смотритъ на вещи иначе. Мы часто встрѣчаемъ людей съ здравымъ смысломъ, которые всѣми мѣрами стараются все доброе раскрыть полнѣе, закрѣпить и упрочить. Такіе люди, если и придумываютъ что-либо новое, то дѣлаютъ это всегда во славу Божію и во благо ближнихъ, безъ всякаго измѣненія и отмѣненія существующихъ добрыхъ порядковъ. Это люди положительные, способные—не разорять, а созидать добро.

Вотъ два противоположныхъ настроенія сердецъ человѣческихъ, которыя никогда не сходятся и не сойдутся между собою, какъ двѣ параллельныхъ линіи.—Первое настроеніе на что доброе ни посмотритъ, все тотчасъ-же готово отрицать: а второе, отвращаясь отъ

перваго, все доброе заботится сохранить и упрочить. Это—такъ бываетъ вообще, и это, нужно замѣтить, очень естественно, потому что, кто занимается отрицательнымъ, тому противно заниматься положительнымъ, а кто занимается положительнымъ, того трудно заставить заниматься отрицательнымъ.

Особенно противно бываетъ отрицателямъ какое-нибудь выдающееся и особенно полезное дѣло, какъ напримѣръ, занимающее насъ нынѣ, учрежденіе Императорскаго Палестинскаго Общества. Они говорятъ: „зачѣмъ это такъ усердно хлопочутъ о Палестинѣ, о святыхъ мѣстахъ, о поклонникахъ? Для чего такъ ревностно заботятся о сборахъ пожертвованій въ Палестинское Общество? Не напрасный-ли трудъ и трата денегъ на украшеніе Святой Земли, когда она не въ нашемъ владѣніи и будетъ, по Слову Спасителя, попираема языки до скончанія временъ? Улучшать бытъ поклонниковъ—не значитъ-ли отвлекать отъ родной земли силы рабочія и пріучать народъ къ праздному шатанію и уклоненію отъ труда? Не лучше-ли дома молиться и трудиться?!!“ Такъ говоритъ гордая, напыщенная, во всемъ довольная, интеллигенція! И мысли ея, кажутся вѣскими, стоющими вниманія, потому онѣ и колеблютъ многихъ, неутвержденныхъ въ вѣрѣ и любви христіанской. Но, прислушайтесь, что, въ тоже время, говоритъ смиренная бѣдность и нужда. Массы людей искренно желаютъ—побывать въ Палестинѣ, всей душой стремятся—посѣтить Святую Землю, питаютъ сердечную, какъ завѣтную, мысль—поклониться святымъ мѣстамъ, со слезами умоляютъ Господа Бога—сподобить ихъ сей благодати, и ближнихъ своихъ усердно просятъ—помочь имъ осуществить это святое дѣло. Видя и слушая такія задушевныя желанія и воз-

дыханія, усердныя молитвы и неудержимыя стремленія сердецъ простыхъ, но безъ сомнѣнія—добрыхъ, хотя быть можетъ и не многоученыхъ, человѣкъ, съ здравымъ смысломъ и добрымъ сердцемъ, невольно думаетъ, что это не напрасный трудъ и не пустая трата, не праздное шатаніе и не отвлеченіе отъ труда, а пріученіе къ труду разумному и освященіе его подвигами благочестія, чтобы онъ не сдѣлался способнымъ—превращать человѣка въ машину, или въ вола молотящаго.

Если мы обратимся къ Исторіи, то и она ясно говоритъ всѣмъ и каждому, что паломничество искони существовало у всѣхъ народовъ.—Самые язычники дорожили тѣми мѣстами, гдѣ находились главныя ихъ чтилища, гдѣ были могилы ихъ благодѣтелей, усердно посѣщали ихъ и ничего не жалѣли для украшенія ихъ; магометане свято чтутъ свою Мекку и гробъ Магомета; евреи массами собираются—поклониться хоть одной стѣнѣ Іерусалимской. Припомните, какъ Праотецъ нашъ Адамъ плакалъ и стремился, хотя уже къ потерянному имъ, раю едемскому; какъ патріархи дорожили святыми мѣстами Богоявленій и знаменій чудесныхъ; какъ потомъ израильтяне чтили храмъ свой, особенно Соломоновъ, въ Іерусалимѣ; какъ и Спаситель, и Апостолы посѣщали его съ уваженіемъ.

А по вознесеніи Господа Іисуса Христа на небо, Сама Пречистая Дѣва Богородица, до самаго успенія Своего, постоянно посѣщала святыя мѣста, освященныя пребываніемъ на нихъ Сына Ея и Бога, плакала надъ ними, лобызала ихъ и молилась. Сіонская Горница, Голгоѳа, гробъ Господень, Геѳсиманія, Елеонъ, Виѳлеемъ и прочія были обычными мѣстами Ея пребыванія, воспоминаній и молитвы, не смотря на то, что іудеи не разъ покушались насмѣяться надъ Нею, оскорбить

Ее и даже убить. Но благодать Божія хранила Ее отъ всего этого.

Апостолы въ продолженіи цѣлыхъ 10 лѣтъ не могли оставить Іерусалима, жалѣя разстаться съ святыми мѣстами, идѣже стояста и ходиста нози Ихъ Господа и Божественнаго Учителя. Первенствующіе христіане до того привязаны были къ святымъ мѣстамъ, до того много и часто посѣщали и чествовали ихъ, что первые гонители христіанъ—іудеи и язычники старались поставить даже физическія преграды сему, скрывали святыни христіанскія, засыпали ихъ землею, и на святыхъ мѣстахъ ставили идольскія капища... Но и это не помогло: святая Елена, мать Великаго Царя Константина, открыла ихъ, и съ тѣхъ поръ онѣ изъ подъ спуда возсіяли всему міру, посѣщаются и чествуются безчисленными поклонниками...

И сколько было, въ теченіи 15-ти столѣтій, этихъ благочестивыхъ тружениковъ, побѣждавшихъ всѣ трудности и неудобства самыхъ путей сообщенія, всѣ путевыя невзгоды и изнеможенія, всѣ опасности и оскорбленія отъ людей—варваръ! для того только, чтобы достигнуть своей завѣтной цѣли, своего сердечнаго сокровища—видѣть, и облобызать святыя мѣста Іерусалима и Палестины, поплакать и помолиться тамъ, гдѣ совершено спасеніе наше и всего рода человѣческаго. Читайте старинныя описанія путешествій ко святымъ мѣстамъ: и вы изумитесь, какія были страшныя неудобства этихъ путешествій, какія злоключенія мужественно перенесены этими паломниками, поистинѣ и героями своего времени, своего святаго дѣла.

Нынѣ, благодареніе Господу Богу, все это устранено, путь ко Святому Граду Іерусалиму и святымъ мѣстамъ облегченъ, улешевленъ и обезопасенъ: пребываніе пу-

тешественниковъ въ Святой Землѣ обставлено всѣми возможными удобствами! Христіанское, самое дорогое сердечное сокровище открыто и доступно для всѣхъ и каждаго. Кому всѣмъ этимъ мы обязаны? ИМПЕРАТОРСКОМУ ПАЛЕСТИНСКОМУ Обществу, коего Предсѣдатель Великій Князь Сергій Александровичъ, а Покровитель самъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Какая же польза отъ этого учрежденія? Самая жизнь православнаго христіанина, правильно проводимая, отъ начала до конца ея, постоянно и какъ-бы невольно, напоминаетъ ему о томъ, гдѣ его главное и высшее сокровище на землѣ.—Онъ принадлежитъ къ Церкви Христовой, которая основана тамъ—въ Іерусалимѣ и Палестинѣ. Родится-ли онъ, или празднуетъ Рождество Христово,—переносится мыслію въ Виолеемъ—мѣсто рожденія Начальника нашей вѣры. Крестится-ли, или празднуетъ Крещеніе Господне,—переносится мысленно на Іорданъ—мѣсто Богоявленія. Воцерковляется-ли, или празднуетъ Срѣтеніе Господне,—переносится въ храмъ Іерусалимскій. Празднуетъ-ли Благовѣщеніе,—переносится въ Назаретъ. Совершаетъ-ли страсти Христовы,—онъ цѣлую недѣлю находится около Голгоѳы. Торжествуетъ-ли праздникъ праздниковъ Воскресеніе Христово,—онъ мысленно живетъ тамъ—на живоносномъ гробѣ, изъ него же Христосъ Воскресе. Празднуетъ-ли Вознесеніе Господне,—онъ на Элеонѣ. Празднуетъ Пятидесятницу,—онъ въ Сіонской Горницѣ. Празднуетъ-ли Преображеніе Господне,—онъ на Оаворѣ. Празднуетъ Успеніе Божіей Матери,—онъ на Сіонѣ и въ Геосиманіи. Празднуетъ Рождество Богородицы, -онъ опять въ Назаретѣ. Празднуетъ Воздвиженіе Креста Господня,—онъ опять на Голгоѳѣ. Празднуетъ Введе-

ніе во храмъ Пресвятыя Богородицы,—онъ опять въ Іерусалимѣ и во храмѣ Іерусалимскомъ. Говѣетъ-ли и причащается,—онъ мысленно переносится въ Горницу Сіонскую. Умираетъ-ли, опять переносится на Гробъ Господень. Такъ вся жизнь и всѣ празднованія христіанина тѣсно связаны съ Іерусалимомъ и святою Землею и постоянно напоминаютъ ему, гдѣ его сокровище; а гдѣ сокровище наше, тамъ и сердце наше, по слову Спасителя. Намъ остается только живо сознать и возчувствовать это,—и мы неустанно всю жизнь свою и всѣми силами и способами будемъ искать сіе сокровище. Но какъ намъ искать и какъ обрѣтать это сокровище? Мы знаемъ, что главнѣйшее и первѣйшее наше сокровище на землѣ есть благодатное Царство Божіе, принесенное Спасителемъ нашимъ съ неба, основанное Имъ въ Святой Землѣ—Палестинѣ и частнѣе—въ Іерусалимѣ, а оттуда, какъ сѣть, распростертое по всей землѣ, по всѣмъ концамъ вселенной... Тамъ, значитъ, средоточіе нашего сокровища и нашего спасенія: тамъ должно быть и сердце наше: *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше.* Господь нашъ Іисусъ Христосъ указываетъ намъ и самые способы исканія и нахожденія нашего сокровища, когда говоритъ: „подобно царство небесное сокровищу, скрытому на полѣ, которое, найдя, человѣкъ утаилъ, и отъ радости о немъ идетъ, и продаетъ все, что имѣетъ, и покупаетъ поле то (Матѳ. 13. 44). „Смыслъ этой притчи тотъ, что Царство Божіе, Церковь Христова, слово Евангелія для вѣрующаго такъ драгоцѣнны, что онъ, ради сего, долженъ жертвовать всѣми земными благами, какъ въ обыкновенной жизни человѣкъ жертвуетъ своимъ имѣніемъ, ради пріобрѣтенія большаго и лучшаго сокровища“ (Архим. Михаилъ). Еще, Спаситель говоритъ: „подобно царство не-

бесное купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ, который, найдя одну драгоцѣнную жемчужину, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее". „Смыслъ и этой притчи тотъ же, что и предшествующей, именно, что должно жертвовать всѣмъ, ради пріобрѣтенія царства небеснаго". „Если не продашь всего, замѣчаетъ святой Іоаннъ Златоустъ, то и не купишь, и если не имѣешь искательнаго и заботливаго сердца, то не найдешь" (Архим. Михаилъ).

Итакъ, возлюбленные, заключимъ свою бесѣду словами же Спасителя: „Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ, и крадутъ. Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ, ни крадутъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше (Мато. 6, 19—21). „Ищите же прежде Царствія Божія и правды его, и это все—т. е. земныя блага—приложится вамъ" (Мато. 6, 33). Съ этими мыслями и чувствами, вы—конечно—не пожалѣете, отъ усердія вашего, принести посильную лепту на содержаніе въ должномъ порядкѣ сокровища вашего сердца, и вѣрьте, что вознаграждены будете за это сторицею—и въ сей и въ будущей жизни. Аминь.

Е. ІУСТИНЪ.

Сказано въ Крестовой Церкви 17 марта 1896 года.

Краткій историческій очеркъ нравственности.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ НРАВСТВЕННОСТИ.

ИСТОРІЯ НРАВСТВЕННОСТИ.

Нѣкоторымъ наукамъ ставятъ въ упрекъ, что онѣ ведутъ начало свое отъ перваго человѣка, и дѣлаютъ это большею частію справедливо. Для нашей же науки это самое естественное и вѣрное начало, потому что человѣкъ, по самой природѣ своей, — существо нравственное, слѣдовательно и нравственность современна началу человѣческаго рода.

Но нравственность, въ различныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ судьбы человѣческаго рода, была различна: иная была у человѣка до паденія его, иная—по паденіи, и здѣсь иная—во времена патріархальныя, иная—во времена подзаконныя и иная—въ періодъ искупленія.

I. СОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ ДО ПАДЕНІЯ.

Чтобы судить о нравственности невинныхъ нашихъ прародителей, для этого напередъ нужно знать, въ какомъ состояніи находились ихъ нравственныя силы. По сказанію Моисея, первые люди, въ состояніи невинности, были совершенны по душѣ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. — Въ здоровомъ, свѣжими и неиспорченными силами, тѣлѣ они обладали *умомъ* чистымъ, свѣтлымъ, здравомысленнымъ, свободнымъ отъ предразсудковъ и заблужденій, и могущимъ

познавать вещи съ величайшею легкостію (нареченіе имень животнымъ, познаніе происхожденія жены—Быт. 2, 20, 23); хотя, въ тоже время, умъ ихъ, какъ ограниченный, не могъ обнимать всего разомъ и все проникать. (Быт. 3, 1—7), не имѣлъ всеобъемлющаго вѣдѣнія, не былъ въ состояніи полнаго раскрытія, и долженъ былъ постепенно болѣе и болѣе развиваться и усовершаться; обладали *волею*, отличающеюся естественною правотою и невинностію,—чуждою всякаго нечистаго побужденія и способною легко усовершаться въ добрѣ, безъ препятствій и преткновеній; хотя воля ихъ, конечно, не была также, какъ и умъ, въ состояніи совершенной и непоколебимой святости, не обладала всѣми добродѣтелями: чиста была и безгрѣшна; но ее надлежало утверждать еще въ добрѣ и усовершать мало по малу, при помощи Божіей, посредствомъ собственной дѣятельности. Такъ первые люди были съ умомъ свѣтлымъ, но еще не развитымъ,—съ волею чистою, но еще не утвержденною въ добрѣ. При этомъ и совѣсть у первыхъ людей до паденія была совершенно чиста и невинна (Быт. 2, 25). „*Нагота*, пріемлемая въ нравственномъ отношеніи и чуждая *стыда*, есть знаменіе внутренней и внѣшней чистоты... Нагота первыхъ человѣковъ есть такое состояніе, въ которомъ они, ходя во свѣтѣ и истинѣ, ничего ни имѣли скрывать отъ Бога и своей совѣсти. („Записк. на кн. Быт. м. Филарета, стр. 82, изд. 1835 г.). Имѣя такія нравственныя силы, невинные прародители наши, конечно, могли соотвѣтствовать и соотвѣтствовали своему назначенію и обладали дѣйствительными нравственными совершенствами.—По отношенію къ Богу, они неизмѣнно пребывали вѣрными тому высокому завѣту, или союзу съ Богомъ, къ которому призвалъ ихъ Всеблагій при самомъ сотвореніи,

напечатлѣвши въ нихъ свой образъ, по которому они постоянно стремились къ своему Первообразу всѣми силами своей свободно—разумной души, т. е. познавали своего Создателя и прославляли, жили для Него и въ нравственномъ единеніи съ Нимъ. Въ отношеніи къ самимъ себѣ, они очень хорошо понимали свое высокое достоинство, какъ созданные по образу Божію: старались развивать и усовершать свои нравственныя силы, чрезъ упражненіе ихъ въ добрыхъ дѣлахъ, и, такимъ образомъ, болѣе и болѣе уподобляться своему Первообразу. Такъ, *созданные на дѣла благія* (Еф. 2. 10), прародители наши оправдывали свое назначеніе и отличались чистою и святою любовію къ Богу и ближнему, довѣрчивостью, незлобіемъ, простотою, скромностію и другими добродѣтелями, требуемыми отъ насъ теперь Евангеліемъ. И если бы можно было характеризовать нравственность первыхъ людей одной чертою, то мы не погрѣшили бы, еслибъ сказали, что это были *невинные дѣти Божіи*. А не забудемъ, что сказалъ Спаситель: *аминь глаголю вамъ: иже аще не пріиметъ царствія Божія, яко отроча не имать внити въ не* (Лук. 18. 17): и важнѣйшій плодъ крещенія тотъ, что въ немъ мы дѣлаемся чадами Божіими. Паденіемъ прародителей нашихъ этотъ естественный нравственный союзъ между Богомъ и человѣкомъ нарушенъ, и замѣненъ союзомъ возстановленнымъ. Въ семъ возстановленномъ союзѣ нравственность человѣка принимала различные образы и подвергалась различной судьбѣ.

II. СОСТОЯНІЕ НРАВСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ.

а) **Въ періодъ патріархальный.** *Во времена патріархальныя* нравственность выражалась по преимуществу въ представленіи вездѣ присутствія Божія,—*въ хожде-*

нія предъ Богомъ и *благоугожденія Ему* (Быт. 5, 22. 24. 6, 9. 17, 1. 48, 15): началo дѣятельности совершенно приличное младенческому состоянію человѣка.—Младенецъ безпрестанно смотритъ на мать, его поддерживающую: въ ея глазахъ—его правила. Патріархи были, такъ сказать, водимы Богомъ за руку. Онъ часто являлся имъ и наставлялъ ихъ. Но это младенческое состояніе не мѣшало глубинѣ ихъ вѣдѣнія. Патріархи имѣли высокое познаніе о Богѣ, самыя чистыя понятія о Его существѣ, о Его отношеніяхъ къ міру и человѣку,—хорошо знали природу человѣка, понимали судьбу его, вѣдали и тайну искупленія... И ученіе нравственности, или тѣ правила, которыми водились патріархи въ жизни и дѣятельности, были также самыя чистыя.

По отношенію къ Богу, мы видимъ въ патріархахъ вѣру въ Бога Всевѣдущаго, Святѣйшаго и Правосуднѣйшаго (Быт. 21, 23; 24, 3 и др.),—совершеннѣйшее повиновеніе волѣ Божіей, такъ что эта воля была постояннымъ началомъ всего ихъ поведенія (—Гл. 5, 6 и др.),—страхъ Божій, но страхъ сыновній, растворенный полною довѣренностію къ Богу и сыновнею любовію (Авраамъ и Іосифъ),—благодарность Богу за Его благодѣянія (Ной, Іаковъ) и другія добродѣтели, порождающіяся изъ этихъ коренныхъ добродѣтелей по отношенію къ Богу.

По отношенію же къ ближнимъ, въ жизни патріарховъ нельзя не замѣтить уваженія къ достоинству человѣка, какъ образа Божія, и уваженія къ его жизни (Быт. 9, 6).—любви къ ближнимъ, которая особенно обнаруживалась въ господствовавшемъ тогда гостепріимствѣ (1—19, 8), -уваженія къ святости брачнаго союза (—2, 24 и др.),—любви и совершеннѣйшаго почтенія къ родителямъ и вообще къ старѣйшимъ,—любви

къ дѣтямъ (—37. 34. 35).—заботливости о сохраненіи цѣломудрія въ дщеряхъ и пр.

По отношенію къ самимъ себѣ. патріархи сохраняли —самоотверженіе. что видно изъ того. что кореннымъ началомъ ихъ дѣятельности была воля Божія и совершеннѣйшая ей преданность. — сознаніе собственной нравственной немощи. а отсюда—вѣра въ Обѣтованнаго Мессію и надежда на Него Одного. проникавшія и сообщавшія. въ очахъ Божіихъ. цѣну всѣмъ ихъ нравственнымъ дѣйствіямъ (Евр. 11. 1—23).—трудолюбіе. умѣренность въ пищѣ и питіи.—обузданіе страстей. въ чемъ заключалась одна изъ причинъ долголѣтія патріарховъ.

Вообще жизнь патріарховъ можно представить какъ-бы картинами. въ которыхъ выражены различныя истины нравственности: это—галлерея нравственныхъ картинъ. Нравственность какъ въ прекрасныхъ картинахъ изображалась въ самой жизни благочестивыхъ патріарховъ. Пр. Иннокентій. въ словѣ своемъ на недѣлю святыхъ Отцовъ. художественною рукою изобразилъ эти неподражаемыя картины.

б)—**Во времена подзаконныя.** Руководившіеся доселѣ въ своей нравственности однимъ закономъ естественнымъ. люди теперь получаютъ отъ Бога нравственный законъ положительный.

Нравственный законъ. какъ воля Божія. сокращенно. въ главныхъ положеніяхъ. изложенъ въ десятословіи: и потомъ съ разныхъ сторонъ подробно развитъ въ книгахъ Ветхаго Завѣта.

Какія же обязанности предписывала подзаконная вѣра *въ отношеніи къ Богу.* по десятословію? Какъ основаніе всѣхъ этихъ обязанностей она заповѣдывала любовь къ Богу: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца*

твоего, и отъ всея души твоея, и отъ всея силы твоея (Втор. 6, 5). Эту основную обязанность частнѣе выражала она въ первыхъ четырехъ заповѣдяхъ десятословія, изъ которыхъ первая повелѣваетъ *познавать и почитать* Бога истиннаго, вторая—убѣгать Богопочтенія *ложнаго*, третья—не нарушать истиннаго Богопочтенія *даже словомъ*, четвертая—наблюдать порядокъ *во времени и въ дѣлахъ* истиннаго Богопочтенія (Исх. 20, 1—12).

Какія обязанности предписывала десятью заповѣдями подзаконная вѣра *по отношенію къ ближнимъ?* И здѣсь также, въ основаніе всего полагалась любовь: *возлюбиши ближняго своего яко самъ себе* (Лев. 19, 18). Виды этой любви частнѣе были опредѣлены въ послѣднихъ шести заповѣдяхъ десятословія, изъ коихъ пятая повелѣваетъ любить и *почитать* ближнихъ, особенно къ намъ близкихъ, начиная съ *родителей*, шестая—не вредить *жизни* ближнихъ, седьмая—не вредить *чистотѣ* ихъ нравовъ, восьмая—не вредить ихъ *собственности*, девятая—не вредить имъ *словомъ*, десятая—даже *не желать* вредить имъ (Исх. 2, 12—18).

Какія обязанности предписывала подзаконная вѣра *по отношенію человѣка къ самому себѣ?* Въ десятословіи объ этомъ прямо не говорится, съ одной стороны, потому что и безъ нарочитой заповѣди, по природѣ, *никтоже когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю;* а съ другой, конечно и потому, что лишь только человѣкъ будетъ исполнять надлежащимъ образомъ свои обязанности къ Богу и ближнимъ, то при этомъ естественно уже всегда будетъ опредѣляться и его законное отношеніе къ самому себѣ.

Частнѣе, *въ пятокнижіи Моисеовомъ*, кромѣ любви къ Богу и ближнему, требуемой десятословіемъ, заповѣ-

дуется святость восходящая до Богоподобія: *святи будите, яко Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ* (Лев. 19. 2). человѣколюбіе не только къ своимъ ближнимъ, но и къ пришельцамъ, рабамъ, должникамъ и самымъ врагамъ,—почтеніе къ высшимъ властямъ и уваженіе къ старости, правосудіе и безкорыстіе въ судѣ, милосердіе къ вдовамъ и сиротамъ, состраданіе и кротость къ самымъ безсловеснымъ животнымъ. (См. Лев. 19. 13; 32; 33; 14; 17; 18.—Исх. 22, 21—26; 21, 1—6 и 20; 23. 4 и 5.—Втор. 15. 7—11; 12 и 15 ст. 16. 10 и 14 и пр.).

Въ Псалтири нравственное ученіе изложено со всею полнотою, приближено къ общему употребленію въ жизни, и болѣе развито въ приложеніи къ разнообразнымъ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, и притомъ такъ, что нѣтъ, можно сказать, случая въ жизни, нѣтъ возраста и состоянія, нѣтъ подвига добродѣтели, нѣтъ празднества церкви, нѣтъ обстоятельствъ, гдѣ-бы псалмы не подавали наставленія, утѣшенія, и подкрѣпленія сердцу. Это такой инструментъ, который издаетъ различные звуки—всѣ. Въ Псалтири излагаются несчастія, лишенія, покаяніе, оправданіе, многія частныя отношенія человѣка. Посему она была ручною книгою всѣхъ подвижниковъ христіанства, и у насъ служитъ главною книгою при Богослуженіи. Іисусъ Христосъ на крестѣ произносилъ слова изъ нея. Это—сокращеніе всего Ветхаго Завѣта.

Въ книгѣ *Екклезіаста* нравственность излагается полемически; также и въ книгѣ *Іова*. Въ Екклезіастѣ представляется человѣкъ, познавшій на опытѣ всю суету и потомъ обращающійся къ благочестію (тоже въ притчѣ о блудномъ сынѣ). Исторія каждаго плотоугодника, обращающагося наконецъ къ Богу, есть повтореніе со-

держанія Екклезіаста. Къ книгѣ Іова страждующій Іовъ представляетъ идеалъ всего человѣчества.

Въ *Притчахъ* и книгѣ *Премудрости* нравственность изображена въ малыхъ картинахъ и, сообразно духу времени, загадочно,—въ краткихъ изреченіяхъ. Большею частію въ нихъ изображается внѣшняя дѣятельность, отношенія житейскія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изображенія эти приближаются къ изображеніямъ правды человѣческой, но не переступаютъ за эти границы. Впрочемъ и эти мѣста, при безпристрастномъ разсматриваніи, оказываются чистыми. Мысль въ притчахъ можетъ показаться иногда странною отъ самаго свойства притчи; но, тѣмъ не менѣе, она всегда остается чистою и доброю.

Въ книгѣ *Пѣснь Пѣсней* нравственность изображена мистически: это—картина чрезвычайно изящная, состоящая изъ 7 отдѣльныхъ картинъ, въ которыхъ изображено отношеніе благодати къ сердцу, символически и таинственно, подъ образомъ союза церкви и каждой благочестивой души съ Богомъ—Словомъ (Василій Великій въ русскомъ переводѣ т. IV, стр. 194). Ее начали было считать обыкновенною картиною, привыкли было толковать по свѣтски, небрежно, сличали съ Ѳеокритомъ и проч., но случай открылъ глаза. Оріенталисты нашли, что на востокѣ было въ обычаѣ любовь духовную изображать подъ символомъ любви обыкновенной; и потому критики устыдились отвергать мистическій смыслъ ея. Апостолъ Павелъ, называя супружескій союзъ тайною великою, прибавляетъ: *Азъ же глаголю во Христа и во церковь*, и этимъ даетъ знать, что духовный союзъ мы можемъ понимать не иначе, какъ по образу союза плотскаго.

Въ *Пророкахъ* нравственная дѣятельность изображена весьма сильно со стороны политической. Но, главнымъ

образомъ, у пророковъ и сыновъ пророческихъ она имѣетъ видъ аскетическій. Всѣ почти пророки отъ Самуила до Іоанна Крестителя представляютъ образцы подвижничества. Они строго порабощали тѣло духу, презирали все земное, жили большею частію въ горахъ и вертепахъ, переходили съ одного конца Палестины до другаго, являлись какъ-бы съ небесъ. Они образуютъ школы, и здѣсь духъ подвижничества проникаетъ въ общество. Ученикъ Иліи не могъ жить роскошно: ученикъ Іоанна не могъ не поститься. Елисей тотчасъ по призваніи къ пророческому служенію закалаетъ воловъ и идетъ предстоять предъ Богомъ. Посему пророковъ можно считать предками подвижниковъ Новаго Завѣта. Жизнь этихъ подвижниковъ родилась и воспиталась при Синаѣ, на вершинахъ Кармила: тамъ ея колыбель. По окончаніи пророчества, за 500 лѣтъ до Рождества Христова, израильскій народъ былъ оставленъ безъ откровеній свыше, предоставленъ руководителемъ обыкновеннымъ, какъ-бы для опыта, какъ онъ употребитъ въ дѣло свое долговременное ученіе.

Послѣ временъ пророческихъ, нравственность представлена, подобно притчамъ Соломона, въ краткихъ изреченіяхъ у *Іисуса сына Сирахова*.

Вмѣстѣ съ чисто-нравственными законами подзаконная Вѣра представляла и побужденіе къ исполненію ихъ.—Она указывала на то, что это суть именно заповѣди Божіи, воля Господа Саваоѳа (Втор. 5, 1—5),—указывала на святость и величіе сего Законодателя и Владыки всѣхъ тварей (Лев. 19, 2 и др.),—воспоминала величайшія благодѣянія, какія совершилъ Господь для Израиля (Втор. 32, 5, 7 и др.),—изрекала многочисленныя благословенія и обѣтованія за исполненіе заповѣдей Божіихъ, а съ другой стороны—страшныя угрозы

и проклятія за неисполненіе (Втор. 6. 3. 18. 24; 28).

Законы—*обрядовый и гражданскій* такъ-же ограждали нравственность подзаконную, можно сказать, со всѣхъ сторонъ.

Законъ *обрядовый* съ совершенною точностію опредѣлялъ и мѣсто Богослуженія, и священныя времена, и священныя дѣйствія, и священныя лица или іерархію: и все это съ самою мудрою цѣлію нравственнаго воспитанія народа Божія.

Гражданскій законъ Моисеевъ тѣснѣйшимъ образомъ соединенъ былъ съ вѣрою и имѣлъ двоякую цѣль: содѣйствовать своими постановленіями не только внѣшнему благосостоянію народа Божія, но преимущественно преспѣянію его въ вѣрѣ и доброй нравственности.

(Вообще, подзаконная вѣра во всѣхъ своихъ частяхъ носитъ на себѣ неизгладимую печать высочайшей мудрости. Единственная цѣль этой вѣры была та, чтобы утвердить въ народѣ Божіемъ вѣру въ Бога единаго, невидимаго,—Творца и Промыслителя вселенной,—научить его достойно чтить этого Бога и во всемъ исполнять Его волю; чтобы сохранить въ немъ и чрезъ него для всего міра, вѣру и обѣтованія Божіи о будущемъ Избавителѣ міра, воспитать его въ народъ истинноблагочестивый, какъ сѣмя святое для освященія всего человѣчества. Къ этому непосредственно направлены были: законъ вѣры, преподающій столь совершенное ученіе о Богѣ, человѣкѣ и Мессіи, и законъ нравственный, предписывающій человѣку столь чистыя правила любви къ Богу, ближнимъ и къ самому себѣ; къ этому по преимуществу, какъ мы замѣтили, направлены были и законъ обрядовый, и законъ гражданскій.)

По этимъ законамъ, вся жизнь народа Божія, частная и общественная, была проникнута вѣрою, и весь

рядъ его дѣйствій долженствовалъ быть однимъ непрерывнымъ служеніемъ Богу.—Въ пищѣ и одеждѣ, въ чистотѣ тѣла и дома Израиль не напоминаніе только видитъ о Богѣ своемъ, но и творитъ волю Его. Израиль живетъ въ прекрасной землѣ, но она Божія; у него крѣпкіе города, хорошіе дома; но ихъ далъ ему Богъ; первенецъ каждаго израильтянина, или скота его, есть достояніе Божіе, и всякаго вообще блага онъ ожидаетъ и удостоивается прямо отъ Бога. Съ Божіимъ благословеніемъ начинаетъ онъ жатву, въ радости о благословеніи продолжаетъ ее, и оканчиваетъ живою благодарностію; онъ не съѣстъ зерна, не вкуситъ плода, не посвятивши отъ нихъ части Господу. Осчастливленный, приноситъ онъ благодарственныя жертвы Богу и устрояетъ пиръ, на которомъ участвуютъ у него, кромѣ семейства, вдова и сирота, пришелецъ и левитъ (Втор. 12, 4—19); онъ ѣстъ и веселится предъ Господомъ (16, 11), но не для пресыщенія, а для того, чтобы научиться бояться Господа (Втор. 14, 22, 29). Господу посвящаетъ Израиль утро и вечеръ дня, начало мѣсяца и года: всѣ празднества его, установленныя на память событій, утвердившихъ его народную независимость, суть празднества церковныя, и въ своихъ субботнихъ годахъ и юбилеяхъ онъ упражняетъ только свою добрую волю, или служитъ Богу, или учится служить. Не терпитъ Израиль ничего нечистаго, потому что среди его живетъ Святый Богъ его (Втор. 23, 13—14; Лев. 13, 46; 15, 23). Есть у Израиля писанные законы, но эти законы отъ Бога; есть начальники и судіи, но ихъ избралъ Богъ, и многое за нихъ рѣшаетъ Самъ Богъ для Израиля—все: и Царь, которому одному платитъ онъ дань (Исх. 30, 13 и 14), и верховный Законодатель, освящающій каждый законъ Своимъ Царственнымъ

именемъ (Лев. Гл. 19—23). и верховный Судія, посредственно и непосредственно рѣшающій сомнительныя дѣла (Чис. 21. 1—11: Втор. 17. 8—12 и др.). и главный Предводитель въ войнѣ, назначающій противъ кого воевать, кого щадить, и кого истреблять въ конецъ. Самъ поборающій сынамъ Израиля въ сраженіи, и получающій отъ нихъ часть изъ добычи (Числ. 23. 37—43) и пр.

Не смотря на такое высокое значеніе нравственныхъ законовъ въ ветхозавѣтной Церкви, не смотря на ихъ точность, опредѣленность и всеобъемлемость, въ то время, когда прекратились пророчества и народъ Божій предоставленъ былъ самому себѣ въ нравственной дѣятельности, безъ высшихъ живыхъ руководителей, нравственная дѣятельность его развилась въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Особенно замѣчательны ессеи. Они отличались строгою нравственностію; мистицизмъ и аскетизмъ были у нихъ въ силѣ. Ессеи были потомки пророковъ и предтечи пустынниковъ христіанскихъ. Читая описаніе ихъ жизни у Іосифа Флавія, Филона, у греческихъ и римскихъ писателей, нельзя не любоваться многимъ у нихъ хорошимъ. Они на опытѣ выражали уже многое изъ того, что послѣ требовалось въ Евангеліяхъ. Поэтому-то, не смотря на многочисленность ихъ секты, противъ нихъ нѣтъ ни слова въ обличеніяхъ Іисуса Христа. Къ похвалѣ ихъ можно сказать то, что они проводили жизнь въ молчаніи.

Въ *Фарисеяхъ* дѣятельность уклонилась во внѣшность, въ церковность. Законъ Моисея и такъ былъ пространенъ и подробенъ: а они еще болѣе распространяли его преданіями, нововведеніями, а между тѣмъ существенное ускользало отъ нихъ. Желая сдѣлать больше, чѣмъ сколько нужно, они не исполняли того, что требовалъ

Богъ. Напримѣръ, законъ положительный обязывалъ любить всѣхъ, и помогать всѣмъ, тѣмъ паче родителямъ; но фарисей съ покойною совѣстью могъ видѣть отца своего томимаго голодомъ и не помогать ему, между тѣмъ налагалъ на себя произвольный обѣтъ или даръ храму,—онъ говорилъ отцу: то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, я намѣренъ дать въ церковь (Мар. 7), и думалъ, что онъ угождаетъ этимъ Богу. Или—о клятвахъ они думали, что иную можно нарушить, а иную нельзя; или—храмомъ и небомъ клясться у нихъ значило менѣе, чѣмъ златомъ и проч. Это отъ того, что злато принадлежало имъ, почему и надобно было возвышать его цѣну; а храмъ принадлежалъ Богу, и униженіе его могло быть безъ вреда для нихъ.

в) **Въ періодъ Искупленія** Іисусъ Христосъ изложилъ только сущность нравственности, въ общихъ чертахъ. Онъ говоритъ о дѣятельности Бога въ человѣкѣ, о возрожденіи, и о дѣятельности человѣка въ отношеніи къ Богу. Начало нравственности отрицательное—самоотверженіе—Онъ также выразилъ, хотя не совсѣмъ подробно... Онъ говоритъ о крестѣ, о погубленіи души своей. Особенно же ясно Онъ выразилъ положительное начало нравственности—любовь. Въ посланіяхъ апостольскихъ нравственность изложена подробнѣе и можно сказать окончательно. Въ нихъ изложены правила для всѣхъ возрастовъ и состояній. Если снести всѣ мѣста Священнаго Писанія Новаго Завѣта, говорящія о нравственности, и осмыслить ихъ: то нравственность новозавѣтную можно представить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

„Въ нравственномъ ученіи Новаго Завѣта можно различать двѣ части: во первыхъ—законъ и во вторыхъ—побужденія къ исполненію закона“.

1) Законъ, имѣя цѣлію научить насъ, съ одной стороны, *отложити по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ*, а съ другой—облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины (Ефес. 4, 22—24), предлагаетъ намъ два главнѣйшія начала дѣятельности: это, по отношенію къ намъ самимъ,—начало самоотверженія; по отношенію къ Богу и ближнимъ—начало любви. Первое выражено въ слѣдующихъ словахъ Спасителя: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мар. 8, 34), и прямо направлено къ искорененію въ насъ того начала, которымъ руководствуется человѣкъ падшій, т. е. къ искорененію самолюбія, служащаго въ насъ источникомъ всякаго грѣха (Сирах. 10, 15). Послѣднее выражено также Самимъ Спасителемъ въ слѣдующихъ словахъ: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею: сія есть первая и большая заповѣдь,—вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе* (Мато. 22, 37—39), имѣетъ цѣлію укоренить въ насъ сѣмя новой жизни, святой и Богоугодной, и привнести въ насъ союзъ совершенства (Кол. 3, 14).

Раскрывая, въ частности, начало самоотверженія, Новый Завѣтъ заповѣдуетъ намъ: а) чтобы мы, прежде всего, покаялись и вообще каялись во всѣхъ своихъ грѣхахъ: *покайтеся* (Мато. 3, 2), такъ началъ проповѣдь свою Божественный Учитель, и также повелѣлъ начинать ее своимъ Апостоламъ (Лук. 24, 47); б) чтобы, потомъ, мы начали непрерывную брань съ самими собою, подвизались иногда до крови противъ живущаго въ насъ грѣха (Евр. 12, 4), и старались распять плоть свою со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24). *умертвите уды, яже на*

земли. блудъ. нечистоту. страсть. похоть злую. и лихоимніе. еже есть идолослуженіе (Кол. 3. 5). очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа (2 Кор. 7. 1). и не согрѣшать не только дѣломъ. но самою мыслію и словомъ (Мато. 5. 28: 12. 36: Ефес. 5. 3); в) чтобы въ тоже время мы начали непрерывную духовную брань и съ міромъ. который во злѣ лежитъ и постоянно влечетъ насъ къ искушеніямъ.—удаляясь отъ всего. чѣмъ можетъ онъ возбуждать въ насъ тройственную похоть. *похоть плотскую. похоть очесъ и гордость житейскую* (1 Іоан. 2, 15 и 16): напротивъ. вмѣсто первой. старались бы вкоренить въ себѣ воздержаніе и чистоту (Лук. 21. 34: Мато. 5. 27—30: Римл. 13. 14). вмѣсто второй —нестяжательность и безкорыстіе (1 Тим. 6, 8 и 10). вмѣсто третьей—смиреніе (Лук. 22. 26). чтобы охотно отказывались отъ всякихъ предметовъ міра. хотя бы они были для насъ столь же дороги. какъ собственный нашъ глазъ, или рука. или нога. если только примѣтимъ. что они соблазняютъ насъ и влекутъ ко грѣхамъ (Мато. 5. 29—31): чтобы оставляли даже домъ свой. отца. матерь и семейство. если увидимъ. что иначе невозможно намъ отстать отъ нечестія и достигнуть вѣчнаго спасенія (Марк. 10. 29: Лук. 14. 26). Наконецъ. законъ Евангельскій заповѣдуетъ намъ г) вести постоянную брань и съ главнымъ. исконнымъ врагомъ нашимъ. діаволомъ. который есть первоначальный виновникъ всякаго грѣха и всѣхъ искушеній (1 Іоан. 3. 8). и для сего *облещися во вся оружія Божія. яко возмощи намъ стати противу козномъ вражескимъ* (Ефес. 6. 11). трезвиться и бодрствовать непрестанно (1 Петр. 5. 8). молиться всякою молитвою и моленіемъ на всякое время духомъ (Ефес. 6. 18). и возмогать о Господѣ въ державѣ крѣпости Его (—10). Словомъ: начало самоотвер-

женія требуетъ отъ насъ, чтобы мы отрекались отъ всего и противодѣйствовали всему, что только, какимъ нибудь образомъ, можетъ возбуждать въ насъ грѣховныя вожделѣнія и увлекать къ порокамъ. Но, будучи направлено къ искорененію въ насъ всего ветхаго и грѣховнаго, это начало, само по себѣ, еще недостаточно къ насажденію въ насъ новой христіанской жизни: для сего необходима любовь: *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. 31. 3), сказалъ великій Апостолъ.

Начало любви по отношенію къ Богу и ближнимъ точно также раскрыто въ Новомъ Завѣтѣ со всею обстоятельностію. Любовь къ Богу, по ученію Евангелія, а) должна быть самая искренняя, полная и совершенѣйшая: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ* (Лук. 10. 27). —и потому никакъ не можетъ совмѣщаться съ любовію къ міру: *никтоже можетъ двѣма господинома работати: не можете Богу работати и мамонѣ* (Мато. 6. 24); б) должна выражаться въ повиновеніи волѣ Божіей, въ исполненіи заповѣдей: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите* (Іоан. 14, 15); *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (—21); *сія есть любы Божія, да заповѣди Его соблюдемъ* (Іоан. 5, 3); в) должна стремиться къ подражанію совершенствамъ существа высочайшаго и имѣть цѣлію Его славу: *бывайте подражатели Богу, якоже чада возлюбленная: и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ* (Ефес. 5. 1 и 2); *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мато. 5. 16); г) нако-

нецъ, должна быть такъ глубока и непоколебима, чтобы мы готовы были на всѣ пожертвованія, ради имени Божія: чтобы *ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни гладъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечъ, ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая* — не могли *разлучити насъ отъ любве Божіей* (Римл. 8, 35, 38, 39; снес. Марк. 8, 35).

Любовь къ ближнимъ, неразрывно связанная съ любовію къ Богу (1оан. 4, 20), имѣетъ въ христіанствѣ тотъ отличительный характеръ, что она—а) объемлетъ всѣхъ людей, друзей и недруговъ: *любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ: яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мато. 5, 44, 45); б) всегда бываетъ нелицемѣрна, усердна, отъ чистаго сердца (1 Петр. 1, 22); и—в) непремѣнно выражается въ дѣлахъ: *не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1оан. 3, 18); *любяй друга, законъ исполни,—любы искреннему зла не творитъ: исполненіе убо закона любы есть* (Рим. 13, 8, 10—). Въ частности, проникнутый христіанскою любовію г) не обижаетъ ближняго не только дѣломъ, но даже словомъ и мыслію: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Мато. 7, 12); *не судите, да не судими будете: имъ же бо судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже міру мѣрите, возмѣрится вамъ* (— 7, 1 и 2); *всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему, рака: повиненъ есть сонму: а иже речетъ, уроде: повиненъ есть геенни огненный* (— 5, 22); д) напротивъ, самъ велико-

душно переноситъ всѣ оскорбленія и прощаетъ за всѣ обиды, не только до семи кратъ, но до седмидесяти кратъ седмерицею (Мато. 18, 22): *аще тя кто ударитъ въ десную ланиту, обрати ему другую* (—5, 39); *аще отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (—6, 14); е) всегда милосердъ и щедръ къ ближнимъ своимъ: *просящему у тебе дай: и хотящаго отъ тебе заяти не отвратй* (Мато. 5, 42); *благотворите, и взаимъ дайте, ничесоже чающе* (Лук. 6, 35); *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (—36); ж) заботится не только о внѣшнемъ ихъ благосостояніи, но и о спасеніи души: *молимъ вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ, блюдите, да никто же зла за зло кому воздастъ: но всегда доброе гоните и другъ ко другу и ко всѣмъ* (Солун. 5, 14, 15); *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ* (Евр. 10, 24); з) и вообще столько бываетъ преданъ ближнимъ своимъ, что готовъ бываетъ, по примѣру своего Спасителя, положить за нихъ самую душу свою: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы,—больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 12 и 13).

2) Побужденія, какія предлагаетъ христіанство для того, чтобы отвлечь людей отъ нечестія и утвердить на пути добродѣтели, весьма многочисленны и разнообразны.

Прежде всего оно обращается къ грѣшникамъ и говоритъ: а) что какъ бы ни были велики грѣхи простятся имъ, если только они искренно покаются и рѣшатся жить свято: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ грѣхи наша, и очис-*

титъ насъ отъ всякія неправды (1 Іоан. 1. 9); *аще во свѣтѣ ходимъ, якоже самъ той есть во свѣтѣ, общеніе имамы другъ ко другу, и кровь Іисуса Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (—7); б) что, какъ бы ни были слабы ихъ собственныя силы для столь великаго дѣла, они смѣло могутъ приступать къ престолу благодати, и, во имя Спасителя, испрашивать себѣ *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1. 3); *просите, и дастся вамъ: ищите и обрящете: толцыте, и отверзятся вамъ* (Мато. 7. 7); *аще чесо просите во имя Мое, Азъ сотворю* (Іоан. 14. 14); *да приступимъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременную помощь* (Евр. 4. 16); в) и что, сложивши съ себя тяжкія оковы грѣха и принявши благое иго Христово, они обрѣтутъ, наконецъ, покой душамъ своимъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіяся и обремененіи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мато. 11. 28, 39).

Въ другихъ мѣстахъ Евангеліе вѣщаетъ ко всѣмъ христіанамъ вмѣстѣ, какъ грѣшникамъ, такъ и праведникамъ, и возбуждаетъ ихъ къ благочестію—а) то превосходствомъ исповѣдуемой ими вѣры предъ іудейскою и языческою: *аще любите любящихъ васъ, кую мзду имате: не и мытари ли тожде творятъ: и аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите: не и язычницы ли такожде творятъ. Будите убо вы совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мато. 5. 46—48); б) то высотою данныхъ ими обѣтовъ при крещеніи: *или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся въ смерть Его крестихомся: спогре-*

боимся убо Ему крещенiемъ въ смерть: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленiи жизни ходити начнемъ (Римл. 6. 3. 4); в) то достоинствомъ ихъ собственнаго званiя: *молю васъ Азъ, узникъ о Господѣ, достойно ходити званiя, въ неже звани бысте* (Ефес. 4. 1); *вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дне: нѣсмы нощи, ниже тьмы,—тѣмже убо да не спимъ якоже и прочiи, но да бодрствуемъ и трезвимся* (1 Сол. 5. 5, 6); *вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16).

Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Евангелiе указываетъ христiанамъ послѣдствiя пороковъ и добродѣтелей и говоритъ, что—а) даже въ настоящей жизни нерѣдко *открывается гнѣвъ Божiй съ небесе на всякое нечестiе и неправду человѣковъ* (Римл. 1 18), а въ жизни загробной нераскаянныхъ грѣшниковъ ожидаетъ огнь вѣчный (Мато. 25. 41). *идеже будетъ плачь и скрежетъ зубовъ* (Лук. 13. 28); тогда какъ—б) *благочестiе на все полезно есть, обѣтованiе имуще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 5. 8); и праведникамъ, ищущимъ царствiя Божiя, за всѣ ихъ труды и самопожертвованiя, нерѣдко и нынѣ воздается сторицею, прилагаются вся блага мiра (Мато. 6, 33; Марк. 10. 30), а по смерти предъуготованы такiя блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 29).

Но самыя возвышенныя, безъ всякаго сомнѣнiя, и трогательнѣйшiя побужденiя предлагаетъ намъ христiанство тогда, когда—а) говоритъ объ изумительномъ величiи щедротъ къ намъ Божiихъ въ таинствѣ искупленiя: *молю васъ, братiе, щедротами Божiими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служенiе ваше* (Римл. 12. 1); б) когда напоминаетъ о безконечной любви къ намъ Отца небеснаго,

явленной въ этомъ великомъ таинствѣ: *о семъ явилась любы Божія въ насъ, яко Сына Своего Единороднаго посла Богъ въ міръ, да живи будемъ тымъ.—о семъ есть любы, не яко мы возлюбихомъ Бога, но яко Той возлюби насъ, и посла Сына Своего очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ.—возлюбленіи, аще сице возлюбилъ насъ Богъ, и мы должни есмы другъ друга любити* (1 Іоан. 4. 9.—11); *мы любимъ Его, яко той первѣе возлюбилъ есть насъ* (—19); и—в) особенно, когда призываетъ насъ къ добродѣтели крестными страданіями нашего Искупителя: *по Христѣ молимъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христѣ, примиритеся съ Богомъ; не вѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 20 и 21).

Съ трехъ точекъ можно разсматривать все это нравственное ученіе новозавѣтное: а) въ отношеніи къ ученію Новаго Завѣта догматическому, б) само въ себѣ и в) сравнительно съ другими, когда-либо существовавшими нравоученіями.

Въ первомъ отношеніи нельзя не замѣтить самой тѣсной связи нравственнаго ученія новозавѣтнаго съ ученіемъ догматическимъ. Догматическое ученіе говоритъ намъ, во первыхъ, что человѣкъ палъ и находится въ состояніи поврежденія, и во вторыхъ, что онъ возстановленъ крестною смертію Божественнаго Искупителя; нравственное показываетъ намъ самый путь, какъ перейти изъ перваго состоянія въ послѣднее, и преподаетъ правила, что дѣлать намъ, чтобы истребить въ себѣ, при помощи благодати Божіей, все грѣховное и ветхое и содѣлаться людьми обновленными и святыми. Догматическое—говоритъ о высочайшихъ совершенствахъ тріипостаснаго Бога: о Его вездѣ присутствіи, всевѣдѣніи, благости, правосудіи и прочихъ; говоритъ о

воплощеніи, страданіяхъ, смерти и безконечныхъ заслугахъ, ради насъ Богочеловѣка, о тѣхъ многоразличныхъ средствахъ, какія употребляетъ Онъ для спасенія каждаго изъ насъ, о всеобщемъ судѣ и о вѣчныхъ воздаяніяхъ праведникамъ и грѣшникамъ. А нравственное изъ всего этого выводитъ многочисленныя побужденія, коими старается отклонить грѣшниковъ отъ нечестія и утвердить въ подвигахъ добродѣтели, такъ что эти два ученія христіанства, догматическое и нравственное, суть собственно двѣ части одного и того-же ученія, живыя и нераздѣльныя.

Во второмъ отношеніи нравственное ученіе Новаго Завѣта поражаетъ насъ высотой и совершенствомъ своихъ правилъ, силою и чистотою своихъ побужденій. Цѣль этихъ правилъ та, чтобы научить человѣка, какъ отвергнуться нечестія и пожить цѣломудренно, праведно и благочестно (Тит. 2, 12), и всѣ они съ изумительною премудростію приспособлены къ этой цѣли. Для искорененія въ себѣ грѣховъ, при помощи благодати Божіей, человѣку заповѣдуется самоотверженіе, и такое самоотверженіе, чтобы онъ, въ случаѣ нужды, готовъ былъ для сего пожертвовать своею жизнію. Для стяжанія добродѣтелей предписывается любовь къ Богу и ближнимъ,—и опять въ такой степени, чтобы, изъ любви къ Богу и ближнему, христіанинъ готовъ былъ жертвовать собственною жизнію. Побужденіями же своими христіанство, такъ сказать, объемлетъ человѣка со всѣхъ сторонъ, въ какомъ-бы нравственномъ состояніи онъ ни находился, и дѣйствуетъ на всѣ силы его души, и на умъ, и на волю, и на сердце, убѣждая одинъ, преклоняя другую, трогая и увлекая третье.

Въ послѣднемъ отношеніи нравственное ученіе Новаго Завѣта поражаетъ каждаго мыслящаго человѣка рѣши-

тельнымъ превосходствомъ своимъ предъ всѣми нравоученіями не только человѣческими, но и Божественнымъ —ветхозавѣтнымъ (См. Мато. гл. 5. 6 и 7). Истина это такъ общеизвѣстна, несомнѣнна, что излишне было бы ее доказывать: даже враги христіанства исповѣдывали ее во всеуслышаніе (Напр. Руссо въ Emile. liv. IV, tom. III). Самое важное преимущество христіанскаго нравоученія предъ всѣми человѣческими зависитъ отъ того, что святая вѣра Христова не только преподаетъ намъ правила жизни и указываетъ побужденія къ благочестивой дѣятельности, но вмѣстѣ даруетъ намъ и *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), которыхъ никакой человѣкъ даровать намъ не можетъ." (Макарія архіеп. Лит. „Введеніе въ Богословіе", стр. 201—208).

Для большей наглядности въ различіи христіанскаго нравоученія отъ нехристіанскихъ и для большаго убѣжденія въ превосходствѣ перваго предъ послѣдними— сдѣлаемъ здѣсь взглядъ на нравоученія, напримѣръ, магометанское, новоіудейское и языческое.

Нравоученіе магометанское. Магометанская вѣра, хотя нерѣдко говоритъ о любви къ Богу, но эта любовь необходимо превращается въ рабскій страхъ и слѣпую преданность судьбѣ; говоритъ также о любви къ ближнимъ, но число ближнихъ ограничиваетъ только одними правовѣрными, т. е. магометанами, и притомъ друзьями: по отношенію же къ иновѣрнымъ—заповѣдуетъ преслѣдовать ихъ и убивать за несогласіе принять магометанство (гл. XIVII, 4); по отношенію къ врагамъ и оскорбителямъ—позволяетъ мщеніе и даже убійство (гл. XIII, 38). Кромѣ того—позволяетъ многоженство и наложничество (гл. IV, 3; II, 224; XXXVI, 50); запрещаетъ всякое изслѣдованіе въ дѣлѣ вѣры подъ страхомъ смерт-

ной казни; повелѣваетъ распространять вѣру мечемъ и насиліемъ (гл. VIII, 4; IX, 13) и, предписывая многочисленныя обрядовыя постановленія, какъ-то: посты, омовенія, разные роды молитвы, путешествіе въ Мекку, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ яствъ и питій и т. п., даетъ всѣмъ этимъ вещамъ такую цѣну, что отъ нихъ будто-бы вполнѣ зависитъ вѣчное спасеніе человѣка. Неизбѣжнымъ плодомъ такого ученія выходитъ то, что вся нравственность мусульманина ограничивается строгимъ исполненіемъ однихъ внѣшнихъ постановленій, а на исправленіе сердце тамъ не обращается почти никакого вниманія.

Нравоученіе новоіудейское. Сказанія талмудистовъ въ отношеніи нравственномъ таковы: а) основной законъ объ отношеніи человѣка къ ближнимъ: „всякое добро, которое законъ Моисеевъ предписываетъ, и всякое зло, которое онъ воспрещаетъ дѣлать ближнему, брату, товарищу, должно, объясняетъ талмудъ, понимать только въ отношеніи къ іудеямъ“; б) взглядъ на прочіе народы: называя ихъ народами нечистыми и богопротивными, съ которыми евреи не только не должны вступать ни въ какія родственныя связи, но не должны имѣть общенія даже въ пищѣ и питіи, особенно въ извѣстные дни, талмудъ учитъ, что еврей можетъ безъ грѣха нарушать клятвы, даваемыя иновѣрцу, можетъ обманывать его, притѣснять, преслѣдовать и даже умерщвлять за его разновѣріе, и что вообще всѣ эти иновѣрные народы, по пришествіи Мессіи, или истребятся совершенно, или будутъ порабощены іудеямъ, такъ что самые цари иновѣрные сдѣлаются слугами для послѣдняго изъ чадъ израиля; в) ученіе о средствахъ къ оправданію: въ талмудѣ проповѣдуется, что какъ грѣхъ первородный, такъ и вообще всѣ грѣхи могутъ быть изглажены

и уничтожены чрезъ строгое исполненіе всѣхъ предписаній закона обрядоваго и проч.

Вслѣдствіе этого іудеи исключительно преданы своимъ *обрядамъ*, такъ что, по выраженію одного собственнаго ихъ ученаго, для іудеевъ вѣра не существуетъ, а существуетъ только *законъ*, т. е. *обрядовый*. Но надобно еще прибавить, какъ страненъ, мелоченъ, ничтоженъ въ своихъ неисчислимыхъ предписаніяхъ и установленіяхъ этотъ законъ. Напримѣръ на основаніи одной заповѣди Божіей: *да не сотвориши всякаго дѣла* въ день субботный (Исх. 20, 10), теперь существуетъ 949 раввинскихъ учрежденій, изъ которыхъ одно „запрещаетъ еврею даже плевать по воздуху въ субботу, потому что это дѣйствіе похоже на вѣяніе неочищенной ржи." На основаніи запрещенія Божія не ѣсть квасного въ Пасху (Исх. 12, 20) измышлено 265 постановленій, изъ которыхъ одно гласитъ, что если-бы 10000 евреевъ, въ день Пасхи, варили пищу въ водѣ, почерпнутой изъ одного колодца, въ которомъ вскорѣ послѣ того найденъ какой-нибудь ячмень, то всѣ они обязаны приготовленную пищу, вмѣстѣ съ посудою, сжечь, или бросить въ рѣку. Объ однихъ запрещенныхъ яствахъ существуетъ слишкомъ 3000 различныхъ постановленій; объ одномъ обрядѣ умовенія рукъ—до ста, а о солеціи мяса—до двухъ сотъ; есть даже опредѣленія касательно способа обрѣзыванія ногтей... На основаніи заповѣди Моисея, запрещающей варить козленка въ молокѣ его матери (Исх. 23, 19; Втор. 14, 21), талмудисты запретили варить въ молокѣ какое-бы-то ни было мясо, — употреблять даже сосудъ, въ которомъ изготовляется мясная пища, на приготовленіе въ немъ пищи молочной и—опредѣлили принимать молочную пищу не ранѣе, какъ по истеченіи шести часовъ послѣ принятія пищи

мясной, а мясную послѣ молочной не ранѣе, какъ черезъ часъ. И пусть-бы еще исполненіе всѣхъ такихъ мелочей отдано было на произволъ каждаго; напротивъ, талмудъ всѣ обряды возводитъ въ догматы, и требуетъ самаго строгаго исполненія относящихся къ нимъ постановленій и правилъ. (См. „Евр. секты въ Россіи“ Григорьева, стр. 87. 89. „Хаіе Адамъ“—Авраама Данижга. Вильно 1825 г. „Изслѣдованія о талмудѣ“ Дининскаго. Кіев. 1869 г.).

Нравоученіе языческое. О нравственномъ состояніи язычниковъ и говорить нечего. У нихъ все содѣйствуетъ развитію нечестія: *и боги*, изъ которыхъ многіе были не что иное, какъ олицетворенныя страсти, напримѣръ Меркурій, Венера, даже Юпитеръ, и которые, чѣмъ стояли выше, чѣмъ казалось, болѣе заботились только о томъ, какъ-бы превзойти другъ друга разными пороками, а отличаясь злодѣяніями сами, естественно тому-же поучали примѣромъ своимъ и смертныхъ; *и законы*, не рѣдко позволявшіе и одобрявшіе ненависть ко врагамъ, презрѣніе къ бѣднымъ и несчастнымъ, воровство, убіеніе дѣтей и престарѣлыхъ, развратъ и другіе пороки,—что остается у многихъ языческихъ народовъ и до нынѣ; и *священныя празднества, церемоніи, обычаи*, не рѣдко самыя *капища* съ студными изображеніями боговъ и ихъ непотребствъ; *и общественныя увеселенія* разнаго рода, особенно же *театры и зрѣлища*, служившіе и служащіе публичными школами нечестія: здѣсь нерѣдко выводятся на позорище сами боги со всѣми ихъ недостатками и безчинствами, и народъ съ удовольствіемъ осмѣиваетъ тѣхъ, кому въ храмахъ приноситъ жертвы. Словомъ, нравственная сторона человѣка всегда оставалась и остается въ язычествѣ какъ-бы забытою, пренебреженною: въ этомъ отношеніи язычество

предоставляетъ человѣка совершенно самому себѣ, требуя отъ него, для угожденія богамъ, лишь одного строгаго исполненія внѣшнихъ обрядовъ и жертвоприношеній. Вѣра эта не даетъ человѣку ни правилъ, ни побужденій, ни средствъ, ни примѣровъ для преспѣянія въ благочестіи; напротивъ, указываетъ и правила, и побужденія, и средства, и образцы для преуспѣянія въ нечестіи.

Какъ же, послѣ этого, отлична и какою высокою представляется нравственность христіанская!..

УЧЕНІЕ ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ О ХРИСТІАНСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.

Изложимъ здѣсь вкратцѣ ученіе о христіанской нравственности, какое находимъ у отцевъ и учителей церкви. *Мужи апостольскіе*, слѣдуя Божественному примѣру небеснаго Учителя и учениковъ Его, изображали новозавѣтную нравственность, прежде всего, въ своей жизни и дѣлахъ, учили своихъ пасомыхъ—первенствующихъ христіанъ покаянію и обращенію къ Богу, вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа и въ Святаго Духа Утѣшителя, раскрыли духъ истиннаго Богопочтенія, въ противность заблужденій іудеевъ и язычниковъ, учили живой и дѣятельной любви къ Богу и ближнимъ, и точному, нелицемѣрному исполненію всѣхъ Божественныхъ заповѣдей, и сообразно состоянію и образу понятій частныхъ лицъ и церквей, въ своихъ посланіяхъ представили христіанское нравоученіе въ частнѣйшихъ и подробнѣйшихъ чертахъ. Такъ, послѣ Евангелія и посланій апостольскихъ, нравственное ученіе преподавали и излагали, въ своихъ твореніяхъ, мужи апостольскіе...

Посланіе *Варнавы* есть списокъ съ нѣкоторыхъ посланій апостола Павла. Нѣкоторыя нравственныя правила, какъ и у Павла, изложены въ немъ подъ покровомъ аллегорій изъ Ветхаго Завѣта. Главная мысль этого посланія та, что вѣра должна быть соединена съ добрыми дѣлами.—что христіанству неприлична нравственность, предписываемая Ветхимъ Завѣтомъ.

Въ посланіяхъ *Климента римскаго* довольно практическихъ истинъ касательно любви и единодушія въ обществѣ.

Въ посланіяхъ *Игнатія Богоносца* довольно практическихъ наставленій касательно твердости въ вѣрѣ, презрѣнія всего мірскаго, и пользы скорѣйшаго перехода къ Богу.

Содержаніе *Поликарпова* посланія къ филиппійцамъ попреимуществу нравственное. Поликарпъ предлагаетъ простыя увѣщанія къ любви, единенію, мужеству и терпѣнію, къ посту и молитвѣ за всѣхъ, даже за враговъ; преподаетъ еще частныя наставленія для пресвитеровъ и діаконовъ, юношей и для супруговъ, и вдовицъ и пр.

Посланія мужей апостольскихъ замѣчательны тѣмъ, что они суть первые отголоски человѣческіе: писанія Апостоловъ были прямо Божественныя.

Изъ нравоучителей послѣдующихъ двухъ вѣковъ достопримѣчательны: Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Тертулліанъ и Кипріанъ.—(См. „Педагогъ“ и „Строматы“ Климента Александрійскаго.—въ послѣднихъ у него есть и сторона аскетическая. „Нравоучительныя сочиненія“ Оригена,—обыкновенно правила нравственности у него разсѣяны въ толкованіяхъ на Священное Писаніе: особенно выспреннія истины у него заключаются въ толкованіи на книги „пѣснь пѣсней и исходъ“: въ толкованіяхъ на первую книгу онъ превосходитъ

самого себя; впрочемъ у Оригена болѣе аллегорій. „Трактаты о покаяніи, молитвѣ, дѣствѣ, зрѣлищахъ и др.“ Тертулліана: онъ впрочемъ строгость нравственныхъ правилъ простеръ до крайности. „Сочиненія о молитвѣ Господней, о благѣ терпѣнія, о милостынѣ, о поведеніи дѣвственницъ, о ревности и зависти, о смертности, о падшихъ и пр.“ Св. Кипріана; Кипріанъ благостный наставникъ, только гоненія заставляли его иногда говорить жарко). Вообще о христіанскихъ писателяхъ этого времени нужно замѣтить, что они, въ христіанскомъ нравоученіи, уже отличали высшія, совершеннѣйшія добродѣтели отъ обыкновенныхъ, и къ первымъ относили дѣвство, напримѣръ, мученичество, совершенную нестяжательность и т. п.

Изъ отцовъ Церкви IV и V вѣковъ—Василій Великій, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Исидоръ Пелусіотъ, Амвросій Медіоланскій, блаженный Августинъ, Левъ Великій и др. извѣстны и какъ нравоучители. (Извѣстны „Нравственныя бесѣды, правила и письма, подвижническія правила—пространныя и краткія—и уставы“ святаго Василія Великаго. Василій Великій, кажется, и великимъ то названъ за свои сочиненія: онъ особенно много писалъ объ аскетизмѣ монашескомъ. „Бесѣды на Экклезіастъ, о молитвѣ Господней и блаженствахъ, изслѣдованіе о христіанскомъ совершенствѣ, въ которомъ сосредоточено все существенное въ христіанствѣ и наставленіи о разныхъ частныхъ предметахъ“ святаго Григорія Нисскаго; его жизнь Моисея есть идеалъ жизни нравственной. „Бесѣды святаго Іоанна Златоуста и его сочиненія“. Златоустъ вездѣ имѣетъ золотыя уста, гдѣ только, и что только ни говоритъ. Только нравственныя истины у него разсѣяны въ любимыхъ имъ сочиненіяхъ—толкованіяхъ на

священныя книги, въ нравоученіяхъ при каждой бесѣдѣ. Эти толкованія его суть самый лучшій образецъ того, какъ высокія христіанскія истины сдѣлать понятными даже для младенца въ духовной жизни. Тутъ ученіе Іисуса Христа подводится, такъ сказать, подъ осязаніе, и при всемъ томъ нисколько не теряетъ своей глубины и силы. Особенно замѣчательно у него искусство—брать отвлеченія отъ жизни простой, обыкновенной, и дѣлать изъ нихъ приложенія къ жизни духовной. Такъ онъ совѣтуетъ воздерживаться отъ какой-нибудь страсти, и когда ему возражаютъ, что трудно, то онъ говоритъ: „вѣдь вы же это на опытѣ всегда дѣлаете, только несовершенно. Такъ, напримѣръ, вы говорите, что трудно воздерживаться отъ гнѣва, погасить этотъ внутренній пламень; но гдѣ дѣвается сей пламень, когда вы находитесь предъ лицемъ начальниковъ? Тутъ вы легко удерживаете себя отъ гнѣва и мученія. Представляйте же всегда Бога присутствующимъ при васъ, и вы не будете гнѣваться на вашихъ ближнихъ". „Письма" святаго Исидора Пелусіота,—о разныхъ нравственныхъ предметахъ: нравственность у него возвышенная, хотя не въ собственномъ смыслѣ мистическая. „De officiis и др. нравственныя сочиненія" святаго Амвросія Медіоланскаго; Амвросію мы обязаны первымъ опытомъ систематическаго изложенія христіанской нравственности. „Слова и бесѣды о разныхъ нравственныхъ предметахъ, небольшая книжка къ Лаврентію (катихизисъ), исповѣдь, сочиненіе о правахъ вселенской церкви, о четырехъ преимуществахъ любви, о христіанскомъ благочестіи, о святомъ дѣвствѣ, о воздержаніи, письма, и разныя другія сочиненія особенно противъ манихеевъ, донатистовъ и Пелагія",—блаженнаго Августина: Августинъ не малую оказалъ услугу въ отношеніи къ практикѣ хри-

стіанской. Есть у него нѣчто о внутренней духовной жизни и о благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ соединенія со Христомъ: главное начало во всѣхъ его наставленіяхъ есть начало чувства,—начало глубокое: точно, человѣкъ живетъ болѣе сердцемъ, и если гдѣ, то здѣсь нужно бросить первое сѣмя вѣры. Августинъ всѣми силами старался доказать, что истинное наслажденіе человѣка только въ Богѣ. Это можетъ идти для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но, въ образѣ изложенія, быстротою и утонченностію своего ума, Августинъ проложилъ путь схоластикамъ и казуистамъ. „Слова и письма" Льва Великаго богаты нравственно психологическими наблюденіями. Святой Григорій Двоесловъ написалъ изъясненіе на книгу Іова и руководственную книгу для пастырей церкви. Въ Іовѣ онъ видитъ идеалъ человѣка добраго - -страдающаго, и посему идеалъ какъ-бы цѣлой христіанской жизни: всякій христіанинъ гонимый есть въ своемъ родѣ Іовъ. Григоріемъ Великимъ оканчивается рядъ писателей чистыхъ, оригинальныхъ; начинаются комментаторы, какъ напримѣръ Исидоръ Испалійскій и др. Всѣ вышеозначенные пастыри и учители излагали нравственное ученіе, большею частію, обыкновеннымъ образомъ, т. е. развивали и преподавали болѣе, такъ называемое, объективное право-ученіе: уясняли законъ Божій, заповѣди Господни, обязанности христіанъ въ отношеніи къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ, взаимныя отношенія христіанъ между собою, поведеніе и дисциплину въ отношеніи церковномъ, гражданскомъ, семейномъ и т. п. рѣдко касаясь, и то только съ той, или другой—одной стороны, самаго существеннаго, субъективнаго элемента нравственности христіанской жизни. Эта послѣдняя сторона нравственнаго богословія занимала болѣе отцевъ—подвижниковъ, и мы имѣемъ цѣлый

разрядъ писателей, представлявшихъ нравственность христіанскую со стороны особенно́йшей: и сами они вели жизнь строгую, созерцательную, аскетическую.

Любители уединенной, отшельнической жизни, сознавая недостаточность общаго нравоученія, соотвѣтственно высшимъ совѣтамъ Евангельскимъ и своимъ собственнымъ обѣтамъ, облекли нравственное ученіе христіанское строжайшимъ характеромъ аскетическимъ и таинственнымъ. Таковы: *Антоній Великій*, отъ котораго мы имѣемъ письма, удивительныя по духу; въ нихъ видно вѣяніе духа Христова: въ поученіяхъ какая-то простота и сладость.—перо его ангельское; два Макарія—Александрійскій и Египетскій: *Макарій Египетскій* написалъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ весьма просто: его называли *дитя-старецъ*. и *Макарій Александрійскій* также близокъ къ нему. Творенія св. *Ефрема Сирина* относятся сюда же: любимыя темы его были о слезахъ и покаяніи. Изъ всѣхъ аскетовъ онъ ближе всѣхъ къ народности, его справедливо называютъ *пустыннымъ соловьемъ*. *Маркъ Подвижникъ* писалъ особенно о старчествѣ и монашествѣ. *Іоаннъ Кассіанъ* писалъ много: мы имѣемъ отъ него цѣлую книгу, въ которой есть особенные превосходные трактаты, напримѣръ о сновидѣніяхъ, о нечистотахъ плотскихъ. *Иларіонъ Синайскій*, *Діодоръ Фотинійскій*, *Исихій пресвитеръ*—много назидательные. *Исаака Сирина* можно назвать пустыннымъ *философомъ*. Въ словахъ своихъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ полному раскрытію правилъ нравственно христіанскаго ученія и жизни, св. Отецъ изображаетъ нравственную жизнь человѣка, съ глубокимъ знаніемъ различныхъ сторонъ этой жизни и всѣхъ, самыхъ таинственныхъ движеній души человѣческой. Въ нихъ онъ заботливо, какъ бы за руку, про-

водитъ своихъ читателей по всему пути къ нравственному совершенству, то устрашая ихъ, то ободряя, то, наконецъ, изумляя раскрытіемъ таинственнѣйшихъ состояній человѣка въ единеніи съ Богомъ. Просвѣтленный благодатію взоръ его проникаетъ въ самые сокровенные изгибы сердца человѣческаго, и онъ смѣлою рукою чертитъ, со всею возможною вѣрностію св. ученію, глубоко назидательную картину нравственной жизни и грѣшника нераскаяннаго, и человѣка, который еще борется со грѣхомъ за праведность, и праведника утвердившагося въ доброй жизни. Отсюда, въ правоученіи его, очевидно, *три степени* постепенно ведущія человѣка отъ несовершенства къ совершенству.- - *Первая степень*—состояніе грѣховное, въ которомъ преобладаетъ тѣло и которое св. отецъ называетъ *плотскимъ* или *противуестественнымъ; вторая степень*—состояніе борьбы со грѣхомъ и утвержденіе въ добродѣтельной жизни, гдѣ уравновѣшиваются тѣлесная и духовная стороны человѣка: это состояніе онъ называетъ *душевнымъ*, или *естественнымъ; третья степень* высшей, духовно-созерцательной жизни, гдѣ перевѣсъ на сторонѣ духа, у св. Исаака называется *духовною, сверхъ* или *выше естественною. Іоаннъ Лѣствичникъ* заслуживаетъ особенное вниманіе по своей *Лѣствицѣ*. Умѣлъ онъ изъяснить истинное христіанство и одушевить это изъясненіе. Будучи богатъ опытами духовными—своими и своихъ братій, онъ составилъ лѣствицу по добродѣтелямъ, а число для этого взялъ изъ числа лѣтъ пребыванія Іисуса Христа на землѣ. Порядокъ, въ какомъ представленъ кругъ христіанскихъ обязанностей въ лѣствицѣ, имѣетъ глубокое значеніе. Въ духовной жизни очень важно знать, съ чего начать и какъ повести дѣло своего исправленія и спасенія. Отъ незнанія этого часто оказываются

безплодными многочисленные и тяжкіе труды и подвиги. Преподобный Лѣствичникъ вполнѣ сознавалъ это; поэтому, въ своей книгѣ, показываетъ наилучшій, благонадежнѣйшій порядокъ совершенія подвиговъ. — Весь трудъ христіанскаго подвижника состоитъ въ томъ, чтобы, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *отложить намъ ветхаго человѣка и облещись въ новаго* (Ефес. 4. 22—24). Въ этомъ заключается основа и Лѣствицы преподобнаго Іоанна, — основа и ея существеннаго содержанія, и ея общаго раздѣленія. Всѣ ея степени суть не что иное, какъ частные подвиги, которыми осуществляются указанныя апостоломъ дѣла подвижничества, или же снискивается необходимое приготовленіе къ наилучшему ихъ выполненію. Что касается до распредѣленія этихъ частныхъ подвиговъ или степеней, то и здѣсь нельзя не замѣтить тщательнаго приспособленія писателя къ приведеннымъ словамъ Апостола. Ибо, за исключеніемъ нѣсколькихъ *приготовительныхъ* степеней, въ Лѣствицѣ ясно видны двѣ главныя части, изъ коихъ *первая* заключаетъ въ себѣ подвиги или степени очищенія гнѣздящихся въ ветхомъ человѣкѣ пороковъ и страстей, *вторая* — подвиги преуспѣянія въ духовной жизни, которыми возстановляется въ душѣ человѣка образъ и подобіе Божіе. Особенно, поэтому, лѣствица эта замѣчательна для людей, желающихъ знать духовное возрастаніе: опыты тамъ представленные могли родиться только на нивѣ жизни благодатной, — никакая другая школа не можетъ дать ихъ. — *Максимъ Исповѣдникъ* извѣстенъ, между прочимъ, своимъ сочиненіемъ, *о любви христіанской*. Онъ былъ также подвижникъ и философъ. „*Іоаннъ Кармпскій*, говоритъ Преосвященнѣйшій Иннокентій Херсонскій, имѣетъ въ своихъ сочиненіяхъ характеръ особенный, отличный отъ всѣхъ,

состояній въ необыкновенной свѣтлости и легкости его взгляда духовнаго. Когда читаешь его сочиненія нравственныя, то какъ бы идешь по лугу, усѣянному различными прекрасными цвѣтами. Онъ могъ инымъ показаться поверхностнымъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ не таковъ: такъ самая глубокая рѣка можетъ казаться иногда мелкою, если она прозрачна. Онъ возвышается иногда на седьмое небо. „Послѣ отдѣленія запада отъ востока, стоютъ вниманія *Симеонъ новый Богословъ*, *Георгій Никомидъ и Авва Варсонофій*. Несомнѣнно то, что многіе изъ св. отцевъ, за чистоту жизни, сподобились даровъ Духа Святаго и такъ приблизились къ міру духовному, что столько же жили и въ этомъ мірѣ, сколько въ тѣлесномъ. Для нѣкоторыхъ явленія духовъ, о которыхъ такъ много находимъ въ житіяхъ святыхъ Отцовъ церкви, кажутся неумѣстными и небывалыми; но развѣ можно подумать, чтобы, напримѣръ, Антоній Великій могъ обманываться, когда онъ строго бдѣлъ надъ всѣми своими помыслами, различалъ то, чего не различаетъ иногда наша психологія? Но съ другой стороны, жизнь святыхъ отстоитъ отъ нашей жизни, какъ небо отъ земли. Нужно впрочемъ замѣтить, что и сочиненія этихъ подвижниковъ, писанныя большею частію для иноковъ и касавшіяся болѣе внутренней стороны христіанскаго нравоученія и созерцательной жизни, поучительны и для всякаго мыслящаго и благочестиваго христіанина, въ высшей степени поучительны для всякаго ищущаго высшаго духовнаго совершенства.

Нравственное Богословіе во времена схоластики и мистицизма. Во времена схоластическія, нравственное богословіе вмѣстѣ съ догматикой отъ *Петра Ломбарда* († 1164 г.) и потомъ—*Оомы Аквината* († 1274 г.) приняло на западѣ школьный видъ и погрузилось въ школь-

ныя тонкости и формы: нравственность раздробилась на мнѣнія: она, правда, сдѣлалась опредѣленнѣе, способнѣе приноровляться ко многимъ частнымъ случаямъ, но за то потеряла много духа, обратилась въ мелкія и многообразныя преданія фарисейскія. Главное правило: *правднику законъ не лежитъ* — было забыто. Въ это время явились тамъ особенныя системы *моралистовъ* или *суммистовъ*, кои слѣдовали ученію Ѳомы Аквината.—*каноинстовъ*, кои объясняли нравственныя постановленія соборовъ, и *-казуистовъ*, кои занимались только особенными случаями совѣсти. Не заботясь о нравственномъ образованіи своего сердца, всѣ они спорили только объ обязанностяхъ и словахъ, о сообразованіи дѣйствій съ законами и о разныхъ, большею частію, мелочныхъ случаяхъ. Отъ этого нравственность естественно должна упасть. Поддержать ее старалась, такъ называемая, *Діонисіанская мистика*.

Богословіе мистическое, или ученіе о внутреннемъ, таинственномъ единеніи человѣка съ Богомъ, отдѣлилось отъ схоластики, и послѣ *Іоанна Еригена* (9 в.), переведшаго Діонисія Ареопагита на латинскій языкъ, и—*Бернарда Клервалійскаго* († 1153 г.), нашло себѣ многихъ защитниковъ и почитателей, которые въ сочиненіяхъ своихъ излагали разные пути и степени возвышенія души къ Богу и соединенія съ Нимъ. Изъ мистиковъ, *Таулеръ* († 1361 г.) писатель возвышенный — писалъ о крестѣ Іисуса Христа; *Ѳома Кемпійскій* (15 в.) писалъ—о подражаніи Іисусу Христу вообще: нравственность у него чистая, но не для всякаго годная. Изъ католиковъ особенно замѣчателенъ *Фенелонъ* — человѣкъ съ идеальными стремленіями, доброю душою. Онъ любилъ изображать дѣятельную любовь христіанскую. *Г-жа Гіонъ* составила мистическое толкованіе на все

Священное Писаніе. Въ томъ же духѣ писали *Францискъ де Воль*, *Спейтъ*, у котораго есть много трактовъ нравственныхъ. *Іоаннъ Арндтъ* писалъ въ общенародномъ духѣ, съ мистическимъ оттѣнкомъ. Но всѣхъ ихъ превзошли—*Бемъ* [1]), *Сенъ Мартенъ* [2]) и *Эккартсгаузенъ*. Бемъ писалъ въ духѣ мистико-ѳеософскомъ: это такой метафизикъ христіанскій, въ сравненіи съ которымъ всѣ самые возвышенные метафизики похожи на дѣтей. У него есть, кромѣ метафизики природы, еще метафизика

[1]) Яковъ Бемъ принадлежитъ къ числу самыхъ туманныхъ нѣмецкихъ ѳеософовъ XVII в., составляющихъ особый разрядъ мистическихъ философовъ, которые въ дѣлѣ познанія истины, руководствовались внутреннимъ чувствомъ и непосредственнымъ вдохновеніемъ, а не философскимъ мышленіемъ и наукой. Къ выводамъ разума, къ опытамъ науки они относились обыкновенно съ презрѣніемъ. Яковъ Бемъ, прозванный „philosophus teutonicus" служитъ главнѣйшимъ представителемъ такого ѳеософскаго мистицизма. Башмачникъ по ремеслу, онъ съ дѣтства былъ посѣщаемъ разными видѣніями, и подъ наитіемъ своего болѣзненнаго вдохновенія написалъ множество (болѣе 20) самыхъ непонятныхъ мистическихъ сочиненій, представляющихъ вообще странную смѣсь метафизики, богословія, алхиміи и астрологіи. Изъ нихъ болѣе извѣстны: „Восходящая аврора или корень философіи", „О трехъ началахъ Божественной сущности", „О тройственной жизни человѣка", „Christosophia", „Сорокъ вопросовъ о душѣ", „Зерцало вѣчности и проч.". Бемъ имѣлъ многихъ послѣдователей.

[2]) Въ основѣ весьма страннаго ученія Сенъ-Мартена лежатъ идеи Бема, главнѣйшія сочиненія котораго онъ и перевелъ на французскій языкъ. Адепты ученія, сходнаго съ идеями Сенъ-Мартена, получили названіе *мартинистовъ*, которые появились въ первый разъ въ Парижѣ 1768 года. Но основателемъ секты мартинистовъ былъ не Сенъ-Мартенъ, а нѣкто Мартинецъ Паскалисъ, португальскій еврей, ученіе котораго заключалось въ безпорядочномъ смѣшеніи вѣрованій еврейской каббалы съ понятіями гностическими и христіанскими. Секта мартинистовъ имѣла въ виду преимущественно чудеса и таинство теургіи, т. е. различныя сверхъестественныя дѣйствія и явленія, сношенія съ міромъ невидимыхъ сихъ и духовъ и пр. Сенъ-Мартенъ же, хотя и принадлежалъ въ началѣ къ этой сектѣ и раздѣлялъ ея убѣжденія, но потомъ создалъ свою собственную доктрину, которую онъ самъ называетъ „Чистымъ спиритуализмомъ" le spiritualisme pur, но которая, въ сущности, не отличается отъ мистическихъ мечтаній Якова Бема, и основана на весьма странныхъ и произвольныхъ метафизическихъ вѣрованіяхъ и гипотезахъ. (См. Du mysticisme au XVIII siècle. Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin, le philosophe inconnu, par E. Caro, Paris 1852, 27—28)

христіанства. въ которой онъ говоритъ о происхожденіи зла, о паденіи діавола и проч. Это—по истинѣ мечтатель. Сенъ-Мартенъ во многомъ похожъ на Бема: отъ него произошла цѣлая секта мартинистовъ не чуждая заблужденій. Эккартсгаузенъ выходитъ изъ вопроса: чѣмъ окажется христіанство, если посмотрѣть на него безпристрастно, при помощи всѣхъ открытій наукъ естественныхъ,—и находитъ, что христіанство есть религія единственно спасительная, что основа лежитъ въ самой природѣ вещей. Жаль только, что не многіе могутъ понимать мистицизмъ, въ который онъ вдался. Но высокіе умы многіе были къ нему не равнодушны. Изъ мистиковъ образовалось цѣлое направленіе, извѣстное подъ именемъ *Масонскаго*, которое долго жило и многихъ было въ свой кругъ захватило... Равно какъ на почвѣ схоластической выросло особенное направленіе нравственности іезуитской.

Итакъ, схоластики слишкомъ много довѣряли и поблажали своему уму и логикѣ и вдались въ сухую, мелочную подробность до скрупулезности; а мистики, напротивъ, много слишкомъ довѣряли и поблажали своему чувству и фантазіи, и часто только обольщали себя и другихъ благовиднымъ своимъ ученіемъ, не доставляя истинной пищи уму и сердцу. Что же—іезуиты и масоны?..

Іезуитская мораль. У іезуитовъ практическое усвоеніе (на теоретическое они гораздо меньше обращали вниманіе) нравственныхъ христіанскихъ истинъ заключается не столько въ воспитаніи сердца и образованіи его по духу христіанской нравственности, сколько въ формальномъ исполненіи дѣлъ христіанскаго благочестія, которое лишено было у нихъ оживотворяющаго эти дѣла духа христіанства. Здѣсь отпечатлѣлось все односто-

роннее направленіе. вся крайность іезуитскаго воззрѣнія на дѣла благочестія; формальность христіанскаго поведенія поставлена здѣсь выше внутренняго расположенія сердца. какое долженъ имѣть христіанинъ. Quia. cum finis est licitus. etiam media sunt licita. Изъ этого принципа, который стоитъ во главѣ всей іезуитской доктрины, само собою вытекаетъ цѣлая система іезуитской морали. Извѣстно, что въ очень многихъ случаяхъ іезуитское ученіе о грѣховности и безгрѣшности далеко расходится съ совѣстію христіанскою въ оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій: такъ напримѣръ, что называется на общечеловѣческомъ языкѣ клеветою, предательствомъ, убійствомъ и варварствомъ, у іезуитовъ считается законнымъ самоогражденіемъ. Отсюда іезуитское правило: „разрѣшается прибѣгать къ убійству для защиты не только того, чѣмъ мы дѣйствительно владѣемъ, но и того, на что мы предъявимъ свое право, или—что надѣемся пріобрѣсти". Отсюда же вытекаютъ и всѣ поблажки, всякое нравственное послабленіе въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ, кои формально принадлежатъ къ церкви католической. И это для того, чтобы какъ можно болѣе сдѣлать чадъ папы!—завлечь въ католичество. Такъ, въ нравоученіи іезуитскомъ и нѣчто доброе перемѣшано съ самымъ нечистымъ!!

Повидимому, въ основаніи ордена іезуитскаго было доброе начало—противодѣйствовать развитію тѣхъ недуговъ, которыми страдала церковь католическая, по преимуществу, въ XVI вѣкѣ,—недуговъ, подготовлявшихъ и, наконецъ, вызвавшихъ реформацію; но, съ одной стороны, эти недуги были вызваны тѣмъ жалкимъ внутреннимъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда церковь католическая, заключая въ себѣ много чуждаго идеѣ истинной Церкви Христовой, а слѣдова-

тельно и строгое защищеніе этого положенія уже само въ себѣ заключало нѣчто неправое,—а съ другой стороны, увлеченіе, съ какимъ повелось это защищеніе, еще болѣе развило это неправильное стремленіе ордена. Такимъ-то образомъ, въ самомъ основаніи ордена уже было положено много неправаго, нечистаго. Будучи проникнуть такими началами, орденъ іезуитскій, въ достиженіи своей цѣли, естественно пошелъ путемъ невѣрнымъ, какъ невѣрна и та цѣль, которую онъ преслѣдовалъ. Поэтому-то мы видимъ, какъ много у іезуитовъ образовалось такихъ нравственныхъ правилъ, которыя не согласны съ истинно-христіанскимъ ученіемъ, но которыми руководится орденъ въ достиженіи цѣли своихъ стремленій—распространеніи повсюду господства католической церкви съ ея заблужденіями. Отсюда вытекаетъ то ученіе іезуитовъ, что цѣль освящаетъ самые безнравственные способы, употребляемые для ея достиженія.—а цѣль эта—постоянная пропаганда латинства.

Масонское нравоученіе. Все масонское ученіе имѣло преимущественно характеръ нравственно-религіозный и практическій. Оно силилось перенести изъ области теоріи въ практическую жизнь тѣ идеи и ученія, которыя вырабатывались въ школѣ англійскихъ философовъ, со времени Локка. Въ основныхъ началахъ своихъ оно сходилось съ мнѣніями такъ называемыхъ „деистовъ“, провозглашавшихъ ученіе о религіи разума, или о естественной религіи, требовавшихъ отъ человѣка, во имя этой религіи, высоко-нравственной жизни и дѣятельности и отвергавшихъ всякій догматизмъ въ дѣлахъ вѣры, проповѣдывавшихъ о свободѣ совѣсти, о религіи терпимости и о равенствѣ гражданскихъ правъ, не взирая на различіе вѣроисповѣданій. На этихъ-то именно

основаніяхъ широкой терпимости и дѣятельной любви къ ближнему и вообще человѣчеству франкмасонство думало воздвигнуть свою религію,—одну общечеловѣческую религію, во имя которой оно хотѣло создать великое дружеское братство между людьми, основанное единственно на началахъ свободы совѣсти, братской любви и человѣческаго равенства: масонскій союзъ былъ открытъ одинаково для всѣхъ, члены союза называли себя братьями и клялись всегда и вездѣ помогать другъ другу, каковы-бы ни были ихъ индивидуальныя вѣрованія, ихъ національность, или ихъ общественное положеніе. (См. у Геттнера „Исторія всеобщей литтературы" XVIII в. Т. I-й. (Англійская литтература). Переводъ А. Пыпина, Спб. 1863 г., стр. 184—24). Пламенная религіозность и мистицизмъ составляли притомъ основныя свойства масонскаго ученія. Своими религіозно-мистическими тенденціями франкмасонство становилось такимъ образомъ въ рѣзкій контрастъ съ скептицизмомъ и матеріалистической философіей вѣка, отвергавшей всякую таинственность и всякую религію, и непризнававшей въ человѣкѣ его духовной стороны и духовныхъ стремленій.

Исканіе истины для пользы и для просвѣщенія человѣчества, развитіе человѣческой природы во всей ея естественной красотѣ и благородствѣ, дѣятельная нравственная жизнь и дѣятельная любовь къ ближнему и къ человѣчеству—вотъ существенныя черты ученія и дѣятельности и западнаго масонства и нашихъ мартинистовъ.

Мистика учила, что для пріобрѣтенія познаній „самого себя, творенія и Творца", -познаній „начала всѣхъ вещей и натуры всѣхъ вещей" (что собственно и составляло главный предметъ исканій и главную цѣль почти

всѣхъ мистическихъ и теософическихъ ученій) — нужна не школьная мудрость, которая въ ихъ глазахъ не имѣла никакого значенія, а непосредственное вдохновеніе, или — внутреннее откровеніе. Нужно, говорили они, погрузиться въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, нужно прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять всѣ высшія тайны бытія, всю сущность божескихъ и человѣческихъ вещей. Но для этого необходимо совершенное нравственное перерожденіе человѣка и возвращеніе его къ первобытному божественному состоянію, отъ котораго онъ удалился вслѣдствіе грѣхопаденія. Путь ведущій къ такому возрожденію.—удаленіе отъ грѣха и отъ соблазновъ матеріи, самопознаніе, самоуглубленіе, постоянная работа надъ своимъ „внутреннимъ человѣкомъ" и высоконравственная жизнь. Вотъ условія, при которыхъ дается человѣку внутреннее откровеніе,—этотъ таинственный голосъ, открывающій ему всѣ тайны естества и соединяющій его съ Божествомъ: ибо, постоянныя стремленія и цѣль мистицизма заключались въ возвышеніи души отъ созерцанія человѣка и природы къ ихъ общему началу—Богу.

Если теперь смотрѣть на отношеніе масонства къ христіанству, то мы найдемъ большую разницу между масонствомъ западнымъ и нашими мартинистами. —Для западнаго масонства христіанство, по словамъ Геттнера, имѣло значеніе только потому, что чистѣйшее нравственное ученіе было его содержаніемъ и самое благородное счастіе—его цѣлію: тогда какъ для нашихъ мартинистовъ христіанство, всѣ догматы и обряды православной Церкви оставались неприкосновенной святыней. Вся жизнь и практическая дѣятельность людей, стоявшихъ во главѣ русскихъ мартинистовъ, равно какъ

и сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ (Лопухина, Новикова и пр.) ясно свидѣтельствуютъ о ихъ уваженіи и строгомъ почитаніи уставовъ и обрядовъ своей церкви, и о томъ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, которымъ они были одушевлены. (См. „Записки Лопухина", „Духовный рыцарь" его-же, „О внутренней церкви" его-же. Основаніемъ всего ученія мартинистовъ служили слова Премудрости Соломона 7, 17—22. „Переписку Новикова", часть которой напечатана проф. Ешевскимъ въ Русск. вѣстн. 1864 г. № 8, стр. 380 *). И нѣтъ сомнѣнія, что мистицизмъ этотъ долженъ былъ принести большую пользу современному обществу и имѣлъ благотворное вліяніе на общественные нравы и понятія. Отвергая теоріи матеріалистовъ, низводившихъ человѣка на степень животнаго, поставлявшихъ эгоизмъ единственнымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, мистическое ученіе стремилось напротивъ къ развитію въ человѣкѣ его нравственной духовной стороны. Оно требовало отъ человѣка высоконравственной жизни и дѣя-

*) Вотъ для образца отрывокъ изъ катихизиса Лопухина:

„В. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М?

О. Духомъ собратства, который одинъ есть съ христіанствомъ.

В. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М?

О. Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самаго себя, или еще болѣе.

В. Какое должно быть главное упражненіе истинныхъ Ф. М?

О. Послѣдованіе Іисусу Христу.

В. Какіе знаки этого послѣдованія?

О. Чистая любовь, преданность и крестъ.

В. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

О. Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому.

В. Когда перестанетъ всякій трудъ и работа истиннаго Ф. М?

О. Когда не останется на землѣ ни единой воли, которая-бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хочетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится нигдѣ, и когда *царство самой натуры освободится отъ проклятія и возвратится въ средоточіе солнце.* (Зап. Лопух., стр. 24—40)".

тельной любви къ ближнему, и для этого обращалось къ сердцу, къ чувству человѣка. Мистики учили, что побужденіемъ для всякой дѣятельности человѣческой должны служить не самолюбіе и эгоизмъ, а стремленіе къ полному и свободному развитію нравственныхъ совершенствъ человѣческой природы. Мистицизмъ былъ принятъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка небольшихъ меньшинствомъ людей, не сочувствовавшихъ господствовавшему ученію энциклопедистовъ и не удовлетворявшихся одною религіозною обрядностію и сухимъ догматизмомъ,—людей, преданныхъ добру, тревожимыхъ благородною жаждою знанія и пламеннымъ желаніемъ — сдѣлаться полезными своимъ ближнимъ и своему отечеству. „Проповѣдывать дѣятельное христіанство и словомъ, и дѣломъ, сдѣлаться добродѣтельными людьми и добрыми христіанами, содѣйствовать благу и просвѣщенію человѣчества, и для этого жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ",—вотъ тѣ благородныя стремленія и высокія нравственныя правила, которымъ слѣдовали неуклонно въ практической жизни русскіе мартинисты и масоны конца XVIII вѣка. Правила эти были не фразой, а истиннымъ дѣломъ, главною задачею жизни для каждаго изъ нихъ.

Но, несмотря на все это, русскіе масоны не были чужды тѣхъ странныхъ теософско-мистическихъ ученій и теургическихъ мечтаній, которыя проповѣдывались извѣстнѣйшими изъ западныхъ мистиковъ и теософовъ. Сочиненія Я. Бема и его послѣдователей—доктора Пордеджа и Сенъ-Мартена пользовались большимъ уваженіемъ и почитались важнѣйшими догматическими книгами у московскихъ мистиковъ Новиковскаго кружка. „О тройственной жизни", „о благодатномъ избраніи", „Mysterium magnum" и „Серафимскій цвѣтникъ, или

духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Я. Бема".—Соч. Бема: „Мистическое Богословіе" и „Божественная и истинная Метафизика".—соч. Порреджа: „о Заблужденіяхъ и истинѣ", соч. Сенъ-Мартена—ходили по рукамъ у нашихъ мистиковъ въ рукописяхъ, а нѣкоторыя и напечатаны были. Руководясь такими сочиненіями естественно было нашимъ мистикамъ принимать и увлекаться и ихъ заблужденіями. И вотъ, мистицизмъ Лабзина (въ Петербургѣ, издатель Сіон. вѣстника) является мистицизмомъ совершенно иного порядка. Его занимала исключительно созерцательная теорія, а не дѣйствительная жизнь: онъ уже проповѣдывалъ экзальтированную религіозность. Словомъ его мистицизмъ—это тотъ мрачный, всеподавляющій мистицизмъ, которому нѣтъ дѣла до дѣйствительности, до жизни, который путемъ самоотреченія и самоуничиженія доводитъ своихъ послѣдователей до нравственнаго ничтожества, до какого-то фатализма и убиваетъ въ нихъ свободу воли и человѣческаго разума; при помощи таинственнаго языка и пустой, метафизико-богословской діалектики онъ внушаетъ своимъ адептамъ вѣру и поклоненіе началу неподвижности, и въ концѣ концовъ проповѣдуетъ полнѣйшій обскурантизмъ: „мало было слышно о сущности христіанства, а члены (этой ложи) занимались одной пустою суетностію и какими-то загадочными познаніями кабалистическими, алхимическими и т. п."—говоритъ воспитанникъ Новикова общества честный Невзоровъ (Посланіе его къ О. А. Поздѣеву напеч. въ Библіограф. Записк. 1858 г. № 21). Масонскія ложи были закрыты въ Россіи 1822 года по повелѣнію Императора Александра I-го.

Со времени реформаціи до нашихъ дней. Со времени раздѣленія и раздробленія западной христіанской церк-

ви, при Лютерѣ, науки начали возвышаться, многіе западные писатели усиливались улучшить и прояснить нравственное Богословіе. Но успѣхамъ науки много препятствовали: во 1-хъ, раздѣленіе умовъ и двухъ партій, возбужденный реформаціею: во 2-хъ. продолжающееся вліяніе схоластической философіи и мистической теософіи: въ 3-хъ, споры о соединеніи свободной воли съ благодатію; въ 4-хъ. проявляющаяся свобода мышленія и распространеніе натурализма и раціонализма. Изъ множества новѣйшихъ писателей о нравственности замѣчательны—католики: Штаттлеръ, Фринтъ. Зайлеръ, Шенкль. Риглеръ. Штапфъ. Шрейберъ. Браунъ, фонъ Гиршеръ. Шейтъ и Рейненгеръ. Послѣдніе, оба Австрійцы, писали по порученію отъ правительства. на латинскомъ языкѣ. Въ ихъ книгахъ есть много трактатовъ объ обязанностяхъ христіанина; о возстановленіи говорится мало. да и то въ статьѣ: „покаяніе". Это отъ того. что они съ малолѣтства привыкли смотрѣть на нравственность христіанскую въ очки философскіе, особенно—Вольфовы. У французовъ почти нѣтъ писателей въ этомъ родѣ. Англія богата такими писателями, но не систематиками, а проповѣдниками больше. Образецъ нравственности христіанской у англичанъ можно видѣть въ сочиненіи: „*Нова тварь*"—Самуила Валкера.—Изъ германскихъ богослововъ-лютеранъ извѣстны: Буддей, Мосгеймъ, Іедерлейнъ, Морусъ, Штейдлинъ. Аммонъ, де Ветте. Вутке, Пальмеръ, Гарлессъ, Виттнеръ. Рото, Рейнгардъ...—Въ молодыхъ лѣтахъ, Рейнгардтъ много сомнѣвался о вѣрѣ; наконецъ, по судьбамъ Промысла, онъ попалъ на ту мысль, что божественность христіанства можетъ быть доказана изъ самой нравственности христіанской. Потому онъ и старается въ своемъ практическомъ богословіи обнять нрав-

ственность въ полномъ видѣ. И подлинно, одна изъ цѣлей нравственнаго богословія — преподать врачество противъ всѣхъ сомнѣній въ вѣрѣ христіанской, заставить полюбить христіанство, пристать къ нему всѣмъ сердцемъ. Во всей системѣ своей онъ доказываетъ связь истиннаго христіанства съ истиннымъ счастіемъ человѣка: всѣ люди будутъ жить благополучно, если будутъ жить по правиламъ христіанскимъ. Система Рейнгарда имѣетъ свои достоинства и недостатки. Онъ прилагаетъ нравственность ко всякому состоянію, всякой способности, всякому мѣсту: такое направленіе пріятно и поучительно. Но поелику онъ взялся за нравственность христіанскую въ больномъ состояніи, то и видно у него только усиліе увѣрять, а не полная увѣренность;—замѣтно также вліяніе Вольфовой философіи. Много говоритъ онъ объ исправленіи человѣка, но понимаетъ его нравственно-философски, а не такъ радикально, какъ въ Священномъ Писаніи. Замѣчательны, наконецъ, уроки нравственнаго богословія, изданныя подъ именемъ *Флика*, или Флатта: въ нихъ авторъ представляется понявшимъ различіе между естественною нравственностію и христіанскою; отсюда онъ сообщаетъ другое направленіе, другой духъ и цвѣтъ всѣмъ обязанностямъ христіанина. Человѣкъ естественный исполняетъ законъ самъ —одинъ, а христіанинъ—вдвоемъ. Есть еще и другія сочиненія, по нравственному богословію, но они только закрашены текстами, а по духу принадлежатъ тому философу. Поэтому, при употребленіи этихъ нравственныхъ системъ требуется большая осторожность. Католики, хотя руководствуются писаніемъ и преданіемъ, но во многомъ, какъ увидимъ, отступаютъ отъ православнаго ученія; реформаты, отвергая преданіе и опредѣляя смыслъ писанія по своему разуму, не имѣютъ

твердаго и постояннаго начала для своего нравоученія, и въ нравственныхъ системахъ своихъ болѣе представляютъ раціональное ученіе, чѣмъ христіанское, соединяя христіанское ученіе съ философскимъ, и часто только подбирая къ нему тексты изъ писанія, а не рѣдко предпочитая даже свидѣтельства языческихъ писателей священнымъ. Замѣчательно еще, что прежде болѣе говорили и писали объ обязанностяхъ христіанина; нынѣ же не столько стали обращать вниманіе на обязанности, сколько на исправленіе и возстановленіе природы человѣческой. Это можно приписать двумъ главнымъ причинамъ.—Частію кругъ наукъ нынѣ разширился; изыскательность, бродившая по поверхности, теперь обратилась внутрь: прежде она обзирала человѣка совнѣ, а теперь анализируетъ его, и внутрь видитъ много порчи и болѣзней. Съ другой стороны волненія въ родѣ человѣческомъ всегда открываютъ то, что есть нечистаго въ глубинѣ человѣческой природы. Волненія недавняго времени заставили умныхъ писателей съ большою силою говорить объ исправленіи человѣка.

Чтобы не ограничиться однимъ сухимъ перечнемъ нравоучителей и безплоднымъ указаніемъ на ихъ нравоучительныя писанія, погрузимся въ бездну этихъ писаній и изъ *хаоса* ихъ извлечемъ для себя, *сперва*,— взгляды ихъ на нравственную жизнь, а *потомъ*—и самыя начала нравственной жизни.

1) **Различные взгляды на нравственную жизнь.** Мысль человѣческая, отъ самаго начала, отъ самаго, такъ сказать, рожденія своего, много занимавшаяся вопросомъ о смыслѣ и цѣли жизни,—придумала на него нѣсколько, весьма разнообразныхъ, отвѣтовъ. Отвѣты эти сдѣлались достояніемъ человѣчества, смотря по обстоятельствамъ времени и характеру развитія своего, въ извѣстныя

времена, дается предпочтеніе то одному, то другому изъ нихъ. Воззрѣнія эти временами видоизмѣняются, принимаютъ различныя формы и оттѣнки въ своемъ выраженіи и примѣненіи, но въ сущности остаются тѣми же, какими издавна они явились въ мысли человѣчества. Вотъ эти воззрѣнія:

а) Одни говорятъ, „что жизнь есть наслажденіе, веселый пиръ, богатое торжище, на которомъ всякій можетъ найти что нужно; нѣтъ надобности искать въ ней высшихъ, отдаленныхъ цѣлей и сокровеннаго смысла: она сама себѣ цѣль, наслажденіе ею есть ея прямой и высшій смыслъ; пользуйся живущій жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ, пользуйся настоящимъ, не задумываясь о будущемъ: спѣши захватить себѣ на этомъ пирѣ жизни, сколь возможно болѣе удовольствій". Вотъ самая простая, но особенно многимъ пріятная философія. Самая природа наша любитъ жизнь, какъ величайшее для человѣка благо; поэтому нельзя, на первый разъ, не сочувствовать этому воззрѣнію, и всѣ люди, можно сказать, безъ исключенія—цѣлью своей жизни поставляютъ искапіе счастья... Но былъ-ли хоть одинъ человѣкъ, который бы по крайней мѣрѣ узналъ самъ и другимъ сказалъ, что такое счастіе, гдѣ оно, и какъ его найти? Гдѣ это счастіе безъ горя и страданій, утратъ и лишеній, изнурительныхъ трудовъ и неудачъ, болѣзней и смерти? Кто испытывалъ въ жизни одну радости, кто находилъ въ ней все, чего искалъ и желалъ? Кто испытывалъ въ жизни хоть одну радость чистую и полную безъ всякой примѣси охлажденія или горечи, кто считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и счастливымъ, даже и при достиженіи своихъ желаній и цѣлей? Нѣтъ: человѣкъ не такъ созданъ, чтобы удовлетворяться одними только благами этой жизни: онъ по самой при-

родѣ своей ищетъ чего-то иного, и не находитъ этого иного въ этой жизни: а потому, не веселымъ пиромъ и богатымъ торжищемъ, а—равно справедливо, можетъ назвать эту жизнь—тюрьмою или больницей... Нравственный смыслъ этой философіи: „Живи пока живется". Такъ жить свойственно только животнымъ. Такъ жить не согласно будетъ съ требованіями и нравственнымъ достоинствомъ сознательной, разумной человѣческой природы, во всемъ ищущей смысла и разумности. Не нужна намъ эта животная философія, желаемъ болѣе разумной.

б) „Жизнь, говорятъ другіе, есть выполненіе высшаго назначенія человѣческаго. Жизнь есть осуществленіе высшихъ идеаловъ—истины, добра, красоты, правды, любви". Взглядъ болѣе согласный съ достоинствомъ человѣческой природы. И въ природѣ человѣческой есть основаніе для такого взгляда. Въ сущности природы человѣческой глубоко и неискоренимо заложены стремленія къ идеаламъ истины, добра, красоты, правды, любви. Ничто не можетъ заглушить этихъ стремленій. Нѣтъ человѣка столь грубаго и не развитаго, столь дурнаго и испорченнаго, который бы сознательно предпочиталъ истинѣ—ложь, добру—зло, красотѣ—безобразіе, справедливости—неправду, миру и любви—вражду... Но осуществимы-ли эти идеалы въ жизни, исполняемы-ли мы ихъ требованія? Каждая человѣческая душа стремится къ этимъ высшимъ своимъ идеаламъ, а безчисленное множество людей, цѣлыя человѣческія общества, несчетные ряды поколѣній—и все человѣчество, въ продолженіи своей исторіи, оказываются безсильными къ осуществленію этихъ стремленій. Заблужденія, зло, безобразіе, неправда, ненависть господствуютъ въ жизни. Кто не видитъ этого? И сколько

требуется борьбы для достиженія одной какой-либо истины, для совершенія одного какого-либо добра, для побѣжденія безобразія, для уничтоженія неправды, для искорененія ненависти?!.. И сколько падающихъ въ этой борьбѣ за идеалы, борьбѣ и съ собой, и съ другими?! Итакъ, жизнь не есть осуществленіе идеаловъ добра, истины и справедливости, точно также, какъ не есть она осуществленіе идеала счастія. Это показываетъ опытъ. Оставимъ свѣтлые идеалы и высокія требованія, и поищемъ болѣе прямаго объясненія смыслу жизни.

в) „Такъ, говорятъ иные, личная жизнь человѣка не удовлетворяетъ идеальнымъ требованіямъ счастія, истины, добра, красоты, справедливости и т. п. Но эти идеалы предназначено осуществить всей жизни человѣчества: выполненіе ихъ должно быть вѣнцемъ исторіи человѣчества. И послѣ долгихъ исканій и колебаній, послѣ тяжкихъ трудовъ, напряженныхъ усилій и жертвъ человѣчество, наконецъ, прійдетъ къ своимъ идеаламъ, найдетъ счастіе, узнаетъ истину, сдѣлается идеально добрымъ и совершеннымъ, установитъ вездѣ справедливость, будетъ наслаждаться миромъ и красотою, и не будетъ тогда въ человѣчествѣ несчастія и зла, заблужденія и безобразія, ненависти и неправды. До тѣхъ поръ жизнь человѣческая есть непрестанная работа надъ осуществленіемъ этихъ идеаловъ, и каждый вѣкъ, каждый народъ, каждое поколѣніе, каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ свое особенное назначеніе, вноситъ свою долю въ эту сокровищницу великаго обще-человѣческаго труда. Работа идетъ безостановочно; личности живутъ и умираютъ, поколѣнія мѣняются, народы исчезаютъ, вѣка проходятъ; но каждый вѣкъ, каждый народъ передаетъ для продолженія свое дѣло своему преемнику, а этотъ—дальнѣйшему, и никакая враждебная сила не

можетъ остановить этого движенія—этого *прогресса*: невѣжество, неправда, зло непрестанно гнетутъ и стараются уничтожить силу истины и добра, но ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра не пропадаетъ даромъ въ этой непрестанной работѣ и борьбѣ; каждая добрая мысль, каждый честный трудъ приноситъ свою пользу, имѣютъ свое значеніе въ достиженіи цѣли человѣчества. Непрестанно увеличивая сокровищницу знанія и труда, непрестанно подвигаясь впередъ, человѣчество все ближе, и ближе подходитъ къ своей цѣли—къ своему идеалу, и наконецъ достигнетъ его". Что сказать объ этомъ взглядѣ на жизнь? Довольно сказать, что мы человѣчества не знаемъ, какъ живаго существа; мы знаемъ живыхъ людей, знаемъ составляющіяся изъ нихъ поколѣнія, народы и т. д., знаемъ, что каждый человѣкъ есть существо личное; а эта теорія обезличиваетъ человѣка,—отворачивается отъ ней.

Какъ жить по указанію Псалмовъ.

КАКЪ ЖИТЬ ПО УКАЗАНІЮ ПСАЛМОВЪ.

Блаже́нъ мꙋ́жъ, и҆́же не иде на совѣ́тъ нечести́выхъ, и҆ на пꙋти̑ грѣ́шныхъ не ста̀ и҆ на сѣда́лищи гꙋби́телей не сѣде: но въ зако́нѣ Гдⷭ҇ни во́лѧ є҆гѡ̀, и҆ въ законѣ є҆гѡ̀ поꙋчи́тсѧ де́нь и҆ но́щь. (Псал. 1, ст. 1—2).

Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей; но въ законѣ Господа воля его, и о законѣ Его размышляетъ онъ день и ночь.

И҆ ны́нѣ ца́рїе разꙋмѣ́йте, накажи́тесѧ всѝ сꙋдѧ́щїи землѝ. Рабо́тайте Гдⷭ҇ви со стра́хомъ, и҆ ра́дꙋйтесѧ емꙋ̀ съ тре́петомъ Прїими́те наказа́нїе, да не когда̀ прогнѣ́ваетсѧ Гдⷭ҇ь, и҆ поги́бнете ѿ пꙋти̑ пра́веднагѡ, є҆гда̀ возгори́тсѧ вско́рѣ ꙗ҆́рость єгѡ̀, блаже́ни вси надѣ́ющїисѧ нань. (Псал. 2, ст. 10—12).

Итакъ, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхомъ, и радуйтесь (предъ Нимъ) съ трепетомъ. Почтите Сына, чтобы Онъ не прогнѣвался, и чтобы вамъ не погибнуть въ пути вашемъ; ибо гнѣвъ Его возгорится вскорѣ. Блаженны всѣ, уповающіе на Него.

Сы́нове человѣ́честїи, доко́лѣ тѧжкосе́рдїи; вскꙋ́ю лю́бите сꙋстꙋ̀, і҆ и҆́щете лжѝ; Гнѣ́вайтесѧ, и҆ не согрѣша́йте, ꙗ҆́же глаго́лете въ сердца́хъ ва́шихъ, на ло́жахъ ва́шихъ оу҆мили́тесѧ. Пожри́те же́ртвꙋ пра́вды, и҆ оу҆пова́йте на Гдⷭ҇а. (Псал. 4, ст. 3. 5. 6).

Сыны мужей! доколѣ слава моя будетъ въ поруганіи? Доколѣ будете любить суету и искать лжи?.. Гнѣваясь, не согрѣшайте; размыслите въ сердцахъ вашихъ на ложахъ вашихъ, и утишитесь. Приносите жертвы правды, и уповайте на Господа.

Ꙗ҆́ко Бг҃ъ не хотѧ́й беззако́нїѧ, ты̀ є҃сѝ: не присели́тсѧ къ тебѣ̀ лукавнꙋѧ́й. Ни́же пребꙋ́дꙋтъ беззако́нницы предъ ѻ҆чи́ма твои́ма: возненави́дѣлъ є҃сѝ всѧ̑ дѣ́лающыѧ беззако́нїе. Погꙋби́ши всѧ̑ глаго́лющыѧ лжꙋ̀: мꙋ́жа крове́й и҆ льсти́ва гнꙋша́етсѧ Гд҇ь. (Псал. 5, ст. 5—7).

Ибо ты Богъ, не любящій беззаконія; у Тебя не водворится злой. Нечестивые не пребудутъ предъ очами Твоими: Ты ненавидишь всѣхъ, дѣлающихъ беззаконіе. Ты погубишь говорящихъ ложь; кровожаднаго и коварнаго гнушается Господь.

Гд҇и, кто̀ ѡ҆бита́етъ въ жили́щи твое́мъ; и҆лѝ кто̀ всели́тсѧ во свѧтꙋ́ю го́рꙋ твою̀; ходѧ́й непоро́ченъ, и҆ дѣ́лаѧй пра́вдꙋ, глаго́лѧй и҆́стинꙋ въ се́рдцѣ свое́мъ. И҆̀же не ᲂу҆льстѝ ꙗ҆зы́комъ свои́мъ, и҆ не сотворѝ и҆́скреннемꙋ своемꙋ̀ ѕла̀, и҆ поноше́нїѧ не прїѧ́тъ на бли́жнїѧ своѧ̑. ᲂу҆ничиже́нъ є҃сть предъ ни́мъ лꙋка́внꙋѧй, боѧ́щыѧжесѧ Гд҇а сла́витъ, клены́йсѧ и҆скре́ннемꙋ своемꙋ̀, и҆ не ѿмета́ѧсѧ: сребра̀ своегѡ̀ не дадѐ въ ли́хвꙋ, и҆ мзды̀ на непови́нныхъ не прїѧ́тъ. Творѧ́й сїѧ̑ не подви́житсѧ во вѣ́къ. (Псал. 14, 1—5).

Господи! кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ? кто можетъ обитать на святой горѣ Твоей? Тотъ, кто ходитъ непорочно, и дѣлаетъ правду, и говоритъ истину въ сердцѣ своемъ; кто не клевещетъ языкомъ своимъ, не дѣлаетъ искреннему своему зла, и не принимаетъ поношеніе на ближняго своего; тотъ, въ глазахъ котораго презрѣнъ отверженный, но который боящихся Господа славитъ; кто клянется, хотя бы злому, и не измѣняетъ; кто серебра своего не отдаетъ въ ростъ, и не принимаетъ даровъ противъ невиннаго. Поступающій такъ, не поколеблется во вѣкъ.

Кто̀ взы́детъ на го́рꙋ Гд҇ню; и҆лѝ кто̀ ста́нетъ на мѣ́стѣ свѧ́тѣмъ є҆гѡ̀; Непови́ненъ рꙋка́ма,

Кто взойдетъ на гору Господню, или кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его? Тотъ, у котораго руки неповинны

и҆ чи́стъ се́рдцемъ, и҆́же не прїѧ́тъ всꙋ́е дꙋшꙋ̀ свою̀, и҆ не клѧ́тсѧ ле́стїю и҆скреннемꙋ̀ своемꙋ̀. Се́й прїи́метъ благо̀слове́нїе ѿ Гд҃а, и҆ ми́лостыню ѿ Бга Спа́са своегѡ̀. (Псал. 23, 3—5).

и сердце чисто,—кто не клялся душею своею напрасно, и не божился ложно (ближнему своему); тотъ получитъ благословеніе отъ Господа и милость отъ Бога, Спасителя своего.

Гд҃ь просвѣще́нїе моѐ, и҆ Спаси́тель мо́й, когѡ̀ оу҆бою́сѧ; Гд҃ь защи́титель живота̀ моегѡ̀, ѿ когѡ̀ оу҆страшꙋ́сѧ; А҆́ще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не оу҆бои́тсѧ се́рдце моѐ, а҆́ще воста́нетъ на мѧ̀ бра́нь, на него̀ а҆́зъ оу҆пова́ю. Є҆ди́но проси́хъ ѿ Гд҃а, то̀ взыщꙋ̀: є҆же жи́ти мѝ въ домꙋ̀ Гд҃ни всѧ̀ днѝ живота̀ моегѡ̀, зрѣ́ти мѝ красотꙋ̀ Гд҃ню, и҆ посѣща́ти хра́мъ свѧты́й егѡ̀... Тебѣ̀ речѐ се́рдце моѐ: Гд҃а взыщꙋ̀, взыска̀ тебѐ лицѐ моѐ, лица̀ твоегѡ̀, Гд҃и, взыщꙋ̀... Потерпѝ Гд҃а, мꙋжа́йсѧ и҆ да крѣпи́тсѧ се́рдце твоѐ, и҆ потерпѝ Гд҃а. (Псал. 26, 1. 3. 4. 8. 14).

Господь свѣтъ мой и спасеніе мое: кого мнѣ бояться? Господь крѣпость жизни моей: кого мнѣ страшиться? Если ополчится противъ меня полкъ, не убоится сердце мое: если возстанетъ на меня война, и тогда буду надѣяться. Одного просилъ я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посѣщать (святый) храмъ Его... Сердце мое говоритъ отъ Тебя: „ищите лица Моего“; и я буду искать лица Твоего, Господи... Надѣйся на Господа; мужайся, и да укрѣпляется сердце твое, надѣйся на Господа.

Не привлецы менѐ со грѣшники, и҆ съ дѣлающими непра́вдꙋ не погꙋбѝ менѐ, глаго́лющими ми́ръ съ бли́жними свои́ми, ѕла̑ѧ же въ сердца́хъ свои́хъ. (Псал. 27, 3).

Не погуби меня съ нечестивыми и съ дѣлающими неправду, которые съ ближними своими говорятъ о мирѣ, а въ сердцѣ у нихъ зло.

Мꙋжа́йтесѧ, и҆ да крѣпи́тсѧ се́рдце ва́ше, всѝ оу҆пова́ющїи на Гд҃а. (Псал. 30, 25).

Мужайтесь, и да укрѣпляется сердце ваше, всѣ надѣющіеся на Господа.

Не бꙋ́дите ꙗ҆́кѡ ко́нь и҆ ме́скъ, и҆́мже нѣ́сть ра́зꙋма: бро́здами и҆ оу҆здо́ю че́люсти и҆́хъ востѧ́гнеши, не приближа́ющихсѧ къ тебѣ̀. Мно́ги ра́ны грѣ́шномꙋ: оу҆пова́ющаго же на Гд҃а ми́лость ѡ҆бы́детъ. Весели́тесѧ ѡ҆ Гд҃ѣ, и҆ ра́дꙋйтесѧ пра́веднїи, и҆ хвали́тесѧ всѝ пра́вїи се́рдцемъ. (Псал. 31, 9, 10, 11).

Не будьте какъ конь, какъ лошакъ несмысленный, которыхъ челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебѣ. Много скорбей нечестивому; а уповающаго на Господа окружаетъ милость. Веселитесь о Господѣ и радуйтесь, праведные; торжествуйте всѣ, правые сердцемъ.

Ра́дꙋйтесѧ пра́веднїи ѡ҆ Гд҃ѣ, пра̑вымъ подоба́етъ похвала. Блаже́нъ ꙗ҆зы́къ, є҆мꙋ́же є҆́сть Гд҃ь Бг҃ъ є҆гѡ̀, лю́ди, ꙗ҆̀же и҆збра̀ въ наслѣ́дїе себѣ̀. (Псал. 32, 1, 12).

Радуйтеся, праведные о Господѣ; правымъ прилично славословить. Блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ, — племя, которое Онъ избралъ въ наслѣдіе Себѣ.

Благословлю̀ Гд҃а на всѧ́кое вре́мѧ, вы́нꙋ хвала̀ є҆гѡ̀ во оу҆стѣ́хъ мои́хъ. О҆ Гд҃ѣ похва́литсѧ дꙋша̀ моѧ̀, да оу҆слы́шатъ кро́тцыи, и҆ возвеселѧ́тсѧ. Возвели́чите Гд҃а со мно́ю, и҆ вознесе́мъ и҆́мѧ є҆гѡ̀ вкꙋ́пѣ... Вкꙋси́те и҆ ви́дите, ꙗ҆́кѡ бла́гъ Гд҃ь: блаже́нъ мꙋ́жъ, и҆́же оу҆пова́етъ на́нь. Бо́йтесѧ Гд҃а всѝ свѧтїи є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ нѣ́сть лише́нїѧ боѧ-

Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно въ устахъ моихъ. Господомъ будетъ хвалиться душа моя; услышатъ кроткіе и везвеселятся. Величайте Господа со мною, и превознесемъ имя Его вмѣстѣ... Вкусите, и увидите, какъ благъ Господь! Блаженъ человѣкъ, который уповаетъ на Него! Бойтеся Господа, всѣ святые Его;

щымсѧ ѐгѡ̀. Бога́тїи ѡ҆бнища́ша и҆ взалка́ша, взыска́ющїи же Гд҃а не лиша́тсѧ всѧ́кагѡ бла́га. Прїиди́те, ча̑да послꙋ́шайте менѐ, стра́хꙋ Гд҃ню наꙋ́чꙋ ва́съ. Кто́ є҆сть человѣ́къ хотѧ́й живо́тъ, любѧ́й дни̑ ви́дѣти бла́ги; оу҆держи ѧ҆зы́къ тво́й ѿ ѕла̀, и҆ оу҆стнѣ̀ твои̑, є҆́же не глаго́лати льсти̑. Оу҆клони́сѧ ѿ зла̀, и҆ сотвори̑ бла́го: взыщи̑ ми́ра, и҆ пожени̑ и҆̀. Бли́зъ Гд҃ь сокрꙋше́нныхъ се́рдцемъ, и҆ смире́нныѧ дꙋ́хомъ спасе́тъ. (Псал. 33, 1—4. 9—15. 19).

ибо нѣтъ скудости у боящихся Его. Скимны бѣдствуютъ и терпятъ голодъ, а ищущіе Господа не терпятъ нужды ни въ какомъ благѣ. Пріидите, дѣти, послушайте Меня: страху Господню научу васъ. Хочетъ ли человѣкъ жить, и любитъ ли долгоденствіе, чтобы видѣть благо? Удерживай языкъ свой отъ зла, и уста свои отъ коварныхъ словъ. Уклоняйся отъ зла и дѣлай добро, ищи мира и слѣдуй за нимъ. Близокъ Господь къ сокрушеннымъ сердцемъ, и смиренныхъ духомъ спасетъ.

Не ревнꙋ́й лꙋка́внꙋющымъ, ниже зави́ди творѧ́щымъ беззако́нїе. Занѐ ꙗ҆́кѡ трава̀ ско́рѡ и҆зсшꙋ́тъ, и҆ ꙗ҆́кѡ зе́лїе зла́ка ско́рѡ ѿтпадꙋ́тъ. Оу҆пова́й на Гд҃а, и҆ твори̑ благосты́ню, и҆ насели̑ зе́млю, и҆ оу҆пасе́шисѧ въ бога́тствѣ є҆ѧ̀. Насладисѧ Гд҃еви, и҆ да́стъ ти̑ проше́нїѧ се́рдца твоегѡ̀. Ѿкры́й ко Гд҃ꙋ пꙋ́ть тво́й, и҆ оу҆пова́й на него̀, и҆ то́й сотвори́тъ: и҆ и҆зведе́тъ ꙗ҆́кѡ свѣ́тъ пра́вдꙋ твою̀, и҆ сꙋ́дькꙋ твою̀ ꙗ҆́кѡ полꙋ́дне. Повини́сѧ Гд҃ви, и҆ оу҆моли̑ его̀. Не ревнꙋ́й

Не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе. Ибо они, какъ трава, скоро будутъ подкошены, и, какъ зеленѣющій злакъ, увянутъ. Уповай на Господа и дѣлай добро; живи на землѣ, и храни истину. Утѣшайся Господомъ, и Онъ исполнитъ желаніе сердца твоего. Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Онъ совершитъ. И выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою, какъ полдень. Покорись Господу и надѣйся на Него. Не ревнуй успѣваю-

спѣющемꙋ въ пꙋти̑ свое́мъ, человѣкꙋ творѧ́щемꙋ законопрестꙋпле́нїе. Преста́ни ѿ гнѣва, и̑ ѡста́ви ꙗ҆́рость: не ревнꙋ́й, є҆́же лꙋка́вновати. Занѐ лꙋка́внꙋющїи потребѧ́тсѧ: терпѧ́щїи же Гдⷭ҇а, тїи наслѣдѧтъ зе́млю. И҆ є҆щѐ ма́лѡ, и̑ не бꙋ́детъ грѣ́шника: и̑ взы́щеши мѣ́сто є҆гѡ̀, и̑ не ѡ҆брѧ́щеши. Кро́тцыи же наслѣдѧтъ зе́млю, и̑ насладѧ́тсѧ ѡ҆ мно́жествѣ ми́ра... Лꙋ́чше ма́лое пра́ведникꙋ, па́че бога́тства грѣ́шныхъ мно́га. Занѐ мы́шцы грѣ́шныхъ сокрꙋша́тсѧ, оу҆твержда́етъ же пра́ведныѧ Гдⷭ҇ь... Оу҆клони́сѧ ѿ зла̀, и̑ сотвори̑ бла́го... Потерпи̑ Гдⷭ҇а, и̑ сохрани̑ пꙋ́ть є҆гѡ̀, и̑ вознесе́тъ тѧ̀, є҆́же наслѣ́дити зе́млю. Храни̑ незло́бїе, и̑ ви̑ждь правотꙋ̀, ꙗ҆́кѡ є҆́сть ѡ҆ста́нокъ человѣ́кꙋ ми́рнꙋ. (Псал. 36, 1—12. 16—17. 27. 34. 37).

щему въ пути своемъ, человѣку лукавствующему. Перестань гнѣваться, и оставь ярость: не ревнуй до того, чтобы дѣлать зло. Ибо дѣлающіе зло, истребятся, уповающіе же на Господа, наслѣдуютъ землю. Еще не много, и не станетъ нечестиваго; посмотримъ на его мѣсто, и нѣтъ его. А кроткіе наслѣдуютъ землю и насладятся множествомъ мира... Малое у праведника лучше богатства многихъ нечестивыхъ. Ибо мышцы нечестивыхъ сокрушатся, а праведниковъ подрѣпляетъ Господь... Уклоняйся отъ зла, и дѣлай добро... Уповай на Господа, и держись пути Его: и Онъ вознесетъ тебя, чтобы ты наслѣдовалъ землю. Наблюдай за непорочнымъ и смотри на праведника; ибо будущность *такого* человѣка есть миръ.

Блаже́нъ мꙋ́жъ, є҆мꙋ́же є҆́сть и҆́мѧ Гдⷭ҇не оу҆пова́нїе є҆гѡ̀, и̑ не призрѣ̀ въ сꙋеты̀ и̑ неистовле́нїѧ лѡ̀жнаѧ. (Псал. 39, 5).

Блаженъ человѣкъ, который на Господа возлагаетъ надежду свою, и не обращается къ гордымъ и къ уклонящимся ко лжи.

О҆ Бг҃ѣ похва́лимсѧ ве́сь де́нь, и̑ ѡ҆ и҆́мени твое́мъ и҆сповѣ́мысѧ во вѣ́къ. Сїѧ̀ всѧ̀

О Богѣ похвалимся всякій день, и имя Твое будемъ прославлять во вѣки... Все это пришло на насъ;

прїидо́ша на ны̀, и҆ не забы́хомъ тебѐ, и҆ не непра́вдовахомъ въ завѣ́тѣ твое́мъ. И҆ не ѿстꙋпи̇̀ вспѧ́ть се́рдце на́ше: и҆ оу҆клони̇̀лъ є҆сѝ стезѝ на́шѧ ѿ пꙋтѝ твоегѡ̀. Ꙗ҆́кѡ смири́лъ є҆сѝ на́съ на мѣ́стѣ ѡ҆злобле́нїѧ, и҆ прикры̀ ны сѣ́нь сме́ртнаѧ. А҆́ще ѕабы́хомъ и҆́мѧ Бг҃а на́шегѡ, и҆ а҆́ще воздѣ́хомъ рꙋ́ки на́шѧ къ бо́гꙋ чꙋжде́мꙋ: Не Бг҃ъ ли взы́щетъ си́хъ; то́й бо вѣ́сть та̑йнаѧ се́рдца. Занѐ тебѐ ра́ди оу҆мерщвлѧ́емсѧ ве́сь де́нь, вмѣни́хомсѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆́вцы заколе́нїѧ. (Псал. 43, 9. 18—24).

Но мы не забыли Тебя и не нарушили завѣта Твоего. Не отступило назадъ сердце наше, и стопы наши не уклонились отъ пути Твоего, когда Ты сокрушилъ насъ въ землѣ драконовъ, и покрылъ насъ тѣнію смертною. Если бы мы забыли имя Бога нашего и простерли руки наши къ Богу чужому; то не взыскалъ ли бы сего Богъ? Ибо онъ знаетъ тайны сердца. Но за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день, считаютъ насъ за овецъ, *обреченныхъ* на заколеніе.

По́йте Бг҃ꙋ на́шемꙋ, по́йте: по́йте царе́ви на́шемꙋ, по́йте. Ꙗ҆́кѡ ца́рь всеѧ̀ землѝ Бг҃ъ, по́йте разꙋ́мнѡ. [Псал. 46, 7—8].

Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему; пойте. Ибо Богъ-Царь всей земли; пойте всѣ разумно.

Пожри Бг҃ови же́ртвꙋ хвалы̀, и҆ возда́ждь Вы́шнемꙋ мѡли́твы твоѧ̀. И҆ призови́ мѧ въ де́нь ско́рби твоеѧ̀, и҆ и҆змꙋ̀ тѧ, и҆ просла́виши мѧ̀. Грѣ́шникꙋ же речѐ Бг҃ъ: вскꙋ́ю ты̀ повѣ́даеши ѿправда̑нїѧ моѧ̀, и҆ воспрїе́млеши завѣ́тъ мо́й оу҆сты̀ твои́ми; Ты́ же возненави́дѣлъ є҆сѝ наказа́нїе, и҆ ѿве́ргъ є҆сѝ словеса̀ моѧ̀ вспѧ́ть. А҆́ще ви́дѣлъ є҆сѝ та́тѧ,

Принеси въ жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обѣты твои. И призови Меня въ день скорби; Я избавлю тебя и ты прославишь Меня. Грѣшнику же говоритъ Богъ: что ты проповѣдуешь уставы Мои и берешь завѣтъ Мой въ уста твои, а самъ ненавидишь наставленіе Мое, и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, схо-

тéклъ є҆сѝ съ ни́мъ, и҆ съ прелюбодѣ́ємъ ѹ҆ча́стїе твоѐ полага́лъ є҆сѝ. Ѹ҆ста̀ твоѧ̑ ѹ҆мно́жиша зло́бꙋ, и҆ ѧ҆зы́къ тво́й сплета́ше льще́нїѧ. Сѣдѧ̀ на бра́та твоегѡ̀ клевета́лъ є҆сѝ, и҆ на сы́на ма́тере твоеѧ̀ полага́лъ є҆сѝ собла́знъ. Сїѧ̑ сотвори́лъ є҆сѝ, и҆ ѹ҆молча́хъ, возмнѣва́лъ є҆сѝ беззако́нїе, ꙗ҆́кѡ бꙋ́дꙋ тебѣ̀ подо́бенъ, ѡ҆бличꙋ̀ тѧ̀ и҆ предста́влю предъ лице́мъ твои́мъ грѣхи̑ твоѧ̑. Разꙋмѣ́йте ѹ҆̀бѡ сїѧ̑, забыва́ющїи бг҃а, да не когда̀ похи́титъ, и҆ не бꙋ́детъ и҆збавлѧ́ѧй. Же́ртва хвалы̀ просла́витъ мѧ̀: и҆ та́мѡ пꙋ́ть, и҆́мже ꙗ҆влю̀ є҆мꙋ̀ спасе́нїе моѐ. [Псал. 49, 14—23].

дишься съ нимъ и съ прелюбодѣями сообщаешься. Уста твои открываешь на злословіе, и языкъ твой сплетаетъ коварство. Сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевещешь. Ты это дѣлалъ, и Я молчалъ; ты подумалъ, что Я такой же, какъ ты. Изобличу тебя, и представлю предъ глаза грѣхи твои (грѣхи твои). Уразумѣйте это, забывающіе Бога, дабы Я не восхитилъ, —и не будетъ избавляющаго. Кто приноситъ въ жертву хвалу, тотъ чтитъ Меня, и кто наблюдаетъ за путемъ своимъ, тому явлю Я спасеніе Божіе.

Наипа́че ѡ҆мы́й мѧ̀ ѿ беззако́нїѧ моегѡ, и҆ ѿ грѣха̀ моегѡ ѡ҆чи́сти мѧ̀: ꙗ҆́кѡ беззако́нїе моѐ а҆́зъ зна́ю, и҆ грѣ́хъ мо́й предо мно́ю є҆́сть вы́нꙋ. Же́ртва бг҃ꙋ дꙋ́хъ сокрꙋше́нъ, се́рдце сокрꙋше́нно и҆ смире́нно бг҃ъ не ѹ҆ничижи́тъ. [Псал. 50, 4—5. 19].

Многократно омой меня отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти меня. Ибо беззаконія мои я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною... Жертва Богу духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже.

Что̀ хва́лишисѧ во зло́бѣ, си́льне; беззако́нїе ве́сь де́нь. Непра́вдꙋ ѹ҆мы́сли ѧ҆зы́къ тво́й, ꙗ҆́кѡ бри́твꙋ и҆з̾ѡще́нꙋ сотво-

Что хвалишься злодѣйствомъ, сильный? Милость Божія всегда *со мною*. Гибель вымышляетъ языкъ

рилъ ѣси лѣсть. Возлюбилъ ѣси злобу паче благостыни, неправду, нежеже глаголати правду. Возлюбилъ ѣси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца: восторгнетъ тя, и преселитъ тя отъ селенія твоего, и корень твой отъ земли живыхъ. Оузрятъ праведніи и оубоятся, и отъ нея возсмѣются, и рекутъ: Се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но оупова на множество богатства своего, и возможе сѣтою своею. Азъ же яко маслина плодовита въ домѣ Божіи: оуповахъ на милость Божію во вѣкъ, и въ вѣкъ вѣка. Исповѣмся тебѣ во вѣкъ, яко сотворилъ ѣси: и терплю имя твое, яко благо предъ преподобными твоими. (Псал. 51 весь).

Оуповайте на него весь сонмъ людей: излійте предъ нимъ сердца ваша, яко Богъ помощникъ нашъ. Окаче сѣтни сынове человѣчестіи: лжіви сынове человѣчестіи въ мѣрилѣхъ ѣже неправдовати, тіи отъ сѣсти вкупѣ. Не оуповайте на неправду, и на

твой; какъ изощренная бритва, онъ у тебя, коварный! Ты любишь больше зло, нежели добро, больше ложь, нежели говорить правду. Ты любишь всякія гибельныя рѣчи, языкъ коварный. За то Богъ сокрушитъ тебя въ конецъ, изринетъ тебя и исторгнетъ тебя изъ жилища (твоего) и корень твой изъ земли живыхъ. Увидятъ праведники и убоятся; посмѣются надъ нимъ (и скажутъ): вотъ человѣкъ, который не въ Богѣ полагалъ крѣпость свою, а надѣялся на множество богатства своего, укрѣплялся въ злодѣйствѣ своемъ. А я, какъ зеленѣющая маслина въ домѣ Божіемъ; и уповаю на милость Божію во вѣки вѣковъ. Вѣчно буду славить за то, что Ты содѣлалъ, и уповать на имя Твое, ибо оно благо предъ Святыми Твоими.

Народъ! надѣйтесь на Него во всякое время; изливайте предъ нимъ сердце ваше: Богъ намъ—прибѣжище. Сыны человѣческіе —только суета; сыны мужей—ложь; если положить ихъ на вѣсы, всѣ они вмѣстѣ легче пустоты. Не на-

восхищéнїе не желáйте: богáтство áще течéтъ, не прилагáйте сéрдца. (Псал. 61, 9—11).

дѣйтесь на грабительство и не тщеславьтесь хищенiемъ: когда богатство умножается, не прилагайте *къ нему* сердца.

Возвеселитсѧ прáведникъ ѡ Гдѣ и ѹповáетъ на негó. (Псал. 63, 11).

А праведникъ возвеселится о Господѣ и будетъ уповать на Него.

Ꙗкѡ тебé рáди претерпѣхъ поношéнїе, покры̀ срамотà лицè моè. Чꙋждъ бы́хъ брáтїи моéй, и стрáненъ сыновѡ́мъ мáтере моеѧ̀. Ꙗкѡ рéвность дóмꙋ твоегѡ̀ снѣдé мѧ, и поношéнїѧ поносѧ́щихъ тѝ нападóша на мѧ̀. И покры́хъ постóмъ дꙋ́шꙋ мою̀, и бы́сть въ поношéнїе мнѣ̀. И положи́хъ ѡдѣѧ́нїе моè врéтище, и бы́хъ и̂мъ въ при́тчꙋ. Ѡ мнѣ̀ глꙋмлѧ́хꙋсѧ сѣдѧ́щїи во вратѣ́хъ: и ѡ мнѣ̀ поѧ́хꙋ пїю́щїи винò... Восхвалю̀ и̂мѧ Бга моегѡ̀ съ пѣ́снїю, возвели́чꙋ егò во хвалéнїи: И ѹгóдно бꙋ́детъ Бгꙋ пáче тельцà ю́на, рóги и̂зносѧ́ща и пáзнокти. Да ѹ̂зрѧ́тъ ни́щїи, и возвеселѧ́тсѧ, взыщи́те Бга, и живà бꙋ́детъ дꙋшà вáша. Ꙗкѡ ѹслы́ша ѹбѡ́гїѧ Гдь. (Псал. 68, 8—13. 31—34).

Ибо ради Тебя несу я поношенiе, и безчестiемъ покрываютъ лице мое. Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ и постороннимъ для сыновъ матери моей. Ибо ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня, и злословiя злословящихъ Тебя падаютъ на меня. И плачу, постясь душею моею; и это ставятъ въ поношенiе мнѣ. И возлагаю на себя, вмѣсто одежды, вретище, — и дѣлаюсь для нихъ притчею. О мнѣ толкуютъ сидящiи у воротъ и поютъ въ пѣсняхъ пьющiи вино... Я буду славить имя Бога (моего) въ пѣсни, буду превозносить Его въ славословiи. И будетъ это благоугоднѣе Господу, нежели волъ, нежели телецъ съ рогами и съ копытами. Увидятъ это страждущiе, и возрадуются, и оживетъ сердце ваше, ищущiе Бога. Ибо Господь внемлетъ нищимъ.

Ꙗ҆́ко сѐ оу҆далѧ́ющїи себѐ ѿ тебѐ, поги́бнꙋтъ: потреби́лъ є҆сѝ всѧ́каго любодѣ́ющаго ѿ тебе. Мнѣ̀ же прилѣплѧ́тисѧ Бг҃ови бла́го є҆́сть, полага́ти на Гд҃а оу҆пова́нїе моѐ, возвѣсти́ти ми всѧ̀ хвалы̀ твоѧ́. (Псал. 72, 27—28).

Ибо вотъ удаляющіи себя отъ Тебя гибнутъ; Ты истребляешь всякаго, отступающаго отъ Тебя. А мнѣ благо приближаться къ Богу! На Господа Бога я возложилъ упованіе мое, чтобы возвѣщать всѣ дѣла Твои.

Помоли́тесѧ и҆ воздади́те Гд҃еви Бг҃ꙋ на́шемꙋ: всѝ, и҆́же ѻ҆́крестъ є҆гѡ, принесꙋ́тъ да́ры. Стра́шномꙋ и҆ ѿе́млющемꙋ дꙋ́хи кнѧзе́й, стра́шномꙋ па́че царе́й земны́хъ. (Псал. 75, 12—13).

Дѣлайте и воздавайте обѣты Господу Богу вашему; всѣ, которые вокругъ Него, да принесутъ дары Страшному. Онъ укрощаетъ духъ князей, Онъ страшенъ для царей земныхъ.

Внемли́те лю́дїе мои̑ зако́нꙋ моемꙋ̀, приклони́те оу҆́хо ва́ше во глаго́лы оу҆́стъ мои́хъ. Ѿве́рзꙋ въ при́тчахъ оу҆ста моѧ̀, провѣща́ю гана̑нїѧ и҆сперва... И҆ повѣ́дѧтъ ѧ҆̀ сыновѡ́мъ свои́мъ... Да положа́тъ на Бга оу҆пова́нїе своѐ, и҆ не забꙋ́дꙋтъ дѣ́лъ Бж҃їихъ, и҆ за́повѣди є҆гѡ̀ взы́щꙋтъ. (Псал. 77, 1—2. 6—7).

Внимай, народъ мой, закону Моему, приклоните ухо ваше къ словамъ устъ Моихъ. Открою уста Мои въ притчѣ и произнесу гаданія изъ древности... Чтобы они въ свое время возвѣщали своимъ дѣтямъ возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дѣлъ Божіихъ, и хранить заповѣди Его.

Ра́дꙋйтесѧ Бг҃ꙋ помо́щникꙋ на́шемꙋ, воскли́кните Бг҃ꙋ Іа́кѡвлю... І҆и҃лю, а҆́ще послꙋ́шаеши мене́: Не бꙋ́детъ тебѣ̀ бо́гъ, но́въ, нижѐ поклони́шисѧ бо́гꙋ чꙋжде́мꙋ. А҆́зъ бо є҆́смь Гд҃ь Бг҃ъ тво́й. (Псал. 80, 1. 9. 10).

Радостно пойте Богу, твердынѣ нашей; восклицайте Богу Іакова! Израиль! о, если бы ты послушалъ Меня! Да не будетъ у тебя инаго бога, и не поклоняйся богу чужеземному. Я, Господь,—Богъ твой.

Доко́лѣ сꙋ́дите непра́вдꙋ, и҆ ли́ца грѣ́шникѡвъ прїе́млете? Сꙋди́те си́рꙋ и҆ ᲂу҆бо́гꙋ, смире́нна и҆ ни́ща ѡ҆правда́йте. (Псал. 81, 2. 3).

Доколѣ будете вы судить неправедно и оказывать лицепріятіе нечестивымъ! Давайте судъ бѣдному и сиротѣ; угнетенному и нищему оказывайте справедливость.

Блаже́ни живꙋ́щїи въ домꙋ̀ твое́мъ, въ вѣ́ки вѣкѡ́въ восхва́лѧтъ тѧ̀. Блаже́нъ мꙋ́жъ, є҆мꙋ́же є҆́сть застꙋпле́нїе є҆гѡ̀ ᲂу҆ тебѐ, восхожде́нїѧ въ се́рдцѣ свое́мъ положи̑. Во ю҆до́ль плаче́внꙋю, въ мѣ́сто; є҆́же положи̑: и҆́бо благослове́нїе да́стъ законополага́ѧй. По́йдꙋтъ ѿ си́лы въ си́лꙋ, ꙗ҆ви́тсѧ Бг҃ъ богѡ́въ въ Сїѡ́нѣ... А҆́кѡ лꙋ́чше де́нь є҆ди́нъ во дво́рѣхъ твои́хъ, па́че ты́сѧщъ: и҆зво́лихъ примета́тисѧ въ домꙋ̀ Бг҃а моегѡ̀ па́че, не́же жи́ти ми̑ въ селе́нїихъ грѣ́шничихъ. (Псал. 83, 5—8. 11).

Блажены живущіе въ домѣ Твоемъ; они непрестанно будутъ восхвалять Тебя. Блаженъ человѣкъ, котораго сила въ Тебѣ, и у котораго въ сердцѣ стези направлены *къ Тебѣ*. Проходя долиною плача, они открываютъ въ ней источники, и дождь покрываетъ ее благословеніемъ. Приходятъ отъ силы въ силу, являются предъ Богомъ на Сіонѣ... Ибо одинъ день во дворахъ Твоихъ лучше тысячи. Желаю лучше быть у порога въ домѣ Божіемъ, нежели жить въ шатрахъ нечестія.

Бла́го є҆́сть и҆сповѣ́датисѧ Гдⷭ҇ви, и҆ пѣ́ти и҆́мени твоемꙋ̀, Вы́шнїй: (Псал. 91, 1).

Благо есть славить Господа, и пѣть имени Твоему, Всевышній.

Разꙋмѣ́йте безꙋ́мнїи въ лю́дехъ, и҆ бꙋ́їи нѣ́когда ᲂу҆мꙋдри́тесѧ... Блаже́нъ человѣ́къ, є҆го́же а҆́ще нака́жеши Гдⷭ҇и, и҆ ѿ зако́на твоегѡ̀ наꙋчи́ши є҆го̀: ᲂу҆кроти́ти

Образумьтесь, безсмысленные люди! Когда вы будете умны, невѣжды?.. Блаженъ человѣкъ, котораго вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь закономъ

ѥ҆го̀ ѿ дне́й лю́тыхъ, до́ндеже и҆зры́ется грѣшномꙋ̀ ꙗ҆ма. (Псал. 93, 8. 12. 13).

Твоимъ, чтобы дать ему покой въ бѣдственные дни, доколѣ нечестивому выроется яма!

Пріиди́те, поклони́мсѧ, и҆ припаде́мъ є҆мꙋ̀, и҆ воспла́чемсѧ предъ Гдⷭ҇емъ сотво́ршимъ на́съ... Дне́сь а҆́ще гла́съ є҆гѡ̀ оу҆слы́шите, не ѡ҆жесточи́те серде́цъ ва́шихъ, ꙗ҆́кѡ въ прогнѣ́ваніи, по дни̑ и҆скꙋше́ніѧ въ пꙋсты́ни. (Псал. 94, 6—8).

Пріидите, поклонимся, и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицемъ Господа, Творца нашего... О, если бы вы нынѣ послушали гласа Его: „Не ожесточите сердца вашего, какъ въ Меривѣ, какъ въ день искушенія въ пустынѣ.

Воспо́йте Гдⷭ҇ви пѣ́снь но́вꙋ, воспойте Гдⷭ҇ви всѧ землѧ̀. Воспо́йте Гдⷭ҇ви, благослови́те и҆́мѧ є҆гѡ̀, благовѣсти́те де́нь ѿ дне спасе́ніе є҆гѡ̀,—во всѣ́хъ лю́дехъ чꙋдеса̀ є҆гѡ̀. Принеси́те Гдⷭ҇ви ѻ҆те́чествіѧ ꙗ҆зы́къ, принеси́те Гдⷭ҇ви сла́вꙋ и҆ че́сть. Принеси́те Гдⷭ҇ви сла́вꙋ и҆́мени є҆гѡ̀, возми́те же́ртвы, и҆ входи́те во дворы̀ є҆гѡ̀. Поклони́тесѧ Гдⷭ҇ви во дворѣ̀ свѧтѣ́мъ є҆гѡ̀. (Псал. 95, 1—3. 7—9).

Воспойте Господу пѣснь новую; воспойте Господу, вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣствуйте со дня на день спасеніе Его, — во всѣхъ племенахъ чудеса Его... Воздайте Господу, племена народовъ, воздайте Господу славу и честь. Воздайте Господу славу имени Его, несите дары и идите во дворы Его. Поклонитесь Господу во благолѣпіи святыни.

Лю́бѧщіи Гдⷭ҇а, ненави́дите ѕла̑ѧ... Веселитесѧ пра́ведніи ѡ҆ Гдⷭ҇ѣ, и҆ и҆сповѣ́дайте па́мѧть свѧты́ни є҆гѡ̀. (Псал. 96, 10. 12).

Любящіе Господа, ненавидьте зло. Радуйтесь, праведные о Господѣ, и славьте память святыни Его.

Воскли́кните Бг҃ови вся̀ земля̀, воспо́йте, и҆ ра́дꙋйтеся, и҆ по́йте. [Псал. 97, 4].

Восклицайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте.

Возноси́те Гд҃а Бг҃а на́шего, и҆ покланя́йтеся подно́жїю но́гꙋ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ свя́то є҆́сть. [Псал. 98, 5].

Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножію Его: свято оно!

Воскли́кните Гв҃и вся̀ земля̀. Рабо́тайте Гд҃ви въ весе́лїи, вни́дите предъ ни́мъ въ ра́дости. Оу҆вѣ́дите, ꙗ҆́кѡ Гд҃ь то́й є҆́сть Бг҃ъ на́шъ: то́й сотворѝ на́съ, а҆ не мы̀... Вни́дите во врата̀ є҆гѡ̀ во и҆сповѣ́данїи, во дворы̀ є҆гѡ̀ въ пѣ́нїихъ. [Псал. 99, 1—4].

Воскликните Господу, вся земля! Служите Господу съ веселіемъ; идете предъ лицемъ Его съ восклицаніемъ! Познайте, что Господь есть Богъ, что Онъ сотворилъ насъ, и мы—Его, Его народъ и овцы паствы Его. Входите во врата Его съ славословіемъ, во дворы Его съ хвалою.

Прехожда́хъ въ незло́бїи се́рдца моегѡ̀, посредѣ̀ до́мꙋ моегѡ̀. Не предлага́хъ предъ ѻ҆чи́ма мои́ма ве́щь законопреступнꙋ́ю: творя́щыя преступлє́нїе возненави́дѣхъ. Не прильпѐ мнѣ̀ се́рдце стропти́во: ᲂу҆клоня́ющагося ѿ менѐ лꙋка́ваго не позна́хъ. Ѿклевета́ющаго та́й и҆́скреннѧго своегѡ̀, сегѡ̀ и҆згоня́хъ: го́рдымъ ѻ҆́комъ, и҆ несы́тымъ се́рдцемъ, съ си́мъ не ꙗ҆дя́хъ. Ѻ҆́чи моѝ на вѣ́рныя землѝ, посажда́ти ѧ҆̀ со

Буду ходить въ непорочности моего сердца посреди дома моего. Не положу предъ очами моими вещи непотребной; дѣло преступное я ненавижу; не прилѣпится оно ко мнѣ. Сердце развращенное будетъ удалено отъ меня; злаго я не буду знать. Тайно клевещущаго на ближняго своего изгоню; гордаго очами и надменнаго сердцемъ не потерплю. Глаза мои на вѣрныхъ земли, чтобы они пребывали при мнѣ; кто

мно́ю: ходѧ́й по пꙋти́ непоро́чнꙋ, се́й мѝ слꙋжа́ше. Не живѧ́ше посредѣ̀ до́мꙋ моегѡ̀ творѧ́й горды́ню: глаго́лѧй непра́веднаѧ, не и҆справлѧ́ше предъ ѻ҆чи́ма мои́ма. Во ᲂу҆трїѧ и҆збива́хъ всѧ̀ грѣшныѧ земли̑, є҆́же потреби́ти ѿ гра́да Гдⷭ҇нѧ всѧ̑ дѣлающыѧ беззако́нїе. [Псал. 100, 2—8].

ходитъ путемъ непорочности, тотъ будетъ служить мнѣ. Не будетъ жить въ домѣ моемъ поступающій коварно; говорящій ложь не останется предъ глазами моими. Съ ранняго утра буду истреблять всѣхъ нечестивцевъ земли, дабы искоренить изъ града Господня всѣхъ, дѣлающихъ беззаконіе.

Ми̑лость Гдⷭ҇нѧ ѿ вѣка и҆ до вѣка на боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀. И҆ пра́вда є҆гѡ̀ на сынѣ́хъ сынѡ́въ, Храня́щихъ завѣ́тъ є҆гѡ̀, и҆ по́мнѧщихъ за́повѣди є҆гѡ̀ твори́ти ѧ҆̀. [Псал. 102, 17—18].

Милость Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его, и правда Его на сынахъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ Его и помнящихъ заповѣди Его, чтобы исполнять ихъ.

И҆сповѣ́дайтесѧ Гдⷭ҇ви, и҆ призыва́те и҆́мѧ є҆гѡ̀, возвѣсти́те во ꙗ҆зы́цѣхъ дѣла̀ є҆гѡ̀. Воспо́йте є҆мꙋ̀, и҆ по́йте є҆мꙋ̀, повѣ́дите всѧ̑ чꙋдеса̀ є҆гѡ́. Хвали́тесѧ ѿ и҆́мени свѧто́мъ є҆гѡ́: да возвесели́тсѧ се́рдце и҆щꙋ́щихъ Гдⷭ҇а. Взыщи́те Гдⷭ҇а, и҆ ᲂу҆тверди́тесѧ: взыщи́те лица̀ є҆гѡ̀ бы́нꙋ. Помѧни́те чꙋдеса̀ є҆гѡ̀, и҆ сꙋдьбы̑ ᲂу҆́стъ є҆гѡ́. Псал. [104, 1—5].

Славьте Господа; призывайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его. Воспойте Ему и пойте Ему: повѣдайте о всѣхъ чудесахъ Его. Хвалитесь именемъ Его святымъ; да веселится сердце ищущихъ Господа. Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда. Вспоминайте чудеса Его,... и суды устъ Его.

Гото́во се́рдце моѐ Бж҃е, гото́во се́рдце моѐ: воспою̀ и҆ пою̀ во сла́вѣ мое́й. Воста́ни сла́ва

Готово сердце мое, Боже, (готово сердце мое); буду пѣть и воспѣвать во славѣ моей. Воспрянь, псал-

моѧ̀, воста́ни ѱалти́рю и҆ гꙋ́сли, воста́нꙋ ра́нѡ. И҆сповѣ́мсѧ тебѣ̀ въ лю́дехъ Гдⷭ҇и, пою̀ тебѣ̀ во ꙗ҆зы́цѣхъ. (Псал. 107, 1—4.)

тирь и гусли! Я встану рано. Буду славить Тебя, Господи, между народами; буду воспѣвать Тебя среди племенъ.

И҆сповѣ́мсѧ тебѣ̀ Гдⷭ҇и всѣ́мъ се́рдцемъ мои́мъ, въ совѣ́тѣ пра́выхъ и҆ со́имѣ. Нача́ло премꙋ́дрости стра́хъ Гдⷭ҇нь, ра́зꙋмъ же бла́гъ всѣ́мъ творѧ́щымъ и҆̀: хвала̀ є҆гѡ̀ пребыва́етъ въ вѣ́къ вѣ́ка. [Псал. 110, 1. 10].

Славлю (Тебя), Господи, всѣмъ сердцемъ (моимъ) въ совѣтѣ праведныхъ и въ собраніи. Начало премудрости страхъ Господень; разумъ вѣрный у всѣхъ, исполняющихъ *заповѣди Его.* Хвала Ему подобаетъ во вѣкъ.

Блаже́нъ мꙋ́жъ боѧ́йсѧ Гдⷭ҇а, въ за́повѣдехъ є҆гѡ̀ восхо́щетъ зѣлѡ̀... Бла́гъ мꙋ́жъ ще́дрѧ и҆ даѧ, оу҆стро́итъ словеса̀ своѧ̀ на сꙋдѣ̀: ꙗ҆̀кѡ въ вѣ́къ не подви́житсѧ. Въ па́мѧть вѣ́чнꙋю бꙋ́детъ пра́ведникъ: ѿ слꙋ́ха ѕла не оу҆бои́тсѧ. Гото́во се́рдце є҆гѡ̀ оу҆пова́ти на Гдⷭ҇а: оу҆тверди́сѧ се́рдце є҆гѡ, не оу҆бои́тсѧ, до́ндеже воззри́тъ на враги̇̀ своѧ̀. Расточи́, дадѐ оу҆бѡ́гимъ, пра́вда є҆гѡ̀ пребыва́етъ во вѣ́къ вѣ́ка: ро́гъ є҆гѡ̀ вознесе́тсѧ въ сла́вѣ. Грѣ́шникъ оу҆̀зритъ и҆ прогнѣ́вается, зꙋ́бы свои́ми поскреже́щетъ и҆ раста́етъ: жела́ніе грѣ́шника поги́бнетъ. [Псал. 111, 1. 5—10].

Блаженъ мужъ, боящійся Господа и крѣпко любящій заповѣди Его... Добрый человѣкъ милуетъ и взаймы даетъ; онъ дастъ твердость словамъ своимъ на судѣ. Онъ во вѣкъ не поколеблется; въ вѣчной памяти будетъ праведникъ. Не убоится худой молвы; сердце его твердо, уповая на Господа. Утверждено сердце его; онъ не убоится, когда посмотритъ на враговъ своихъ. Онъ расточилъ, роздалъ нищимъ; правда его пребываетъ во вѣки; рогъ его вознесется во славѣ. Нечестивый увидитъ *это,*—и будетъ досадовать, заскрежещетъ зубами своими, и истаетъ. Желаніе нечестивыхъ погибнетъ.

Хвали́те ѻ҆́троцы Гдⷭ҇а, хвали́те и҆́мѧ Гдⷭ҇не. Бꙋ́ди и҆́мѧ Гдⷭ҇не благослове́но ѿ ны́нѣ и҆ до вѣ́ва. Ѿ востѡ́къ со́лнца до за́падъ хва́льно и҆́мѧ Гдⷭ҇не. (Псал. 112, 1—3).

Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне. Да будетъ имя Господне благословенно отнынѣ и во вѣкъ. Отъ восхода солнца до запада да будетъ прославляемо имя Господне.

І҆́дѡли ꙗ҆зы́къ сребро́ и҆ зла́то, дѣла̀ рꙋ́къ человѣ́ческихъ. Ѹ҆ста̀ и҆́мꙋтъ, и҆ не возглаго́лютъ: ѻ҆́чи и҆́мꙋтъ, и҆ не ѹ҆́зрѧтъ: Ѹ҆́ши и҆́мꙋтъ, и҆ не ѹ҆слы́шатъ и проч. Подо́бни и҆̀мъ да бꙋ́дꙋтъ творѧ́щїи ѧ҆̀, и҆ всѝ надѣ́ющїисѧ на нѧ̀. До́мъ І҆и҃левъ ѹ҆пова̀ на Гдⷭ҇а: помо́щникъ и҆ защи́титель и҆́мъ є҆́сть. До́мъ А҆арѡ́нь ѹ҆пова̀ на Гдⷭ҇а: помо́щникъ и҆ защи́титель и҆́мъ є҆́сть. Боѧ́щїисѧ Гдⷭ҇а, ѹ҆пова́ша на Гдⷭ҇а: помо́щникъ и҆ защи́титель и҆̀мъ є҆́сть. (Псал. 113, 12—19).

А ихъ (язычниковъ) идолы—серебро и золото, дѣло рукъ человѣческихъ. Есть у нихъ уста, но не говорятъ; есть у нихъ глаза, но не видятъ; есть у нихъ уши, но не слышатъ и проч. Подобны имъ, да будутъ дѣлающіе ихъ и всѣ, надѣющіеся на нихъ. Домъ Израилевъ! уповай на Господа;—Онъ наша помощь и щитъ. Домъ Аароновъ! уповай на Господа; Онъ—наша помощь и щитъ. Боящіеся Господа! уповайте на Господа; Онъ — наша помощь и щитъ.

Вѣ́ровахъ, тѣ́мже возглаго́лахъ: а҆́зъ же смири́хсѧ зѣлѡ̀. Что возда́мъ Гдⷭ҇ви ѿ всѣ́хъ, ꙗ҆̀же воздаде́ ми; Ча́шꙋ спасе́нїѧ прїимꙋ̀ и҆ и҆́мѧ Гдⷭ҇не призовꙋ̀. Тебѣ̀ пожрꙋ̀ же́ртвꙋ хвалы̀, и҆ во и҆́мѧ Гдⷭ҇не призовꙋ̀: Моли́твы моѧ̀ Гдⷭ҇ви возда́мъ предъ всѣ́ми людьми є҆гѡ̀, во дво́рѣхъ

Я вѣровалъ, и потому говорилъ: я сильно сокрушенъ... Что воздамъ Господу за всѣ благодѣянія Его ко мнѣ? Чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову... Тебѣ принесу жертву хвалы, и имя Господне призову. Обѣты мои воздамъ Господу предъ всѣмъ народомъ Его, во

до́мꙋ Гд҃нѧ, посредѣ̀ тебѐ, І҆ерꙋсали́ме. (Псал. 115, 1. 3—4. 8—10).

дворахъ дома Господня, посреди Тебя, Іерусалимъ!

Хвали́те Гд҃а вси ꙗ҆зы́цы, похвали́те є҆го̀ вси̑ лю́дїе. (Псал. 116, 1).

Хвалите Господа, всѣ народы, прославляйте Его, всѣ племена.

И҆сповѣ́дайтесѧ Гд҃ви, ꙗ҆́кѡ бла̀гъ, ꙗ҆́кѡ въ вѣ́къ ми́лость є҆гѡ̀. Да рече́тъ ᲂу҆́бо до́мъ І҆и҃левъ: ꙗ҆́кѡ бла́гъ, ꙗ҆́кѡ въ вѣ́къ ми́лость є҆гѡ̀. Да рече́тъ ᲂу҆́бѡ до́мъ А҆арѡ́нь: ꙗ҆́кѡ бла́гъ, ꙗ҆́кѡ въ вѣ́къ ми́лость є҆гѡ̀. Ѿ ско́рби призва́хъ Гд҃а, и҆ ᲂу҆слы́ша мѧ въ простра́нство... Бла́го є҆́сть надѣѧ́тисѧ на Гд҃а, не́жели надѣѧ́тисѧ на человѣ́ка. Бла́го є҆́сть ᲂу҆пова́ти на Гд҃а, не́жели ᲂу҆пова́ти на кнѧ́зи... Крѣ́пость моѧ̀ и҆ пѣ́нїе моѐ Гд҃ь, и҆ бы́сть мѝ во спасе́нїе. Гла́съ ра́дости и҆ спасе́нїѧ въ селе́нїихъ пра́ведныхъ. (Псал. 117, 1—5. 8—9. 14—15).

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Да скажетъ нынѣ домъ Израилевъ: Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Да скажетъ нынѣ домъ Аароновъ: Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Изъ тѣсноты воззвалъ я къ Господу, и услышалъ меня, и на пространное мѣсто вывелъ меня Господь. Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человѣка. Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на князей... Господь сила моя и пѣснь. Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ. Гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ.

Блаже́ни непоро́чнїи въ пꙋ́ти, ходѧ́щїи въ зако́нѣ Гд҃ни. Блаже́ни и҆спыта́ющїи свидѣ́нїѧ є҆гѡ̀, всѣ́мъ се́рдцемъ взы́щꙋтъ є҆гѡ̀... И҆ хожда́хъ въ широтѣ̀, ꙗ҆́кѡ за́пѡвѣди твоѧ̀ взыска́хъ. И҆ глаго́лахъ ѿ свидѣ́нїихъ твои́хъ

Блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законѣ Господнемъ. Блаженны хранящіе откровеніе Его, всѣмъ сердцемъ ищущіе Его... Буду ходить свободно; ибо я взыскалъ повелѣній Твоихъ. Буду говорить объ откро-

предъ цари̑, и҆ не стыдѧ́хсѧ. И҆ поꙋча́хсѧ въ за́повѣдехъ твои̑хъ, ꙗ҆̀же возлюби́хъ зѣло. И҆ воздвиго́хъ рꙋ́цѣ мои̑ къ за́повѣдемъ твои́мъ, ꙗ҆̀же возлюби́хъ, и҆ глꙋмлѧ́хсѧ во ѡ҆правда́нїихъ твои́хъ... ѿ зако́на же твоегѡ̀ не оу҆клони́хсѧ. Помѧнꙋ́хъ сꙋдьбы̑ твоѧ̀ ѿ вѣ́ка Гдⷭ҇и, и҆ оу҆тѣ́шихсѧ. Печа́ль прїѧ́тъ мѧ̀ ѿ грѣ́шникъ, ѡ҆ставлѧ́ющихъ зако́нъ тво́й. Пѣ́та бѧ́хꙋ мнѣ̀ ѡ҆правда̑нїѧ твоѧ̀, на мѣ́стѣ прише́льствїѧ моегѡ̀. Помѧнꙋ́хъ въ нощѝ и҆́мѧ твое̑ Гдⷭ҇и, и҆ сохрани́хъ зако́нъ тво́й. Се́й бы́сть мнѣ̀, ꙗ҆́кѡ ѡ҆правда́нїй твои́хъ взыска́хъ. Ча́сть моѧ̀ е҆сѝ Гдⷭ҇и, рѣ́хъ сохрани́ти зако́нъ тво́й. Помоли́хсѧ лицꙋ̀ твоемꙋ̀ всѣ́мъ се́рдцемъ мои́мъ: поми́лꙋй мѧ̀ по словесѝ твоемꙋ̀. Помы́слихъ пꙋтѝ твоѧ̀, и҆ возвратѝхъ по́зѣ мои̑ во свидѣ́нїѧ твоѧ. Оу҆гото́вихсѧ и҆ не смꙋти́хсѧ, сохрани́ти за́повѣди твоѧ. Оу҆́жѧ грѣ́шникъ ѡ҆бѧза́шасѧ мнѣ̀, и҆ зако́на твоегѡ̀ не забы́хъ. Полꙋ́нощи воста́хъ, и҆сповѣ́датисѧ тебѣ̀ ѡ҆ сꙋдьба́хъ пра́вды твосѧ̀. Прича́стникъ а҆́зъ е҆́смь всѣ́мъ боѧ́щымсѧ тебе, и҆ хранѧ́щымъ

веніяхъ Твоихъ предъ царями, и не постыжусь. Буду утѣшаться заповѣдями Твоими, которыя возлюбилъ. Руки мои буду простирать къ заповѣдямъ Твоимъ, которыя возлюбилъ, и размышлять объ уставахъ Твоихъ... но я не уклонился отъ закона Твоего. Вспоминалъ суды Твои, Господи, отъ вѣка и утѣшался. Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой. Уставы Твои были пѣснями моими на мѣстѣ странствованій моихъ. Ночью вспоминалъ я имя Твое, Господи, и хранилъ законъ Твой. Онъ сталъ моимъ, ибо повелѣнія Твои храню. Удѣлъ мой, Господи, сказалъ я, соблюдать слова Твои. Молился я Тебѣ всѣмъ сердцемъ: помилуй меня по слову Твоему. Размышлялъ о путяхъ моихъ, и обращалъ стопы мои къ откровеніямъ Твоимъ. Спѣшилъ и не медлилъ соблюдать заповѣди Твои. Сѣти нечестивыхъ окружили меня; но я не забывалъ закона Твоего. Въ полночь вставалъ славословить Тебя за праведные суды Твои. Общникъ я всѣмъ боящим-

за́пωвѣди твоѧ̀... А҆́зъ же всѣ́мъ се́рдцемъ мои́мъ и҆спыта́ю за́пωвѣди твоѧ̀. Оу҆сыри́сѧ ꙗ҆́кω млеко̀ се́рдце и҆́хъ: а҆́зъ же зако́нꙋ твоемꙋ̀ поꙋчи́хсѧ. Бла́го мнѣ̀, ꙗ҆́кω смири́лъ мѧ̀ є҆сѝ, ꙗ҆́кω да наꙋчꙋ́сѧ ѿправда́нїемъ твои́мъ. Бла́гъ мнѣ̀ зако́нъ оу҆́стъ твои́хъ, па́че ты́сѧщъ зла́та и҆ сребра̀... ꙗ҆́кω зако́нъ тво́й поꙋче́нїе моѐ є҆́сть... А҆́зъ же поглꙋмлю́сѧ въ за́пωвѣдехъ твои́хъ... ѿправда́нїй твои́хъ не забы́хъ... Повѣ́даша мнѣ̀ законопрестꙋ́пницы глꙋмле́нїѧ, но не ꙗ҆́кω зако́нъ тво́й Гдⷭ҇и... Вма́лѣ не скончаша менѐ на землѝ: а҆́зъ же не ѿста́вихъ за́повѣдей твои́хъ... Ꙗ҆́кω а҆́ще бы не зако́нъ тво́й поꙋче́нїе моѐ бы́лъ, тогда̀ оу҆́бω поги́блъ бы́хъ во смире́нїи мое́мъ. Во вѣ́къ не забꙋ́дꙋ ѿправда́нїй твои́хъ, ꙗ҆́кω въ ни́хъ ѿживи́лъ мѧ̀ є҆сѝ. Тво́й є҆́смь а҆́зъ, спасѝ мѧ̀: ꙗ҆́кω ѿправда́нїй твои́хъ взыска́хъ Менѐ ждаша грѣ́шницы погꙋби́ти мѧ̀: свидѣ́нїѧ твоѧ̀ разꙋ́мѣхъ. Всѧ́кїѧ кончи́ны ви́дѣхъ коне́цъ: широка̀ за́повѣдь твоѧ̀ ѕѣлѡ̀. Ко́ль возлюби́хъ зако́нъ тво́й Гдⷭ҇и, ве́сь де́нь поꙋче́нїе

ся Тебя и хранящимъ повелѣнія Твои... Я же всѣмъ сердцемъ буду хранить повелѣнія Твои. Ожирѣло сердце ихъ, какъ тукъ; я же закономъ Твоимъ утѣшаюсь. Благо мнѣ, что я пострадалъ, дабы научиться уставамъ Твоимъ. Законъ устъ Твоихъ для меня лучше тысячъ золота и серебра... Ибо законъ Твой — утѣшеніе мое... Я размышляю о повелѣніяхъ Твоихъ... Уставовъ Твоихъ не забылъ... Яму вырыли мнѣ гордые, вопреки закону Твоему... Едва не погубили меня на землѣ, но я не оставилъ заповѣдей Твоихъ... Если-бы не законъ Твой былъ утѣшеніемъ моимъ, погибъ бы я въ бѣдствіи моемъ. Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо ими Ты оживляешь меня. Твой я, спаси меня; ибо я взыскалъ повелѣній Твоихъ. Нечестивые подстерегаютъ меня, чтобы погубить; а я углубляюсь въ откровенія Твои. Я видѣлъ предѣлъ всякаго совершенства; но Твоя заповѣдь безмѣрно обширна. Какъ люблю я законъ Твой! весь день размышляю о немъ. Отъ всякаго

моѐ ѣ́сть... Ѳ всѧ́каго пꙋ́ти лꙋка́ва возвраща́хъ нога́мъ мои́мъ, ꙗ́кѡ да сохраню́ словеса́ твоя́. Ѳ сꙋдє́бъ твои́хъ не ѡ́клоня́хсѧ, ꙗ́кѡ ты́ законоположи́лъ мѝ є́си. Ко́ль сладка́ горта́ни моемꙋ́ словеса́ твоя́, па́че ме́да ꙋ́стѹмъ мои́мъ. Ѳ запове́дей твои́хъ разꙋмѣ́хъ: сегѡ́ ра́ди возненави́дѣхъ всѧ́къ пꙋ́ть непра́вды. Свѣти́льникъ нога́мъ мои́мъ зако́нъ твой, и свѣ́тъ стезя́мъ мои́мъ... Дꙋша́ моя́ въ рꙋка́ꙋ твое́ю выю́, и зако́на твоегѡ́ не забы́хъ. Положи́ша грѣ́шницы сѣ́ть мнѣ, и ѿ запове́дей твои́хъ не забло́ди́хъ. Наслѣ́довахъ свидѣ́нїя твоя́ во вѣ́къ, ꙗ́кѡ ра́дованїе се́рдца моегѡ́ сꙋ́ть. Приклони́хъ се́рдце моѐ сотвори́ти ѿправда́нїя твоя́ въ вѣ́къ за воздая́нїе. Законопрестꙋ́пныя возненави́дѣхъ, зако́нъ же твой возлюби́хъ. Помо́щникъ мо́й, и застꙋ́пникъ мо́й є́си ты́, на словеса́ твоя́ ѹпова́хъ. Ѹклони́тесѧ ѿ менє́ лꙋка́внꙋющїи, и и́спыта́ю за́повѣди Бо́га моегѡ́... Престꙋпа́ющыя непщева́хъ всѧ́ грѣ́шныя земли́, сегѡ́ ра́ди возлюби́хъ свидѣ́нїя твоя́. Приидо́ша ко мнѣ́ ще́дрота твоя́, Гдⷭ́и, по сло́ꙋ твоемꙋ́ живо́тъ. Да дойдꙋ́тъ ще́дрота твоя́ ко мнѣ́, и живꙋ́ бꙋ́дꙋ, я́кѡ зако́нъ твой поꙋче́нїе мое́ є́сть. Срамо́тѧтсѧ горді́и, я́кѡ непра́вдꙋ сотвори́ша на мѧ́. Азъ же поꙋча́юсѧ въ твоѧ́ повелѣ́нїя. Обратя́тсѧ мнѣ́ боѧ́щїися тебѣ́, и зна́ющїи свидѣ́нїя твоя́. Да бꙋ́детъ се́рдце мое непоро́чно въ ѡправда́нїихъ твои́хъ, да не посрамлю́сѧ.

Ѳ Скончава́ется душа́ моя́ во спасе́нїе твое́, на сло́ва твоя́ ѹпова́хъ. Скончава́ютсѧ ѻчи́ мои́ во сло́во твое́, глаго́люще: когда́ ᲂу́тѣшиши мѧ́; Я́кѡ бы́хъ ѩ́кꙋ мѣ́хъ въ мразѣ́, ѡправда́нїй твои́хъ не забы́хъ. Ско́лько дни́ рабꙋ́ твоемꙋ́; когда́ сотвори́ши ѿ гони́телей мои́хъ сꙋ́дъ; Повѣда́ша мнѣ́ беззако́нницы сла́сти, но не я́ко зако́нъ твой, Гдⷭ́и. Всѣ́ заповѣ́ди твои́ и́стина; лжꙋ́ ради́ гнаша́ мѧ́, помози́ мнѣ́. Ма́лѣ бѣ́ше, да не ᲂу́бо мѧ́ на зе́мли; Азъ же не ѡста́вихъ повелѣ́нїй твои́хъ. По ще́дротѣ твое́й живо́тъ мой, и сохраню́ свидѣ́нїя ᲂу́стъ твои́хъ.

Ѳ Въ вѣ́къ, Гдⷭ́и, сло́во твое́ ста́вленно на небесѣ́хъ. Въ ро́ды и ро́ды и́стина твоя́; ᲂу́твердилъ є́сѝ зе́млю, и пребꙋ́детъ. Ѡ сꙋдє́бъ твои́хъ пребꙋ́детъ день, я́кѡ всѧ́ рабꙋ́ютъ тебѣ́. Ѡ́ще бы зако́нъ твой поꙋче́нїе мое́ не бы́сть, тогда́ ᲂу́бо погꙋби́лъ бы́хъ ᲂу́бо мѧ́ въ смире́нїи моемъ. Въ вѣ́къ не забꙋ́дꙋ ѡправда́нїй твои́хъ, я́кѡ тѣ́ми живи́ши мѧ́. Азъ є́смь твой, спаси́ мѧ́, я́кѡ ѡправда́нїя твоя́ взы́скахъ. Мнѣ́ грѣшнꙋ́ сꙋ́щꙋ ᲂу́бо погꙋби́ти мѧ́ хотѧ́ху, свидѣ́нїя твоя́ ᲂу́бо разꙋмѣ́хъ. Всѣ́хъ конча́нїя ви́дѣхъ широ́ту; широ́ка зѣ́ло запове́дь твоя́.

Ѳ Ко́ль возлюби́хъ зако́нъ твой, Гдⷭ́и! Весь день поꙋче́нїе мое́ є́сть. Ѿ непрїѧ́телей твои́хъ премꙋдри́ши мѧ́ заповѣ́дь твоя́, я́кѡ въ вѣ́къ мнѣ́ сꙋ́ть. Ѿ всѣ́хъ ᲂу́бо наꙋча́ющихъ мѧ́ разꙋмѣ́хъ, я́кѡ свидѣ́нїя твоя́ поꙋче́нїе мое́ сꙋ́ть. Ѿ старе́цъ ᲂу́бо разꙋмѣ́хъ, я́кѡ заповѣ́ди твоя́ взы́скахъ. Ѿ всѣ́хъ путе́й лꙋка́выхъ ᲂу́держꙋю но́ги мои́, да сохраню́ словеса́ твоя́. Ѿ сꙋдє́бъ твои́хъ не ѹклоня́юсѧ, я́кѡ ты́ законоположи́лъ мѝ є́сѝ. Ко́ль сладка́ горта́ни моемꙋ́ словеса́ твоя́, па́че ме́да ꙋ́стѹмъ мои́мъ. Ѿ запове́дей твои́хъ разꙋмѣ́хъ: сегѡ́ ра́ди возненави́дѣхъ всѧ́къ пꙋ́ть непра́вды. Свѣти́льникъ нога́мъ мои́мъ зако́нъ твой, и свѣ́тъ стезя́мъ мои́мъ... Дꙋша́ моя́ въ рꙋка́ꙋ твое́ю выю́, и зако́на твоегѡ́ не забы́хъ. Положи́ша грѣ́шницы сѣ́ть мнѣ, и ѿ запове́дей твои́хъ не заблꙋди́хъ. Наслѣ́довахъ свидѣ́нїя твоя́ во вѣ́къ, ꙗ́кѡ ра́дованїе се́рдца моегѡ́ сꙋ́ть. Приклони́хъ се́рдце моѐ сотвори́ти ѿправда́нїя твоя́ въ вѣ́къ за воздая́нїе.

злаго пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое. Отъ судовъ Твоихъ не уклоняюсь, ибо Ты научаешь меня. Какъ сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устамъ моимъ. Повелѣніями Твоими я вразумленъ; потому ненавижу всякій путь лжи. Слово Твое свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей,.. Душа моя непрестанно въ рукѣ моей; но закона Твоего не забываю. Нечестивые поставили для меня сѣть; но я не уклонился отъ повелѣній Твоихъ. Откровенія Твои я принялъ, какъ наслѣдіе на вѣки; ибо они— веселіе сердца моего. Я приклонилъ сердце мое къ исполненію уставовъ Твоихъ на вѣкъ, до конца. Вымыслы человѣческіе ненавижу, а законъ Твой люблю. Ты покровъ мой и щитъ мой; на слово Твое уповаю. Удалитесь отъ меня беззаконные, и буду хранить заповѣди Бога моего... Какъ изгарь, отметаешь Ты всѣхъ нечестивыхъ земли; потому я возлюбилъ откровенія Твои. Трепещетъ отъ страха Твоего плоть моя, и судовъ

гвозди̑ стра́хꙋ твоемꙋ плѡ́ти моѧ̀: ѿ сꙋде́бъ бо твои́хъ оу҆боѧ́хсѧ. Сотвори́хъ сꙋ́дъ и҆ пра́вдꙋ, не преда́ждь менѐ ѡ҆би́дѧщымъ мѧ̀. Сегѡ̀ ра́ди возлюби́хъ за́пѡвѣди твоѧ̀ па́че зла́та и҆ тона́зїѧ. Сегѡ̀ ра́ди ко всѣ́мъ за́пѡвѣдемъ твои́мъ направлѧ́хсѧ, всѧ́къ пꙋ́ть непра́вды возненави́дѣхъ. Ди̑вна свидѣ́нїѧ твоѧ̀: сегѡ̀ ра́ди и҆спыта̀ ѧ҆ дꙋша̀ моѧ̀. Оу҆ста̀ моѧ̀ ѿверзо́хъ, и҆ привлеко́хъ дꙋ́хъ, ꙗ҆́кѡ за́повѣдей твои́хъ жела́хъ. И҆ста́ѧла мѧ̀ є҆́сть ре́вность твоѧ̀, ꙗ҆́кѡ забы́ша словеса̀ твоѧ̀ врази̑ мои̑. Разжже́но сло́во твоѐ зѣлѡ̀, и҆ ра́бъ тво́й возлюби̑ є҆́. Юнѣ́йшїй а҆́зъ є҆́смь и҆ оу҆ничиже́нъ, ѡ҆правда́нїй твои́хъ не забы́хъ. За́пѡвѣди твоѧ̀ поꙋче́нїе моѐ. Ви́ждь смире́нїе моѐ, и҆ и҆зми́ мѧ, ꙗ҆́кѡ зако́на твоегѡ̀ не забы́хъ. Мно́зи и҆згонѧ́щїи мѧ̀ и҆ стꙋжа́ющїи ми̑: ѿ свидѣ́нїй твои́хъ не оу҆клони́хсѧ. Ви́дѣхъ неразꙋмѣва́ющыѧ и҆ и҆ста́ѧхъ: ꙗ҆́кѡ слове́съ твои́хъ не сохрани́ша. Ви́ждь, ꙗ҆́кѡ за́пѡвѣди твоѧ̀ возлюби́хъ: Гдⷭ҇и по ми́лости тво́ей живи́ мѧ. Возра́дꙋюсѧ а҆́зъ ѡ҆ словесѣ́хъ

Твоихъ я боюсь. Я совершалъ судъ и правду; не предай меня гонителямъ моимъ... А я люблю заповѣди Твои болѣе золота, и золота чистаго. Всѣ повелѣнія Твои, всѣ признаю справедливыми; всякій путь лжи ненавижу. Дивны откровенія Твои; потому хранитъ ихъ душа моя... Открываю уста мои, и вздыхаю; ибо заповѣдей Твоихъ жажду... Ревность моя снѣдаетъ меня, потому что мои враги забыли слова Твои. Слово Твое весьма чисто, и рабъ Твой возлюбилъ его. Малъ я и презрѣнъ; *но* повелѣній Твоихъ не забываю... Заповѣди Твои—утѣшеніе мое... Воззри на бѣдствіе мое и избавь меня; ибо я не забываю закона Твоего... Много у меня гонителей и враговъ; *но* отъ откровеній Твоихъ я не удаляюсь. Вижу отступниковъ, — и сокрушаюсь; ибо они не хранятъ слова Твоего. Зри, какъ я люблю повелѣнія Твои; по милости Твоей, Господи, оживи меня. Радуюсь я слову Твоему, какъ получившій великую прибыль. Ненавижу ложь и гнушаюсь ею; законъ же

твои́хъ, ꙗ҆́кѡ ѡ҆брѣта́ѧй корысть мно́гꙋ. Непра́вдꙋ возненави́дѣхъ и҆ ѡ҆мерзи́хъ: зако́нъ же твой возлюби́хъ. Седмери́цею дне́мъ хвали́хъ тѧ̀ ѡ҆ сꙋдьба́хъ пра́вды твоеѧ̀. Ми́ръ мно́гъ лю́бѧщымъ зако́нъ тво́й, и҆ нѣ́сть и҆̀мъ собла́зна. Ча́ѧхъ спасе́нїѧ твоегѡ̀ Гдⷭ҇и, и҆ за́пѡвѣди твоѧ̀ возлюби́хъ. Сохрани̑ дꙋша моѧ̀ свидѣ́нїѧ твоѧ̀, и҆ возлюби̑ ѧ҆̀ ѕѣлѡ̀. Сохрани́хъ за́пѡвѣди твоѧ̀ и҆ свидѣ́нїѧ твоѧ̀, ꙗ҆́кѡ вси̑ пꙋтїѐ мои̑ предъ тобо́ю Гдⷭ҇и. Да бꙋ́детъ рꙋка̀ твоѧ̀ є҆́же спасти́ мѧ, ꙗ҆́кѡ за́пѡвѣди твоѧ̀ и҆зво́лихъ. Возжела́хъ спасе́нїе твоѐ Гдⷭ҇и, и҆ зако́нъ тво́й поꙋче́нїе мое́ є҆́сть. Заблꙋди́хъ ꙗ҆́кѡ ѻ҆вча̀ поги́бшее: взыщи̑ раба твоегѡ̀, ꙗ҆́кѡ за́повѣдей твои́хъ не забы́хъ. (Псал. 118, 1—2. 45—48. 52—63. 69—72. 77. 78. 83. 85. 87. 92. 93. 94—97. 101—106. 109—115. 119—121. 127—129. 131. 139—142. 143. 153. 157—159. 162—168. 173. 174. 176).

Твой люблю. Седмикратно въ день прославляю Тебя за суды правды Твоей. Великъ миръ у любящихъ законъ Твой, и нѣтъ имъ преткновенія. Уповаю на спасеніе Твое, Господи, и заповѣди Твои исполняю. Душа моя хранитъ откровенія Твои, и я люблю ихъ крѣпко. Храню повелѣнія Твои и откровенія Твои; ибо всѣ пути мои предъ Тобою... Да будетъ рука Твоя въ помощь мнѣ; ибо я повелѣнія Твои избралъ. Жажду спасенія Твоего, Господи, и законъ Твой утѣшеніе мое... Я заблудился, какъ овца потерянная: взыщи раба Твоего; ибо я заповѣдей Твоихъ не забылъ.

Бѣ́хъ ми́ренъ: Єгда̀ глаго́лахъ и҆̀мъ, борѧ́хꙋ мѧ̀ тꙋ́не. (Псал. 119, 6—7).

Я миренъ: но только заговорю, они къ войнѣ.

Вопросите же ꙗже ѿ мирѣ Іерусалима, и ѡбиліе любѧщымъ тѧ. Ради братїй моихъ и ближнихъ моихъ глаголахъ ᲂубѡ миръ ѡ тебѣ. Домꙋ ради Гда Бга нашегѡ, взыскахъ благаѧ тебѣ. (Псал. 121, 6. 8. 9).

Просите мира Іерусалиму: да благоденствують любящіе Тебя!... Ради братьевъ моихъ и ближнихъ моихъ говорю я: миръ Тебѣ! Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага Тебѣ.

Къ тебѣ возведохъ ѻчи мои, живꙋщемꙋ на небеси. Се ꙗкѡ ѻчи рабъ въ рꙋкꙋ господїй своихъ, ꙗкѡ ѻчи рабыни въ рꙋкꙋ госпожи своеѧ: такѡ ѻчи наши ко Гдꙋ Бгꙋ нашемꙋ, дондеже ᲂущедритъ ны. (Псал. 122, 1—2).

Къ Тебѣ возвожу очи мои, Живущій на небесахъ! Вотъ, какъ очи рабовъ обращены на руку господъ ихъ, какъ очи рабы — на руку госпожи ея; такъ очи наши къ Господу, Богу нашему, доколѣ Онъ помилуетъ насъ.

Надѣющїисѧ на Гда, ꙗкѡ гора Сїѡнъ: не подвижитсѧ въ вѣкъ живый во Іерусалимѣ. (Псал. 124, 1).

Надѣющійся на Господа, какъ гора Сіонъ, не подвигнется, пребываетъ во вѣкъ...

Блажени вси боѧщїисѧ Гда, ходѧщїи въ пꙋтехъ егѡ. (Псал. 127, 1).

Блаженъ всякій боящійся Господа, ходящій путями Его!

Гди не вознесесѧ сердце мое, ниже вознесостѣсѧ ѻчи мои: ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене. Аще не смиренномꙋдрствовахъ, но вознесохъ дꙋшꙋ мою, ꙗкѡ ѿдоенное на матерь свою, такѡ

Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не ходилъ въ великое и для меня недосязаемое. Не смирялъ ли я и не успокоивалъ ли души моей, какъ дитяти, отнятаго отъ груди

воздаси на дꙋшꙋ мою. Да оуповаетъ Іиль на Гда ѿ ныне и до вѣка. (Псал. 130, 1—3).

Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкꙋпѣ. (Псал. 132, 1).

Се ныне благословите Гда вси раби Гдни, стоѧщіи въ храмѣ Гдни, во дворѣхъ домꙋ Бга нашегѡ. Въ нощехъ воздѣжите рꙋки ваша во свѧтаѧ, и благословите Гда. (Псал. 133, 1—2).

Хвалите имѧ Гдне, хвалите раби Гда, Стоѧщіи во храмѣ Гдни, во дворѣхъ домꙋ Бга нашегѡ. Хвалите Гда, ꙗкѡ благъ Гдь: пойте имени егѡ, ꙗкѡ добро. Идѡли ꙗзыкъ сребро и злато, дѣла рꙋкъ человѣческихъ: Оуста имꙋтъ, и не возглаголютъ: Очи имꙋтъ, и не оузрѧтъ: Оуши имꙋтъ, и не оуслышатъ и проч. Подобни имъ да бꙋдꙋтъ творѧщіи ѧ, и вси надѣющіисѧ на нѧ. Доме Іилевъ, благословите Гда: доме Аарѡнь, благословите Гда: доме Левіинъ, благословите Гда: Боѧ-

матери? Душа моя была во мнѣ, какъ дитя, отнятое отъ груди. Да уповаетъ Израиль на Господа отнынѣ и во вѣкъ.

Какъ хорошо и какъ пріятно — жить братьямъ вмѣстѣ!

Благословите нынѣ Господа, всѣ рабы Господни, стоящіе въ домѣ Господнемъ (во дворахъ дома Бога нашего), во время ночи. Воздвигните руки ваши къ святилищу и благословите Господа.

Хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господни, стоящіе въ домѣ Господнемъ, во дворахъ дома Бога нашего. Хвалите Господа, ибо Господь благъ: пойте имени Его, ибо это сладостно... Идолы язычниковъ—серебро и золото, дѣло рукъ человѣческихъ. Есть у нихъ уста, но не говорятъ; есть у нихъ глаза, но не видятъ; есть у нихъ уши, но не слышатъ и проч. Подобны имъ будутъ дѣлающіе ихъ и всякій. кто надѣется на нихъ. Домъ Израилевъ! благословите Господа. Домъ Ааро-

щїисѧ Гд҃а, благословите Гд҃а. (Псал. 134, 1—3. 15—20).

новъ! благословите Господа. Домъ Левіинъ! благословите Господа. Боящіеся Господа! благословите Господа.

Исповѣдайтесѧ Гд҃ви, ꙗкѡ благъ, ꙗкѡ въ вѣкъ милость єгѡ. Исповѣдайтесѧ Бг҃ꙋ богѡвъ, ꙗкѡ въ вѣкъ милость єгѡ. Исповѣдайтесѧ Гд҃ви господей, ꙗкѡ въ вѣкъ милость єгѡ... Исповѣдайтесѧ Бг҃ꙋ небесномꙋ: ꙗкѡ въ вѣкъ милость єгѡ. [Псал. 135, 1—3. 26].

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Бога боговъ; ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Господа господствующихъ; ибо во вѣкъ милость Его... Славьте Бога небесъ; ибо во вѣкъ милость Его.

Аще забꙋдꙋ тебе Іерꙋсалиме, забвена бꙋди десница моѧ. Прилпни ѧзыкъ мой гортани моемꙋ, аще не помѧнꙋ тебе, аще не предложꙋ Іерꙋсалима, ꙗкѡ въ начале веселїѧ моегѡ. [Псал. 136, 5. 6].

Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни, языкъ мой, къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалимъ во главѣ веселія моего.

Не ненавидѧщыѧ ли тѧ Гд҃и возненавидѣхъ, и ѿ врагѡвъ твоихъ истаѧхъ; совершенною ненавистїю возненавидѣхъ ѧ, во враги быша ми. [Псал. 138, 21. 22].

Мнѣ ли не возненавидѣть ненавидящихъ Тебя, Господи, и не возгнушаться возстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу ихъ; враги они мнѣ.

Не предаждь мене Гд҃и ѿ желанїѧ моегѡ грѣшникꙋ: помыслиша на мѧ, не ѡстави

Не дай, Господи, желаемаго нечестивому; не дай успѣха злому замыслу его; они возгордятся... Чело-

менѐ, да не когда̀ вознесꙋ́тсѧ. Мꙋ́жъ ѧ҆зы́ченъ не и҆спра́витсѧ на землѝ. [Псал. 139, 9. 12].

вѣкъ злоязычный не утвердится на землѣ.

Нака́жетъ мѧ̀ пра́ведникъ ми́лостїю, и҆ ѡ҆бличи́тъ мѧ̀, є҆ле́й же грѣ́шнагѡ да не нама́ститъ главы̀ моеѧ̀... Ꙗ҆́кѡ къ тебѣ̀, Гдⷭ҇и, Гдⷭ҇и, ѻ҆́чи моѝ: на тѧ̀ оу҆пова́хъ, не ѿимѝ дꙋ́шꙋ мою̀. (Псал. 140, 5. 8).

Пусть наказываетъ меня Праведникъ, это—милость: пусть обличаетъ меня, это —лучшій елей, который не повредитъ головѣ моей... Но къ Тебѣ, Господи, Господи, очи мои; на Тебя уповаю, не отринь души моей!

Гла́сомъ мои́мъ ко Гдⷭ҇ꙋ воззва́хъ, гла́сомъ мои́мъ ко Гдⷭ҇ꙋ помоли́хсѧ. Пролїю̀ предъ ни́мъ моле́нїе моѐ, печа́ль мою̀ предъ ни́мъ возвѣщꙋ̀... Воззва́хъ къ тебѣ̀ Гдⷭ҇и, рѣ́хъ: ты̀ є҆сѝ оу҆пова́нїе мое, ча́сть моѧ̀ є҆сѝ на землѝ живы́хъ. (Псал. 141, 1—3. 6).

Голосомъ моимъ ко Господу воззвалъ я, голосомъ моимъ ко Господу помолился. Излилъ предъ Нимъ моленіе мое; печаль мою открылъ Ему... Я воззвалъ къ Тебѣ, Господи, я сказалъ: Ты прибѣжище мое и часть моя на землѣ живыхъ.

Помѧнꙋ́хъ днѝ дре́внїѧ, поꙋчи́хсѧ во всѣ́хъ дѣ́лѣхъ твои́хъ, въ творе́нїихъ рꙋкꙋ̀ твое́ю поꙋча́хсѧ. Воздѣ́хъ къ тебѣ̀ рꙋцѣ̀ моѝ: дꙋша̀ моѧ̀ ꙗ҆́кѡ землѧ̀ безво́днаѧ тебѣ̀... Слы́шанꙋ сотворѝ мнѣ̀ заꙋ́тра ми́лость твою̀, ꙗ҆́кѡ на тѧ̀ оу҆пова́хъ: скажѝ мнѣ̀ Гдⷭ҇и пꙋ́ть, въ ѻ҆́ньже пойдꙋ̀, ꙗ҆́кѡ къ тебѣ̀ взѧ́хъ дꙋ́шꙋ мою̀. Изми́ мѧ ѿ

Вспоминаю дни древніе, размышляю о всѣхъ дѣлахъ Твоихъ, разсуждаю о дѣлахъ рукъ Твоихъ. Простираю къ Тебѣ руки мои; душа моя къ Тебѣ, какъ жаждущая земля... Даруй мнѣ рано услышать милость Твою, ибо я на Тебя уповаю. Укажи мнѣ, Господи, путь, по которому мнѣ идти, ибо къ Тебѣ возношу я душу мою. Избавь

врагъ моихъ Гди, къ тебѣ прибѣгохъ. (Псал. 142, 5—6. 8—9).

меня, Господи, отъ враговъ моихъ; къ Тебѣ прибѣгаю.

Избави мя и изми мя изъ руки сыновъ чуждихъ, ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ десница неправды. Ихже сынове ихъ яко новосаждения водруженная въ юности своей, дщери ихъ удобрены, преукрашены яко подобие храма. Хранилища ихъ исполнена, отрыгающая отъ сего въ сие: овцы ихъ многоплодны, множащыяся во исходищахъ своихъ, волове ихъ толсти. Несть падения оплоту, ниже прохода, ниже вопля въ стогнахъ ихъ. Ублажиша люди, имже сия суть: блажени людие, имже Гдь Бгъ ихъ. [Псал. 143, 11—15].

Избавь меня и спаси меня отъ руки сыновъ иноплеменныхъ, которыхъ уста говорятъ суетное, и которыхъ десница—десница лжи... Да будутъ сыновья наши, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости; дочери наши, какъ искусно изваянные столпы въ чертогахъ. Да будутъ житницы наши полны, обильны всякимъ хлѣбомъ; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитяхъ нашихъ; да будутъ волы наши тучны; да не будетъ ни расхищенія, ни пропажи, ни воплей на улицахъ нашихъ. Блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ.

Вознесу тя Бже мой, Царю мой, и благословлю имя твое въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. На всякъ день благословлю тя, и восхвалю имя твое въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка... Родъ и родъ восхвалятъ дѣла твоя, и силу твою возвѣстятъ. Великолѣпие славы святыни твоея возглаго-

Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царю (мой), и благословлять имя Твое во вѣки и вѣки. Всякій день буду благословлять Тебя и восхвалять имя Твое во вѣки и вѣки. Родъ роду будетъ восхвалять дѣла Твои и возвѣщать о могуществѣ Твоемъ. А я буду размышлять о высо-

лютъ, и чудеса твоя повѣдятъ: и силу страшныхъ твоихъ рекутъ, и величіе твое повѣдятъ. Память множества благости твоея изрыгнутъ, и правдою твоею возрадуются... И преподобніи твои да благословятъ тя. Славу царствія твоего рекутъ, и силу твою возглаголютъ: сказати сыномъ человѣческимъ силу твою, и славу великолѣпія царствія твоего... Близъ Гдь всѣмъ призывающымъ его, всѣмъ призывающымъ его во истинѣ. Волю боящихся его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ ѧ. Хранитъ Гдь всѧ любящыя его и всѧ грѣшники потребитъ... Хвалу Гдню возглаголютъ уста моя: и да благословитъ всѧка плоть имя святое его въ вѣкъ, и въ вѣкъ вѣка. [Псал. 144, 1—2. 4—8. 10—13. 18—21].

Хвали душе моя Гда: Воспѣваю Гда въ животѣ моемъ, пою Бгу моему, дондеже есмь. Не надѣйтеся на князи, на

кой славѣ величія Твоего и о дивныхъ дѣлахъ Твоихъ. Будутъ говорить о могуществѣ страшныхъ дѣлъ Твоихъ, и я буду возвѣщать о величіи Твоемъ. Будутъ провозглашать память великой благодати Твоей и воспѣвать правду Твою... Да благословляютъ Тебя Святые Твои. Да проповѣдуютъ славу царства Твоего, и да повѣствуютъ о могуществѣ Твоемъ, чтобы дать знать сынамъ человѣческимъ о могуществѣ Твоемъ и о славномъ величіи царства Твоего... Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ Его, ко всѣмъ призывающимъ Его въ истинѣ. Желаніе боящихся Его Онъ исполняетъ, вопль ихъ слышитъ и спасаетъ ихъ. Хранитъ Господь всѣхъ любящихъ Его, а всѣхъ нечестивыхъ истребитъ. Уста мои изрекутъ хвалу Господню, и да благословляетъ всякая плоть святое имя Его во вѣки и вѣки.

Хвали, душа моя, Господа. Буду восхвалять Господа, доколѣ живъ; буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь. Не надѣйтеся на кня-

сы́ны человѣ́ческїѧ, въ ни́хже нѣ́сть спасе́нїѧ... Бла́женъ, є҆мꙋ́же Бг҃ъ Іа́кѡвль помо́щникъ є҆гѡ̀, оу҆пова́нїе є҆гѡ̀ на Гд҇а Бг҃а своего̀. (Псал. 145, 1—3. 5).

зей, на сына человѣческаго, въ которомъ нѣтъ спасенія. Блаженъ, кому помощникъ Богъ Іаковлевъ, у кого надежда на Господа Бога его.

Хвали́те Гд҇а, ꙗ҆́кѡ бла́гъ ѱало́мъ: Бг҃ови на́шемꙋ да оу҆сладитсѧ хвале́нїе... Прїе́млѧй кро́ткїѧ Гд҇ь, смирѧ́ѧй же грѣ́шники до землѝ. Начни́те Гд҇ви во и҆сповѣ́данїи, по́йте Бг҃ови на́шемꙋ въ гꙋ́слехъ... Не въ си́лѣ ко́нстѣй восхо́щетъ, нижѐ въ мы́стѣхъ мꙋ́жескихъ благоволи́тъ. Благоволи́тъ Гд҇ь въ боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀, и҆ во оу҆пова́ющихъ на ми́лость є҆гѡ̀. (Псал. 146, 1. 6. 7. 10. 11).

Хвалите Господа, ибо благо пѣть Богу нашему, ибо это сладостно,—хвала подобающая... Смиренныхъ возвышаетъ Господь, а нечестивыхъ унижаетъ до земли. Пойте поочередно славословіе Господу; пойте Богу нашему на гусляхъ... Не на силу коня смотритъ Онъ, не къ *быстротѣ* ногъ человѣческихъ благоволитъ; благоволитъ Господь къ боящимся Его, къ уповающимъ на милость Его.

Ца́рїе зе́мстїи и҆ вси̑ лю́дїе, кнѧ́зи и҆ вси̑ сꙋдїи̑ зе́мстїи: ю҆́ноши и҆ дѣ́вы, ста́рцы съ ю҆́нотами. Да восхва́лѧтъ и҆́мѧ Гд҇не. (Псал. 148, 11—13).

Цари земные и всѣ народы, князья и всѣ судьи земные, юноши и дѣвицы, старцы и отроки, да хвалятъ имя Господа!

Воспо́йте Гд҇ви пѣ́снь но́вꙋ: хвале́нїе є҆гѡ̀ въ це́ркви преподо́бныхъ. Да возвесели́тсѧ Ї҆и҃ль ѿ сотво́ршемъ є҆го̀: и҆ сы́нове Сїѡ́нни возра́дꙋютсѧ ѡ҆ царѣ̀ своє́мъ. Вознесе́тъ кро́ткїѧ во спасе́нїе. Восхва́лѧтсѧ

Пойте Господу пѣснь новую; хвала Ему въ собраніи Святыхъ. Да веселится Израиль о Создателѣ Своемъ; сыны Сіона да радуются о Царѣ Своемъ... Прославляетъ смиренныхъ спасеніемъ. Да торжеству-

преподо́бнїи во сла́вѣ, и҆ возра́дꙋютсѧ на ло́жахъ свои́хъ. Возноше́нїѧ Бж҃їѧ въ горта́ни и҆́хъ. (Псал. 149, 1. 2. 4. 5. 6).

Хвали́те Бг҃а во свѧты́хъ є҆гѡ̀, хвали́те є҆го̀ во ᲂу҆тверже́нїи си́лы є҆гѡ̀. Хвали́те є҆го на си́лахъ є҆гѡ, хвали́те є҆го̀ по мно́жествꙋ вели́чествїѧ є҆гѡ̀. Всѧ́кое дыха́нїе да хва́литъ Гд҃а. (Псал. 150, 1—3. 6).

ютъ Святые во славѣ, да радуются на ложахъ своихъ. Да будутъ славословія Богу въ устахъ ихъ.

Хвалите Бога во святынѣ Его: хвалите Его на тверди силы Его. Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величія Его. Все дышущее да хвалитъ Господа!

Все сіе выбрали мы изъ книги Псаломской для того, чтобы всякій, желающій успѣть въ добродѣтельной жизни, видѣлъ себя—религіозно-нравственную жизнь свою—въ этихъ стихахъ, какъ въ зеркалѣ. При семъ совѣтуемъ читателю, чтобы онъ все, выбранное изъ Псалмовъ, читалъ какъ бы одинъ нераздѣльный Псаломъ. Ибо если будетъ читать Псаломскія слова соединительно—одни за другими,—то почувствуетъ большое духовное услажденіе и пользу изъ Божественныхъ сладкоглаголаній.

НЕРУКОТВОРЕННЫЙ ОБРАЗЪ

ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА

И ПОКЛОНЕНІЕ ЕМУ.

НЕРУКОТВОРЕННЫЙ ОБРАЗЪ

ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА.

Христіане имѣютъ у себя неоцѣнимое сокровище: „Нерукотворенный Образъ Всемилостиваго Спаса." Самое названіе сіе поучаетъ насъ многому и важному.

Извѣстно, почему онъ называется такимъ Образомъ.— До Авгаря, Едесскаго владѣльца,—какъ говоритъ древнее преданіе,—страдавшаго неисцѣльною болѣзнію, дошелъ слухъ, что въ Іудеѣ явился необыкновенный мужъ, называемый Іисусомъ, Который однимъ словомъ исцѣляетъ всякія болѣзни. Побуждаемый желаніемъ себѣ здоровья, Авгарь немедленно отправилъ одного изъ своихъ слугъ, по имени Ананію, свѣдущаго въ искусствѣ живописи, съ письмомъ къ Великому Чудотворцу, въ коемъ содержалось приглашеніе—придти въ Едессу для поданія исцѣленія ея владѣльцу и—въ награду за сіе—для раздѣленія съ нимъ всѣхъ выгодъ царственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано было повелѣніе Ананіи—снять, невѣдомо для Чудотворца, изображеніе Лица Его.— Ананія успѣшно исполнилъ одну часть своего порученія, вручилъ письмо своего владѣльца, и получилъ самъ въ отвѣтъ письмо, въ коемъ было сказано, что Божественному Чудотворцу надлежитъ оставаться неисходно въ Іудеѣ, до дня вознесенія Своего на небо, но что послѣ этого событія къ Авгарю посланъ будетъ одинъ изъ Его Апостоловъ, со спасеніемъ не только тѣлеснымъ, но и душевнымъ. Но вторую часть порученія — снять изображеніе Лица Іисусова—Ананія никакъ не

могъ исполнить: Божественный Образъ оставался превыше всѣхъ усилій искусства, и художникъ никакъ не находилъ желаннаго сходства въ своемъ изображеніи съ великимъ подлинникомъ. Сердцевѣдецъ все сіе видѣлъ, и не восхотѣлъ, чтобы трудъ Ананіи и усердіе его владыки остались безъ награды. Омывъ, нарочно, въ присутствіи Ананіи, Лице Свое водою, Онъ утеръ его убрусомъ, или полотномъ; и вдругъ на семъ убрусѣ, со всею точностію, отпечатлѣлся Его Божественный Образъ, который составилъ драгоцѣннѣйшій даръ для Едесскаго владѣльца.

По вознесеніи Спасителя на небо, исполнено было обѣщаніе и касательно посланія къ Авгарю Апостола. Ѳаддей, одинъ изъ семидесяти, достигши Едессы, преподалъ ему исцѣленіе отъ недуга тѣлеснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставилъ ему и его подданнымъ спасеніе вѣчное, окрестивъ ихъ во имя Іисуса Христа; а Нерукотворенный Образъ Спасителя, и по кончинѣ Авгаря, долго составлялъ необоримую стѣну для Едессы отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, доколѣ не пріобрѣтенъ былъ, какъ неоцѣненное сокровище, Романомъ—Царемъ Греческимъ, и не принесенъ въ Константинополь. Событіе сіе само по себѣ частное, касавшееся одного Авгаря и его художника; но истина, въ немъ выраженная, особенно важна и поучительна для всего христіанскаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, одному-ли Авгарю нужно было имѣть у себя Образъ Христовъ? Это—необходимо для всѣхъ и каждаго христіанина: потому-то, за почитаніе Образа Христова пострадали тысячи, и почитаніе Его утверждено на вѣки седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ, что и празднуетъ Святая Церковь въ 1-й воскресный день Великаго Поста,—въ недѣлю Православія; самый-же Образъ чествуетъ и воспѣваетъ 16-го

августа, въ день перенесенія его изъ Едессы въ Константинополь, въ 944 году.

Какой-же смыслъ и какое значеніе имѣетъ для насъ Нерукотворенный Образъ Спасовъ?

Человѣкъ былъ нѣкогда нерукотвореннымъ Образомъ Божіимъ, и доколѣ былъ имъ, *не требовалъ, да кто учитъ его* (1 Іоан. 2, 27), ибо самъ Образъ Божій училъ его всему, наставлялъ его на всякую истину. Но сынъ персти неудовольствовался Образомъ Божіимъ, вознебрегъ Его наставленіемъ, открылъ слухъ чуждому совѣту, принялъ—вмѣстѣ съ тѣмъ образъ новый, ужасный—образъ змія губителя. *Отверзлись очи его* (Быт. 3, 7), чтобы видѣть собственную наготу; но внутреннее око закрылось. Человѣкъ началъ рождать подобныхъ себѣ уже не по Образу Божію (ибо не могъ сообщить другимъ, чего самъ лишился), а *по виду своему* (Быт. 5, 3), по виду Адама перстнаго, мрачнаго, безобразнаго. Но и на этомъ зло не остановилось: болѣе и болѣе помрачая въ себѣ останки Образа Божія, обезображенный человѣкъ дошелъ до того, что—вмѣсто уподобленія Творцу—сталъ *прилагаться скотомъ несмысленнымъ, и уподобляться имъ* (Пс. 48, 13); а наконецъ, и славу нетлѣннаго Бога, своего Первообраза, началъ измѣнять *въ подобіе тлѣнна человѣка*, даже—*птицъ, и четвероногихъ, и гадъ* (Рим. 1, 23). То есть: не только совершенно повредился списокъ, но утраченъ былъ и подлинникъ, по коему можно было-бы, хотя не возстановить испорченный списокъ (ибо для этого требовалась рука перваго Художника—Бога), по крайней мѣрѣ видѣть, каковъ онъ былъ въ началѣ.

Напрасно *невидимая Божія твореньми помышляема* была видима—*и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20): *суетни человѣцы естественнѣ не возмогоша отъ видимыхъ благъ уразумѣти Сущаго, ни, дѣломъ внем-*

люще. познаша Хитреца (Прем. 13. 1). Напрасно и многіе мудрецы, подобно Ананіи, покушались, то съ видимой вселенной—красоты ея, то съ внутренняго міра духа человѣческаго, снять изображеніе Божества и представить Его для подражанія человѣку, который искалъ своего подлинника. Но могъ-ли быть возстановленъ подлинникъ по спискамъ испорченнымъ? Божественный Образъ постоянно оставался превыше усилій мудрости человѣческой. Всѣ рукотворенные идеалы Божества неизбѣжно разрѣшались въ понятіи „*Невѣдомаго Бога*“ (Дѣян. 17, 23). Наконецъ, весь древній міръ пришелъ самъ собою къ горестному убѣжденію, что, дабы видѣть Бога—свой Первообразъ, для сего нужно человѣку разстаться съ жизнію (Исх. 33, 20); и самые первые изъ мудрецовъ провозгласили, что „Отца природы найти трудно, и если-бы кто нашелъ, то объ Немъ нельзя бесѣдовать ко всѣмъ“ (Платонъ). То есть, человѣкъ такъ удалился отъ своего Первообраза, что увидѣлъ уже въ себѣ невозможность приблизиться къ Нему собственными силами,—осудилъ самъ себя на вѣчное безобразіе.

Но сего то сознанія своей немощи и ожидало Провидѣніе Божіе, чтобы открыть во всей полнотѣ, давно начатое имъ, великое дѣло возстановленія въ человѣкѣ Образа Божія: *многочастно и многообразно древле Богъ глаголавый* для сего *во пророцѣхъ, напослѣдокъ возглаголалъ намъ въ Сынѣ. Иже сый сіяніе славы и образъ Ипостаси Его. Себе умалилъ* для насъ, *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко человѣкъ* (Евр. I. 1—3: Филип. 2. 7). А чтобы мы узнали въ Немъ не только свой Первообразъ, но и путь къ возстановленію Его въ себѣ, состоящій въ смиреніи и самоумерщвленіи.—*Онъ смирилъ Себе, послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2. 8): и

такимъ образомъ Собою *сотворивъ очищеніе грѣховъ нашихъ, сѣде одесную престола величествія на высокихъ* (Евр. 1, 3).

Теперь, когда *Слово плоть бысть и всели́ся въ ны, и мы видѣхомъ славу Его,—славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. 1. 14),—когда *животъ*, нами потерянный и *бывшій у Отца явися* паки *намъ;* теперь, когда, вмѣстѣ съ явленіемъ намъ нашего Первообраза, поданы и *вся силы, потребныя къ животу и благочестію* (2 Петр. 1. 3), или, что тоже, къ сообразованію себя съ Нимъ;—теперь мы не можемъ уже говорить: *кто явитъ намъ благая* (Пс. 4, 7)? Кто взойдетъ на небо, чтобы *Христа*—Первообразъ нашъ—*свести* для подражанія намъ (Рим. 10, 6)? Или—кто дастъ силы снити во адъ, чтобы Христа отъ мертвыхъ возвести, чтобы возстановить изъ глубины паденія Образъ Божій въ насъ (Пс. 138, 8; Рим. 10, 7)? *Знаменася на насъ свѣтъ Лица Божія... Глаголъ вѣры близъ* (Рим. 10, 8). Смотри, слушай и поучайся! Христосъ на земли, возносися! Крылѣ даны, стремись къ вѣчному Солнцу! Теперь нашему уму нѣтъ причинъ истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ—обнять непостижимое, изслѣдовать неизслѣдимое, разсуждать о Богѣ безъ Бога, творить для себя, такъ сказать, своего Творца. Теперь всему человѣчеству, и порознь каждому человѣку, остается одно—взирать неуклонно на Образъ Божій, предъ нами явившійся, и черта за чертою перенося Его, чрезъ размышленія и дѣянія, въ свою душу, самому постепенно преобразоваться, сначала въ смиреніе, кротость, любовь, а потомъ и въ ту-же славу, то-же величіе Его.

Это—долгъ всего человѣчества. И не должно думать, что только одни занимающіеся науками учатся и принимаютъ образованіе. Есть всемірное училище для все-

го человѣчества: это—міръ Божій и Церковь Божія! Есть уроки понятные и слышимые на всѣхъ языкахъ: это—опыты жизни и благодати! Есть всемірные и неумолкающіе наставники, которые вразумляютъ каждаго грядущаго въ міръ: это—Промыслъ Божій и Духъ Святый! И образецъ для всѣхъ образуемыхъ одинъ: Его нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, ибо человѣкъ здѣсь самъ выше всего; Образецъ сей на небѣ, въ Богѣ, въ Его единородномъ Сынѣ и Словѣ; и поелику человѣкъ не могъ восходить за Нимъ на сію высоту,—Онъ низшелъ на землю и, низшедъ, *оставилъ намъ Образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его.* Послѣ сего искать другихъ какихъ либо образцевъ для своего образованія, значитъ идти явно противъ безпредѣльной любви Божіей и противъ собственнаго совершенства. Человѣку суждено быть образованнымъ, носить образъ единаго Бога, Который будетъ въ немъ только тогда, когда онъ облечется во Образъ Христовъ; ибо у Самого Бога нѣтъ другаго *Образа Упостаси Его*, кромѣ единороднаго Сына Его.

Указаны нами и самыя черты Образа Христова и способъ облеченія во Христа.—Христосъ Спаситель отчасти Самъ написалъ Свой нравственный Образъ, когда сказалъ: *кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мато. 11, 29); а вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и то, какъ можемъ мы преображаться въ этотъ Образъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* Итакъ, изгладь въ душѣ твоей черты гнѣвливости и гордости; а вмѣсто того положи въ ней черты кротости и смиренія; и ты тѣмъ положишь въ себѣ черты нравственнаго Образа Христова. По сему примѣру, взирая чувственнымъ окомъ на видимый Образъ Христа, да взираемъ прилежно окомъ ума и сердца на Образъ Его духовный, или нравственный. И просвѣщая себя свѣтомъ истины Его, и подра-

жая, сколько можемъ, явленнымъ въ земномъ житіи Его добродѣтелямъ, какъ-то: Его ревности о словѣ Отца Небеснаго, Его приснопребыванію въ молитвѣ, Его благости и человѣколюбію, Его кротости и смиренію, Его терпѣнію и послушанію волѣ Отца Небеснаго даже до смерти.—*въ той же образъ да преобразуемся отъ славы въ славу, яко отъ Господня Духа.* Аще и недостойны есмы, не обезнадежимъ себя, но неослабнымъ подвигомъ подвизаемся, чтобы достигнуть сей благодати, отверзающей единственный входъ въ славу вѣчную. *Облецытеся Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13, 14).—Облеки во Христа твой умъ посредствомъ поученія въ словѣ Его и благоговѣйныхъ о Немъ помышленій; облеки во Христа твое сердце посредствомъ вѣры въ Него, молитвы и любви къ Нему; облеки во Христа твою волю посредствомъ свободнаго и усерднаго послушанія заповѣдямъ Его; облеки во Христа твою жизнь посредствомъ подражанія примѣру житія Его; и твой духъ облечется силою Духа Его—къ низложенію мятежной силы плоти, къ восполненію естественной немощи ея. Пріими въ сердце твое Христа страждущаго и умирающаго на Крестѣ; и умертвятся уды твои яже на земли (Колос. 3, 5), и не дерзнутъ ожить страсти и похоти.

Дѣло сіе чрезвычайно важное и самое существенное въ христіанствѣ; и потому всякому христіанину необходимо въ жизни своей а) преобразиться, по подобію Христа Спасителя, и б) навсегда пребывать въ Немъ.

а) Это необходимое для насъ *преображеніе* вообще состоитъ *въ совлеченіи ветхаго человѣка съ дѣяніями его, и облеченіи въ человѣка новаго, созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины.* Въ частности—

1) Надобно мало по малу преобразовать свой *умъ* вѣрою твердою и непоколебимою такъ, чтобы онъ сдѣлался *умомъ Христовымъ*. обо всемъ чтобы. то есть, мыслилъ. разсуждалъ. какъ учитъ Св. Евангеліе Христово, твердо стоялъ во истинѣ и въ правдѣ. отвращаясь отъ всякой лжи и неправды. И умъ. такимъ образомъ. будетъ облеченъ во Христа.

2) Надобно преобразовать свое *сердце* такъ. чтобы въ немъ царствовала не похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская. но искренняя, крѣпкая, вседушевная любовь къ Богу и ближнимъ, чтобы оно жило и дышало Единымъ Господомъ и упованіемъ вѣчной жизни съ Господомъ, чтобы *ни смерть. ни животъ. ни настоящая. ни грядущая, ни высота, ни глубина. ни ина тварь кая не могла разлучить его отъ любве Божія. яже о Христѣ Іисусѣ.* И сердце. такимъ образомъ, будетъ облечено во Христа.

3) Надобно преобразовать свою *волю* такъ, чтобы она была послушна одному Евангелію Христову, чтобы никто и ничто въ мірѣ не могли отклонить ее отъ исполненія заповѣдей Господнихъ. И воля, такимъ образомъ, облечена будетъ во Христа.

4) Надобно преобразовать и внѣшнія чувства свои. и всю жизнь свою такъ. чтобы мы были *не рабами грѣху и беззакопію въ беззаконіи. но рабами правдѣ во святыню.* Тогда и вся жизнь наша облечена будетъ во Христа.

б) Это необходимое для насъ пребываніе во Христѣ и со Христомъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Быть въ Господѣ Іисусѣ Христѣ значитъ — сочетаться съ Нимъ живою. сердечною. крѣпкою и непоколебимою вѣрою *предъ собою выну.* какъ Бога и Творца своего. Искупителя и Спасителя своего. Судію

и Мздовоздаятеля своего. привиться къ Нему всей душей и сердцемъ. какъ розга прививается къ живоносной лозѣ. чтобы жить Его жизнію. одушевляться Его Пресвятымъ Духомъ.

2) Быть въ Господѣ Іисусѣ Христѣ значитъ—живою. крѣпкою. аки смерть. любовію быть соединену въ единъ духъ съ Господомъ такъ. чтобы никто и ничто никогда не могло поколебать въ насъ сей любви. или ослабить ее и разлучить насъ съ Господомъ ни на малое время.

3) Быть съ Господомъ значитъ—живымъ упованіемъ на непреложныя обѣтованія Его—воскреснуть со Христомъ духомъ и сердцемъ своимъ. *горняя мудрствовать. а не земная.* вмѣнять въ уметы все земное и временное. и всѣмъ сердцемъ искать небесныхъ и вѣчныхъ благъ.

4) Быть въ Господѣ Іисусѣ Христѣ значитъ—во всемъ уподобляться Ему: мыслить. какъ мыслилъ Онъ. чувствовать. какъ чувствовалъ Онъ. желать. чего желалъ Онъ. дѣйствовать. какъ дѣйствовалъ Онъ.. терпѣть и молиться. какъ терпѣлъ и молился Онъ.

5) Быть въ Господѣ значитъ—Его одного любить и почитать паче всѣхъ и всего. Ему Одному служить и благоугождать во всемъ. Ему Одному повиноваться и Его святую волю исполнять.

6) Быть въ Господѣ Іисусѣ Христѣ значитъ— и все тѣло свое. какъ членъ тѣла Христова. употреблять. по волѣ Его. въ орудіе правды и святыни. всѣ чувства свои: и зрѣніе. и слухъ. и языкъ. и руки направлять по мановенію воли Создавшаго насъ. къ исполненію Его святыхъ и животворныхъ заповѣдей. хранить сосудъ плоти своей. какъ храмъ живущаго въ насъ Духа Божія. въ чистотѣ и святыни. Словомъ—

7) Быть въ Господѣ значитъ—всецѣло предать самаго себя и всю жизнь свою Ему. да воцарится и цар-

ствуетъ Онъ въ нашемъ сердцѣ, умѣ и волѣ, да управлять всѣми силами души и тѣла нашего, по Своей всеблагой и всесвятой волѣ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ.*

Кто такимъ образомъ пребываетъ въ Господѣ, въ томъ пребываетъ и Онъ.—тотъ, въ какомъ-бы ни находился состояніи, истинно счастливъ, и блаженъ, и образованъ, равно какъ истинно несчастенъ тотъ, кто живетъ безъ Христа, кто изгналъ Его изъ сердца своего или невѣріемъ, или беззаконною жизнію.—кто затворилъ предъ Нимъ двери сердца своего постояннымъ пребываніемъ во грѣхахъ и нераскаянностію.

Такимъ-то образомъ, человѣкъ -христіанинъ, во всю жизнь свою, долженъ всеми мѣрами стараться—облечь во Христа всѣ свои силы и способности души и тѣла, преобразовать ихъ по Образу Христову и пребывать въ Господѣ Іисусѣ Христѣ—неотступно. Тогда, и только тогда, онъ будетъ, въ полномъ смыслѣ, человѣкомъ образованнымъ, истинно-образованнымъ. Всѣ другія образованія—не то. Можно быть образованнымъ человѣкомъ—или по образу міра сего, лежащаго во злѣ, или по образу духа времени, или даже по образу змія—губителя. Но такое образованіе, очевидно, не христіанское, и слѣдовательно ни коимъ образомъ не свойственное христіанамъ, и во всякомъ случаѣ пагубное. Не дай Богъ остановиться намъ на какомъ нибудь изъ этихъ образованій! И несчастные тѣ дѣти, которыхъ образуютъ въ людей свѣтскихъ, современныхъ, безъ христіанскаго образованія! Какъ-бы ни были они искусны въ своемъ родѣ и ловки.—въ нихъ не будетъ духа Христова: а кто духа Христова не имѣетъ, тотъ не Христовъ,—не христіанинъ. Кто же онъ и чей такой? Догадаться не *трудно.*

Но да необольщаетъ себя никто пустою надеждою, яко-бы успѣхъ въ истинно-христіанскомъ образованіи зависитъ единственно отъ насъ самихъ. Мы можемъ и должны стараться о сообразованіи себя съ нашимъ Божественнымъ Образцемъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ: но не можемъ сами собою отпечатлѣть въ себѣ Его Образа. Кто-же возвратитъ намъ сей драгоцѣнный Образъ? Кто въ состояніи отпечатлѣть Его въ душѣ и во всемъ существѣ нашемъ? Никто, кромѣ Самаго Бога, единороднаго Его Сына и Духа Всесвятаго. Это—дѣло Его всемогущества и любви. Истинный Образъ Его, какъ былъ въ человѣкѣ невинномъ, такъ бываетъ и въ человѣкѣ оправданномъ—всегда нерукотвореннымъ. Сомнѣваться въ этомъ можетъ только тотъ, кто никогда искренно не приступалъ къ великому дѣлу возстановленія въ себѣ Образа Божія, и водится въ сужденіи о семъ, не опытомъ, а одними своими мыслями и воображеніемъ. Въ этомъ обманчивомъ зеркалѣ точно можетъ представиться возможнымъ для человѣка совершенно исправить себя и достигнуть Богоподобія собственными силами: иначе,—умствуетъ разумъ,—что будетъ значить свобода человѣческая? Къ чему естественное стремленіе къ совершенству? Для чего законъ, требующій отъ человѣка чистоты и Богоподобія? Все это прекрасныя по виду мысли: но начни не умствовать, а дѣйствовать,— стань образовывать себя по Образу Божію, не въ мысляхъ только и на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ и въ жизни: тогда увидишь, что значитъ свобода наша,—узнаешь, что это теперь способность уже не вставать и идти, а дать поднять себя и вести,—узнаешь, много-ли можетъ произойти изъ твоего естественнаго стремленія къ совершенству? Можетъ произойти доброе намѣреніе и повременная рѣшимость—достигать совершенства, повремен-

ное же усердіе и вѣрность въ употребленіи средствъ, къ тому служащихъ, внѣшнее благоустроеніе своей жизни, и нѣкіе начатки исправленія внутренняго, а отнюдь не самое совершенство.—не чистота мыслей и сердца, не то благолѣпіе духовное, не та твердость въ добрѣ, кои необходимо требуются отъ существа, созданнаго по Образу Божію и предназначеннаго для вѣчнаго блаженнаго общенія съ Существомъ всесовершеннымъ; поймешь тогда, къ чему служитъ и законъ, непрестанно напоминающій тебѣ о совершенствѣ, хотя ты и не можешь достигнуть его собственными силами.—поймешь, что законъ служитъ къ тому, чтобы, не находя средствъ достигнуть сей цѣли въ самомъ себѣ, ты обратился всѣмъ существомъ своимъ къ Тому, Кто Одинъ можетъ дать тебѣ на то способности и силы, то-есть къ Господу и Спасителю твоему, Который, будучи единственнымъ и совершеннымъ Образомъ Упостаси Отчей, для того и сошелъ на землю, чтобы отпечатлѣть Самимъ Собою сей Образъ во всѣхъ тѣхъ, кои представляютъ Ему для сего души свои, какъ чистый убрусъ —полотно. Чтобы еще болѣе пояснить эту важную истину, что человѣкъ, потерявшій чрезъ грѣхъ Образъ Божій, не можетъ самъ собою возстановить Его въ себѣ, то есть совершенно очистить и исправить сердце и природу свою.—для сего употребимъ простое сравненіе.—Что нужно бываетъ для того, чтобы отпечатлѣть на чемъ-либо снова образъ, изгладившійся или поврежденный? Нужно, во первыхъ, размягчить то вещество, на которомъ хотятъ сдѣлать отпечатокъ; потомъ, необходима вѣрная и прочная печать съ изображеніемъ; и наконецъ, должно извѣстнымъ образомъ приложить сію печать на веществѣ приготовленномъ. Теперь смотрите: въ состояніи-ли человѣкъ проникнуть волею своею до глубины природы своей,

очистить всѣ силы и способности свои отъ всего постороннягo и нечистаго, размягчить ихъ и довести до той степени совершенства, чтобы они могли принять на себя и сохранить въ себѣ святѣйшія черты Образа Божія? Явно, что для сего размягченія, сего расплавленія грубой натуры нашей мало теплохладнаго дыханія устъ нашихъ, мало слабаго огня любви нашей къ Богу; для сего потребно всесильное дуновеніе Духа Божія, всепроницающій огнь любви Іисусовой. Они только могутъ проникнуть до раздѣленія души и духа нашего, изгнать изъ сердца все чуждое и Богопротивное, умягчить твердое, открыть заглохшее, оживить обмершее, кратко— содѣлать душу и сердце способными вообразиться первою добротою, по Образу Создавшаго.

Если-бы человѣкъ имѣлъ въ себѣ столько силы, чтобы приготовить существо свое для отпечатлѣнія въ немъ Образа Божія, то это приготовленіе есть только приступъ къ дѣлу, а не самое дѣло. Для отпечатлѣнія въ себѣ Образа Божія необходима печать съ образомъ. Но гдѣ сія печать? Печати равнообразной Лицу Божію нѣтъ нигдѣ, кромѣ Самого Сына Божія. Онъ, и Онъ одинъ только есть существенно отпечатлѣнный Образъ Существа Отчаго. Кто-же въ состояніи дѣйствовать сею печатію, кромѣ Его Самого? Правда, что Сынъ Божій, по безпредѣльной любви Своей къ намъ, всегда готовъ дать Себя намъ, дабы мы, посредствомъ Его, отпечатлѣвали въ себѣ Образъ Отца Его и нашего; но кто можетъ дѣйствовать Имъ безъ Него Самого? Мы и къ Нему Самому не можемъ приблизиться, если не Отецъ, *пославый Его, привлечетъ* насъ; а приблизившись, ничего другаго не можетъ сдѣлать, какъ предать Ему Себя, какъ вещество, для возсозданія насъ по Образу Его.

Имѣя въ виду все это, будемъ употреблять, съ своей стороны, всѣ силы на то, чтобы сколько можно болѣе очищать себя отъ всего грѣховнаго и Богопротивнаго, чтобы—день ото дня—преуспѣвать въ добродѣтели и приближаться въ духѣ къ Творцу и Господу нашему: но перестанемъ и думать, чтобы мы собственными силами могли достигнуть цѣли бытія своего.—чтобы своими усиліями успѣли возстановить въ себѣ Образъ Божій: это дѣло всемогущей благодати Божіей. Истинный Образъ Божій всегда нерукотворенъ. Отсюда слѣдуетъ, что цѣль всѣхъ нашихъ усилій, занятій, наукъ, должна состоять только въ томъ, чтобы представить Богу наши души, какъ чистый убрусъ, способный принять Божественное изображеніе. А произвести изображеніе можетъ одинъ только Духъ Божій, Который претворяетъ грѣшника изъ врага Божія въ сына любви, по Образу Единороднаго. Очищеніе духа, души и тѣла есть потому наша всегдашняя обязанность. Нужна при этомъ и вода очищенія—слезы покаянія и любви. Если образъ царя земнаго составляетъ высокую награду, и тѣ, кои удостоиваются носить его, не помнятъ отъ радости прошедшихъ трудовъ, опасностей и жертвъ; то Образъ Царя Небеснаго, отпечатлѣнный въ душѣ, чего не вознаградитъ Собою? Какой изъ счастливцевъ міра не скучалъ своимъ состояніемъ и не желалъ перемѣнить его на лучшее? А былъ-ли хоть одинъ изъ тѣхъ, въ коихъ Образъ Христовъ, который-бы пожелалъ промѣнять свое состояніе на самый вѣнецъ Царскій?

Итакъ, *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1). Образъ Господа Іисуса да будетъ всегда предъ очами ума нашего, доколѣ не отпечатлѣется въ самомъ сердцѣ нашемъ. Будемъ очищать умъ нашъ, доколѣ онъ не сдѣлается умомъ Христовымъ. Будемъ

усовершать волю, доколѣ она не облечется волею Христовою. Будемъ болѣе и болѣе приближаться къ Спасителю нашему всею жизнію и всѣмъ существомъ нашимъ, доколѣ не въ состояніи будемъ сказать съ Ап. Павломъ: *живемъ же не ктому мы, но живетъ въ насъ Христосъ* (Галат. 2. 20). Это—главная цѣль жизни нашей, и вмѣстѣ—награда всѣмъ трудамъ нашимъ на землѣ.

Дабы имѣть въ этомъ великомъ дѣлѣ успѣхъ, положимъ себѣ за правило—не выпускать изъ рукъ Святое Евангеліе и по нему, во всю жизнь свою, изучать черты Образа Божія, для перенесенія и насажденія ихъ въ душахъ и сердцахъ нашихъ. Святитель Тихонъ Задонскій говоритъ: „Чтобы тебѣ исправить себя и содѣлаться истиннымъ христіаниномъ, положи предъ душевными очами твоими святую жизнь Христову,—на нее чаще смотри и примѣру Его подражай. Непорочная жизнь Христова да будетъ зеркаломъ души твоей: смотри на нее чаще и познавай,—какова душа твоя: того-ли она хочетъ, чего хочетъ Христосъ, и то-ли дѣлаетъ, что дѣлалъ Христосъ, живя на землѣ; и если увидишь что нибудь противное жизни Христовой, все то очищай покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца. Если будешь такъ дѣлать, то увѣряю тебя, что со дня на день будешь становиться лучшимъ; ибо невозможно не исправляться тому, кто часто смотритъ въ безпорочное оное зеркало. Живи въ мірѣ по примѣру жизни Христовой, и спасешься.“

Но такъ какъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ зависитъ не отъ насъ однихъ, а главнымъ образомъ отъ благодати Божіей, то будемъ какъ можно чаще молиться Господу Богу, разумно покланяясь Его Пречистому Образу, со святымъ Димитріемъ Ростовскимъ, воспоминая все дѣло спасенія нашего.

Въ Тропарѣ и Кондакѣ Нерукотворенному Образу выраженъ глубокій смыслъ нашего почитанія и благодарственнаго поклоненія Ему. То-есть: поклоняясь Пречистому Образу, мы просимъ прощенія грѣховъ нашихъ: потому что Спаситель нашъ, воплотившись, добровольно пострадалъ на Крестѣ, чтобы избавить насъ отъ работы вражія,—избавить отъ грѣха, проклятія и смерти. Такимъ образомъ, лобызая и поклоняясь Образу Спаса нашего, мы поклоняемся всему дѣлу спасенія нашего, совершеннаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

ТРОПАРЬ.

„Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ, Христе Боже: волею бо благоволилъ еси плотію взыти на Крестъ, да избавиши яже создалъ еси отъ работы вражія. Тѣмъ благодарственно вопіемъ Ти: радости исполнилъ еси вся, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ."

КОНДАКЪ.

„Неизреченнаго и Божественнаго Твоего къ человѣкомъ смотрѣнія, неописанное Слово Отчее, и Образъ неписанный и Богописанный побѣдителенъ вѣдуще неложнаго Твоего воплощенія, почитаемъ того лобызающе."

Такой именно смыслъ нашего почитанія, воздаваемаго Пречистому—Нерукотворенному Образу Спаса нашего, выраженъ въ „поклоненіи Господу Іисусу Христу," гдѣ въ благоговѣйномъ молитвенномъ духѣ воспоминается все домостроительство спасенія нашего, отъ начала и до конца его—по порядку. Святитель Димитрій Ростовскій молится такъ:

Пріидите, поклонимся Цареви нашему Богу!

Пріидите, поклонимся и припадемъ Христу, Цареви нашему Богу!

Пріидите, поклонимся и припадемъ къ Самому Христу, Цареви и Богу нашему!

Поклоняюся Твоему прежде денницы отъ Отца безъ Матери рожденію, и неизреченному еже о насъ смотрѣнію, Сыне Божій!

Поклоняюся Твоему тайному снисхожденію, и дѣйствомъ Святаго Духа во утробѣ дѣвической воплощенію, рожденію и въ яслѣхъ скотскихъ положенію, ради нашего спасенія, Человѣколюбче Господи!

Поклоняюся и славлю плотское Твое обрѣзаніе, смиренное отъ раба крещеніе, пресвѣтлое на Ѳаворѣ преображеніе, славное съ побѣдою въ Іерусалимъ на страсть вольную вшествіе, вся труды Твоя насъ ради подъятые, въ нихже былъ еси отъ юности, постяся и подвизаяся, ходя и труждаяся, уча и проповѣдуя, исцѣляя и воскрешая,—вся сія воспоминая, славлю, величаю, почитаю и любовію облобызаю, и о сихъ всѣхъ благодарю Тя— премилосерднаго Творца моего!

Поклоняюся Тайной Твоей Вечери, Сыне Божій, на нейже Самого Себѣ далъ еси въ снѣдь вѣрнымъ, да Тѣла и Крове Твоея причащающися, имамъ Тя живота вѣчнаго!

Величаю же и смиреніе Твое глубокое, во умовеніи ногъ ученикомъ явленное,—и молю Тя Господа моего: смири вознесенную мою гордыню, смиренномудріе же научи мя!

Поклоняемся Пречистому, Пресвятому и животворящему Тѣлу Твоему, подъ видомъ хлѣба за мя ломимому, во оставленіе грѣховъ!

Поклоняюся Пречистой, Пресвятой и животворящей Крови Твоей, подъ видомъ вина за мя изливаемой во оставленіе грѣховъ!

Поклоняюся страстемъ Твоимъ, Христе! (Трижды).

Поклоняюся колѣнопреклоненію Твоему въ вертоградѣ, идѣже моляся потъ кровавый изліялъ еси, да мимо идетъ отъ Тебе чаша страстей,—молюся же Ти Господу моему: научи мя всегда усердно молитися, и чашею спасенія напой мя, да во вѣки благодарю Тя!

Поклоняюся Тебѣ, Господи Боже мой, воспоминая вольныя Твоя страданія, лестное отъ Іуды лобзаніе, неповинное отъ беззаконныхъ ятіе, связаніе и безчисленныя поруганія, ударенія, оплеванія, заушенія, досады, біенія, терзанія, уничиженія, и вся Твоя, мене ради окаяннаго и неблагодарнаго, претерпѣвная мученія, и нещадная Кровь-изліянія. Вся сія напишу въ умѣ и сердцѣ моемъ, любовію я лобызаю, жалостію истаяваю, и о всѣхъ сихъ превозношу и благодарю Тя, любимаго ми Господа. Иже тако мя возлюбилъ еси, яко и душу Свою за мя не пощадѣлъ положити!

Поклоняюся неповинному Твоему, Судіе мой, на смерть осужденію, болѣзненному тяжкаго Креста ношенію, пречистаго Ти Тѣла на Крестѣ протяженію, пригвожденію, и посредѣ двою разбойнику на Голгоѳѣ распятію. Молю же Тя—Господа моего: не осуди мене по дѣломъ моимъ, даждь ми нелѣностно носити крестъ свой, пригвозди въ страсѣ Твоемъ плоть мою, распни мене міру со страстьми и похотьми, и даждь ми, да не судитъ ино что вѣдѣти сердце мое, во вся дни живота моего, точію Тебе,—Іисуса распятаго!

Поклоняюся Пречистой и Пресвятой Главѣ Твоей, мене ради неблагодарнаго, острымъ-терновымъ вѣнцемъ изободенной,—молю Тя—Господа моего: искорени злая, скверная, блудная, хульная и тщеславная отъ главы моей!

Поклоняюся Пресвятымъ Ушесамъ Твоимъ, мене ради окаяннаго и неблагодарнаго, хуленія злочестиваго испол-

ненным.—и молю Тя—Господа моего: даждь ми не слышати ничтоже неполезно, послушлива же Твоему велѣнію сотвори!

Поклоняюся Пречистым Очесам Твоим, мене ради окаяннаго и неблагодарнаго, кровію и слезами залитым, и молю Тя—Господа моего: призри на мя и помилуй мя! Отврати очи мои—не видѣти суеты!

Поклоняюся Пресвятому Лицу Твоему, еже яко Солнце на Ѳаворѣ сіяше, нынѣ же отъ заплеванія и ударенія потемненно, и молю Тя—Господа моего: Лице Твое просвѣти на раба Твоего!

Поклоняюся Пресвятым Устом Твоим и языку, жаждою паленному, вкусившему оцеть съ желчію, и молю Тя—Господа моего: обуздай языкъ мой злый, и положи храненіе устомъ моимъ!

Поклоняюся Пречистой, Пресвятой и животворящей язвѣ Твоей, яже въ десной Ти руцѣ и молю Тя—Господа моего: сподоби мя одесную Тебѣ стати!

Поклоняюся Пречистой, Пресвятой и животворящей язвѣ Твоей, яже въ шуей Ти руцѣ, и молю Тя—Господа моего: отъ части шуія избави мя!

Поклоняюся Пречистой, Пресвятой и животворящей язвѣ Твоей, яже въ десной Ти нозѣ, и молю Тя—Господа моего: наставі мя на путь правый покаянія!

Поклоняюся Пречистой, Пресвятой и животворящей язвѣ Твоей, яже въ шуей Ти нозѣ, и молю Тя—Господа моего: отъ всякаго пути лукаваго возбрани ногамъ моимъ.

Поклоняюся Пречистой, Пресвятой и животворящей язвѣ Твоей, яже въ пречистыхъ ребрахъ и въ прободенномъ Ти сердцѣ, отнюду же истече кровь и вода во искупленіе наше, и молю Тя—Господа моего: сокруши окаменѣніе мое, порази жестокое сердце мое, сотри е

страхомъ Твоимъ, уязви с любовію Твоею, да Тебе—Господа моего возлюблю всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею, всею мыслію, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ моимъ, и да текутъ отъ сокрушеннаго сердца моего потоки слезные, омывающіе грѣховную мою скверну!

Поклоняюся всецѣлой плоти Твоей Святой, мене ради окаяннаго и неблагодарнаго, отъ ногъ до главы язвенной и неимущей цѣлости, и молю Тя—Господа моего: всего мя уязвленнаго грѣхами исцѣли!

Поклоняюся наготѣ Пречистаго Тѣла Твоего, и молю Тя—Господа моего: покрый студную наготу окаянныя души моея!

Поклоняюся Пресвятой Душѣ Твоей, Богу Отцу въ руцѣ преданной, и молю Тя—Господа моего: въ часъ исхода душу мою во Свои Святыя руци пріими, и отъ воздушныхъ духовъ злобы сохрани!

Поклоняюся снятію со Креста Пречистаго тѣла Твоего и во гробѣ положенію, молю же Тя—Господа моего: даждь ми, да яко мертвъ и погребенъ живу въ мірѣ!

Слава страстемъ Твоимъ, Господи! (трижды).

Поклоняюся, славословлю и величаю Твое во адъ сошествіе, ада плѣненіе, смерти попраніе, и тридневное отъ гроба воскресеніе, молю же Тя Господа моего: душу мою грѣхами плѣненную въ любовь Твою плѣни, умершую воскреси, и отъ ада избави!

Слава, Господи, Кресту Твоему и воскресенію!

Поклоняюся Твоему съ плотію на небеса Вознесенію, идѣже одесную Бога Отца сидяй, зриши мою бѣду и немощь, слышиши мою грѣшную молитву, разумѣеши моя помышленія издалече, и вѣси все мое предложеніе, и молю Тя—Господа моего: вознеси умъ мой отъ зем-

наго пристрастія къ горнему желанію. и укрѣпи неможеніе мое. исполни недостаточество мое и скудость. исправи молитву мою. и веди мя къ доброму концу и спасенному пристанищу. да егда пріидеши судити живымъ и мертвымъ. не посрамленъ и не осужденъ обрящуся предъ Тобою! Господи! не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый.

Сіе падши ницъ на землю глаголи:

Достойно есть воистину покланятися Тебѣ — Господу моему Іисусу Христу, отъ всѣхъ святыхъ славимому и покланяемому Богу, о Егоже имени всяко колѣно кланяется небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ! И азъ недостойный безстудно приступаю и молю: спаси мя. Спасе мой, по Твоей благости, а не по моимъ дѣломъ! Ты хощеши мя спасти. Ты вѣси, коимъ образомъ мя спасти: спаси убо мене, яко хощеши, яко можеши, яко вѣси, имиже вѣси судьбами спаси мя! Азъ на Тя — Господа моего надѣюся, и Твоей волѣ Святой себе вручаю: твори со мною еже хощеши! Аще хощеши мя имѣти во свѣтѣ, буди благословенъ. Аще мя хощеши имѣти во тьмѣ, буди паки благословенъ. Аще отверзеши ми двери милосердія Твоего: добро убо и благо. Аще затвориши ми двери милосердія Твоего: благословенъ еси, затворивый ми въ правду. Аще не погубиши мя со беззаконьми моими, слава безмѣрному милосердію Твоему. Аще погубиши мя со беззаконьми моими, слава праведному суду Твоему. Якоже, хощеши, устрой о мнѣ вещь!

Слава Тебѣ, Христу Богу моему премилосердому, пострадавшему за мя, и претерпѣвшему заплеванія и раны, терновъ вѣнецъ и трость, крестъ, гвоздіе и копіе, смерть и погребеніе!

Благодарю Тя, Спаситель мой, Свѣте мой, Животе и Воскресеніе мое, яко возлюбилъ мя еси, и Себе предалъ еси за мя! Не остави мя, Создателю мой, нынѣ и во вѣкъ будущій, аминь.

Тебѣ, Спасителю и Искупителю моему, предаю душу мою и вся чувства и глаголы моя, совѣты и помышленія моя, и вся тѣла и души моея употребленія, вѣру и жительство мое, теченіе и кончину живота моего, день и часъ издыханія моего, преставленіе и упокоеніе, и воскресеніе души и тѣла моего—Тебѣ вручаю и молю Тя: пріими мя въ руцѣ Твоего Владычняго защищенія, распятыма Твоима дланма благослови, въ язвахъ Твоихъ сокрый и избави мя отъ всякаго зла: Кровію Твоею очисти многое множество моихъ беззаконій: Крестомъ Твоимъ, аки копіемъ, пронзи окаянное сердце мое, яко да кромѣ Тебе—Животодавца моего ничтоже ино возлюбитъ, и яко да на Тебе—распятаго всегда взираетъ, сострадая и умиляяся, грѣхомъ аки мерзкою блевотиною гнушаясь, волю свою отсѣцая, и яже о себѣ на Твой Промыслъ возлагая, и оттуду помощь воспріяти уповая. Страстію Твоею умертви ми душетлѣнныя страсти тѣлесныя, и подаждь исправленіе злому моему и развращенному житію, и отъ грядущихъ грѣхопаденій лютыхъ восхищая, отъ бѣсовъ, страстей и злобы человѣческія немощь мою покрывая, и безбѣдно спасительнымъ путемъ къ Тебѣ—Пристанищу моему и желаній краю—руководствуя, и благословеннымъ Твоимъ овцамъ сопричитая, да съ ними Тебе Творца моего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славлю во вѣки, аминь.“

Если такъ усердно и постоянно будемъ молиться, то безъ сомнѣнія—долго-ли коротко, при помощи благодати Божіей, за молитвами Святителя Димитрія Ро-

стовскаго, умягчимъ свои сердца, яко воскъ, и представимъ души свои, яко чистый убрусъ, для напечатлѣнія въ нихъ образа Божія.

Въ заключеніе помѣщаемъ здѣсь „Молитвенныя воздыханія грѣшной души ко Господу Іисусу Христу". Святителя Тихона.

ВОЗДЫХАНІЕ ПЕРВОЕ.

Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!
Привлецы мене, да пріиду къ Тебѣ!
Въ темницѣ заключенъ есмь, Господи:
Изведи изъ темницы, да пріиду къ Тебѣ!
Изведи изъ темницы душу мою
Исповѣдатися имени Твоему!
Тьма окружаетъ мя, Господи:
Прожени тьму, да узрю свѣтъ Твой!
Связанъ я, Господи, многими узами желѣзными, и нѣсть ми ослабленія:
Расторгни узы, да свободенъ буду!
Даждь ми уши—слышати Тя!
Даждь ми очи—видѣти Тя!
Даждь ми вкусъ—вкусити Тя!
Даждь ми уханіе—благоухати Тя!
Даждь ми нози—пріити къ Тебѣ!
Даждь ми уста—глаголати о Тебѣ!
Даждь ми сердце—боятися и любити Тя!
Настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей!
Ты бо еси путь, истина и животъ.
Возми мое отъ мене, и даждь ми волю творити волю Твою благую!

Отыми ветхое, и даждь ми новое!

Отыми сердце каменное, и даждь ми плотяное, Тебя любящее, Тебя почитающее, Тебѣ послѣдующее!

Даждь ми око, да узрю любовь Твою!

Даждь ми око, да узрю смиреніе Твое и послѣдую Ему!

Даждь ми око, да узрю кротость и терпѣніе Твое, и послѣдую Ему!

Рцы слово, и будетъ все, ибо слово Твое дѣло есть!

Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!

ВОЗДЫХАНІЕ ВТОРОЕ.

Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!

Буди моей души пища и питіе!

Буди источникъ жаждущей души моей!

Буди свѣтъ помраченной души моей!

Буди освященіе противу нечистоты моей!

Буди премудрость противу безумія моего!

Буди миръ и покой противу злой совѣсти моей!

Буди совѣтъ противу недоумѣнія моего!

Буди укрѣпленіе въ слабости моей!

Буди сила противу немощи моей!

Буди Вождь въ пути моемъ!

Буди отрада въ скорби моей!

Буди веселіе въ печали моей!

Буди избавленіе противу плѣненія моего!

Буди Ходатай противу клеветниковъ моихъ!

Буди побѣда противу непріятелей моихъ!

Буди щитъ противу гонителей моихъ!

Буди Судія противу оскорбляющихъ мя!

Буди Царь противу діавольскаго царства!

Буди Ходатай мой противу гнѣва Божія!

Буди Жертва за грѣхи моя!

Буди Оправданіе противу грѣховъ моихъ!

Буди мнѣ сиру Отецъ вѣчный!
Буди Заступникъ въ часъ смерти моей!
Буди Животъ противу смерти моей!
Буди Покровитель по смерти моей!
Буди Жизнь вѣчная по воскресеніи моемъ.
Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!
Даждь славу имени Твоему, мнѣ же—спасеніе вѣчное!
Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу!

Такъ, мои возлюбленніи, почаще воздыхайте къ Богу Спасителю своему; и несомнѣнно получите милость отъ Него. Чего отъ души желаю вамъ.

Недостойный *Епископъ Іустинъ.*

Въ началѣ сей книжки приведено историческое сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Христовомъ. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь и драгоцѣнное для насъ описаніе наружнаго вида возлюбленнаго Господа нашего и Спасителя, описаніе, представленное, по преданію, проконсуломъ Іудейскимъ Лентуломъ въ Римскій Сенатъ еще во дни земной жизни Іисуса Христа. „Въ настоящее время“, такъ писалъ Публій Лентулъ,—„явился у насъ, и нынѣ еще живъ, Человѣкъ съ высокими качествами души и добродѣтельнѣйшій: имя Ему Іисусъ Христосъ. Народъ почитаетъ Его могущественнымъ и великимъ Пророкомъ, а Его ученики называютъ Его Сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ всякаго рода болѣзни и недуги однимъ словомъ Своимъ. Сей Человѣкъ имѣетъ высокій и чрезвычайно стройный станъ. Волосы Его имѣютъ цвѣтъ созрѣлаго орѣха, безъ блеску, и гладки до ушей, а отъ ушей до плечъ и ниже—кудрявы и блестящи; посреди головы раздѣляются они на двѣ стороны, по обычаю назареевъ.

Чело гладкое и чистое: на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна и оно украшено легкимъ, темноватымъ румянцемъ: носъ и уста правильные: бороду имѣетъ такого же цвѣта, какъ и волосы на головѣ, густую, но не длинную, раздвоившуюся на концѣ. Взглядъ Его тихъ, скроменъ, величественъ и необыкновенно пріятенъ: глаза Его небеснаго цвѣта, проникающіе въ душу и блестящіе. Онъ весьма ласковъ и любезенъ, когда учитъ и увѣщеваетъ: строгъ, грозенъ и страшенъ, когда судитъ и обличаетъ. Въ чертахъ Его лица выражается удивительная привлекательность, соединенная съ величіемъ. Никто не видалъ Его смѣющимся, но часто видятъ Его плачущимъ. Говоритъ немного, но съ важностію, и каждое слово Его глубоко обдумано и исполнено силы и мудрости. Поистинѣ сказать, этотъ Человѣкъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ людей, и въ Немъ Самомъ, и во всѣхъ поступкахъ Его видна чистая истина, въ которой лести нѣтъ“.—Въ церковной исторіи Никифора Каллиста говорится, что лицо Спасителя было замѣчательно красотою и выразительностію. Цвѣтъ лица Его былъ почти пшеничный, когда пшеница начинаетъ поспѣвать. Онъ много походилъ на Свою Божественную и Пречистую Матерь, и былъ нѣжно румянъ. Степенность, благоразуміе, кротость и милосердіе выражались на лицѣ Его (Троицк. лист. № 380).

СОВѢТЪ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА

И

ЕГО ЗАВѢЩАНІЕ.

СОВѢТЪ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА КАЖДОМУ ХРИСТІАНИНУ.

а.

Посвятите Мнѣ сердца ваши. Привыкайте съ самыхъ юныхъ лѣтъ нести съ любовію бремя Мое, и вы, впослѣдствіи—возчувствуете, (какъ) сколь оно благо и легко есть, и потомъ вкусите плоды трудовъ вашихъ въ мірѣ семъ, а въ вѣчности воспріимете воздаяніе за все благое, содѣланное вами и обрящете наслѣдіе на небесахъ, обѣщанное Мною истиннымъ сынамъ моимъ.

б.

Научитесь отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Послѣдуйте сему важному наставленію, и будете наслаждаться непоколебимымъ спокойствіемъ въ сей жизни и вѣчнымъ блаженствомъ въ будущей.

в.

Главною цѣлію вашею да будетъ царство небесное. А чтобы сдѣлаться достойными его,—исполняйте съ точностію все то, что повелѣваю вамъ. Пекитесь единственно о спасеніи души и угожденіи Мнѣ.

г.

Если раскаяніе о грѣхахъ вашихъ неискренно, - то умрете въ ожесточеніи, и въ вѣчности ожидаютъ васъ ужасныя мученія.

д.

Если не отречетесь самихъ себя — умерщвленіемъ страстей и повиновеніемъ,—то Я не признаю васъ учениками Своими, и вы не возрадуетесь радостію избранныхъ Моихъ на небесахъ.

е.

Имѣйте ревностное и усердное стремленіе къ правотѣ. Если же, подобно фарисеямъ, поставляете благочестіе во внѣшности, то не внидите въ царство небесное. Усиленно старайтесь достигать до совершенства Отца вашего небеснаго, и всегда помышляйте, что еще много добродѣтелей должно вамъ пріобрѣсть.

ж.

Удаляйтесь пространнаго пути, ведущаго къ вѣчной погибели; но идите по тѣснымъ стезямъ Евангелія и обрящете жизнь вѣчную. Упованіе же на воздаяніе, обѣщанное вамъ, да облегчаетъ трудности сего предпріятія.

з.

Если рука твоя, нога твоя и око твое соблазняетъ тебя,—отсѣки ихъ, т. е. удали ихъ соблазнъ. Пагубны и прокляты тѣ узы, которыя разлучаютъ васъ со Мной и лишаютъ безсмертія. Итакъ, убѣгайте, какъ ядовитаго змѣя, всего того, что можетъ васъ совратить съ пути истины, и препятствуетъ достигнуть вѣчнаго блаженства.

и.

Бодрствуйте и молитесь непрестанно, чтобы вамъ не впасть въ искушеніе и не умереть внезапно. Заблаговременно творите добро, по возможности, по состоянію

и по долгу вашему. Единственною цѣлію добрыхъ дѣлъ вашихъ да будетъ любовь ко Мнѣ. Не упускайте случая усугубить сокровище ваше на небесахъ.

і.

Помните слово Мое: всякому если дано будетъ много, —много взыщется отъ него. Итакъ, не возгордитесь щедротами Моими, зная, сколь строгій отчетъ потребую отъ васъ, и какое ужасное наказаніе ожидаетъ тѣхъ, которые употребили во зло благодать Мою, изліянную на нихъ. Почувствуйте —сколь слаба и ничтожна любовь ваша къ Господу вашему предъ Его несчетными благодѣяніями, и потщитеся впередъ служить Ему ревностно.

к.

Не осуждайте, да не будете осуждены. Одному Мнѣ предлежитъ судить тайныя намѣренія. Да будутъ ввергнуты въ геенну всѣ тѣ, которые осуждаютъ своихъ ближнихъ! Старайтесь о спокойствіи совѣсти вашей и не участвуйте никогда въ томъ, что до васъ не касается. Обходитесь съ своими такъ, какъ вы желаете, чтобы они обходились съ вами, подобно вамъ.

л.

Не пекитесь и не молвите о многомъ: одно на потребу. Зачѣмъ вамъ желать того, что не ведетъ васъ ко спасенію? Для чего страшиться вамъ того, что можетъ быть не случится никогда, и чего не избѣгнете тщетнымъ вашимъ стараніемъ? Для чего прилѣпляться вамъ къ тому, что отнимется отъ васъ и не приноситъ вамъ истиннаго утѣшенія. Я пекусь о каждой птицѣ, тѣмъ болѣе, о васъ.

м.

Недостаточно для васъ только взывать ко Мнѣ: Господи, Господи! Но необходимо вамъ исполнять волю Отца Моего. Вырву Я безплодное дерево и брошу его въ огонь. Итакъ, помните о данныхъ вами обѣтахъ при святомъ крещеніи. Возрастайте въ добродѣтели. Идите по стезямъ Моимъ. Всякое дѣяніе, которое творится по любви ко Мнѣ, вознаградится на небесахъ.

—

Въ этихъ пунктахъ состоитъ спасительное наставленіе Господа нашего Іисуса Христа, и содержится все то, что надлежитъ исполнять каждому христіанину, чтобы достигнуть спокойствія душевнаго въ этомъ мірѣ и совершеннаго блаженства въ будущей жизни.

—

ЗАВѢЩАНІЕ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Въ Новомъ Своемъ Завѣтѣ Іисусъ Христосъ навсегда оставилъ намъ правила и поученіе, какъ духовное завѣщаніе, въ которомъ изъявилъ Свою послѣднюю святую волю.

Истинное подражаніе Христу, какъ образцу, и усердное послѣдованіе Его примѣру, составляетъ истинное благочестіе христіанина, въ какомъ-бы онъ ни былъ званіи и положеніи.

Итакъ, читая Новый Завѣтъ, мы, какъ-бы изъ устъ Самаго Спасителя, слышимъ слѣдующія наставленія:

1.

Оставляю вамъ въ примѣръ невинность младенчества Моего. Безпрерывно старайтесь смирять разумъ вашъ: не гордитесь вашею премудростію и вашимъ просвѣщеніемъ. Помните, что не войдете въ царство небесное, если не будете чистосердечны, какъ младенцы.

2.

Оставляю вамъ въ образецъ убожество Мое. Тѣмъ, которые безъ ропота живутъ въ нищетѣ, обѣщаю вѣчное блаженство. Не забудьте, что Я родился въ яслехъ, жилъ трудами рукъ Моихъ и во всю жизнь не имѣлъ гдѣ главы подклонити.

3.

Оставляю вамъ въ примѣръ совершенную Мою покорность велѣніямъ Отца Моего небеснаго. Исполненіе воли Его было Моимъ дѣломъ, Моею пищею. Я пребылъ Ему послушенъ до самой смерти, смерти же крестной. Итакъ, будьте во всемъ послушны Отцу небесному, претерпѣвайте съ покорностію и благодарностію всѣ бѣдствія, которыми угодно будетъ Ему испытать васъ.

4.

Оставляю вамъ въ образецъ почтеніе и покорность Мою къ родителямъ Моимъ. По примѣру Сына Божія, повиновавшагося созданіямъ Своимъ, научайтесь и вы повиноваться властямъ вашимъ, какія-бы они ни были. Не довѣряйтесь собственной вашей волѣ: она есть ближайшій врагъ вашъ; привыкайте господствовать надъ нею во всякомъ случаѣ.

5.

Оставляю вамъ молчаніе, которое хранилъ Я въ теченіе тридцати лѣтъ. Знайте, что сердца ваши не возмогутъ пребыть непорочными и что сами впадете въ большія погрѣшности, если будете молвить о многѣ. Бесѣдуйте часто съ Богомъ, внимайте словамъ Его и говорите, какъ можно меньше, съ людьми.

6.

Оставляю вамъ склонность къ уединенію и скромной жизни. Хотя Я пришелъ въ міръ сей для наставленія и спасенія человѣка, несмотря на то, жилъ безъизвѣстно у бѣднаго древодѣла и всегда убѣгалъ блеска. Не ищите славы мірской, дабы не лишиться славы вѣчной въ жизни будущей.

7.

Оставляю вамъ въ примѣръ усердіе, съ которымъ Я, въ юности Моей, исполнялъ всѣ обязанности закона, всегда ходилъ съ родителями Моими молиться въ храмъ. Итакъ, убѣгая страстности, дѣлайте все должное съ благоговѣніемъ; почитайте важнымъ исполненіе заповѣдей Господа Бога вашего, безъ всякихъ отговорокъ, что, дескать, свѣтскому человѣку это неприлично.

8.

Оставляю вамъ въ образецъ твердость духа Моего въ сопротивленіи искушеніямъ діавола въ пустынѣ. Не страшитесь его навожденій: призывайте Меня въ молитвѣ, пребывайте тверды въ любви вашей ко Мнѣ, смиритесь и непрестанно бдите о спасеніи душъ вашихъ.

9.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мое отвращеніе къ грѣху. Я сошелъ съ небесъ, жилъ въ трудахъ и въ уничиженіи, пролилъ кровь Свою на крестѣ единственно для того, чтобы истребить это чудовище. Итакъ, никогда не грѣшите съ намѣреніемъ и убѣгайте всего того, что можетъ ввести васъ въ преступленіе.

10.

Оставляю вамъ въ образецъ Мое усердіе къ молитвѣ. Провождая день въ обученіи народа, въ исцѣленіи больныхъ, въ дѣланіи всѣмъ добра, ночи Я посвящалъ молитвѣ, дабы испросить вамъ благодать Божію. Молитва есть пища души, и потому душа ваша умретъ, если не будете молиться. Безъ молитвы никогда не пріобрѣтете духовной мудрости. Удаляйте отъ сердца

своего всѣ мірскія мысли и пакости, искореняйте все, что можетъ препятствовать ему въ соединеніи со Мною. Помышляйте день и ночь о страданіяхъ Моихъ, о славѣ Моей, о законѣ Моемъ, о добродѣтеляхъ, которыя Я оставилъ вамъ въ примѣръ и образецъ. Вспоминайте о Моихъ благодѣяніяхъ. Не скрывайте предо Мною нуждъ и печалей вашихъ, да знаю все, что у васъ на сердцѣ. Помните, что Я, во всякое время, готовъ утѣшить васъ, наставить на добрый путь и просвѣтить умъ вашъ. Итакъ, молитесь непрестанно, чтобы не войти вамъ въ напасть; призывайте Меня въ вашихъ скорбяхъ и во всякомъ дѣлѣ; благословляйте имя Мое и будьте увѣрены, что, по усердной и смиренной молитвѣ вашей, дастся вамъ все, чего будете просить.

11.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мое состраданіе къ больнымъ душевно и тѣлесно. Исцѣляя болѣзни тѣлесныя, а вмѣстѣ и скорби душевныя, Я повелѣвалъ Апостоламъ Своимъ поступать такъ же. И вы помогайте больнымъ и утѣшайте ихъ, сколько можете: сносите терпѣливо ихъ слабости и научайте ихъ употреблять болѣзни тѣлесныя въ пользу и спасеніе души, и такимъ образомъ, приготовлять себя къ смерти.

12.

Оставляю вамъ въ образецъ Мое попеченіе, какое имѣлъ Я въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Отца Моего: Еще во чревѣ материнемъ, Я благословилъ Предтечу Моего, предназначеннаго быть свѣтиломъ благодати Моей. Онъ—рабъ Мой, и свѣтъ свой заимствовалъ отъ Меня; несмотря на это, Я принялъ отъ него святое крещеніе (какъ-бы человѣкъ родившійся въ грѣхахъ)

на ряду съ грѣшниками. Итакъ, не стыдитесь быть уничиженными предъ людьми, не стыдитесь даже слыть преступниками. Во имя Мое и для исполненія Божіей воли, благо есть покоряться и подчиненнымъ вашимъ.

13.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мое снисхожденіе къ слабостямъ апостоловъ и учениковъ Моихъ. Настоящая христіанская любовь милосердна и съ несовершенными поступаетъ осторожно, дабы внушать имъ духовную мудрость. Никогда не унижайте ближняго въ природныхъ недостаткахъ, будьте къ нему терпѣливо снисходительны. Сносите суровость тѣхъ людей, съ которыми живете и старайтесь не раздражать ихъ.

14.

Оставляю вамъ въ образецъ Мое усердіе и уваженіе къ храму Господню. Берегитесь, чтобы, входя въ оный съ разсѣяннымъ умомъ и нечистымъ сердцемъ, не обратить святую обитель сію въ вертепъ разбойническій. Страшитесь быть осквернителями святыни.

15.

Оставляю вамъ въ руководство святой законъ Мой. Поступайте по правиламъ, въ немъ начертаннымъ, ибо по немъ будете судимы. Нѣтъ другаго способа угодить Мнѣ и нѣтъ другаго пути, ведущаго къ вѣчному благу. Шествуйте по немъ твердо и усердно.

16.

Оставляю вамъ къ примѣръ Мои добродѣтели. Помните, что Я—Владыка, Отецъ, Глава, Богъ вашъ. Отецъ Мой небесный признаетъ за истинныхъ сыновъ

Своихъ только тѣхъ, которые во всемъ Мнѣ подражаютъ. Старайтесь всѣ Мои поступки уразумѣть, да служатъ они вамъ образцемъ и содѣлаютъ васъ причастниками славы вѣчной.

17.

Оставляю вамъ въ порученіе Божественныя Мои слова и совѣты. Помышляйте о нихъ день и ночь. Почитайте ихъ даже въ устахъ тѣхъ, которые не сообразуютъ дѣлъ своихъ съ ученіемъ Евангелія. Имѣйте твердую вѣру во Евангеліе. Исполняйте усердно все, что Я повелѣлъ вамъ, и непремѣнно получите все, Мною обѣщанное.

18.

Оставляю вамъ въ помощь благодать Мою. Знайте, что безъ благодати ничего не можете сдѣлать. Она будетъ внушать вамъ отвращеніе къ грѣхамъ и препятствовать впадать въ оные. Непрестанно просите Господа Бога, да ниспошлетъ вамъ благодать Свою; она будетъ влечь васъ къ добродѣтели и дастъ вамъ силы къ точному исполненію заповѣдей Божіихъ. Тѣ, которые не стараются усугубить въ себѣ духовныхъ сокровищъ, недостойны духовной благодати и лишаются ея. Запечатлѣйте въ сердцѣ благодѣянія Мои, которыя оказалъ Я вамъ изліяніемъ крови Моей.

19.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мою ревность къ славѣ Отца Моего небеснаго. Помните, что вы созданы для прославленія Святаго имени Его. Итакъ, да славословятъ Его ваши добрыя дѣла. Каждый поступокъ дѣлайте, каждое слово произносите во славу Создателя вашего. Вотъ единственный способъ къ полученію добраго воздаянія въ будущей жизни.

20.

Оставляю вамъ въ образецъ Мою кротость. Стяжите это качество себѣ. Воздерживайтесь со всѣми отъ гнѣва; молчите, когда чувствуете себя раздраженными и немедленно старайтесь загладить всякое отступленіе отъ кротости. Исполняя это наставленіе, получите царство небесное, обѣщанное кроткимъ и смиреннымъ.

21.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мое терпѣніе въ бѣдствіяхъ. Помните, что, по любви къ вамъ, Я претерпѣлъ поруганіе и постыдную смерть, безъ малѣйшаго ропота. Всѣ печали и скорби посылаетъ вамъ Богъ. Съ смиреніемъ возьмите Мой крестъ и свой: онъ васъ утѣшитъ и вознаградитъ.

22.

Оставляю вамъ въ примѣръ любовь Мою къ младенцамъ. Я ихъ благословлялъ и приказалъ допускать ко Мнѣ всегда; ибо, по невинности ихъ, они истинно одушевлены Святымъ Духомъ. Остерегайтесь соблазнять младенцевъ грѣхами своими: но научайте ихъ любить Меня, паче всего и тѣмъ дѣлайте ихъ навсегда достойными благодати Божіей. Подражайте имъ въ невинности и простотѣ нравовъ.

23.

Оставляю вамъ въ образецъ милосердіе Мое къ грѣшникамъ. Помните, что вы сами грѣшны и претерпѣли-бы ужасныя мученія, если-бы Я не помиловалъ васъ по благости Моей. Не думайте, что вы превосходнѣе другихъ. Молитесь за грѣшниковъ, но не укоряйте ихъ во грѣхахъ. По любви христіанской, снисходите

ихъ преступленіямъ. впрочемъ, не нарушая истины, и не разглашайте никогда грѣховъ ближняго.

24.

Оставляю вамъ въ примѣръ ревность Мою ко спасенію души. Помышляйте о томъ, что Я сдѣлалъ, и о страданіяхъ, претерпѣнныхъ Мною, для спасенія душъ вашихъ. Берегитесь, да не погибнетъ чрезъ васъ ни одна изъ нихъ, да не будете причиною погибели ея— дурными примѣрами и соблазнительными словами вашими. Если не порадѣете о умерщвленіи страстей, то погубите душу свою, и тщетны пребудутъ воплощеніе и смерть Моя за васъ. Итакъ, дорожите болѣе всего вашею душою, помня любовь Мою къ ней и сколь дорого Мнѣ стоило искупленіе ея изъ ада!..

25.

Оставляю вамъ въ образецъ крайнее Мое отвращеніе отъ лицемѣрія. Вы знаете, съ какою силою Я возставалъ противъ притворства фарисеевъ. Стыдитесь подражать имъ, дабы не участвовать въ бѣдствіяхъ, которыми Я угрожалъ имъ. Старайтесь пріобрѣсть добродѣтель истинную и духовную. Всѣ ваши внѣшніе поступки должны соотвѣтствовать справедливымъ чувствованіямъ сердца вашего. Къ чему вамъ послужитъ набожный видъ, если будете раздражать Меня тайными пороками. Невозможно пріобрѣсть добродѣтели, если будете пещись о внѣшней, а не о внутренней мудрости.

26.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мое отчужденіе отъ благъ земныхъ. Я жилъ въ бѣдности, чтобы васъ обогатить и внушить вамъ презрѣніе къ тлѣннымъ благамъ сего

свѣта. Онѣ искореняютъ сѣмена добродѣтели душевной, рождаютъ гордость и затворяютъ вамъ врата небесныя. Благодарите Бога за уничтоженіе столь опасной преграды къ спасенію души вашей. Просите Бога, да обогатитъ Онъ васъ небесными дарами, и радуйтесь среди бѣдствій земныхъ.

27.

Оставляю вамъ въ примѣръ духъ благоговѣнія къ Отцу Моему. Чѣмъ больше вы бываете заняты, тѣмъ болѣе сердца и мысли ваши должны стремиться къ Богу. Помышляйте о Немъ непрестанно и будьте увѣрены, что Онъ не оставитъ васъ въ нуждахъ вашихъ.

28.

Оставляю вамъ въ образецъ Мою склонность къ доброжеланію и милосердію къ ближнимъ. Я никогда никого не отринулъ изъ прибѣгающихъ ко Мнѣ. Помогайте съ охотою вашимъ ближнимъ, не сѣтуйте на ихъ докучливость и неблагодарность. Я награжу васъ за наималѣйшее добро, учиненное вами ближнему во имя Мое.

29.

Оставляю вамъ въ примѣръ Мою радость и душевное спокойствіе. Хотя, со времени воплощенія Моего, жилъ Я въ трудахъ и страданіяхъ: но душа Моя не переставала блаженствовать. Вы вкусите эту отраду, если исполните волю Мою и будете искать только славы Моей. Въ бѣдствіяхъ помните, что имена ваши написаны въ книгѣ жизни.

30.

Оставляю вамъ въ образецъ любовь Мою ко врагамъ Моимъ. Помните, что Я пролилъ кровь за тѣхъ, кото-

рые Меня предали и распяли, и молился за них: что Я творилъ добро и ненавидѣвшимъ Меня. Будьте милосерды, если хотите, чтобы и Отецъ небесный былъ къ вамъ милосердъ. Дѣлаете добро тѣмъ самымъ, которые творятъ вамъ зло, и будете достойными чадами Отца Моего.

31.

Оставляю вамъ святое Тѣло Мое, да будетъ Оно для васъ священною пищею. Старайтесь быть достойными приступать къ ней часто. Принимайте ее съ благоговѣніемъ и любовію. Принявши св. Тайны, страшитесь обратиться ко злу, чтобы не быть опять виновными въ Моей смерти.

32.

Оставляю вамъ святую Кровь Мою. Она пролита была за спасеніе душъ вашихъ. Ради ея вы будете судимы, причащаясь Ее недостойно и употребляя благодать Мою во зло. Пользуйтесь этимъ спасительнымъ врачествомъ, дабы исцѣлить (омыть) грѣхи ваши и уврачевать душевныя скорби.

33.

Оставляю вамъ Святой Духъ Мой. Поступайте единственно по вдохновенію онаго. Не раздражайте Его малымъ усердіемъ вашимъ къ Нему. Ходите въ мірѣ семъ по духу, а не по плоти. Убѣгайте смертнаго грѣха, дабы Духъ Святой не оставилъ васъ и дабы получить вамъ вѣчное наслѣдство, обѣщанное истиннымъ сынамъ Моимъ.

34.

Оставляю вамъ сердце Мое, воспламененное любовію къ Богу Отцу, да любите Его всѣмъ сердцемъ и всею

душою вашею. Любите Его больше всего, не дѣлайте ничего противъ воли Творца, дабы не прогнѣвать Его. Истинное доказательство любви къ Богу есть строгое соблюденіе заповѣдей Моихъ и ревностное желаніе быть Мнѣ во всемъ угоднымъ.

35.

Оставляю вамъ крестъ Мой. Онъ былъ утѣшеніемъ Моимъ во время жизни, а теперь есть слава Моя. Носите крестъ Мой съ любовію, ибо онъ есть отличительный знакъ и удѣлъ всѣхъ избранныхъ. Сносите печали и нужды, какъ драгоцѣнныя частицы креста Моего. Не утомляйтесь отъ крестовъ, которые Я буду налагать на васъ, потому что помогу вамъ снести ихъ. Примите ихъ съ усердіемъ и обрящете покой душамъ вашимъ.

36.

Оставляю вамъ терновый вѣнецъ Мой. Если не возложите его на ваши главы, то сдѣлаетесь недостойными носить вѣнецъ славы въ будущей жизни. Не занимайтесь внѣшнимъ украшеніемъ вашихъ головъ и всѣмъ тѣмъ, что нравится людямъ. Любите скромность и цѣломудріе.

37.

Оставляю вамъ гвозди, которыми Я былъ пригвожденъ ко кресту. Пригвождайте и вы себя къ оному умерщвленіемъ страстей, строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей, страннымъ судомъ Божіимъ и любовію къ Богу. Будьте тверды въ добродѣтели до самой смерти.

38.

Оставляю вамъ слезы Мои. Помните, что земная радость сколь кратковременна, столь же суетна и грѣш-

на. и что за нею слѣдуетъ вѣчная печаль. Напротивъ того, тѣ, которые оплакиваютъ грѣхи свои, будутъ вознаграждены вѣчнымъ утѣшеніемъ. Итакъ, лейте слезы, видя сколь опасные враги востаютъ противъ спасенія души вашей. Но не о себѣ только соболѣзнуйте въ этой плачевной юдоли, а плачьте и о тѣхъ, которые оскорбляютъ грѣхами своими Меня.

39.

Оставляю вамъ Мое твердое упованіе на Бога. Хотя казалось, что Онъ оставилъ Меня на крестѣ, но Я все пребывалъ непоколебимымъ въ любви къ Нему. На что сомнѣвается въ милосердіи Его; вспомните, какъ Мною Онъ пожертвовалъ для васъ и что не оставилъ васъ въ то время, когда вы не переставали оскорблять Его преступленіями. Сомнѣніе и смущеніе ваше несовмѣстны съ могуществомъ Его и благостію. Всевышній Богъ съ высоты Своей милосердствуетъ о васъ. Призывайте Его на помощь и Онъ услышитъ молитвы ваши.

40.

Оставляю вамъ любовь Мою къ истинѣ. Я спелъ съ неба, чтобы проповѣдать вамъ оную. Я умеръ плотію и воскресъ, да свидѣтельствую объ истинѣ. Любите и почитайте тѣхъ, которые научаютъ правдѣ и неизмѣняйте ей ни за какія блага на свѣтѣ. Если не возвѣщаете правды предъ людьми словомъ и дѣломъ, то она отречется отъ васъ предъ Богомъ. Если оставите ее, то и она оставитъ васъ и предастъ васъ забвенію и заблужденію ума. Если вы измѣните истинѣ, то она предастъ васъ на вѣки врагу ея, то есть отцу лжи—діаволу, ибо діаволъ есть отецъ лжеглаголивыхъ лицемѣровъ и тѣхъ, которые ослѣплены заблужденіемъ. Вы

недостойны помилованія Божія. если скрываете грѣхи свои, чтобы не навлечь на себя нерасположеніе (ненависть) людей. Живите справедливо и спасетесь.

41.

Оставляю вамъ непорочность Мою. Я побѣдилъ естества уставы, чтобы воплотиться отъ Дѣвы, и Мнѣ благоугодны души цѣломудренныя. На землѣ сей онѣ уже вкушаютъ божественныя отрады и послѣдуютъ за Мной въ царство небесное. Вдите надъ плотію и почитайте тѣло свое какъ свѣтильникъ (храмъ духа Божія) Божій. Смиряйте разумъ и воображеніе, удаляя всѣ опасныя мысли, чтобы не лишиться непорочности и невинности сердца.

42.

Оставляю вамъ душевное Мое спокойствіе, спокойствіе истинное, надежное, котораго міръ сей не можетъ ни дать, ни отнять, и котораго люди отъ міра сего не ощущаютъ, потому, что спокойствіе душевное есть даръ Святаго Духа и пріобрѣтается только одолѣніемъ страстей, не прилаганіемъ сердца ко всѣмъ благамъ земнымъ, и совершенною покорностію волѣ Моей. Не привязывайтесь (презирайте) къ тому, что міръ сей уважаетъ, старайтесь угодить Мнѣ и заслужить царство небесное. Ничего не желайте съ особенною большою горячностію и не тревожьтесь съ излишкомъ худыми успѣхами въ вашихъ предпріятіяхъ. Смотрите на болѣзни и всѣ невзгоды жизни сей, какъ на вѣрный залогъ любви Моей и путь, ведущій къ вѣчному благу. Избѣгайте наималѣйшей погрѣшности сомнѣнія въ Моихъ заповѣдяхъ. Любите труды, уединеніе и молитву. Тщательно исполняйте должности ваши. Проходите какъ-бы незамѣченнымъ то, что васъ оскорбляетъ, при-

нимайте все за благо, и вашими разговорами и вашимъ поведеніемъ доказывайте, что душа ваша спокойна. Не вмѣшивайтесь въ дѣла, которыя васъ не касаются. Не прилѣпляйтесь къ тому, что міръ можетъ отнять у васъ. Въ неважныхъ спорахъ, уступайте охотно и съ благосклонностію мнѣнію другихъ. Пожертвуйте всѣмъ, чтобы жить въ согласіи съ ближними. И будьте увѣрены, что сердца ваши навсегда пребудутъ въ смущеніи, всегда будутъ виновны, несчастливы, если вы не во Мнѣ одномъ поищите своего спокойствія и блаженства.

43.

Оставляю вамъ возлюбленнаго ученика Моего Іоанна Богослова. Если хотите заслужить Моей милости, будьте подобны Ему, подражайте Его непорочности, совершенному отчужденію отъ всего мірскаго, любви Его ко Мнѣ, твердости у подножія креста Моего. Проситe Его, да умолитъ Меня за васъ и испроситъ вамъ милосердія отъ престола Божія.

44.

Оставляю вамъ блаженныхъ Моихъ апостоловъ. Чтите ихъ такъ, какъ Моихъ сердечныхъ друзей и учителей церковныхъ. Не удаляйтесь никогда отъ православнаго ученія и примѣровъ, которые они вамъ оставили. Чаще читайте ихъ Писанія. Наблюдайте праздничные дни, установленные въ память ихъ. Дѣлайте это съ благоговѣніемъ, чтобы они помогали вамъ въ бѣдствіяхъ и ходатайствовали о спасеніи душъ вашихъ.

45.

Оставляю вамъ Пресвятую Матерь Мою, да будетъ она Матерію и Заступницею вашею. Помните Мое чудесное отъ Нея воплощеніе и то, какъ свято Она по-

служила Мнѣ, въ Моихъ нуждахъ и скорбяхъ. Умоляйте Ее и Она умолитъ за васъ Всевышняго. Подражайте Ея дѣвственному цѣломудрію, Ея покорности, Ея смиренію и Ея усердію.

46.

Оставляю вамъ въ памятованіе и Самого Себя. Незабывайте никогда, какъ много пострадалъ Я за васъ. Размышляйте о Моихъ страданіяхъ, о Моемъ законѣ и о Моихъ благодѣяніяхъ. Любите Меня всѣмъ сердцемъ, всѣми чувствами и больше всего.

47.

Обѣщаю вамъ царство небесное. Но помните, что не войдете въ него, если будете увлекаться богатствомъ, мірскими почестями и забавами. Удаляйтесь отъ нихъ. Помышляйте непрестанно о будущей жизни, о вѣчномъ блаженствѣ. Желайте его алчно и пребывайте въ добродѣтели до самой смерти, или вовсе не грѣшите, или кайтесь въ своихъ прегрѣшеніяхъ.

48.

Даю вамъ благословеніе Мое. Оно есть источникъ всѣхъ благъ духовныхъ и твердый щитъ противъ враговъ, возстающихъ на христіанина. Не дорожите временными сокровищами, чтобы не сдѣлаться недостойными Моего благословенія. Если пребудете Мнѣ вѣрными, то всѣ событія, могущія случиться съ вами, послужатъ ко спасенію души вашей, и Отецъ Мой небесный благословитъ васъ въ вѣчности.

СКАЗАНІЕ
О
СВЯТОМЪ ВАСИЛІИ,
ПЕРВОМЪ ЕПИСКОПѢ РЯЗАНСКОМЪ.

СКАЗАНІЕ

О СВЯТОМЪ ВАСИЛІИ, ПЕРВОМЪ ЕПИСКОПѢ РЯЗАНСКОМЪ.

Много въ свое время страдала страна Рязанская, особенно отъ погрома татарскаго; но за то въ исторіи ея мы видимъ многихъ знаменитыхъ и великихъ дѣятелей, какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ. Первый изъ послѣднихъ дѣятелей есть Василій, Епископъ Рязанскій.

Намъ дорого древнее сказаніе о угодникѣ Божіемъ, издавна запечатлѣвшееся въ памяти народной и много вѣковъ служившее самымъ назидательнымъ и утѣшительнымъ чтеніемъ для всѣхъ благочестивыхъ жителей области Рязанской. Потому, не облѣнимся, хотя кратко, обновить въ памяти нашей то дорогое сказаніе, которое проповѣдуетъ о славѣ страны нашей.

Родъ происхожденія, мѣсто и время рожденія, равно какъ жизнь, и дѣятельность святаго Василія до епископскаго служенія—покрыты неизвѣстностію.

Но несомнѣнно то, что онъ отъ пелен былъ освященнымъ рабомъ Господнимъ. Просвѣщенный Духомъ Божіимъ, во святомъ крещеніи и муропомазаніи, святой Василій, съ юношескаго возраста, заботился о своемъ духовно-нравственномъ усовершенствованіи, при помощи благодати Божіей,—воздержаніемъ и страхомъ Божіимъ, побѣждая въ себѣ все грѣховное и насаждая въ душѣ и сердцѣ своемъ все святое.

Первые подвиги своего благочестія онъ началъ, какъ говорится въ церковной службѣ ему, принятіемъ на себя святаго образа монашескаго благоукрашенія; и къ тому времени, когда промыслу Божію угодно было поставить его на свѣщникѣ святительства, онъ уже сіялъ всѣми „образы мудрости и благочестія".

Объ избраніи и поставленіи святаго Василія въ санъ Епископа говорится такъ: „Спустя много лѣтъ по преставленіи благовѣрнаго князя Константина и чадъ его, по запустѣніи града Мурома отъ невѣрныхъ людей, и спустя много лѣтъ послѣ благовѣрнаго князя Петра и княгини Ѳевроніи—Муромскихъ, прибылъ въ Муромъ благовѣрный князь Георгій Ярославовичъ [1]), и постави себѣ дворъ въ Муромѣ. Сей князь обновилъ первоначальную тамошнюю церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, и вторый храмъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и поставилъ въ церкви ихъ, по прежнему общему всѣмъ князьямъ обычаю, Епископа именемъ *Василія, мужа праведна и благочестива*". (Чит. прологъ 21 мая, въ житіи св. Князя Константина и чадъ его).

Принявши на себя высокій санъ Архіерейства [2]), святой Василій, со всею ревностію истиннаго пастыря церкви Христовой, началъ подвизаться въ устроеніи своей паствы. Проникнутый пламенною любовію къ словесному стаду Христову, онъ прилагалъ всѣ труды и попеченія о немъ: разсѣянныхъ варварскимъ нашествіемъ собиралъ во едино, изнемогающихъ укрѣплялъ

[1]) Можно думать, что это былъ сынъ того Ярослава князя Муромскаго, о которомъ говорятъ лѣтописи, подъ 1246 годомъ, какъ о тестѣ Бориса Васильевича Ростовскаго.

[2]) Есть преданіе, что святой Василій рукоположенъ во Епископа святымъ Митрополитомъ Максимомъ, въ 1285 году.

вѣрою, сокрушенныхъ утѣшалъ твердымъ упованіемъ на милость Божію, заблуждавшихся приводилъ на путь правый. Въ такихъ высокихъ подвигахъ добродѣтели, святой Василій явилъ себя пастыремъ добрымъ, мудрымъ и неусыпнымъ, любвеобильнымъ и милостивымъ, незлобивымъ и смиренномудрымъ, непоколебимымъ столпомъ чистоты и цѣломудрія, образомъ своему стаду въ молитвѣ и постѣ, соучастникомъ и ревнителемъ подвиговъ святоотеческихъ.—(См. службу и акаѳистъ святому Василію).

Но злобному врагу всего добраго, конечно, не стерпимы были такіе высокіе подвиги и добродѣтели святителя,—онъ возсталъ на святаго, и своими адскими ухищреніями хотѣлъ помрачить славу святой его жизни и дѣятельности. Онъ употребилъ всѣ козни свои, чтобы привесть тогда легкомысленный народъ Муромскій въ заблужденіе: возбудилъ въ этомъ народѣ подозрѣніе, яко бы святитель Божій, пастырь ихъ живетъ нечисто, неприлично Архіерею. Вслѣдствіе сего, паства Муромская, не по праву и совершенно безъ причины, присвоившая себѣ судъ надъ своимъ пастыремъ, положила выгнать, или даже умертвить святителя.

Святитель убѣждалъ народъ въ своей невинности, но напрасно. Наконецъ, онъ сказалъ: „Отцы и братія! дайте мнѣ время до утра, - до третьяго часа". Затѣмъ всю ночь провелъ онъ въ молитвѣ, совершилъ всенощное бдѣніе, отслѣлъ молебенъ предъ образомъ Богоматери, принесеннымъ изъ Кіева святымъ княземъ Константиномъ, взялъ эту икону съ собою и вышелъ на рѣку Оку. Ему приготовили было судно; но онъ разослалъ свою мантію на водѣ, взошелъ на нее съ образомъ, и—чудесно несомый вѣтромъ, лучше же Ангелами,—поплылъ вверхъ по рѣкѣ. Муромцы, пораженные

чудомъ, горько жалѣли о своемъ прегрѣшеніи, но напрасно. Святитель удалился въ Рязань.

Съ великою радостію приняли святаго Василія и князь Рязанскій и всѣ жители старой Рязани. Есть преданіе, что жители Рязани, предъ самымъ приплытіемъ святителя, собрались къ вечернему богослуженію; но діаконъ никакъ не могъ сказать обычнаго начала сего Богослуженія, и вмѣсто того начала сказалъ: „владыка прибылъ; идите, встрѣчайте владыку". Всѣ устремились къ рѣкѣ и встрѣтили святителя. Но старая Рязань, тогдашняя столица Рязанскихъ князей, скоро разрушена была монголами до основанія. На мѣсто ея возникла новая Рязань—Переяславль Рязанскій, и сюда перенена была княжеская столица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Епископская каѳедра.

Итакъ, святой Василій долженъ былъ оставить Старую Рязань и переселиться въ Переяславль Рязанскій, въ новую нынѣшнюю Рязань, въ которой и утвердилъ свою каѳедру святыхъ Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Потому онъ и называется первымъ Епископомъ Рязанскимъ.

Въ переселеніяхъ святаго Василія изъ Мурома въ Старую Рязань, а изъ старой въ новую, нельзя не видѣть Промысла Божія, передвигавшаго Свой великій свѣтильникъ съ мѣста на мѣсто, для извѣстныхъ цѣлей. Имъ вразумлены Муромцы, ибо узнали козни врага и раскаялись въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ осужденія и изгнанія своего пастыря и святителя; имъ утѣшены и подкрѣплены надеждою на милость Божію жители Старой Рязани, въ самое скорбное для нихъ время погрома татарскаго; въ немъ и сыны Новой Рязани получили примѣръ вѣры и терпѣнія, узнавъ твердость души святителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ его святыхъ рукъ

приняли и залогъ спасенія въ принесенной имъ чудотворной иконы Муромской Божіей Матери. Живое ученіе Христово устами Богомудраго святителя Василія огласило и Муромъ, и Рязань, и Переяславль Рязанскій; а чудесное плаваніе на мантіи, и вообще святая жизнь Чудотворца не могли не подѣйствовать на сердца многихъ людей, даже не знавшихъ Христа.

Но недолго продолжалось пастырское служеніе святителя Василія, перваго Епископа Рязанскаго.—Огорченія, претерпѣнныя имъ при изгнаніи изъ Мурома,—великіе труды и попеченія въ устроеніи и утвержденіи архіерейской каѳедры на трехъ новыхъ мѣстахъ,—скорби и печали при видѣ страждущей паствы подъ игомъ варваровъ,—безпокойства во время опустошительныхъ набѣговъ татарскихъ,—все это непримѣтно сокращало многотрудную жизнь заботливаго Архипастыря. Святитель Василій изъ земнаго странствованія переселился въ вѣчныя обители, 3 іюля 1295 г., бывъ Епископомъ ровно 10 лѣтъ.

Святое тѣло его, какъ первопрестольника Рязанскаго, погребено было въ томъ самомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, въ которомъ была его каѳедра.

Но *праведники во вѣки живутъ:* память ихъ не умираетъ. И память о святомъ Василіи всегда жила и доселѣ живетъ съ похвалами въ сердцахъ признательныхъ жителей Рязанской паствы.

Народная вѣра въ святость Василія выразилась въ томъ, что жители Рязани, зная святую жизнь перваго своего Архипастыря, прославленнаго еще здѣсь на землѣ славою Чудотворца, съ самой кончины его, стали почитать его *святымъ и праведнымъ*. Почитаніе сіе видимъ и въ письменныхъ сказаніяхъ о святомъ Василіи и его чудесномъ плаваніи на мантіи, и въ вещественно-

ныхъ памятникахъ—иконахъ, службѣ ему, часовнѣ на его могилѣ и престолахъ ему посвященныхъ. А въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, Митрополитъ Макарій съ соборомъ святителей, въ числѣ другихъ русскихъ святыхъ, опредѣлилъ творить память и о святомъ Василіи, что внесено и въ прологъ. (См. Велик. Чет. Мин. 21 мая). И вездѣ святой Василій 1-й Епископъ Рязанскій называется святымъ и праведнымъ. Наконецъ въ смутное время самозванцевъ, Промыслу Божію угодно было прославить угодника Своего нетлѣніемъ мощей его, болѣе 300 лѣтъ почивавшихъ въ землѣ при церкви Бориса и Глѣба.

Открылъ ихъ знаменитый Архипастырь Рязанскій Ѳеодоритъ, и—съ подобающею честію перенесъ отъ Борисоглѣбской церкви въ соборъ Успенскій, нынѣ Христорождественскій. Это было въ 1609 году 10 іюня. Мощи святаго Василія, по причинѣ смутнаго тогдашняго времени, какъ и въ другихъ многихъ мѣстахъ Россіи, положены подъ спудомъ, на лѣвомъ клиросѣ, подлѣ иконостаса. Но часть святыхъ мощей его, какъ святыня, открыто хранится въ соборѣ, для благоговѣйнаго чествованія и лобызанія, вмѣстѣ съ частицами мощей другихъ святыхъ. Со времени открытія и перенесенія мощей святителя Василія, церковь Рязанская еще болѣе и постоянно чтила его, какъ святаго, торжественно прославляла его память, называла его *присным̀ъ заступникомъ своимъ, въ скорби и напасти помощникомъ.*

Въ 1618 г., молитвами святаго Василія, Рязань спасена отъ нашествія запорожцевъ, разорявшихъ Россію, подъ предводительствомъ злаго Дорошенки, по указанію коварнаго гетмана Сагайдачнаго.

Въ 1638 г., при Архіепископѣ Моисеѣ, надъ мощами

святаго Василія, устроена была каменная гробница, и надъ гробницею поставленъ образъ Пресвятой Богородицы—„Умиленія“ и „Моленія Василія“. А въ 1645 г. тотъ же Архіепископъ Моисей торжественно праздновалъ Василію въ день перенесенія мощей его —*10 іюня*.

Особенно усердно чтилъ первопрестольника своего Архіепископа святитель Мисаилъ. По его повелѣнію, въ надписи на большой водосвятной, сребропозлащенной чашѣ, 1653 г., святой Василій названъ святымъ Чудотворцемъ; а въ 1655 г. онъ изображенъ на крестѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ Крестителемъ и Іоною Митрополитомъ Московскимъ.

При митрополитѣ Стефанѣ Яворскомъ, надъ самымъ мѣстомъ первоначальнаго погребенія святаго Василія у церкви Бориса и Глѣба, вмѣсто древней полотняной палатки, устроена каменная, усердіемъ подъячаго Никиты Алтухова,—въ 1712 г. и существовала до 1786 г.

А въ 1722—1723 г. было и формальное слѣдствіе о святости святаго Василія и чествованіи его, при Императорѣ Петрѣ I. Послѣ сего слѣдствія, Епископъ Рязанскій Василій признанъ несомнѣнно святымъ не только Рязанскою, но и всею Россійскою церковію; и потому онъ является уже на иконѣ, или древней таблицѣ, вмѣстѣ съ другими святыми Русскими.

Епископъ Рязани, потомъ митрополитъ С.-Петербургскій, Димитрій Сѣченовъ, въ 1753 г. надъ мощами святаго Василія, въ Рождественскомъ соборѣ повелѣлъ сдѣлать гробницу на подобіе раки, на верху ея написать икону святителя, и означить время перенесенія мощей его Архіепископомъ Ѳеодоритомъ. Въ тоже время, Епископъ Димитрій изложилъ службу святому Василію, и положилъ совершать празднованіе ему въ 10-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

Въ 1782—83 г. Архіепископъ Симонъ Лаговъ украсилъ гробницу святаго Василія такъ, какъ она существуетъ донынѣ.

Въ 1810 г. послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода о празднованіи святому Василію въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Въ 1836 году 4 октября, торжественно былъ открытъ новый памятникъ, на мѣстѣ обрѣтенія мощей святаго Василія, воздвигнутый усердіемъ Борисоглѣбскаго ктитора Симеона Панова.

Такъ святитель Василій всегда чествовался и теперь чествуется Рязанскою церковію, какъ Святый ея Предстатель, Заступникъ и Покровитель.—Вѣрные сыны церкви Рязанской, во всякое время молятся ему съ несомнѣнною вѣрою,—служатъ при мощахъ его молебны ему,—прикладываются къ изображенію святаго лика его на гробницѣ, предъ началомъ литургіи и во всякое время, желая получить благословеніе и молитвенную помощь отъ своего Первопрестольника, прикладываются къ священной ракѣ надъ мощами его. Имя святаго Василія, во всѣхъ церквахъ Рязанской епархіи, на каждомъ Богослуженіи поминается на отпустахъ. Съ особеннымъ усердіемъ къ нему прибѣгаютъ „хотящіе по водамъ плыти“. Ему сооруженъ и престолъ при семинарской церкви, по указу Святѣйшаго Синода, освященный въ 1858 г. Ему же поются молебны и на крестныхъ ходахъ въ г. Рязани, особенно 2 мая, когда священное шествіе совершается къ Борисоглѣбскому собору, а оттуда кругомъ западной части города.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 23 августа 1895 г. за № 1133, Преосвященному Іустину, Епископу Рязанскому и Зарайскому. *Приказали:*

Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить ежегодно праздновать въ Рязанской епархіи память святителя Василія, епископа Рязанскаго, 10 іюня, въ день перенесенія его святыхъ мощей, а 3-го іюля въ день его кончины, совершать поліелей, не возбраняя однако-же, отправлять службы святителю Василію и въ другіе дни его памяти въ тѣхъ приходахъ, гдѣ издавна въ эти дни совершается чествованіе его памяти, о чемъ для свѣдѣнія и зависящихъ къ исполненію распоряженій, послать Вашему Преосвященству Указъ.

СВЯТЫЙ

БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ РЯЗАНСКІЙ,

ВЕЛИКОМУЧЕНИКЪ

РОМАНЪ ОЛЬГОВИЧЪ.

СВЯТЫЙ

БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ РЯЗАНСКІЙ, ВЕЛИКОМУЧЕНИКЪ РОМАНЪ ОЛЬГОВИЧЪ.

Святой Романъ Ольговичъ, князь Рязанскій, имѣетъ высокое значеніе въ Исторіи Отечества и Церкви, особенно Рязанской, какъ мудрый строитель земли своей, въ бѣдственное время татарскаго разоренія, твердый исповѣдникъ имени Іисуса Христа,—Великомученикъ, удивившій и современниковъ, и потомковъ своихъ страшноужасными мученіями и доблестію терпѣнія, и какъ теплый молитвенникъ и присный нашъ ходатай предъ Богомъ. *Романъ Ольговичъ*—потомокъ святаго князя *Константина* Муромскаго Чудотворца, происходилъ отъ него въ 6-й степени, и въ 9-й отъ святаго Владиміра. *Отецъ святаго Романа—Олегъ* Нигваревичъ былъ внукъ Игоря Глѣбовича, а Глѣбъ былъ внукъ святаго Константина, Муромскаго Чудотворца [1]).

[1]) Родъ князей Рязанскихъ имѣлъ доблестныхъ представителей, ревновавшихъ по вѣрѣ и благочестію. Самъ *Ярославъ Константиновъ*, родоначальникъ князей Рязанскихъ, съ дѣтьми своими *Михаиломъ и Өеодоромъ* прославился святостію жизни. Внукъ его *Владиміръ Святославичъ* явилъ въ себѣ примѣръ безкорыстнаго самоотверженія въ пользу гонимыхъ родичей. Святые Муромскіе Чудотворцы *Петръ и Февронія* были его внукъ. Другой внукъ Константина—*Глѣбъ Ростиславовичъ* славился сильнымъ и твердымъ характеромъ и пострадалъ за правду. Дѣти Глѣба *Романъ, Игорь, Владиміръ, Ярославъ* поставили 1-го Епископа на Рязани Арсенія. Дѣдъ святаго Романа *Инварь Юрьевичъ* спасенъ Промысломъ Божіимъ отъ напрасной смерти въ Неядахъ и основалъ Ольговъ Монастырь. Другой дѣдъ его *Юрій* умеръ за вѣру и отечество, не покорившись Батыю. Дядя его двоюродный братъ свя-

Рожденіе и воспитаніе святаго Романа.

Святой Романъ родился незадолго до нашествія монголовъ на Россію. По княжескому обычаю, благочестивые родители святаго Романа, въ память державнаго Родоначальника своего, дали ему славянское имя *Ярославъ*, а во святомъ крещеніи назвали его Романомъ. Благодать Божія исполнила душу новопросвѣщеннаго младенца. Отъ корня святаго благовѣрная отрасль, младенецъ Романъ, какъ избранникъ Божій, возсталъ въ силѣ и разумѣ; безъ сомнѣнія, въ уединенномъ теремѣ благочестивой и набожной матери, юная душа Романа получила первыя сѣмена добра, столь плодотворныя, что въ послѣдствіи времени не могли истребить ихъ ни воспитаніе подъ чужимъ надзоромъ, ни превратности судьбы, ни примѣры другихъ.

Воспитаніе князей, по тогдашнему времени, было преимущественно церковное. Начала премудрости и страха Божія полагали въ основаніе жизни ихъ изученіемъ Божественныхъ книгъ. И Романъ началъ свое образованіе съ того же. Чуждаясь дѣтскихъ игръ, онъ прилежалъ къ чтенію священныхъ книгъ, особенно Евангелій и Давидовыхъ псалмовъ, любилъ посѣщать храмъ Божій, гдѣ внимательно слушалъ церковное чтеніе и пѣніе. Отсюда почерпались живыя струи небеснаго ученія, укрѣплялся его разумъ и возвышался духъ. Тихій отъ природы, равнодушный къ забавамъ своего

таго Романа *Осодоръ Юрьевичъ Заранскій* получилъ особенныя милости отъ Святителя и Чудотворца Николая: при немъ прославилась икона Святителя и Чудотворца Николая Заранскаго. Таковы были предки святаго Романа, который частію воспринялъ и сохранилъ, частію утвердилъ и умножилъ добрыя качества предковъ. Вѣра и благочестіе, терпѣніе и великодушіе, любовь къ отчинѣ и совершенная преданность волѣ Провидѣнія, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, сдѣлались основою его жизни.

возраста, всегда чуждый разсѣянности, онъ всею своею душею прилѣпился къ Господу.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, доброму и благочестивому Роману отъ юности предлежалъ путь скорбей и страданій. Душа его, какъ золото, должна была пройти чрезъ горнило тяжкихъ испытаній; и испытанія начались въ то время, когда святой Романъ едва сталъ выходить изъ младенческаго возраста —въ 1236 г. Въ нашествіе на Рязань Батыя, онъ вдругъ лишился отца, матери, лишился родныхъ, мудрыхъ и добрыхъ руководителей, лишился отечества, крова, лишился всего, что такъ дорого было нѣжному сердцу его. Затѣмъ послѣдовало продолжительное иго монгольское.

Характеръ святаго Романа и его частная жизнь до вступленія на княжескій престолъ.

Протекло уже двойное семилѣтіе ига монгольскаго, въ тяжкихъ страданіяхъ князей и народа, когда Романъ Ольговичъ достигъ полноты юношескихъ лѣтъ, но развилъ уже въ себѣ качества мужа совершеннаго. Высокое благородство духа, христіанская простота и благоразуміе въ дѣйствіяхъ, кротость и обходительность въ обращеніи даже съ самыми низшими привлекли къ нему любовь отъ всѣхъ. Искушенный величайшими бѣдствіями съ самой юности, онъ закалился въ терпѣніи, какъ адамантъ крѣпкій. Лишившись нѣжнаго попеченія родителей и близкихъ сердцу, почти съ самаго младенчества, онъ единственное утѣшеніе и подкрѣпленіе находилъ въ вѣрѣ Христовой. Когда скорби доходили до глубины души и невыносимы были для слабой природы юноши, онъ съ вѣрою обращался въ молитвѣ къ Богу. Отъ благотворнаго дѣйствія вѣры и молитвы

благодать Божія иисходила въ чистую и невинную душу его, и давала высокое направленіе силамъ ея: умъ, озаренный свыше, сдѣлался способнымъ созерцать славу и величіе Невидимаго,—проникать въ глубины Таинъ Божіихъ; сердце чистое, какъ свѣтъ, пламенѣло огнемъ любви ко Христу и исполнялось глубокою скорбію по страждущей братіи; воля, привязанная къ одному Божественному, всецѣло предана была наказующему и милующему Провидѣнію. Святой Романъ видѣлъ, что варвары дышатъ однимъ нечестіемъ, что христіанская вѣра всѣ превосходитъ, и въ радости духа говорилъ о себѣ: „Христіанинъ есмь. И воистину вѣра христіанская свята есть“; и готовъ былъ страдать за истину. Такъ святой Романъ проводилъ жизнь съ благочестивою супругою своею Анастасіею, въ бѣдственную эпоху ига татарскаго, благотворя ближнимъ и вознося молитвенныя воздыханія къ Богу за бѣдствующее отечество. Богъ благословилъ супружескій союзъ Романа съ Анастасіею рожденіемъ трехъ сыновей—Ѳеодора, Ярослава и Константина. Отецъ его—князь Рязанскій Олегъ Ингваревичъ, Красный, послѣ 14-лѣтняго татарскаго плѣна, возвратился въ свое отечество и княжилъ въ немъ 6 лѣтъ—до 1258 г. Чувствуя приближеніе кончины, блаженный Олегъ передалъ княжескій престолъ сыну своему Роману; и мирно скончался, принявъ схиму. Романъ Ольговичъ съ семействомъ своимъ и народомъ оплакали блаженную кончину страдальца—князя Олега, и похоронили его по завѣщанію, въ церкви Святаго Спаса въ Старой Рязани.

Вступленіе князя Романа на Рязанскій княжескій престолъ.

При вступленіи Романа Ольговича на Рязанскій княжескій престолъ, границы его княжества простирались

съ Запада, по правому берегу рѣки Оки вверхъ *до устья* рѣки *Протвы* (Тульск. губ.), съ *Сѣвера*, по лѣвому берегу рѣки Оки *до рѣки Клязьмы* (Владимірской губ.). *На Востокѣ* до рѣки *Мошки*, *на Югѣ* по Дону до рѣки *Тихой Сосны*. Въ составъ Рязанскаго княжества вошли княжество *Пронское*, часть *Черниговскаго* и *Сѣверскаго*. Но столь обширное княжество всё почти было въ развалинахъ отъ татарскаго погрома и мало оправлялось, боясь новыхъ набѣговъ татарскихъ. Романъ Ольговичъ принялъ его съ одною надеждою на всеблагой Промыслъ Божій, и въ продолженіи 12-ти лѣтъ своего княженія (20 марта 1258 по 16 іюль 1270 г.), лѣтъ самыхъ тяжкихъ, умѣлъ однако же соблюсти княжество Рязанское отъ новыхъ разореній.

Самою надежною опорою его на княжескомъ престолѣ былъ глава духовенства Митрополитъ Кириллъ и глава князей—Александръ Невскій.

Притѣсненія татаръ достигли высшей степени. По всѣмъ городамъ Россіи раздавались вопли и стоны.

Святой Романъ благоразумно держался правила завѣщаннаго отцемъ,—безпрекословно повиноваться волѣ хана, и видѣлъ, какую тонкую осторожность надлежало имѣть въ обращеніи съ татарами. Это совѣтовалъ Митрополитъ, этого же правила держался и святой Александръ Невскій, чтобы сохранить народъ отъ большой жестокости варварства.

Но вотъ умеръ жестокій Беркай. Воцарился умный Темиръ. Но умъ не смягчалъ у него жестокаго сердца. По смерти Беркая, *бысть ослаба христіаномъ отъ насилія бесерменъ*. Романъ Ольговичъ благодарилъ Бога за облегченіе горькой доли своего народа и съ любовію занимался устройствомъ своего княжества. Безпрекословно повинуясь преемнику Беркая Темиру, онъ

съ кротостію исполнялъ требованія новаго повелителя: такъ протекло 4 года правительства Темира. Но владычество его въ нашихъ лѣтописяхъ отмѣчено неслыханнымъ звѣрствомъ, явленнымъ въ мученической кончинѣ Рязанскаго князя—святаго Романа, за исповѣданіе имени Господа нашего Іисуса Христа.

Страданія и кончина святаго Романа.

Принявъ въ 1257 г. магометанство, татары, прежде снисходительные въ религіозномъ отношеніи, теперь сдѣлались фанатиками, стали хулить христіанскую вѣру и склонять русскихъ къ исламизму. Рязанскій баскакъ и самому князю Роману предлагалъ измѣнить христіанскую вѣру—на магометанскую. Но получилъ рѣшительный отказъ. Смѣлая рѣчь князя привела надменнаго монгола въ ярость. Пылая мщеніемъ, онъ донесъ Темиру, будто Рязанскій князь хулитъ великаго царя и ругается вѣрѣ его. Царь повѣрилъ клеветѣ, неистово разгнѣвался на дерзновеніе князя, и приказалъ немедленно явиться ему въ Орду и кроткій сынъ Олега спокойно выслушалъ печальную вѣсть. Онъ предчувствовалъ, что ожидаетъ его въ ордѣ: но съ преданностію волѣ Божіей спокойно распредѣлилъ сыновьямъ удѣлы: старшему сыну Ѳеодору назначилъ престолъ въ Рязани: втораго Ярослава опредѣлилъ въ Пронскъ. Константинъ остался при старшемъ братѣ и матери. Затѣмъ благословилъ дѣтей и далъ имъ наставленіе—слѣдовать святымъ его правиламъ: жить въ любви, братскомъ согласіи и полномъ послушаніи матери. Наконецъ, напутствуемый благожеланіями и слезами всѣхъ жителей Рязани, къ великой горести супруги, безъ надежды на возвращеніе, оставилъ свою печальную столицу и поспѣшилъ отправиться въ Орду. Явившись въ Орду, свя-

той Романъ представился владыкѣ земли Русской -Темиру, и привѣтствовалъ его, по обыкновенію, съ колѣнопреклоненіемъ.

„Нечестивецъ, грозно воскликнулъ Темиръ, когда Романъ окончилъ свое привѣтствіе.—знаешь-ли ты, зачѣмъ представили тебя предъ мои свѣтлыя очи"?

„Скажи, ханъ.—и буду знать", отвѣчалъ святой Романъ.

„Вотъ на тебя донесли мнѣ, что ты богохульникъ и оскорбитель моей пресвѣтлой чести"?

„Прильпни языкъ мой къ гортани моему, если я когда-либо помыслилъ безъ благоговѣнія произносить святѣйшее имя Того, о Немже мы живемъ, движемся и есмы".—„Радуюсь твоему спасенію", сказалъ Темиръ, понявши отвѣтъ князя по своему. „Но чѣмъ же ты оправдаешь себя въ оскорбленіи моего Величества"? „это—клевета, ханъ".—Улики на лицо: ты говорилъ оскорбительныя рѣчи вотъ при этихъ свидѣтеляхъ. Правда-ли что князь Рязанскій порицалъ мою честь, сурово спросилъ Темиръ стоявшихъ въ отдаленіи доносчиковъ.—Правда! Правда! Да! Да! Порицалъ, заревѣли клеветники.—Я бы желалъ знать,—лукаво сказалъ Темиръ, обращаясь къ князю, чѣмъ-бы ты оправдалъ себя предо мною. - Великій повелитель народовъ! *Еще не родился тотъ человѣкъ, который-бы умѣлъ защитить свою невинность противъ наглой клеветы и злобы; но Всевидящій знаетъ и видитъ, виновенъ-ли я.* Князь Романъ! Я не слишкомъ вѣрю злымъ рѣчамъ, однако же при такихъ свидѣтеляхъ, нельзи сомнѣваться въ истинѣ. - Что дѣлать! Всемогущій знаетъ для чего Онъ попустилъ на меня такое искушеніе. Впрочемъ, время, Ханъ, покажетъ, покорный-ли я тебѣ данникъ, или только дерзкій хульникъ твоего величества.

Но я бы хотѣлъ, князь, чтобы ты теперь же доказалъ свою покорность мнѣ. Вотъ мое повелѣніе—преклони съ благоговѣніемъ колѣна предъ сею священною книгою, принесенною великимъ пророкомъ и облобызай въ ней слова Аллаха! Эта книга—Алкоранъ. Повинуешься-ли моей волѣ? Принимаешь-ли законъ Магомета? Съ презрѣніемъ слушалъ святой Романъ безумныя слова Темира.—Что же молчишь, князь Рязанскій! Повинуешься-ли моей волѣ? Отвѣтъ твой долженъ рѣшить твою судьбу. Святой Романъ съ христіанскимъ одушевленіемъ отвѣчалъ: *подобаетъ повиноватися Богу паче, нежели человѣкамъ*. Царствующій на небесахъ и Управляющій судьбами престоловъ, Тотъ, *Имже Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду*, за грѣхи наши покорилъ насъ чужому игу. Съ терпѣніемъ и вѣрою мы повинуемся святой Его волѣ, доколѣ угодно будетъ Ему освободить насъ отъ сего ига. Мы, по первому слову твоему, готовы идти въ столицу твою Сарай, и нести тебѣ золото и дары. Но знай, ханъ, что христіанскій князь никогда не принесетъ тебѣ въ даръ своей совѣсти и вѣры. Одинъ Богъ—Судія человѣческаго сердца; но я сожалѣю о вашемъ ослѣпленіи, презираю вашего пророка—Магомета, отвергаю ваше лжеученіе.

Богохульникъ! Презритель царскаго величія и святыни! Знаешь ли ты, что за эти безумныя рѣчи ожидаютъ тебя—лишеніе княжескаго престола, темница, пытки, ссылка, смерть!—„Грози, если можешь, чѣмъ-нибудь другимъ; а эти угрозы не страшны для меня. Ты лишишь меня престола; а я получу вѣнецъ правды. Ты заключишь меня въ темницу! Ты повелишь терзать мое тѣло пытками и мученіями! Ты грозишь ссылкою и смертію! Заключай; Господь изведетъ изъ темницы душу мою. Терзай: тѣло мое меньше представитъ пищи для

червей. Сылай: Господня земля и исполненія ея. Умерщвляй: это скорѣе доставитъ мнѣ радость предстать лицу Христа, моего Бога, къ Коему давно стремится душа моя. Нѣтъ, Ханъ, грози чѣмъ-нибудь больнимъ; а эта гроза не страшна для меня".

Какъ разъяренный звѣрь, Темиръ вскочилъ съ своего мѣста, глаза его сверкали, лицо пылало, губы дрожали, гнѣвъ кипѣлъ въ сердцѣ до того, что онъ не могъ говорить. Онъ еще никогда не слыхалъ такихъ смѣлыхъ рѣчей, и не воображалъ, чтобы кто-нибудь могъ такъ говорить повелителю народовъ.

„Кровь! Одна кровь можетъ смыть такое оскорбленіе!" завопилъ наконецъ, разсвирѣпѣвшій Ханъ. „Нечестивецъ! на смерть его! На смерть Романа!" Князь хотѣлъ еще говорить, но вышли жестокіе исполнители неправды Хана: имъ Темиръ и предалъ его на мученія.

Заткнувъ ротъ князю, исполнители казни дерзко повлекли его вонъ и стали принуждать къ своему злов'ѣрію. Исповѣдникъ Христовъ, князь Романъ, нисколько не трогался ихъ льстивыми словами, не убоялся и страшныхъ угрозъ. Святое чувство оскорбленнаго христіанина воспламенило сердце князя, и онъ съ дерзновеніемъ высказалъ то, что хотѣлъ сказать Хану: „Не достоитъ православнымъ христіанамъ оставити истиннаго Бога, непорочную вѣру православную, принимать вѣру бесерменскую (бусурманскую) поганую и послѣдовати обычаямъ бѣсовскія прелести, богомерзкаго идолослуженія, скверныя и гнусныя вашея вѣры,

ея же не токмо не принимаю, но оплевываю и проклинаю".

Татары пылали яростью и скрежетали зубами на святаго: и видя непреклонность его,—звѣреки набросились на него, схватили и начали бить безъ милости. Князь, осыпаемый ударами, восклицалъ: „христіанинъ есмь, и воистину свята есть вѣра христіанская: ваша же вѣра татарская погана есть и мерзка". Онъ хотѣлъ еще говорить, но ему заткнули роть платкомъ, и, положивъ цѣпи, бросили въ темницу. Въ душномъ подземельи, связанный по рукамъ и ногамъ, святой Романъ слабѣлъ тѣломъ, но мужалъ духомъ.

Преданность Промыслу Божію подкрѣпляла страдальца и вливала новыя силы для перенесенія наступающихъ мученій. Вдохновенные псалмы Царя Давида проливали сладостное утѣшеніе въ сердцѣ. Князь предчувствовалъ, что ожидаетъ еще. Чувствовалъ и молился!.. Темиръ уже далъ приказъ татарамъ,—умертвить его самымъ ужаснымъ образомъ.

Святой Романъ молился, когда вошли къ нему исполнители казни, въ сопровожденіи помощниковъ злодѣянія, съ орудіями мученія въ рукахъ, съ жаждою крови въ сердцѣ.

„Нечестивецъ! Презритель царскаго величія, страшно заревѣли татары, сынъ неба, великій обладатель вселенной, пресвѣтлый Темиръ нашъ прислалъ тебѣ милость"... И съ сими словами бросились на князя, схватили его съ хохотомъ и ругательствами, вытащили изъ темницы и повлекли на мѣсто казни. Посыпались насмѣшки, брань, удары... Князь былъ спокоенъ. Проник-

нутый благоговѣйною покорностію Промыслу Божію, глубокимъ смиреніемъ и вѣрою во Христа Спасителя. Исповѣдникъ Христовъ не страшился умереть за Него. Но онъ не зналъ, что его ожидаетъ ужаснѣйшая изъ смертей—смерть медленная! На мѣстѣ казни, святой Романъ въ послѣдній разъ хотѣлъ испытать силу слова надъ варварами. Кроткою рѣчью онъ началъ укорять ихъ въ суевѣріи и жестокости, выхвалялъ христіанскій законъ, грозилъ гнѣвомъ небесъ... Но нечестивые и слышать не могли исповѣданія вѣры Христовой, укоризны и обличенія: они отрѣзали Роману языкъ и бросили его въ сторону.

Не уменьшилась бодрость духа Страдальца. Съ великимъ напряженіемъ возвысилъ онъ свой голосъ, изъявилъ татарамъ презрѣніе и укорялъ ихъ въ заблужденіи. Разсвирѣпѣли татары, и чтобы избавиться укоризны князя Христа, исповѣдныя уста его заткнули платкомъ. Лишенный органа слова, мученикъ взоромъ обличалъ мучителей. И ему вырѣзали глаза.

Послѣ того, начали терзать Романа, какъ лютые звѣри. Безчеловѣчіе мучителей не пощадило ни одного члена Страдальца. Святаго Романа рѣзали по суставамъ: сперва отняли персты отъ рукъ, и бросили ихъ въ сторону; потомъ обрѣзали уши и уста (губы); затѣмъ отсѣкли руки и ноги, и все это опять бросили въ сторону. Остался одинъ обрубленный, обезображенный трупъ, но еще съ искрой жизни. Кровавое зрѣлище довершилось ужаснѣйшимъ злодѣяніемъ: татары содрали кожу съ головы Романа, отрубили ее, воткнули на копья и выставили на позоръ народу. Въ такихъ ужасныхъ страданіяхъ святой Романъ кончилъ жизнь свою!! Не новыи ли это Іаковъ Персянинъ Великомученикъ?!

Преданіе говоритъ, что драгоцѣнные останки тѣла Мученика, по стараніи нѣкоторыхъ благочестивыхъ соотечественниковъ, тайно принесены были на родину въ Рязань (Старую) и тамъ преданы землѣ съ должною честію. День мученической кончины Князя остался незабвеннымъ для потомства. Это было 19 іюля 1270 года. Церковь тогда же признала его къ лику святыхъ Великомучениковъ и совершаетъ память его 19 іюля, называя „святымъ, благовѣрнымъ Княземъ".

Чествованіе святаго Князя Романа.

Вѣсть о мученической смерти князя Романа ужасомъ поразила всю Русскую землю. И народъ, и князья проливали горькія слезы, приходили въ недоумѣніе: не находили словъ выразить чувства своей скорби, и только въ назиданіи вѣры искали отрады и утѣшенія. Особенно сильною скорбію поражено было семейство святаго Романа. Добрая супруга его Анастасія, благочестивыя дѣти и весь народъ рязанскій горько плакали о смерти любимаго Князя. Одно утѣшало ихъ: святой Романъ умеръ Мученикомъ за Христову вѣру, перешелъ въ Царство небесное праведникомъ и молитвенникомъ за бѣдствующій народъ россійскій. Мысль, что святой Романъ молится за бѣдствующую Церковь Русскую, произвела твердую увѣренность, что Богъ не оставитъ на погибель той земли, гдѣ князья хранители вѣры святой, страданіями искупая жизнь народа, не устрашатся дерзновенно исповѣдывать имя Іисуса Христа, и великодушно умирать за Него.

Современники вписали имя святаго Романа въ свои лѣтописи, хранили память страданій его, какъ завѣтную

святыню, назвали его новымъ Мученикомъ, блаженнымъ Княземъ, страданіями купившимъ себѣ Царство небесное, почитали наравнѣ съ благовѣрными князьями Борисомъ и Глѣбомъ, святымъ Михаиломъ княземъ Черниговскимъ и боярином его Ѳеодоромъ, а по страданіямъ уподобили его Іакову Персидскому. Такая память праведнаго съ похвалами передавалась изъ рода въ родъ!

Благоговѣя къ памяти Великомученика князя Романа, предки наши оставили намъ драгоцѣнное наслѣдіе описанія и наружнаго вида его для изображенія на иконѣ. Святой Романъ описывается возрастомъ младъ, подобіемъ русъ, власы у него коротки кудреваты, и съ ушей мало повились тонкими косицами. Одежда княжеская: шуба соболья надѣта на плечахъ, въ рукавахъ до полу, приволока бархатная багряная въ кругахъ. Правая рука молебна, въ лѣвой держитъ градъ, а въ немъ Церковь. Такимъ образомъ и внѣшній видъ святаго Князя Романа соотвѣтствовалъ его внутренней красотѣ. Не даромъ говорится, что лицо есть вывѣска души. Имя святаго Романа издавна писалось въ святцахъ и мѣсяцесловахъ.

Были отъ святаго Князя Романа и знаменія предстательства его предъ Богомъ. Такъ, въ годину страшнаго нашествія французовъ, въ 1812 году, первую побѣду надъ ними Русскіе одержали при Клястицахъ, въ день памяти святаго Романа 19 іюля. Въ память сего событія написана Икона святаго Романа Ольговича въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ. Въ 1853 году освящены и вручены Рязанскому ополченію 14 крестоносныхъ знаменъ Преосвященнымъ Архіепископомъ Рязанскимъ Гавріиломъ 19 іюля, въ день памяти святаго Романа. Не

явное ли знаменіе его святаго покровительства сему народному ополченію, когда, по прошествіи года, защитники отечества возвратились цѣлыми и невредимыми именно ко дню памяти святаго Романа? 19-го іюля 1854 года, тѣ побѣдныя знамена торжественно внесены въ соборъ и поставлены на уготованныхъ мѣстахъ въ память потомству. Преосвященный Гавріилъ, ревностный чтитель памяти святыхъ, съ 1854 года, повелѣлъ въ крестныхъ ходахъ совершать молебное пѣніе святому Роману, какъ защитнику земли Рязанской, вмѣстѣ съ святымъ Василіемъ I-мъ Епископомъ нынѣшней Рязани, особенно во дни Божія посѣщенія смертною казнію. Вѣра и усердіе къ святому Великомученику Роману, украсили храмы святыми изображеніями его на иконахъ.

Первая икона святаго Романа написана и поставлена въ иконостасѣ придѣла трехъ святителей, въ Семинарской Владимірской Церкви—усердіемъ ктитора ея. Великомученикъ изображенъ во весь ростъ: правая рука совершила послѣднее дѣйствіе крестнаго знаменія: лѣвая держитъ хартію съ изображеніемъ храма и надписью: „Христіанинъ есмь и воистину христіанская вѣра свята есть". У ногъ орудія казни и лѣтопись страданія и смерти его. Вторая икона святаго Романа обѣтная. Написана по особенному усердію ктитора Спасоярской Церкви купца Мокія Панова, пожертвована въ Каѳедральный соборъ съ тѣмъ, чтобы она носима была въ крестныхъ ходахъ и чтобы передъ нею ежегодно 19 іюля совершался молебенъ святому Роману, въ память его страдальческой кончины и первой побѣды надъ французами въ 1812 году.

Блаженной памяти Архіепископъ Рязанскій Смарагдъ,

со особеннымъ вниманіемъ, принялъ жертву г. Панова, самъ освятилъ ее въ Крестовой Церкви, при пѣніи составленныхъ имъ тропаря и кондака святому Роману, и при этомъ сказалъ предстоящему народу: „Это Икона святаго Романа князя Рязанскаго. Молитесь ему. Онъ былъ хозяинъ земли Рязанской: онъ заступникъ и молитвенникъ нашъ и нынѣ". Икона сія принята была народомъ съ особенною любовію и благоговѣніемъ, и на другой же день 20 іюля была носима въ Крестномъ ходу. На сей Иконѣ по золотому полю, Великомученикъ изображенъ во весь ростъ, въ минуты молитвеннаго настроенія его духа предъ страданіемъ его. Правая рука совершаетъ крестное знаменіе. Взоръ и ликъ святаго обращены къ Спасителю, стоящему въ облакахъ, съ простертыми руками, внимающему молитвамъ святой души мученика и призывающему его къ покою. Въ лѣвой рукѣ у святаго Романа хартія: у ногъ княжескія регаліи: внизу изображены страданія Князя. На задней сторонѣ иконы написано:

„Лѣта 1859 года іюля 19 дня. Въ благополучное Царствованіе Императора Александра II Николаевича, при Высокопреосвященнѣйшемъ Архіепископѣ Рязанскомъ Смарагдѣ, написана сія икона Святаго Великомученика Благовѣрнаго Князя Рязанскаго Романа Ольговича, по усердію и особенной вѣрѣ къ святому Великомученику, купца Мокія Панова, въ Рязанскій Каѳедральный соборъ съ тѣмъ, чтобы сія святая Икона носима была во всѣхъ Крестныхъ ходахъ и по усердію въ дома. Написана въ градѣ Рязани художникомъ Императорской Академіи Николаемъ Шумовымъ".

Въ письмѣ на мое имя одной изъ дщерей Церкви Рязанской Зиновіи Шумовой изображено между про-

чимъ слѣдующее: Вскорѣ послѣ устройства храма во имя святаго Князя Романа въ Павловской рощѣ семья художника Шумова испытала на себѣ дѣйствіе молитвъ этого Мученика. Въ апрѣлѣ 1864 года въ этой семьѣ родилась дочь и со дня рожденія все время была больна. Докторъ ѣздилъ постоянно и, наконецъ, объявилъ, что нѣтъ болѣе средствъ къ ея излеченію. Тогда художникъ Шумовъ молитвенно въ простотѣ сердца сказалъ: „Князь Романъ! Я устроилъ и украсилъ твой храмъ, —исцѣли мою дочь". Это было какъ разъ 19-го іюля, въ день памяти святаго Князя Романа. И въ тотъ же день у доктора нашлось новое средство, —его примѣнили, дѣвочка поправилась, выросла и здравствуетъ до сихъ поръ".

Протекло около 600 лѣтъ со времени мученической кончины святаго Романа. Но во всей области Рязанской не было сооружено въ честь его ни одного храма. Первый храмъ святаго Романа устроенъ Архіепископомъ Смарагдомъ, въ загородной дачѣ архіерейскаго дома Новопавловкѣ, въ память прибытія его на Рязанскую паству 19 іюля 1858 года. 20 сентября 1861 г. А. Смарагдъ, въ воспоминаніе 30-ти лѣтняго служенія своего въ санѣ Святителя, самъ освятилъ сей храмъ съ приличнымъ торжествомъ, при стеченіи многочисленнаго народа, которому въ словѣ своемъ представилъ величіе страданій святаго Романа за Христа Спасителя, и наконецъ обратился съ благоговѣйною молитвою къ святому Князю, прося его призрѣть на новый храмъ сей—*первый во имя его* и принять подъ свое высокое покровительство смиреннаго храмоздателя и всѣхъ Рязанскихъ жителей.

Такъ, благодаря Приснопамятному Святителю Рязанскому Смарагду, воздано Страстотерпцу Христову полное прославленіе въ Церкви Рязанской сооруженіемъ въ честь его святаго храма!

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ

ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ: ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА И ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ:

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА И ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

Каждому изъ насъ съ дѣтства хорошо знакомы имена Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Это—вселенскіе учители Церкви. Заслуги этихъ дивныхъ мужей для насъ, и для всего христіанскаго міра безцѣнны. Ихъ молитвами мы до-нынѣ молимся; ихъ писаніями до-нынѣ поучаемся и назидаемся; ихъ святая Церковь не напрасно воспоминаетъ каждый день на богослуженіи своемъ... И если дорого для насъ православіе, то дороги должны быть для насъ и Василій, и Григорій, и Іоаннъ; потому что они съ такимъ пламеннымъ усердіемъ защищали православіе, что ради его не только ничего не жалѣли, но и жизнь свою готовы были принести въ жертву ему. Такъ высоки, безцѣнны заслуги ихъ для Церкви православной: они столпы православія! Но, чтобы сдѣлаться такими свѣтильниками, имъ нужно было приготовиться къ тому долговременнымъ, богоугодно направленнымъ домашнимъ и школьнымъ воспитаніемъ и дивными подвигами христіанскими...

Святой Василій Великій родился (329 г.) въ Кесаріи Каппадокійской. Отецъ его - также Василій, былъ образованнымъ человѣкъ, добрый христіанинъ, адвокатъ въ судѣ, учитель въ Понтійскомъ училищѣ, потомъ свя-

щенникъ; еще выше его по жизни была мать Василія Великаго—блаженная Эммалія или Эмилія. На всемъ семействѣ святителя Василія видимо почивало благословеніе Божіе: изъ него вышли три Архіерея и многіе святые.

Воспитаніе святаго Василія началось съ 7-ми лѣтняго его возраста. Первые уроки святой вѣры и доброй нравственности онъ выслушалъ отъ своей матери Эммаліи и бабушки Макрины. Эти святыя наставницы сдѣлали столь глубокое впечатлѣніе на нѣжное сердце питомца, что Василій помнилъ ихъ до конца жизни, и только усовершалъ преподанныя ему начала.

Первые уроки грамматики и словесности слушалъ онъ у своего отца, въ Понтійскомъ училищѣ, а потомъ —для дальнѣйшаго образованія поступилъ въ Кесарійское и, выслушавъ здѣсь полный курсъ, поспѣшилъ въ Константинополь. Въ Константинополѣ успѣлъ онъ въ короткое время усвоить всю мудрость извѣстныхъ тогда профессоровъ: но она не удовлетворила его, и даровитый юноша отправился въ Аѳины, столицу тогдашняго просвѣщенія. Здѣсь Василій, въ теченіи 4 или 5 лѣтъ, слушалъ уроки аѳинскихъ риторовъ и философовъ. Среди языческихъ питомцевъ въ Аѳинахъ нашелъ онъ и христіанскихъ юношей, между прочимъ—Григорія впослѣдствіи Богослова, съ которымъ подружился. И эта святая дружба, начавшаяся въ Аѳинахъ, никогда потомъ не оставляла ихъ. Даровитымъ и любознательнымъ друзьямъ неизвѣстны были въ Аѳинахъ дороги —ни на праздники, ни на зрѣлища, ни на народныя гулянья; двѣ дороги и были знакомы имъ: одна въ церковь, другая въ школу. За то и успѣхи ихъ оказались изумительными. По словамъ святаго Григорія, Василій изучалъ и словесность, и исторію, и діалектику, и фи-

лософію, и астрономію, и медицину, —и въ каждой наукѣ оказалъ такіе блистательные успѣхи, что, казалось, будто ею одною и занимался. Такъ, даровитому юношѣ передана была вся мудрость аѳинская! Но запросы души этого питомца были такъ велики, что современная наука не могла удовлетворить имъ. Не этой скудной пищи алкала благочестивая душа его: мудрости Божественной она искала; и Василій рѣшился оставить Аѳины, чтобы—вмѣсто профессора академіи—быть еще ученикомъ пустынниковъ...

Имя Василія гремѣло уже вездѣ. Родной городъ его упросилъ его быть въ кесарійской школѣ учителемъ краснорѣчія и—вмѣстѣ съ тѣмъ—адвокатомъ. Уроки и краснорѣчіе молодаго оратора всѣхъ приводили въ восторгъ: всѣ окрестные города приглашали его къ себѣ, предлагая ему высокія должности. Положеніе Василія въ свѣтѣ сдѣлалось очень высокимъ. Казалось, міръ совсѣмъ увлекъ его къ себѣ: казалось пустыня, куда, было, стремился онъ изъ Аѳинъ, совсѣмъ забыта была имъ. Но Промыслъ бодрствовалъ надъ благороднымъ юношей. Старшая сестра Василія, глубокоуважаемая имъ, успѣла отвлечь его отъ обольстительнаго поприща: по ея убѣжденію, онъ оставилъ свѣтскую ученость и сталъ читать одно святое Евангеліе.

Читая эту священную книгу, онъ часто плакалъ о томъ, что потерялъ такъ много дорогаго времени на трудъ пустой, на изученіе той мудрости, которая, по суду Божію, есть буйство. И вотъ, въ душѣ его снова возникло и усилилось прежнее желаніе поучиться Божественной мудрости въ пустынѣ. Съ этою цѣлію посѣтилъ онъ многіе монастыри и пустынныя келліи, вездѣ дивился образцамъ высокой подвижнической жизни, и рѣшился осуществить ихъ на практикѣ своей

собственной жизни: учредилъ обитель, прошелъ въ ней всѣ добродѣтели и оставилъ правила подвижнической—христіанской жизни. Такъ великій Святитель готовился въ домѣ, въ школѣ, и въ пустынѣ, чтобы потомъ достойно носить имя вселенскаго учителя и святителя! Усвоивъ себѣ науки человѣческія и уразумѣвъ истины Божественныя, какъ ихъ понимать и осуществлять, Василій Великій, какъ крѣпкій исполинъ, оставилъ пустыню: всю остальную жизнь свою ратовалъ за чистоту вѣры—сперва въ санѣ пресвитерскомъ, а потомъ и святительскомъ (съ 362—370—379 г.).

Святой Григорій Богословъ воспитывался въ школѣ и подвизался въ пустынѣ такъ же, какъ искренній другъ его Василій: но и домашняя жизнь его во многомъ сходна съ жизнію Василія Великаго. Родился святой Григорій около 329 г. въ мѣстечкѣ Аріанзѣ, въ округѣ города Назіанза—въ Каппадокіи. Отецъ его, по имени также Григорій, былъ человѣкъ богатый и образованный; а мать звали Нонною. Ея словамъ и убѣжденіямъ и особенно горячимъ молитвамъ обязанъ былъ мужъ ея Григорій тѣмъ, что принялъ православную вѣру и былъ затѣмъ не только пресвитеромъ, но и епископомъ Назіанскимъ.

Въ благочестивомъ семействѣ родился Василій Великій: благочестиво было и семейство, къ которому принадлежалъ Григорій: его мать Нонна—святая, его братъ Кесарій—святой, его сестра Горгонія—святая.

Рожденіе святаго Григорія было плодомъ молитвъ Святой Нонны: она усердно просила Господа даровать ей сына и обѣщала посвятить его на служеніе Богу. Господь услышалъ праведницу: родился Григорій: и она не задумалась исполнить свой обѣтъ: принесла сына своего въ жертву Богу.

Согласно съ своимъ обѣтомъ, святая Нонна сама дала ему первоначальное воспитаніе—въ *чистотѣ и цѣломудріи*. Съ дѣтства святой Григорій полюбилъ вѣру и благочестіе матери: съ дѣтства же полюбилъ онъ и науки, и пожелалъ изучить ихъ съ тою цѣлію, чтобы это изученіе употребить на пользу вѣры и церкви.

И вотъ, побуждаемый и своею любознательностію, и совѣтами просвѣщеннаго отца, онъ отправился учиться сперва въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ, въ первый разъ, познакомился съ Василіемъ Великимъ; потомъ слушалъ наставниковъ въ Кесаріи Палестинской; затѣмъ—вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кесаріемъ—продолжалъ образованіе въ Александріи; наконецъ, завершилъ образованіе тамъ же, гдѣ и Василій, въ Аѳинахъ, на пути въ которыя чуть было не лишился жизни, по случаю страшной бури, бывшей на морѣ, во время его плаванія туда.

Пробывъ около 6-ти лѣтъ въ Аѳинской академіи, святой Григорій вознамѣрился отправиться на родину. Но рѣдкія дарованія и блистательные успѣхи его во всѣхъ наукахъ такъ плѣнили его друзей и знакомыхъ, товарищей и учителей, что всѣ они, крѣпко обнимая его, убѣдили его занять въ академіи каѳедру словесности... Но слова матери его -святой Нонны: „сынъ мой, я посвятила тебя Богу!“, слова его самого: „Твой я, Боже мой!“, высказанныя имъ среди бури, сильно отзывались въ душѣ его: и Григорій не могъ долго оставаться въ Аѳинахъ. Уловивъ благопріятный случай, онъ тайно выѣхалъ оттуда, прибылъ на родину и принялъ святое крещеніе (около 356 г.).

Престарѣлый отецъ его Григорій, епископъ Назіанскій, радъ былъ возвращенію сына и поручилъ ему правленіе домашнимъ хозяйствомъ. Душа Григорія рва-

лась къ пустынной жизни: но любовь къ родителямъ и долгъ повиновенія удерживали его дома. Между тѣмъ, другъ его Василій посылалъ къ нему письмо за письмомъ, звалъ его къ себѣ, краснорѣчиво описывая ему красоту пустыни и сладость мирной жизни отшельника. Не выдержалъ Григорій, оставилъ—наконецъ—родной кровъ и поспѣшилъ въ понтійское уединеніе, въ которомъ два друга-товарища вмѣстѣ молились, вмѣстѣ читали Священное Писаніе, вмѣстѣ занимались трудами земледѣлія: жили одною душею...

Но престарѣлый отецъ крайне нуждался въ помощи сына, для котораго воля его была священна. Вызвавъ изъ пустыни сына, Григорій посвятилъ его—противъ воли—во пресвитера. Смущенный этимъ поступкомъ отца, Григорій опять бѣжалъ въ пустыню; но угрозы отца и дурные толки жителей Назіанза о Григоріи вынудили его снова явиться въ Назіанзъ къ Пасхѣ, защититься и начать свое высокое служеніе, сперва въ санѣ пресвитера, потомъ въ санѣ епископа Сасимскаго и архіепископа Константинопольскаго.

На сколько приготовилъ себя Григорій къ этому служенію,—это видно изъ слѣдующихъ словъ его о себѣ: „меня не плѣняли прекрасныя волны шелковыхъ одеждъ, не любилъ я продолжительныхъ трапезъ, не любилъ я жить въ огромныхъ и великолѣпныхъ домахъ, не разслаблялъ я сердце музыкальными звуками. Серебро и золото предоставилъ я другимъ... Для меня пріятенъ кусокъ хлѣба, у меня сладкая приправа его—соль: столъ мой приготовлялся безъ трудовъ, питіе мое—трезвенная вода. Лучшее мое богатство—Христосъ, Который непрестанно возноситъ умъ мой горѣ... Ни къ чему не нужны мнѣ ничтожная честь и скорогибнущая слава: не важно для меня получить отъ царя награды

при дворѣ: никогда не обольщало меня желаніе судебнаго мѣста, на которомъ возсѣдая величаво, могъ-бы и я высоко поднимать вверхъ брови... Одна слава для меня была пріятна,—отличаться познаніями, которыя собралъ востокъ и западъ, и краса Эллады-Ионіи. Надъ этимъ я трудился много и долго. Но всѣ эти познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ".

Святой Іоаннъ Златоустъ родился въ столичномъ городѣ Сиріи -Антіохіи (ок. 347 г.). Отецъ его Секундъ занималъ почетное мѣсто въ вѣдомствѣ главнаго начальника Сирійскихъ войскъ. Мать его звали Аноусой: она памятна живою вѣрою, крѣпкою любовію и высокимъ благочестіемъ. Златоустъ былъ еще въ колыбели, какъ Секундъ скончался, оставивъ во вдовствѣ 20-ти лѣтнюю Аноусу. Много горя въ жизни предстояло этой вдовицѣ: она была еще такъ молода; положеніе супруга ея въ обществѣ было такъ высоко и обѣщало ей блестящія выгоды: онъ такъ горячо любилъ ее... Но у ней много было вѣры въ Провидѣніе, много покорности судьбамъ Божіимъ,—и она не роптала; замужъ не пошла, чтобы не оскорбить память мужа; все вниманіе свое, всю дѣятельность сосредоточила она на воспитаніи сына, предлагая ему уроки вѣры и благочестія; и сынъ постоянно утѣшалъ мать свою -и талантами, и внимательностію, и послушаніемъ, и успѣхами.

Когда пора дѣтства для Іоанна уже миновала, Аноуса отдала его въ Антіохійское училище, гдѣ, подъ руководствомъ риторовъ, софистовъ и философовъ, онъ изучилъ краснорѣчіе, философію и особенно древнюю греческую и римскую литтературу, и изучалъ съ такимъ успѣхомъ, что учитель его, знаменитый Ливаній, гордился своимъ ученикомъ и желалъ имѣть его своимъ преем-

никомъ. Между тѣмъ Анѳуса, со всею любовію и внимательностію матери—христіанки, зорко слѣдила за нравственнымъ воспитаніемъ своего сына; и ей-то Іоаннъ по преимуществу обязанъ былъ тѣмъ, что, среди соблазнительной жизни многихъ товарищей, съумѣлъ сохранить въ чистотѣ свое сердце. Чего не можетъ сдѣлать любовь матери?! Нельзя не удивляться Анѳусѣ и не сказать о ней съ Ливаніемъ: „какія удивительныя жены у христіанъ?“ Ни молодость, ни красота, ни высокое значеніе, ни богатство—не могли завертѣть Анѳусу въ мірской суетѣ.

Окончивъ курсъ ученія, на 20 году отъ рожденія, Іоаннъ успѣлъ уже пріобрѣсть громкую извѣстность и избралъ для себя званіе адвоката, занялъ въ короткое время почетное мѣсто между самыми адвокатами и увлекся было міромъ... Къ счастію, у Іоанна былъ искренній другъ—Василій, впослѣдствіи епископъ въ Сиріи. Узнавъ, что Іоаннъ уклонился отъ Евангельскаго пути *на страну далече*, онъ просилъ, умолялъ его перемѣнить образъ жизни и занятій, и его просьба имѣла желанный успѣхъ. Іоаннъ не только сложилъ съ себя званіе адвоката и забылъ театры и публичныя зрѣлища, но и снялъ съ себя даже свѣтскую одежду,—почти никогда не являлся въ общественныхъ собраніяхъ,—все время въ домѣ матери посвящалъ молитвѣ, чтенію Слова Божія, благочестивымъ размышленіямъ и даже спалъ на голой землѣ. Василій убѣждалъ его идти въ пустыню. Іоаннъ уже склонялся на его убѣжденія; но слезы и трогательное убѣжденіе матери удержали его въ отеческомъ домѣ до ея смерти.

Закрывъ глаза матери сыновнею рукою и похоронивъ ее подлѣ праха отца, Іоаннъ не долго колебался: на крыльяхъ голубиныхъ полетѣлъ въ Антіохійскую пус-

тыню и здѣсь отдалъ себя въ полное распоряженіе самому строгому старцу. Строгости пустынной жизни воздвигли было въ душѣ Іоанна сильную бурю искушеній: но эта буря скоро улеглась,—и Іоаннъ, укрѣпленный благодатію, отъ души полюбилъ то, что прежде такъ болѣзненно тѣснило его сердце. Онъ не только охотно дѣлилъ съ иноками всѣ ихъ подвиги,—но находилъ досугъ дѣлать даже то, чего другіе не дѣлали: въ пустынѣ онъ писалъ сочиненія.

Строгая аскетическая жизнь и прекрасныя сочиненія Златоуста обратили на него общее вниманіе пустынныхъ отцевъ. Въ тоже время, нѣкто Исихій видѣлъ, что, когда святой Іоаннъ, въ молитвенномъ настроеніи духа, лежалъ на полу своей кельи, къ нему подошли два мужа въ бѣлыхъ одеждахъ, взяли его за руку и сказали: „встань: Іисусъ Христосъ прислалъ насъ къ тебѣ". То были Апостолы *Іоаннъ*, подавшій ему книгу и съ нею *благодать—изъяснять св. Писаніе просто и увлекательно*, и *Петръ*, подавшій ему ключи и съ ними *власть—отпускать грѣхи*. Златоустъ палъ предъ ними на землю и сказалъ: „святые Апостолы! Я недостоинъ этой великой милости", и залился слезами. Но небожители утѣшили его и, простившись съ нимъ, вознеслись на небо. Это видѣніе и даръ чудотвореній, который обнаружилъ Златоустъ въ пустынѣ, еще больше умножили славу его. Но слава эта была тяжела для него: и онъ, послѣ 4-хъ лѣтней монастырской жизни, оставилъ монастырь, чтобы поселиться недалеко отъ монастыря, среди скалъ и необитаемыхъ лѣсовъ, въ глубокой пещерѣ, и здѣсь провести всѣ дни до самой кончины въ постѣ и молитвѣ. Но тяжкіе здѣсь подвиги, сырость и холодъ пещеры до того разстроили его силы, что—черезъ два года онъ вынужденъ былъ возвра-

титься въ Антіохію. Это было въ 381 году. Съ этихъ поръ начался непрерывный рядъ трудовъ и заслугъ Іоанна для Церкви Божіей—въ санѣ діакона 5 лѣтъ, въ санѣ пресвитера 12 лѣтъ и—въ святительскомъ 9 лѣтъ.

О если бы и наши матери подражали Еммаліи, Нонѣ и Аннусѣ! О если бы наши матери твердо помнили, что материнское воспитаніе имѣетъ сильное вліяніе на всю послѣдующую жизнь дѣтей. Вѣдь языкъ матери—языкъ сердца: что-жъ мудренаго, если каждое слово ея глубоко отпечатлѣвается въ мягкомъ сердцѣ дитяти? О если бы наши дѣти подражали Василію, Григорію, Іоанну! О если бы и наши юноши, во время своего воспитанія и образованія, тщательно собирали все полезное въ наукахъ и слагали то въ сердцахъ своихъ,—на подобіе тружениковъ—муравьевъ и работницъ—пчелъ,—какимъ бы они обладали довольствомъ и сладостію. А если бы—при этомъ—они еще заранѣе пріучали себя къ подвигамъ добродѣтели,—сколько бы изъ нихъ выходило великихъ свѣтильниковъ для міра и жизни христіанской! (Досуги Е. Гермогена).

ВНЕМЛИ СЕБѢ.

ИЗЪ БЕСѢДЫ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

ВНЕМЛИ СЕБѢ.

У святаго Пророка Божія Моисея, которому принадлежитъ изреченіе сіе, добавлено: *да не будетъ слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззаконія*, то-есть, указана и причина, почему нужно внимать себѣ. *Внемли себѣ: да не будетъ слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззаконія.* На русскомъ языкѣ это изреченіе читается такъ: „Берегись, чтобы не вошла въ сердце твое беззаконная мысль". (Второзак. 15, 9). Таковъ общій смыслъ изреченія! Въ частности, въ этомъ изреченіи, чрезвычайно много глубоко назидательныхъ *мыслей* и чувствъ.

Сказано: *внемли себѣ.* Всякое живое существо, отъ устроившаго все Бога, имѣетъ въ себѣ побужденія—къ охраненію своего собственнаго состава.

И если прилежно станемъ изучать, то найдемъ, что большая часть безсловесныхъ, не учась, имѣютъ отвращеніе отъ вреднаго, и опять, по какому-то естественному влеченію, стремятся къ наслажденію полезнымъ. Потому и намъ, обучающій насъ, Богъ далъ сію великую заповѣдь, чтобъ, въ пособіи разума, находили мы то, что у нихъ есть отъ природы; и чтобы то, что безсловесными дѣлается безъ размышленія, у насъ совершалось со вниманіемъ, при непрестанномъ напряженіи разсудка, и чтобы мы были исправными хранителями данныхъ намъ отъ Бога побужденій, бѣгая грѣха, какъ безсловесныя избѣгаютъ ядовитаго въ снѣдяхъ, и гоняясь за правдою, какъ и они отыскиваютъ въ травѣ

питательное. Поэтому *внемли себѣ*, чтобы могъ ты различать вредное отъ спасительнаго.

Внемли себѣ, то-есть, осматривай себя со всѣхъ сторонъ: для охраненія себя содержи неусыпнымъ душевное око. *Посредѣ сѣтей ходиши* (Сир. 9, 18); врагомъ во многихъ мѣстахъ поставлены скрытыя тенета. Поэтому все осматривай, *да спасешися, яко серна отъ тенета, и яко птица отъ сѣти* (Притч. 6, 5). Серна неуловима тенетами, по остротѣ зрѣнія; а птица, когда она внимательна, по легкости крыльевъ, становится выше злоухищренія ловцевъ. Поэтому смотри, не окажись худшимъ безсловесныхъ въ охраненіи себя самаго и, запутавшись въ сѣтяхъ, не сдѣлайся добычею діавола, будучи *живъ уловленъ отъ него въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26).

Внемли себѣ, то-есть, внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себѣ—внемли душѣ своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностію предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей порокомъ,—очистить ее отъ всякаго грѣховнаго срама, украсить же и просвѣтить ее всякою красотою добродѣтели. Испытай себя самаго, кто ты: познай, что тѣло твое смертно, а душа безсмертна,—что жизнь наша двоякая: одна свойственна плоти—скоропреходящая, а другая, сродная душѣ, не допускаетъ предѣла. Поэтому *внемли себѣ*, не останавливайся на смертномъ, какъ-бы на вѣчномъ: и не презирай вѣчнаго, какъ-бы преходящаго. Не радѣй о плоти, потому что преходитъ; заботься о душѣ, существѣ безсмертномъ. Со всевозможнымъ тщаніемъ вникай въ себя самаго, чтобы умѣть тому и другому дать нужное: плоти—пропитаніе и покровы, а душѣ—догматы благочестія, благопристойное поведеніе, упражненіе въ добродѣтели, исправленіе

страстей, чтобы не утучнять тебѣ тѣла, не стараться о множествѣ плоти. Но, поелику *плоть похотствует на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся* (Гал. 5. 17): то смотри, чтобы тебѣ, прилѣпившись къ плоти, не уступить большаго владычества худшему. Какъ при взвѣшиваніи на вѣсахъ, если обременить одну чашку, то непремѣнно сдѣлаешь легкою другую—противоположную ей: такъ бываетъ съ тѣломъ и душою: избыточество въ одномъ дѣлаетъ необходимымъ оскудѣніе въ другомъ. Когда тѣло въ удобренномъ состояніи и обременено тучностію,—тогда уму необходимо быть слабымъ и недостаточнымъ для свойственныхъ ему дѣйствованій; а когда душа благоустроена и размышленіемъ о благахъ возвышена до свойственнаго ей величія, тогда слѣдствіемъ сего бываетъ увяданіе тѣлесныхъ силъ.

Внемли себѣ. Одна и та же сія заповѣдь и недужнымъ полезна, и здоровымъ весьма пригодна. Въ болѣзняхъ врачи совѣтуютъ больнымъ быть внимательными къ себѣ самимъ и не пренебрегать вичѣмъ, служащимъ къ увраченію. Подобнымъ сему образомъ и слово—врачъ душъ нашихъ, симъ малымъ пособіемъ исцѣляетъ страждущую грѣхомъ душу. Поэтому *внемли себѣ*, чтобы, по мѣрѣ претрѣненія, получить тебѣ пособіе отъ врачеванія. Грѣхъ твой великъ и тяжекъ! Тебѣ нужны: долгая исповѣдь, горькія слезы, усиленное бодрствованіе, непрерывный постъ. Грѣхопаденіе легко и сносно? Пусть уравняется съ нимъ и покаяніе. Только *внемли себѣ*, чтобы знать тебѣ здравіе и болѣзнь души. Ибо многіе отъ чрезмѣрнаго нерадѣнія, впавъ въ великія и неисцѣльныя болѣзни, не знаютъ даже и того, что они больны.—Велика польза сей заповѣди и укрѣпившимся для дѣятельности, такъ что

она одна и больныхъ врачуетъ и здоровыхъ усовершаетъ. Ибо каждый изъ насъ, научаемыхъ сему слову, есть служитель одного какого-нибудь дѣла изъ предписанныхъ намъ Евангеліемъ. *Въ великомъ домѣ*—въ Церкви—*суть не точію* всякіе *сосуди, злати и сребряни, древяни и глиняни* (2 Тим. 2. 20), но и всякаго рода искусства. Домъ Божій, *иже есть Церковь Бога живаго* (1 Тим. 3. 15), имѣетъ своихъ ловцевъ, путешественниковъ, зодчихъ, домостроителей, землевладѣльцевъ, пастырей, подвижниковъ, воиновъ. Всѣмъ имъ пригодно сіе краткое изреченіе—*внемли себѣ*—влагая въ каждаго точность въ дѣлѣ и ревность произволенія. Ловецъ ты, посланный Господомъ, сказавшимъ: *се Азъ посылаю многи ловцы, и уловятъ ихъ на всякой горѣ* (Іерем. 16, 16)? *Внемли* же прилежно, чтобъ не убѣжала у тебя добыча, и чтобъ тебѣ, одичавшихъ въ грѣхѣ, уловивъ словомъ истины, привести къ Спасителю. Путникъ ты, подобный молящемуся: *стопы моя направи* (Пс. 118, 133)! *Внемли себѣ*, не совращайся съ пути, не уклоняйся направо и налѣво: иди путемъ царскимъ. Зодчій, —полагай надежно основаніе вѣры, которое есть Іисусъ Христосъ. Домостроитель,—пусть смотритъ—*како назидаетъ* (1 Кор. 3, 10), чтобы не было *ни дровъ, ни сѣна, ни тростія*, но *злато, сребро, каменіе честное* (—12). Пастырь,—*внемли*, чтобы не опустить какой обязанности, возлагаемой пастырскимъ званіемъ. Какія же это обязанности? Заблудшее обрати, сокрушенное обвяжи, больное уврачуй. Земледѣлатель,—окопай безплодную смоковницу и обложи тѣмъ, что помогаетъ плодородію. Воинъ,—*спострадай благовѣствованію* (2 Тим. 1, 8), воинствуй *доброе воинство* (1 Тим. 1, 18) противъ духовъ злобы, противъ страстей плоти, пріими *вся оружія Божія* (Еф. 6, 13), не обязуйся *куплями житейскими*,

да воеводѣ угодиѣ будеши (2 Тим. 2. 4). Подвижникъ. —*внемли себѣ*. чтобы не преступить какого-либо изъ подвижническихъ законовъ: ибо никто *не вѣнчается, аще незаконно мучимъ будетъ* (2 Тим. 2. 5). Подражай Павлу и текущему, и борющемуся, и бьющемуся. И самъ, какъ добрый боецъ, имѣй неразвлеченный взоръ души: тѣ мѣста, въ которыя ударъ смертеленъ, защищай, закрывая руками, и не своди глазъ съ противника. Въ бѣгѣ простирайся *въ предняя* (Филип. 3. 13), *яко тецы, да постигнеши* (1 Кор. 9. 24).—Въ борьбѣ ратоборствуй съ невидимыми врагами. Слово требуетъ, чтобы таковъ ты былъ въ жизни, не разслабѣвалъ, не предавался сну, но трезвенно и бодрственно стоялъ за себя.

Не достанетъ мнѣ дня, если буду описывать и занятія споспѣшествующихъ благовѣствованію Христову, и силу сей заповѣди, сколько она приноща для всѣхъ.

Внемли себѣ: будь трезвенъ, разсудителенъ, храни настоящее, промышляй о будущемъ. Не упускай изъ рукъ, по безпечности, того, что уже есть: чего же еще нѣтъ, можетъ быть и не будетъ, не предполагай въ томъ наслажденія, какъ будто оно уже въ рукахъ. Не молодымъ-ли людямъ свойственъ сей недугъ легкомысленно думать, что обладаютъ уже тѣмъ, чего только надѣются? Какъ скоро остаются наединѣ, или среди ночнаго безмолвія, вымышляютъ они сами въ себѣ не имѣющія существенности представленія, удобоподвижностію мысли уносясь вездѣ, обѣщая себѣ знаменитость въ жизни, блистательное супружество, благочадіе, глубокую старость, отъ всѣхъ почести. Потомъ, будучи не въ состояніи остановить на чемъ-нибудь свои надежды, простираются къ тому, что у людей признается наиважнѣйшимъ.—Пріобрѣтаютъ прекрасные и огромные домы, наполняя ихъ великими драгоцѣнностями: приспособляютъ

себѣ только земли, сколько сущность помыслов отдѣлить имъ отъ цѣлой твари: опять,—собираемые съ сего доходы заключаютъ въ хранилище оной сущности; присовокупляютъ къ нимъ стада, неисчетное множество слугъ, гражданскія начальственныя должности, управленіе народами, предводительство войскомъ, войны, трофеи, и даже царскую власть. Перебравъ все это въ пустыхъ мечтаніяхъ ума, по чрезмѣрному неразумію, воображаютъ, что всѣмъ тѣмъ, чего надѣются, наслаждаются уже, какъ настоящимъ и повергнымъ къ ихъ ногамъ. Праздной и безпечной душѣ свойственъ этотъ недугъ въ бодрственномъ состояніи тѣла видѣть сны. Посему слово, останавливая легкомысліе сердца и надмѣніе помысловъ, и какъ-бы нѣкоторою уздою сдерживая непостоянство мысли, даетъ сію великую и мудрую заповѣдь, говоря: *внемли себѣ*—не предполагай несуществующаго, но располагай настоящимъ къ пользѣ своей.

Внемли себѣ. Думаю, что Законодатель употребилъ сіе увѣщаніе и для искорененія слѣдующей обычной намъ страсти. Поелику каждому изъ насъ легче любопытствовать о чужомъ, нежели разсматривать свое собственное; то, чтобы не случилось этого съ нами, сказано: перестань со тщаніемъ наблюдать пороки въ другомъ, не давай времени помысламъ испытывать чужія немощи, но *себѣ внемли*, то-есть—обрати духовное око на собственное изслѣдованіе себя самаго. Ибо многіе, по Слову Господню, замѣчаютъ *сучецъ, иже во оцѣ брата, бервна же, еже есть во оцѣ* ихъ не видятъ (Мато. 7. 3). Поэтому, не переставай изслѣдовать себя самаго, точно-ли ведешь ты жизнь по заповѣди; но не смотри на внѣшнее, чтобы можно тебѣ было найдти въ комъ нибудь достойное порицаніе, по примѣру того

жестокаго и высокомѣрнаго фарисея, который стоялъ, оправдывая себя и уничижая мытаря. Напротивъ того, не переставай судить себя самаго: не согрѣшилъ-ли ты въ чемъ помышленіемъ? Не поползнулся-ли на что языкъ, предваряя мысли? Не совершено-ли въ дѣлахъ рукъ твоихъ что-нибудь необдуманное? И если найдешь много прегрѣшеній въ жизни своей (а найдешь, безъ сомнѣнія, потому что ты человѣкъ): то скажи словами мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* (Лук. 18, 13).

Внемли себѣ. Если ты благоденствуешь, живешь свѣтло, и вся жизнь твоя несется по теченію, то это изреченіе будетъ тебѣ полезно, какъ добрый совѣтникъ, напоминающій о судьбѣ человѣческой. И если ты угнетенъ обстоятельствами, оно благовременно будетъ услаждать сердце, чтобы тебѣ отъ кичливости не превознестись до неномѣрной гордыни, и съ отчаянія не впасть въ малодушное уныніе. Гордишься ты богатствомъ, величаешься предками, восхищаешься отечествомъ, красотою тѣлесною, воздаваемыми отъ всѣхъ почестями! *Внемли себѣ*, что ты смертенъ, что *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Посмотри на тѣхъ, которые прежде тебя жили въ подобной знатности. Гдѣ облеченные гражданскимъ могуществомъ? Гдѣ непреборимые витіи? Гдѣ распоряжавшіеся празднествами знаменитые содержатели коней, военачальники, сатраны, властители? Не все-ли прахъ? Не все-ли баснь? Не малое-ли число костей осталось памятникомъ ихъ жизни? Загляни въ гробы: возможешь-ли отличить, кто слуга и кто господинъ, кто бѣдный и кто богатый? Отличи, если есть у тебя возможность, узника отъ царя, крѣпкаго отъ немощнаго, благообразнаго отъ безобразнаго. Поэтому, помня свою природу, никогда не пре-

возносись. Будешь же помнить себя, если будешь *внимать себѣ.*

Если ты человѣкъ низкаго рода, не славный, ты бѣдникъ изъ бѣдняковъ, нѣтъ у тебя ни дома, ни отечества, ты немощенъ, не имѣешь насущнаго пропитанія, трепещешь людей сильныхъ, всѣхъ боишься по причинѣ низкаго своего состоянія: то не отчаявайся въ себѣ, и не теряй вовсе доброй надежды отъ того, что въ настоящемъ нѣтъ для тебя ничего завиднаго, но возведи душу свою къ благамъ, какія даны уже тебѣ отъ Бога, и какія по обѣтованію уготованы впослѣдствіи.— Во-первыхъ, ты человѣкъ, единственное изъ живыхъ земныхъ существъ, непосредственно Самимъ Богомъ созданное существо. Ужели разсуждающему здравомысленно и сего недостаточно, для высшей степени благодушія,— быть созданнымъ собственными руками все устроившаго Бога?.. Неужели недостаточно и того, что, сотворенный по образу создавшаго тебя, ты можешь—доброю жизнію достигнуть равночестія съ Ангелами?.. Ты получилъ разумную душу, которою уразумѣваешь Бога, проникаешь разсудкомъ въ природу сущаго, пожинаешь сладчайшій плодъ мудрости. Всѣ животныя, какъ водящіяся на сушѣ—и кроткія и свирѣпыя, такъ и живущія на водахъ и летающія въ семъ воздухѣ, тебѣ порабощены и подчинены. Не ты-ли изобрѣлъ искусства, построилъ города, придумалъ все и необходимое и служащее къ роскоши? Не твой-ли разумъ сдѣлалъ для тебя моря проходимыми? Земля и море не служитъ-ли твоей жизни? Воздухъ, небо и сонмы звѣздъ не показываютъ-ли тебѣ своего стройнаго чина? Почему же малодушествуешь отъ того, что у тебя нѣтъ среброуздаго коня? Но есть у тебя солнце, которое, въ самомъ быстромъ своемъ теченіи, впродолженіи всего дня, носитъ

предъ тобою свѣтильникъ. У тебя нѣтъ блещущаго золота и серебра: но есть луна, которая озаряетъ тебя своимъ въ тысячу разъ бо̀льшимъ свѣтомъ. Не восходишь ты на златокованныя колесницы: но есть у тебя ноги,—эта собственная и природная твоя колесница. Для чего же ублажаешь людей, которые накопили полные карманы и, чтобъ перейти съ мѣста на мѣсто, имѣютъ нужду въ чужихъ ногахъ!.. Не спишь ты на ложѣ изъ слоновой кости; но имѣешь у себя землю, которая дороже множества слоновыхъ костей,—имѣетъ сладкое на ней упокоеніе, скорый и беззаботный сонъ. Не лежишь ты подъ золотою кровлею; но имѣешь надъ собою небо, сіяющее неизреченными красотами звѣздъ. Но это еще человѣческое, а есть и другое—болѣе важное. Для тебя Богъ между человѣками,—для тебя раздаяніе даровъ святаго Духа, разрушеніе смерти, надежда воскресенія, Божіи повелѣнія, усовершающія жизнь твою, восхожденія къ Богу съ помощію заповѣдей, уготованное царство небесное, вѣнцы правды, готовые для неуклоняющагося отъ подвиговъ добродѣтели.

Если позаботишься *внимать себѣ*, то все сіе и еще большее найдешь около себя; и какъ насладишься настоящимъ, такъ не будешь малодушествовать въ скудости. Сія заповѣдь, повсюду находясь передъ твоими глазами, будетъ подавать великую помощь.—Напримѣръ: гнѣвъ овладѣлъ твоимъ разсудкомъ, и раздражительность влечетъ тебя къ неприличнымъ рѣчамъ, жестокимъ и звѣрскимъ поступкамъ! Если *внимать себѣ*, то усмиришь гнѣвъ, какъ упрямаго и нетерпящаго узды молодаго коня, поражая его, какъ бичемъ, ударомъ сего слова: удержишь и языкъ, не возложишь и рукъ на огорчившаго. Опять, худыя пожеланія, распаляя твою

душу, ввергаютъ ее въ неудержимыя и нечестивыя стремленія? Если *внемлешь себѣ*, и вспомнишь, что это, въ настоящемъ для тебя сладостное, будетъ имѣть горькій конецъ, это,—нынѣ отъ удовольствія происходящее въ нашемъ тѣлѣ щекотаніе,—породитъ ядовитаго червя, который будетъ безконечно мучить насъ въ геенѣ, и—что это разженіе плоти будетъ матерью вѣчнаго огня; то удовольствія тотчасъ исчезнутъ, обратившись въ бѣгство, и въ душѣ произойдетъ какая-то чудная внутренняя тишина и безмолвіе, подобно тому, какъ, въ присутствіи цѣломудренной госпожи, умолкаетъ шумъ рѣзвыхъ служанокъ. Поэтому, *внемли себѣ* и знай, что одно въ душѣ—разумное и духовное, другое—страстное и неразумное, и—что первому по природѣ принадлежитъ господство, а прочему—повиновеніе и послушаніе разуму. И такъ, не попускай, чтобы когда-нибудь порабощенный умъ сталъ слугою страстей, и опять, не позволяй страстямъ возставать противъ разума и присвоять себѣ владычества надъ душею.

Вообще же, точное соблюденіе себя самаго дастъ тебѣ достаточное руководство и къ познанію Бога. Ибо, если будешь *внимать себѣ*, то не будешь имѣть нужды —искать слѣдовъ Зиждителя въ устройствѣ вселенной, но въ себѣ самомъ, какъ-бы въ маломъ нѣкоемъ мірѣ, усмотришь великую премудрость своего Создателя. Изъ безплотности находящейся въ тебѣ души уразумѣвай, что и Богъ безплотенъ. Знай, что Онъ не ограниченъ мѣстомъ, потому что и твой умъ не имѣетъ предварительнаго пребыванія въ какомъ-нибудь мѣстѣ, но только, по причинѣ соединенія съ тѣломъ, находитъ себѣ извѣстное мѣсто. Познавъ собственную свою душу, вѣруй, что Богъ невидимъ, потому что и она непостижима тѣлесными очами. Она не имѣетъ ни цвѣта,

ни вида, не объемлется какимъ-либо тѣлеснымъ очертаніемъ, но узнается только по дѣйствіямъ. Потому и въ разсужденіи Бога не домогайся наблюденія съ помощію очей, но, предоставивъ уму вѣру, имѣй о Богѣ умственное понятіе. Дивись Художнику, какъ силу души твоей привязалъ Онъ къ тѣлу, такъ что, простираясь до его оконечностей, наиболѣе отдаленные между собою члены приводитъ въ одно согласіе и общеніе. Разсмотри, какая сила сообщается тѣлу душею, и какое сочувствіе возвращается отъ тѣла къ душѣ: какъ тѣло пріемлетъ жизнь отъ души, и душа пріемлетъ болѣзненныя ощущенія отъ тѣла; какія въ ней сокровищницы познаній; отчего знаніемъ прежняго не помрачается изучаемое вновь, но воспоминанія сохраняются неслитными и раздѣльными, будучи начертаны во владычественномъ души, какъ-бы на мѣдномъ какомъ столпѣ; какъ душа, поползнувшаяся въ плотскія страсти, губитъ свойственную ей красоту, и какъ опять, очистившись отъ грѣховнаго срама, чрезъ добродѣтель, восходитъ до уподобленія Творцу.

Внемли, если угодно тебѣ, по разсмотрѣніи души, и устройству тѣла: и подивись, какое приличное виталище устроилъ разумной душѣ наилучшій Художникъ.— Изъ всѣхъ животныхъ одному человѣку далъ Онъ прямое положеніе тѣла, чтобы, по самому наружному виду, могъ ты разумѣть, что жизнь твоя ведетъ начало свыше. Всѣ четвероногія смотрятъ въ землю и потуплены къ чреву; а у человѣка взоръ обращенъ къ небу, чтобы онъ не предавался чреву и плотскимъ страстямъ, но имѣлъ всецѣлое стремленіе къ горнему шествію. Потомъ, помѣстивъ голову на самомъ верху тѣла, Богъ водрузилъ въ ней наиболѣе достойныя чувства.—Тамъ— зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе: всѣ они размѣщены

вблизи другъ отъ друга. И при такомъ стѣсненіи ихъ въ маломъ пространствѣ, ни одно не препятствуетъ дѣйствованію сосѣдняго съ нимъ чувства.—Глаза заняли самую высшую стражбу, чтобы ни одна часть тѣла не преграждала имъ свѣта и, чтобы, находясь подъ небольшимъ прикрытіемъ бровей, они могли прямо устремляться съ горней высоты. Опять, слухъ открытъ не по прямому направленію, но звуки, носящіеся въ воздухѣ, принимаетъ въ извитый входъ. И высочайшая премудрость видна въ томъ, что и голосъ проводитъ безпрепятственно, или лучше сказать, звучитъ, преломляясь въ изгибахъ, и ничто отвнѣ привходящее не можетъ быть препятствіемъ ощущенію его. Изучи природу языка, какъ онъ мягокъ и гибокъ, и—по разнообразію движеній—достаточенъ для всякой потребности слова. Зубы суть вмѣстѣ и орудія голоса, доставляя крѣпкую опору языку, и вмѣстѣ служатъ при вкушеніи пищи: одни разсѣкаютъ, другіе размельчаютъ ее. И такимъ образомъ, разсматривая все, съ надлежащимъ разсужденіемъ, и изучая втягиваніе воздуха легкими, сохраненіе теплоты въ сердцѣ, орудія пищеваренія, проводники крови,—во всемъ этомъ усмотришь неизслѣдимую премудрость своего Творца, такъ что и самъ ты скажешь съ пророкомъ: *удивися разумъ твой отъ мене!* (Пс. 138, 6).

Итакъ, *внемли себѣ*, чтобы внимать Богу, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

Видите, возлюбленніи, какъ это, повидимому, малое слово—*внемли себѣ*,—какъ оно содержательно и всеобъемлюще! Лучи его простираются на всѣ существенные предметы христіанской необходимости, и—ярко

освѣщаютъ ихъ. Сила этого малаго слова такъ велика, что кто крѣпко держится за него, въ сердце того никакъ не войдетъ и мысли о какомъ-нибудь тайномъ беззаконіи: все грѣховное имъ будетъ отражено. Такъ и видно, что это могучее слово, съ такою силою раскрытое, такъ блистательное уясненное, и такъ широко, какъ золотая сѣть, раскинутое на всѣхъ и на все,—излилось изъ устъ такого человѣка, у котораго „красотою была добродѣтель, величіемъ—Богословіе, шествіемъ—непрестанное стремленіе и приближеніе къ Богу, силою—сѣяніе, а славою—раздаяніе слова". О, если-бы и намъ грѣшнымъ послалъ Господь, хоть по капелькѣ, изъ этихъ доблестей! Но мы можемъ питать на это несомнѣнную надежду, если изучимъ, поймемъ и будемъ держать у себя это слово всегда предъ глазами и подъ руками, какъ твердый и самый надежный *якорь спасенія* нашего, въ бурномъ житейскомъ морѣ.

Въ началѣ настоящей своей бесѣды, святой авторъ ея Василій Великій замѣчательно изображаетъ, что мысли и слова вообще заготовляются въ тайникахъ сердца, какъ-бы въ нѣкоторыхъ сокровищницахъ, (или —въ тихой и безопасной пристани, какъ-бы въ лиманѣ или въ заливѣ морскомъ); потомъ, когда мысль наша получитъ знаменующій ее звукъ, управляемый языкомъ, выходитъ уже и въ открытое море, переносясь въ словѣ, какъ ладьѣ, и, переплывъ чрезъ воздухъ, отъ говорящаго переходитъ къ слушающему. Такимъ образомъ, если слово найдетъ въ слушателяхъ глубокую тишину и безмолвіе, то укрывается въ слухѣ поучающихся,—проносится свободно далѣе и далѣе, по всему безграничному морю житейскому, и всѣхъ обнимаетъ собою.

Если же въ слушателяхъ, подобно жестокой бурѣ, возстанетъ смятеніе и треволненіе,—то слово, разсѣявшись въ воздухѣ, не достигаетъ слуха волнующихся и мятущихся—претерпѣваетъ кораблекрушеніе.

Возьмите это во вниманіе, укротите въ душахъ и сердцахъ вашихъ всѣ бури житейскія и грѣховныя, смущающія и волнующія васъ, дабы не лишиться слова. Напротивъ, водворите въ себѣ тишину и спокойствіе; и слово водворится въ васъ, какъ въ спокойной и безмятежной пристани.

2007041618